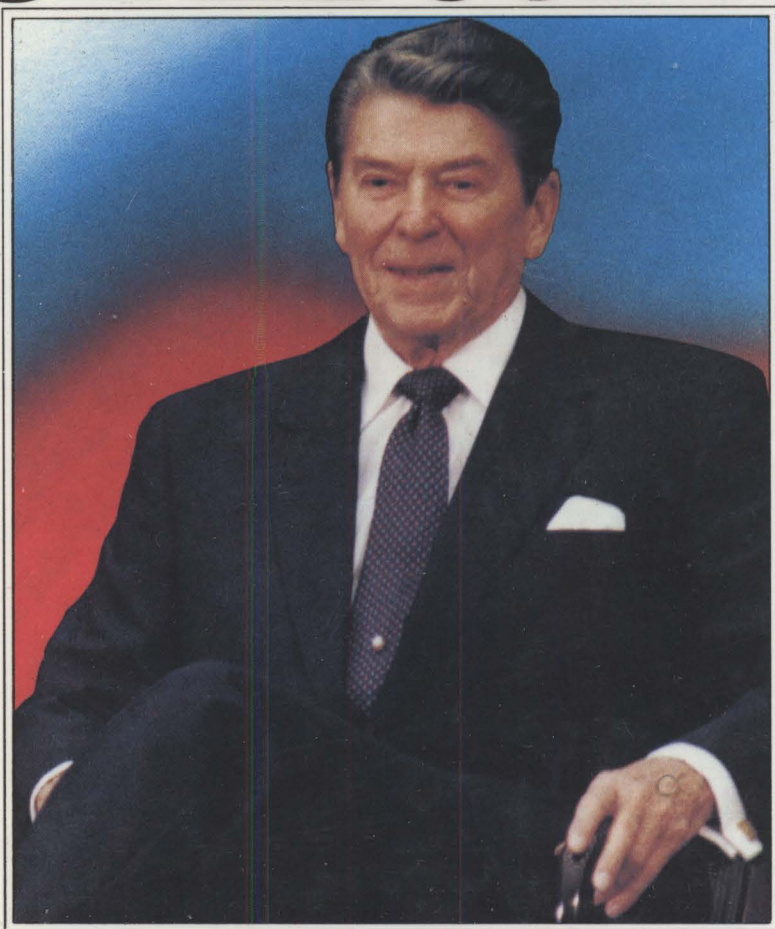

Откровенно говоря

Р. Рональд Рейган

Откровенно говоря

Р. Рональд
Рейган

Новості

Новості

Откровенно говоря
★★★★★★★★★★★★

SPEAKING MY MIND

BY

Ronald Reagan

SELECTED SPEECHES

SIMON AND SCHUSTER

NEW YORK • LONDON • TORONTO • SYDNEY • TOKYO

Откровенно говоря

Р. Рональд
Рейган

Избранные речи

Перевод с английского

Новости

МОСКВА, 1990

ББК 66.3(7США)
Р35

Р 4502010000 Без объявл.
067(02)-90

© 1989 by Ronald W. Reagan
All rights reserved including the rights of reproduction in whole or in
part in any form
© С.Музалевский, перевод, 1990
© В.Анохин, художественное оформление, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	12
Предисловие	13

КАЛИФОРНИЙСКИЕ ГОДЫ

Выступление на Международном собрании клуба "Киванис", Сент-Луис, штат Миссури. 21 июня 1951 года	17
Выступление по национальному телевидению в поддержку сенатора Барри Голдуотера. 27 октября 1964 года	22
Собрание по сбору средств в колледже Эйзенхауэра, Вашингтон, округ Колумбия. 14 октября 1969 года	36
Надгробная речь по случаю кончины Роберта Тейлора, Лос-Анджелес, штат Калифорния. 11 июня 1969 года	44
Общенациональные радиопередачи	48

1981

- Речь при вступлении на пост президента, Западный фасад Капитолия. 20 января 1981 года 55
- Обращение к нации об экономике, Овальный кабинет. 5 февраля 1981 года 63
- Заявление в связи с забастовкой авиационных диспетчеров, Розовый сад Белого дома. 3 августа 1981 года 73
- Выступление на 84-м ежегодном обеде Ирландского американского исторического общества, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. 6 ноября 1981 года 76
- Выступление на конференции Консервативного комитета политического действия, Вашингтон, округ Колумбия. 20 марта 1981 года 81
- Выступление при отъезде американской делегации на похороны президента Анвара Садата, Южная лужайка Белого дома. 8 октября 1981 года 90

1982

- Выступление в парламенте Великобритании, Вестминстерский дворец. 8 июня 1982 года 95
- Обед выпускников колледжа "Юрика", Пиория, штат Иллинойс. 9 мая 1982 года 109
- Выступление на церемонии спуска на воду линкора "Нью-Джерси", Лонг Бич, штат Калифорния. 28 декабря 1982 года 115
- Ежегодная национальная утренняя молитва, Вашингтон, округ Колумбия. 4 февраля 1982 года 123
- Рождественское радиообращение к нации. 25 декабря 1982 года 127

1983

- Выступление на совместном заседании конгресса о положении в Центральной Америке. 27 апреля 1983 года 133
- Приветственное выступление перед финалистами национального школьного конкурса по орфографии, Розовый сад Белого дома. 6 июня 1983 года 147
- Выступление по случаю дня рождения Мартина Лютера Кинга, Восточная гостиная Белого дома. 15 января 1983 года 149
- Выступление на ежегодной конференции Национальной ассоциации евангелистов, Орландо, штат Флорида. 8 марта 1983 года 152
- Выступление при посмертном награждении медалью береговой охраны США Арланда Д. Уильямса-младшего, Овальный кабинет. 6 июня 1983 года 164
- Обращение к нации по поводу событий в Ливане и на Гренаде, Овальный кабинет. 27 октября 1983 года 167

1984

- Речь при получении мандата на выдвижение кандидатом в президенты от Республиканской партии, Даллас, штат Техас. 23 августа 1984 года 181
- Выступление у памятника американскому солдату, Пуэнт-дю-Ок, Франция. 6 июня 1984 года 198
- Выступление на церемонии, посвященной высадке в Нормандии, Омаха-Бич, Франция. 6 июня 1984 года 204
- Выступление перед жителями Беллипорина, Беллипорин, Ирландия. 3 июня 1984 года 208

Выступление на обеде Ала Смита, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. 18 октября 1984 года 212

Выступление на митинге в Фэрфилде, штат Коннектикут. 26 октября 1984 года 216

1985

Обращение к нации в связи с предстоящей американо-советской встречей в верхах в Женеве, Овальный кабинет. 14 ноября 1985 года 227

Выступление в бывшем концлагере "Берген-Бельзен" и на военно-воздушной базе Битбург, Федеративная Республика Германии. 5 мая 1985 года 236

Выступление при вручении президентской медали Свободы матери Терезе, Розовый сад Белого дома. 20 июня 1985 года 245

Выступление на ежегодном обеде конференции Консервативного комитета политического действия, Вашингтон, округ Колумбия. 1 марта 1985 года 249

Выступление на поминальной службе по бойцам 101-й воздушно-десантной дивизии, Форт-Кэмпбелл, штат Кентукки. 16 декабря 1985 года 258

1986

Обращение к нации в связи с операцией американской авиации против Ливии, Овальный кабинет. 14 апреля 1986 года 263

Обращение к нации в связи с аварией "Чэлленджера", Овальный кабинет. 28 января 1986 года 268

Выступление на обеде в честь Томаса О'Нила, Вашингтон, округ Колумбия. 17 марта 1986 года 271

Выступление на праздновании столетия статуи Свободы, Остров Говернорс. 3 июля 1986 года	274
Выступление при подписании законопроекта о налоговой реформе, Южная лужайка Белого дома. 22 октября 1986 года	279
Обращение к нации по возвращении со встречи с Генеральным секретарем Горбачевым, Овальный кабинет. 13 октября 1986 года	284
Встреча с бывшим заложником Дэвидом Джэкобсеном и журналистами, Розовый сад Белого дома. 7 ноября 1986 года	293

1987

Выступление при подписании Договора по РСМД, Белый дом, Восточная гостиная. 8 декабря 1987 года	299
Выступление на поминках по Малькольму Болдриджу, Национальный собор в Вашингтоне. 29 июля 1987 года	304
Выступление на церемонии чествования жителей города Чейз, штат Мэриленд. 3 февраля 1987 года	308
Обращение к нации в связи с докладом комиссии Тауэра, Овальный кабинет. 4 марта 1987 года	311
Выступление на поминальной службе по членам команды американского военного корабля "Старк", военно-морская база Мэйпорт, Джексонвилль, штат Флорида. 22 мая 1987 года	318
Выступление у Бранденбургских ворот, Западный Берлин. 12 июня 1987 года	324

Выступление на поминках Эдит Локет Дэвис, Римская католическая церковь апостола Фомы, Феникс, штат Аризона. 31 октября 1987 года 333

1988

Выступление на дне ветеранов, мемориал ветеранам войны во Вьетнаме. 11 ноября 1988 года 339

Выступление на обеде для журналистов Белого дома, Вашингтон, округ Колумбия. 21 апреля 1988 года 344

Выступление и ответы на вопросы на встрече со студентами Московского государственного университета. 31 мая 1988 года 347

Выступление на предвыборном митинге в поддержку вице-президента Буша, Сан-Диего, штат Калифорния. 7 ноября 1988 года 366

Чествование госпожи Рейган, национальная конференция Республиканской партии, Новый Орлеан, штат Луизиана. 15 августа 1988 года 376

1989

Прощальное обращение к нации, Овальный кабинет. 11 января 1989 года 381

Остроты и мудрые мысли Рональда Рейгана 393

Народу Америки посвящается

Предисловие к русскому изданию

Я очень рад, что "Откровенно говоря" выходит в свет на русском языке. Надеюсь, что эти речи и мои комментарии к ним позволят читателю расширить свои знания об Америке и получить представление о взглядах, которые мы исповедуем.

Некоторые из этих выступлений посвящены американско-советским отношениям. На протяжении своей жизни я произнес очень много речей, но наиболее важными были те из них, которые касались отношений между сверхдержавами и их совместных усилий по установлению всеобщего мира. Я убежден, что один из наиболее успешных методов улучшения взаимопонимания между нашими двумя народами заключается в расширении контактов. Возможно, и данная книга внесет свой положительный вклад. Одной из наиболее важных речей, включенных в настоящую книгу, я считаю речь перед студентами и преподавателями Московского государственного университета. У меня остались теплые чувства от поездки в Советский Союз, и я всегда буду помнить то время, когда я выступал в МГУ и беседовал со студентами, юношами и девушками, которые скоро будут руководить вашей страной.

В последнее время как в Советском Союзе, так и в Восточной Европе много говорится о праве народов жить в свободном обществе, где можно высказывать любые мысли. Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы убедитесь, что Соединенные Штаты не представляют угрозы ни одной стране и что мы желаем только мира и свободы для всех народов Земли.

Предисловие

Часто я представляю себе, как лет через двести кто-нибудь, разбирая старый сундук, наткнется на эту книжку. Страницы ее к тому времени пожелтеют, станут ветхими и полуистлевшими, что уж говорить обо мне, к тому времени давным-давно похороненном. Но мне хочется верить, что тот, кто прочтет этот сборник, узнает меня как президента и как человека. Надеюсь также, что этот будущий читатель узнает хоть немного и об Америке, которую знал и любил я.

Эта книга не о политике. Я не считал необходимым включать в нее речи по проблемам образования, сельского хозяйства, социальным вопросам и так далее. Не включил ни одного своего выступления о положении в стране. Не ставил своей целью написать точную историю периода правления Рейгана.

Я отобрал выступления, которые помогли бы узнать, каков я есть, откуда родом, во что верю и что пытался сделать. Надеюсь, что этот сборник станет своеобразным рассказом, во всяком случае, я представляю его именно так, и пусть каждый сделает из этого рассказа свои выводы.

Все речи, вошедшие в книгу, печатаются по стенографическим записям без каких-либо исправлений моих оговорок и без изъятия высказываний о тех надеждах, которые не сбылись. Я не хочу редактировать тексты, потому что не хочу редактировать историю. Я отдаю себя в руки судьбы.

Публичные выступления занимали значительное место в моей жизни. Некоторые мои противники говорят, что я стал президентом благодаря тому, что в прошлом был актером и поэтому умел выступать. Думаю, что в этом есть доля истины, ибо актер владеет двумя важными навыками – быть честным в

поступках и контактировать с аудиторией. Это, кстати, полезно и для политика. Мой актерский инстинкт подсказывал мне говорить правду, как я понимал и видел ее.

Не думаю, что столь высокий пост я смог занять только благодаря моему ораторскому искусству. Просто в моих речах содержались некоторые общие истины, доступные обычному американцу. Когда в выступлениях я стал касаться политических вопросов, то понял, что мои слушатели так же недовольны правительством, как и я. Мои слова были понятны простым американцам, а именно они, простые американцы, выбирают президентов Соединенных Штатов.

Это как раз то, что случилось со мной.

КАЛИФОРНИЙСКИЕ ГОДЫ

Выступление на Международном собрании клуба "Киванис"

Сент-Луис, штат Миссури
21 июня 1951 года

Позвольте начать с того, с чего начинает актер вроде меня. В Голливуде в те времена, когда я там был, если ты не шел и не танцевал, то приходилось становиться оратором. Публичные выступления были в то время частью жизни любого артиста. Зрители хотели видеть и слышать своих любимцев не только на экране, но и в жизни.

Будучи членом правления, а позднее и президентом Гильдии киноактеров, я частенько оказывался в сложных ситуациях. Голливуд стал темой моих выступлений, в которых я старался изменить ложное представление о здешней развеселой, беспутной жизни, созданное падкими до сенсаций журналистами.

Вспоминая все это, я понимаю, что уже тогда обсуждал политические вопросы. Помню, я говорил о предложенном сенату США плане введения лицензий для актеров. Предполагалось, что лицензии будет выдавать конгресс и к съемкам в фильмах будут допускаться только актеры, отвечающие определенным моральным требованиям. В своих речах я выражал возмущение подобным вмешательством правительства. Я напоминал, что в то время в тюрьме отбывали наказание два сенатора. И ни одного актера. Это всегда вызывало смех в зале.

Я также всегда обращал внимание на дискриминацию правительством моих коллег по Голливуду. Это проявлялось прежде всего в отношении налогов. Именно тогда я понял, что у правительства весьма сложные отношения с деловыми круга-

ми. Все больше людей стали подходить ко мне после моих выступлений, чтобы рассказать, с чем они сталкиваются в своей работе. Постепенно тема собственно Голливуда стала занимать все меньше места в моих выступлениях и превратилась лишь в своеобразное вступление к речам, в которых я показывал растущую несправедливость правительства по отношению к гражданам и призывал к тому, чтобы заставить правительство вновь стать "слугой народа".

Через десять лет после краткой, схематичной речи, которую вы сейчас прочтете, я стал уже по 50 минут говорить о злоупотреблениях правительства. Слушателей всегда удивляло, что актера могут интересовать такие вещи. Мне кажется, они просто забывали, что я еще и гражданин.

Но я забегаю вперед. Позвольте вначале познакомить вас с речью, с которой я обычно выступал в Голливуде. Я произнес ее в 1951 году на Международном собрании клуба "Киванис" в Сент-Луисе. Конечно, как правило, я добавлял свежий анекдот и делал замечания применительно к аудитории, но именно из такого желудка выросло дерево моего искусства политических выступлений.

Я хотел бы поговорить с вами так, как ведущий телевизионной программы путешествий говорит о малоизвестной заморской стране. Правда, об этой стране пишут больше, чем о любом другом месте в мире, если не считать столицы – Вашингтона. Более 450 корреспондентов освещают жизнь центра киноиндустрии в Голливуде, штат Калифорния. И тем не менее эта страна остается самым неисследованным местом на земле.

О людях, с которыми я живу в одном городе и занимаюсь одним делом, существует, пожалуй, больше ошибочных представлений и дезинформации, чем о ком бы то ни было. Отчасти это происходит из-за того, что среди 450 представителей прессы, честно выполняющих свои обязанности по сбору и распространению новостей, есть и любители "жареного". Это люди, которые из-за отсутствия журналистской чести не могут добросовестно собрать и изложить информацию. Имея для

своих статей всего несколько сот героев, заслуживающих внимания, и ежедневно сталкиваясь с необходимостью заполнить свою колонку, они пошли по самому легкому пути – по пути сбора сплетен. В основе их работы лежит неправильная мысль о том, что американцы хотят узнать самое плохое, а не самое хорошее. Когда им срочно нужно дать материал, они выдумывают то, чего не было.

В результате у вас в городе, да и везде в Америке создалось впечатление, что мир кино заполнили ненормальные, экстравагантные, аморальные люди, легко меняющие жен и мужей и совершенно друг друга не уважающие. Существует также представление, что если мы и интересуемся политикой, то только потому, что якобы мы отпетые коммунисты.

То, что я сейчас сказал, не выдуманно мною, а взято из результатов обследования, цель которого выяснить, что вы на самом деле думаете о тех, кто живет в Голливуде. Следовательно, вас немного удивит, что люди мира кино – не трубадуры, не бродячие артисты, которые заезжали иногда в ваш город, жили недельку в фургоне, а потом ехали дальше. Они – часть большого коллектива. А в силу огромной сложности киноиндустрии эти люди, как и все другие, работают целый день – утром уходят на работу, а вечером возвращаются домой. Они стригут свои газоны, у них есть собственные дома. У 70% из них высшее образование, а некоторые имеют и ученую степень, в то время как в среднем по стране этот показатель равен 28%. Женаты среди моих коллег – 79%, у 70% это первый брак, у 70% есть дети, 61% регулярно ходят в церковь.

Они составляют всего один процент населения Лос-Анджелеса, однако их доля в общей сумме пожертвований города в фонды милосердия достигает 12%. Каждый четвертый работник киноиндустрии служил в армии во время последней войны.

И это лишь несколько фактов из жизни нашей общины, которыми мы можем гордиться. Но есть и факты, которые нас не радуют. Нам не нравится, что уровень разводов в Голливуде составляет 30%. Но еще больше нам не нравится, что в целом по стране он составляет 40%. Мы бы хотели, чтобы другие регионы равнялись на нас.

Равнодушное отношение общественности, у которой сложилось неверное впечатление о нас, дает некоторым нашим противникам, противникам демократии и нашего образа жизни, повод думать, что они нашли течь в плотине. Они испол-

зуют кинематографию для нападков на некоторые американские институты и принципы. Нам всем нужно понять, что нельзя поступиться свободой в чем-то, не потеряв свободу во всем.

Если вы готовы позволить оклеветать часть общества или представителей какой-либо профессии, даже не попытавшись узнать истину, та же участь может постичь все остальные слои общества и представителей всех других профессий.

Вы знаете, что коммунисты пытались проникнуть в кинематограф, вы знаете также, что мы боролись с этим и сейчас их в кинематографе нет. Но кинематограф используется и для других, более коварных и не столь очевидных посягательств на наши демократические институты. Так, ни одна другая отрасль не подвергалась таким дискриминационным налогам, как работники кинематографа. И дело не в том, что каждый может сказать: "Им всем в Голливуде платят слишком много, пусть они и раскошелятся", а в том, что если властям это сойдет с рук, то они скоро доберутся и до вашего кармана.

Другой пример подрыва кинематографа, представляющего наибольшую опасность для нашей американской свободы, – это цензура. Не найдется американца, который поддержал бы введение контроля за свободой нашей прессы и свободой слова, и все же в течение последних пятнадцати лет мы миримся с этим, несмотря на наличие отраслевого кодекса, принятого самой киноиндустрией.

Политическая цензура существует в восьми штатах и более чем в 200 городах США.

Сознаете ли вы, что воспитываете целое поколение американцев, признающих допустимость того, что кто-то будет указывать, что можно, а что нельзя слушать и смотреть с киноэкрана? Не задумываетесь ли вы, что пройдет совсем немного времени, прежде чем они созреют, чтобы сказать: "Ну что же, теперь мы можем пойти немного дальше. Теперь мы будем указывать вам, что можно читать"? А откуда совсем недалеко до того, чтобы перейти к указаниям, что можно говорить, а потом – о чем думать.

Я стремился исправить сложившееся у вас неверное представление о Голливуде, чтобы вы в свою очередь смогли рассказать об этом у себя дома. Ведь это и ваша борьба, а не только наша. Рассказать вам все это и попросить передать наш разговор вашим друзьям и соседям меня побудило то, что, по нашему мнению, киноиндустрия действует в лучших традици-

ях свободного предпринимательства. Мы никогда не обращались к правительству за кредитами или субсидиями. У нас и сейчас человек имеет все возможности для проявления инициативы. Мы живем по-американски. Любой, кто придет к нам, может достичь всех высот. Все зависит от способностей и таланта.

Нам кажется, что народ должен присоединиться к нам в борьбе за защиту тех свобод, тех американских принципов, которые нарушаются в киноиндустрии. Короче говоря, мы хотели бы привлечь вас на свою сторону, потому что нам кажется, мы стоим на вашей стороне уже очень давно.

Выступление по национальному телевидению в поддержку сенатора Барри Голдуотера

---

27 октября 1964 года

Случилось так, что через некоторое время мои выступления перестали принадлежать только мне. У меня было вполне искреннее желание – обнажить политику вмешательства и деспотизма центрального правительства. В то время я был ведущим телепрограммы "Дж.Э.-Театр"* . Мой контракт с компанией позволял мне посещать местные Ротари-клубы, торговые палаты и другие организации в городах, где находились предприятия и представительства фирмы "Дженерал электрик".

Эти организации издавали и распространяли тексты моих выступлений, что стало привлекать ко мне всеобщее внимание. Тогда я и узнал, что считаюсь самым популярным оратором в стране после президента Кеннеди. Затем я начал замечать весьма интересную закономерность. Приезжая в очередной город, мне сообщали, что в нем уже находится член кабинета Кеннеди. Через некоторое время я понял, что это не случайно. Думаю, их не устраивало, что я пользуюсь слишком большим вниманием.

Вы, должно быть, знаете, что до 60-х годов я неизменно был сторонником демократов. Когда я впервые участвовал в выборах, то отдал свой голос за Франклина Делано Рузвельта. В его предвыборную платформу были включены требования сократить федеральные расходы, уничтожить бесполезные федеральные органы и комиссии, вернуть штатам, местным органам и народу ту власть, которой они были незаконно лишены.

---

*Телесериал фирмы "Дженерал электрик".

Эта же тема присутствовала и в моих выступлениях. Но однажды, возвратившись из очередной поездки, я сказал Нэнси, что мне вдруг пришло в голову: в своих речах я говорю о недостатках правительства и в то же время каждые четыре года выступаю в поддержку тех, кто эти недостатки допускает.

В результате я сменил партию и в 1964 году стал сопредседателем движения "Калифорнийцы за Барри Голдуотера". Я объездил весь штат вдоль и поперек с речью, которая мало чем отличалась по форме и содержанию от моих выступлений для "Дж.Э. – Театр". Речь вроде бы нравилась.

За несколько недель до выборов я выступил вечером в районе Коконат Гроув в Лос-Анджелесе на собрании по сбору средств для Б. Голдуотера. По окончании ко мне обратилась делегация влиятельных республиканцев с просьбой выступить с этой речью по национальному телевидению, если им удастся собрать средства на покупку времени. Я согласился и предложил, что было бы неплохо собрать в студии небольшую аудиторию, чтобы я мог почувствовать ее реакцию. Они с радостью согласились.

За несколько дней до передачи мне позвонил сам сенатор Голдуотер и сказал, что выступление отменяется. Ему сообщили, что в речи я касаюсь вопросов социального обеспечения, а он именно за это подвергается нападкам. Я объяснил, что выступал с этой речью по всему штату и никто ничего плохого не сказал.

Его сторонники, конечно же, хотели вместо моего выступления еще раз показать телесюжет, в котором он и бывший президент Эйзенхауэр прогуливаются по полям фермы Айка* под Геттисбергом. Я сказал: "Барри, я не могу подарить тебе эфирное время, оно мне не принадлежит. Его купила группа частных лиц". "Ну ладно, – ответил он, – поскольку я твоей речи не видел и не слышал, я тебе позвоню попозже". Мне потом рассказывали, что, прослушав запись, которую ему достали, он сказал: "Какого черта? Что здесь плохого?"

Я все же чувствовал некоторое смущение, полагая, что выступление в поддержку кандидата в президенты по национальному телевидению – слишком крупная для меня игра. Я обдумывал ситуацию и начал уже сомневаться: "Господи! Человек баллотируется в президенты, а его команда занимается какими-то мелочами, все думая, что можно было бы улучшить. Может быть, они правы".

* Айк – так уменьшительно называли президента Эйзенхауэра.

В тот вечер, когда запись речи должна была пойти в эфир по каналу Эн-би-си, мы с Нэнси были в гостях у знакомых. Все считали, что я выступил хорошо, но в таких вещах никогда нельзя быть уверенным. Уже дома, около полуночи раздался телефонный звонок. Звонили из Вашингтона, где было в это время три часа ночи. Один из сотрудников Барри сказал, что телефон у них раскалился докрасна от звонков с предложениями денег на избирательную кампанию. Вот тогда я спокойно уснул. Моя речь принесла восемь миллионов в фонд кампании и вскоре изменила мою жизнь.

Предлагаю вам эту речь. Хотя я не давал ей названия, она стала известна как "Время выбора".

Диктор. Мы передаем в записи политическую программу, подготовленную телевидением для предвыборной кампании Голдуотера–Миллера от имени Барри Голдуотера, кандидата в президенты Соединенных Штатов от Республиканской партии. Дамы и господа, имеем честь представить вам глубокое и содержательное выступление Рональда Рейгана. Г–н Рейган...

Рональд Рейган. Большое спасибо и добрый вечер. Спонсора программы назвали, но против обыкновения выступающему не дали подготовленного текста, как это бывает в большинстве телепрограмм. Более того, мне разрешили сказать то, что я считаю нужным, и поделиться своими мыслями по поводу выбора, который нам предстоит сделать через несколько недель.

Большую часть своей жизни я был с демократами. Недавно я понял, что мне следует сменить курс. Я считаю, что стоящая перед нами проблема выходит за рамки партийных интересов. Одна из сторон, участвующих в этой кампании, заявляет, что главным вопросом на этих выборах является сохранение мира и процветания. Их тезис: "Никогда не было так хорошо!".

Меня же не оставляет тревожное чувство, что мы не можем строить свои надежды на будущее на таком процветании. За всю историю ни одна страна не смогла пережить налоговое бремя, превышающее треть национального дохода. 37 центов с каждого заработанного сегодня доллара идет в сейф сборщика налогов, и все же правительство продолжает в день тратить на 17 миллионов долларов больше, чем оно получает. Мы не име-

ли сбалансированного бюджета в течение 28 из последних 34 лет. Трижды за последний год мы повышали потолок задолженности, и сейчас наш национальный долг в полтора раза превышает долги всех стран мира, вместе взятых. В нашей казне на 15 миллиардов долларов золота, но нам не принадлежит ни унции. За границей накопилось 27,3 миллиарда долларов, а мы только что объявили, что наш нынешний доллар стоит всего 45 центов по курсу 1939 года.

Что же касается мира, который мы будем сохранять, то я хотел бы посмотреть на человека, который мог бы пойти к жене или матери, потерявшей во Вьетнаме мужа или сына, и спросить, такой ли мир должен быть сохранен. Хотят ли они мира, или они хотят, чтобы нас просто оставили в покое? Не может быть никакого мира, пока хотя бы один американец погибает за нас с вами. Мы воюем с самым опасным врагом, с которым когда-либо сталкивалось человечество на своем долгом пути от терний к звездам, и если мы проиграем эту войну, то потеряем нашу свободу. История фиксирует, на удивление потомкам, что те, кому было что терять, сделали меньше всех, чтобы предотвратить такое развитие событий. Вот я и думаю, что пора нам спросить себя, помним ли мы о свободах, о которых мечтали отцы-основатели нашего государства.

Не так давно два моих приятеля беседовали с кубинским беженцем, бизнесменом, сумевшим спастись от режима Кастро. И вот в разгар беседы один из них говорит другому: "Мы не понимаем своего счастья". Кубинец перебил его: "Счастье – это то, что мне было куда бежать". В этой фразе суть проблемы. Если мы утратим нашу свободу, не останется места, где можно спастись. Это – последнее убежище.

Мысль о том, что правительство имеет обязательства перед народом, что у него нет иных источников власти, кроме полномочий, предоставляемых суверенным народом, все еще остается самой свежей, уникальной мыслью за всю долгую историю отношений между людьми. Это – основной предмет дискуссии на нынешних выборах. Либо мы поверим в свои возможности управлять самостоятельно, либо предадим забвению американскую революцию и признаем, что группа интеллектуалов в далекой столице может планировать нашу жизнь лучше, чем мы это сделали бы сами.

Нам все чаще говорят, что мы должны выбрать между правыми и левыми, но я хочу сказать, что нет таких понятий, как "правые" и "левые". Есть только понятия "вверх" и "вниз", "вперед" и "назад". Вперед и вверх – к вековой мечте человечества –

к безусловной свободе личности, соответствующей законности и порядку, или вниз, назад – к муравейнику тоталитаризма. И вне зависимости от их искренности и гуманных побуждений те, кто решат обменять нашу свободу на безопасность, встанут на путь, ведущий вниз.

Сейчас, когда идет борьба за голоса избирателей, часто используется термин "великое общество". Несколько дней назад президент заявил, что следует признать наличие "растущей активности правительства в решении насущных проблем народа". Но в прошлом подобные заявления звучали более откровенно. То, что я сейчас процитирую, было опубликовано. Я не хочу, чтобы мои слова воспринимались как обвинения, выдвигаемые республиканцами. Среди самих демократов, например, раздаются заявления следующего рода: "...холодная война прекратится, если мы примем демократический социализм". Другие говорят, что стремление к прибыли вышло из моды и что на замену ему должно прийти всеобщее благоденствие или что наша традиционная система личной свободы не способна решить сложные проблемы двадцатого века.

Сенатор Фулбрайт сказал в Стэнфордском университете, что конституция устарела. Он назвал президента нашим духовным учителем и лидером и сказал, что действующие ограничения его полномочий, предусмотренные этим устаревшим документом, препятствуют выполнению им своих обязанностей. Ему нужно дать свободу сделать то, что он считает лучшим для нас.

А сенатор Кларк от Пенсильвании, другой замечательный оратор, определил либерализм как "удовлетворение материальных нужд масс путем предоставления всей власти централизованному правительству". Меня, например, возмущает то, что представитель народа называет нас – свободных граждан – "массы". Это термин, которым мы в Америке не пользуемся. Но это не все. "Полная власть централизованного правительства" – это именно то, что отцы-основатели стремились свести к минимуму. Они знали, что правительство не может воздействовать на неодушевленные предметы, не может управлять экономикой, не управляя людьми. И они сознавали, что, когда правительство попытается сделать это, оно должно будет использовать силу и принуждение для достижения своих целей. Они, отцы-основатели, знали также, что за пределами своих узаконенных функций правительство ничего не способно сделать так же хорошо и столь же экономично, как частный сектор экономики.

Прекрасным примером тому может служить вмешательство правительства в сельское хозяйство, продолжающееся на протяжении последних 30 лет. С 1955 года стоимость этой программы почти удвоилась. Четверть американских фермеров произвели 85% излишков сельскохозяйственной продукции. Три четверти фермеров торгуют на свободном рынке, и доля их продукции в душевом потреблении возросла на 21%. Деятельность оставшейся четверти регулировалась федеральным правительством. В течение последних трех лет мы затратили по программе кормового зерна 43 доллара на каждый доллар стоимости бушеля кукурузы, которую мы не выращиваем.

На прошлой неделе сенатор Хэмфри обвинил Барри Голдуотера, что если последний станет президентом, то будет стремиться к уничтожению фермеров. Ему бы следовало получить подготовку к выступлению, потому что тогда бы он знал, что в результате осуществления программ нынешнего правительства сельское население сократилось на пять миллионов человек. Он узнал бы также, что администрация демократов пыталась добиться решения конгресса о расширении своей сельскохозяйственной программы, чтобы включить в нее оставшихся свободными три четверти фермеров. Он узнал бы, что они просили предоставить им право заключать в тюрьму фермеров, отказывающихся вести бухгалтерию в соответствии с требованиями федерального правительства. Министр сельского хозяйства просил о предоставлении права на конфискацию ферм в случае установления такого правонарушения и на их перепродажу другим владельцам. В этой программе был пункт, который позволил бы федеральному правительству согнать с земли два миллиона фермеров.

В то же время наблюдался рост числа сотрудников министерства сельского хозяйства. Сейчас их приходится по одному на каждые 30 хозяйств, но они не могут ответить, куда исчезли 66 судов с зерном, предназначенным для Австрии, и почему "Билли Сол-Эстес" вообще не выходил в море!

Каждый серьезный фермер и фермерская организация неоднократно обращались к правительству с просьбами дать свободу фермерству, но кто они такие, чтобы знать, что для них лучше? Производители пшеницы голосовали против программы по пшенице. Но правительство все равно приняло ее. Теперь цены на хлеб растут, а закупочные цены на пшеницу падают.

Тем временем, если вернуться к теме городов, в них по мере обновления жилищного фонда продолжается наступление на свободы. Право частной собственности настолько осла-

блено, что общественные интересы стали почти такими, какими они должны быть по мнению нескольких правительственных плановиков. В ходе осуществления программы, когда берут у тощих и отдают толстым, происходят и такие случаи, как в Кливленде, штат Огайо, где здание стоимостью полтора миллиона, простоявшее всего три года, было снесено, чтобы осуществить то, что правительственные чиновники назвали "более рациональное использование земли". Президент говорит, что он собирается строить жилые дома тысячами там, где мы строили их сотнями. Но федеральная администрация жилищного строительства и Управление по делам ветеранов утверждают, что у них сейчас 120 тысяч домов, реквизируемых по причине отказа в выкупе закладных.

30 лет мы пытаемся решить проблему безработицы с помощью правительственного планирования, и чем больше планов проваливается, тем больше их разрабатывается плановиками. Последний такой план представлен Управлением регионального развития. Они только что объявили округ Райс в штате Канзас районом, подверженным депрессии. В нем находится более 200 нефтяных скважин, и 14 тысяч человек из этого округа имеют на личных счетах в банках свыше 30 миллионов долларов. Когда правительство говорит тебе, что у тебя депрессия, ложись и не протестуй!

У нас столько людей, которые при виде толстого, стоящего рядом с тощим, неизбежно сделают вывод, что толстый стал таким за счет тощего! Поэтому они стараются решить все проблемы человеческих страданий за счет правительства и государственного планирования. Если государственное планирование, которое практикуется почти 30 лет, и есть путь к благоденствию, то пусть правительство время от времени рассказывает нам о своих успехах в этой области. Почему бы им не рассказать нам о ежегодном снижении числа нуждающихся в помощи? Или о сокращении потребности в жилье?

Истина, однако, в другом. С каждым годом вместе с ростом числа нуждающихся увеличиваются и ассигнования на государственную программу. Четыре года назад мы узнали, что 17 миллионов человек ложатся спать голодными. Ладно, быть может, так оно и было. Они все сидели на диете. Но теперь нам говорят, что 9,3 миллиона семей находятся за чертой бедности из-за того, что получают меньше 3 тысяч долларов в год. Сегодня расходы на социальное обеспечение в десять раз выше, чем в черные годы Великой депрессии. Мы тратим на это по 45 миллиардов долларов в год. Займемся немного арифметикой.

Оказывается, что, поделив эти 45 миллиардов между 9 миллионами нуждающихся семей, каждой из них досталось бы по 4,6 тысячи долларов в год, а если к этой сумме приплюсовать то, что они сами зарабатывают, то это упразднило бы бедность! Однако прямая помощь неимущим составляет лишь около 600 долларов на семью. Похоже, что где-то имеются кое-какие накладные расходы.

Итак, мы объявили "войну нищете", говоря "ты тоже можешь стать преуспевающим Бобби Бейкером". И неужели они рассчитывают на то, что если мы добавим еще миллиард к тем 45, которые мы уже тратим, и еще одну программу к тем 30 с лишним, которые уже есть, – причем обратите внимание, она не заменяет ни одну из них, а просто дублирует существующие – так неужели они верят, что нищета вдруг исчезнет как по мановению волшебной палочки? Должен заявить со всей откровенностью, что в этой новой программе есть раздел, не дублирующий предыдущие. Это раздел, касающийся молодежи. Из него вытекает, что мы решим проблему посещаемости занятий в школе, правонарушений среди несовершеннолетних, возродив что-то вроде прежних лагерей корпуса гражданской защиты, куда мы заключим нашу молодежь. Но давайте снова посчитаем. Мы обнаружим, что только на проживание и питание придется затратить по 4,7 тысячи долларов на каждого молодого человека, которому мы будем помогать. Однако всего за 2,7 тысячи мы можем отправить их в Гарвард. Только поймите меня правильно: я вовсе не хочу сказать, что Гарвард – это решение проблемы подростковой преступности!

Давайте серьезно. Что мы делаем для тех, кому хотим помочь? Недавно сюда, в Лос-Анджелес, мне позвонил судья. Он рассказал о деле молодой женщины, которая подала на развод. Она мать шестерых детей и ждала седьмого. Расспросив ее, судья узнал, что ее муж – чернорабочий, получает 250 долларов в месяц. Она просила развода, чтобы получить 80-долларовую надбавку: по программе помощи детям-иждивенцам она должна получать 330 долларов в месяц. Этой хитрости ее научили две соседки, которые уже так и поступили.

И все же когда мы с вами ставим под сомнение планы тех, кто действует из лучших побуждений, нас обвиняют в том, что мы выступаем против их гуманных целей. Они говорят, что мы всегда "против" всего и никогда "за". Беда наших либеральных друзей не в том, что они ничего не знают, а в том, что они знают много такого, что не соответствует действительности! Мы за то, чтобы нищета не была неизбежным следствием без

работицы по старости, и считаем, что деятельность социального обеспечения – это шаг на пути решения проблемы.

Но мы против тех исполнителей программы, которые скрывают финансовые недостатки, заявляя, что любая критика в адрес программы означает, что мы хотим прекратить выплаты тем, чья жизнь зависит от этих выплат. В сотнях миллионов брошюр они называют это страховкой. Но, когда они предстают перед Верховным судом, они говорят, что это является программой социального обеспечения. Термином "страховка" они пользуются, только когда агитируют за нее. И они говорят: сборы на социальное обеспечение – это налог, взимаемый правительством на общие нужды, и что правительство именно так и использовало этот налог. Фонда не существует, поскольку, как заявил комитету конгресса Роберт Байерс, главный актуарий фонда, дефицит социального обеспечения составляет 298 миллиардов долларов! По его словам, волноваться не о чем, поскольку до тех пор, пока они имеют право взимать налог, они всегда могут взять у народа столько, сколько нужно, чтобы выйти из затруднительного положения! Именно этим они и занимаются.

Возьмем молодого человека 21 года, получающего среднюю зарплату. Его взнос в фонд социального обеспечения достаточен, чтобы приобрести на свободном рынке страховой полис, который обеспечит ему к 65 годам выплаты в размере 220 долларов в месяц. Правительство обещает 127 долларов! Он может дожидаться, когда ему исполнится 31 год, а потом взять страховку, по которой будет получать больше, чем по программе социального обеспечения. Так что же, неужели у нас не хватит деловой смекалки, неужели мы не сможем запустить эту программу, сделать так, чтобы люди, действительно нуждающиеся в этих выплатах, знали, что получают их тогда, когда нужно... знали, что в холодильнике не пусто? Барри Голдуотер считает, что сможем.

В то же время разве мы не можем ввести элемент добровольности, который позволит гражданину лучше позаботиться о себе и получить освобождение от уплаты взносов по представлении доказательств, что он позаботился о том времени, когда уже не будет работать? Разве не должны мы разрешить вдове, оставшейся с детьми, получать то, что покойный ее муж уже оплатил? Разве не должны мы с вами иметь право указать, кто будет получать оплаченное нами пособие по этим программам? Сейчас мы такого права не имеем. Я думаю, пора сказать нашим престарелым согражданам, что никому в этой стране не

будет отказано в медицинском обслуживании из-за недостатка средств. Считаю, однако, что мы не должны принуждать всех граждан поголовно участвовать в обязательных правительственных программах, особенно, когда имеются такие случаи, как объявленное на прошлой неделе банкротство программы здравоохранения Франции. Они пришли к концу пути.

Кроме того, неужели предложение Барри Голдуотера, призывающее правительство отказаться от своей программы преднамеренно планируемой инфляции, можно считать безответственным? Ведь в этом случае при получении вашей пенсии по социальному страхованию ваш доллар будет стоить доллар, а не 45 центов!

Я думаю, что мы за такую международную организацию, в которой все страны будут стремиться к миру. Но я думаю, что мы против подчинения интересов Америки интересам организации, структура которой стала настолько неэффективной, что сегодня в Генеральной Ассамблее ООН вы можете получить две трети голосов от стран, население которых составляет всего 10% мирового. Считаю, что мы не должны выступать с ханжескими нападкамии на наших союзников за то, что они то здесь, то там цепляются за колонии, в то время как мы являемся участниками заговора молчания и ни слова не говорим о миллионах людей, влачащих рабское существование в советских колониях, в зависимых от СССР странах.

Я думаю, что мы должны помогать нашим союзникам делиться нашими материальными благами с теми странами, которые разделяют наши основные идеи, но мы против того, чтобы просто распределять деньги между правительствами, тем самым порождая если не социализм, то бюрократию во всем мире. Мы начали с помощи 19 странам, а сейчас помогаем 107. Мы истратили 146 миллиардов. Два миллиона из этих денег мы заплатили за яхту для Хайле Селассие. Мы покупали фраки для греческих предпринимателей и дополнительных жен для кенийских государственных служащих. Мы купили тысячу телевизоров для отправки в регион, где нет электричества. За последние шесть лет 52 страны купили у нас золота на семь миллиардов долларов, и все они получают от нас помощь. Не было еще на Земле правительства, которое добровольно сократило бы свой аппарат. Правительственные программы, однажды появившись, уже не исчезают. Собственно, это самое близкое приближение к той вечной жизни, которую мы вряд ли увидим на этой Земле!

В федеральных органах работают сейчас два с половиной

миллиона человек. В федеральных учреждениях, в органах управления штатов и на местах занят каждый шестой трудоспособный гражданин. Эти разрастающиеся конторы с их тысячами инструкций и положений стоили нам многих наших конституционных гарантий. Многие ли знают, что работник федеральной службы может без ордера нарушить неприкосновенность нашей собственности? Они могут наложить штраф даже без формального разбирательства дела судьей, не говоря уж о суде присяжных. И они могут реквизируют и продать собственность гражданина с аукциона, чтобы обеспечить выплату этого штрафа. В округе Чико, штат Арканзас, Джеймс Уайер нарушил агротехнические требования на своей рисовой плантации. Правительство добилося наложения штрафа в размере 17 тысяч долларов, и американский судебный исполнитель продал участок площадью 950 акров с аукциона. Правительство мотивировало это стремлением преподать урок другим! 19 февраля этого года Норман Томас, который шесть раз был кандидатом в президенты от социалистической партии, сказал, выступая в университете Миннесоты: "Если Барри Голдуотер станет президентом, он остановит распространение социализма в Соединенных Штатах". Я думаю, именно это он и делает!

Как бывший сторонник демократической партии, я могу сказать вам, что Норман Томас не единственный, кто проводит параллель между социализмом и курсом нынешнего правительства. Еще в 1936 году Ал Смит, великий американец, выступая перед народом Америки, обвинил руководителей своей партии в том, что они ведут вперед партию Джефферсона, Джексона и Кливленда под знаменем Маркса, Ленина и Сталина. И он ушел из своей партии и не вернулся в нее до самой кончины, потому что и сегодня руководство партии ведет ее, эту прославленную партию, вперед, имея за образец Лейбористскую, т.е. социалистическую, партию Англии. Теперь вовсе не обязательно экспроприировать или конфисковывать недвижимость или торговое предприятие, чтобы привести народ к социализму. Какая разница, фактически ли вы распоряжаетесь своей собственностью или только имеете права на нее, если правительство может решить, быть или не быть вашему предприятию или недвижимости? Структуру для проведения в жизнь подобных решений оно уже имеет. Правительство всегда найдет к чему придраться. Любой бизнесмен расскажет вам о своих мытарствах. Где-то в нашей системе произошла подмена понятий. Наши естественные, неотъемлемые права рассматри-

ваются теперь как подачка правительства, и никогда еще свобода не была столь хрупкой, ускользающей из наших рук, как сейчас. Наши оппоненты из Демократической партии не очень-то хотят обсуждать эти вопросы. Они хотят заставить вас и меня поверить, что идет просто борьба между двумя претендентами... что мы просто выбираем между двумя людьми. Пусть они опорочат нашего кандидата, но, опорочив, они уничтожат и то, что он олицетворял, идеи, которые дороги вам и мне.

Разве он такой недалекий, самоуверенный любитель скороспелых решений, каким они его представляют? Я имел счастье знать его задолго до того, как он решил баллотироваться на высокий пост, и могу со всей ответственностью заявить вам, что я никогда не встречал столь бескорыстного человека. Он неспособен на бесчестный поступок.

Это человек, который на собственном предприятии еще до своего прихода в политику ввел систему участия в прибылях, о которой профсоюзы тогда и не помышляли. Он выделил средства для приобретения страховок, обеспечивающих медицинское обслуживание всех своих рабочих. Он создал фонд для уходящих с работы пенсионеров, для всех своих работников, на который идет 50% прибыли до уплаты налогов. Он пожизненно платил месячный оклад сотрудникам, которые стали нетрудоспособными. Он обеспечил присмотр за детьми сотрудниц, работавших в его магазинах. Когда во время половодья Рио Гранде затопила Мехико, он на собственном самолете доставлял лекарства и продукты.

Один отслуживший рядовой рассказал, как он познакомился с Б.Голдуотером. Это случилось за неделю до Рождества во время корейской войны в аэропорту Лос-Анджелеса, откуда солдат пытался добраться домой в Аризону. Аэропорт был заполнен военными, но билетов не было. Вдруг из репродуктора раздалось: "Все военнослужащие, кому нужно в Аризону, выходите к стоянке такой-то". Там их в своем самолете ждал человек по имени Барри Голдуотер. В течение недели перед Рождеством он ежедневно перевозил солдат в Аризону на своем самолете. Доставив их домой, он летел обратно за новой партией.

Во время предвыборной кампании, когда на счету буквально каждая секунда, этот человек нашел время, чтобы побыть у постели старой знакомой, умирающей от рака. Организаторы кампании торопили его, но он сказал: "Немного осталось тех, которым есть до нее дело. Я хочу, чтобы она знала, что я помню о ней". Это тот самый человек, который сказал своему

19-летнему сыну: "Нет лучшего фундамента для жизни, чем честность, и, если ты начнешь строить свою жизнь на этом фундаменте, цементируя ее верой в Господа, это будет хорошее начало". Это не тот человек, который мог равнодушно посылать на войну чужих сыновей. Отношение к войне – один из важнейших пунктов нашей кампании, по сравнению с которым все остальные представляют чисто академический интерес. Хотя, конечно, может возникнуть ситуация, при которой мы поймем, что находимся в состоянии войны, которую обязаны выиграть.

Те, кто готов променять нашу свободу на тарелку супа общества благоденствия, заявили, что они знают, как прийти к миру без победы. Они называют свою утопическую политику "примирение". Они говорят, что, если только мы избежим прямого столкновения с врагом, он забудет свои дурные намерения и научится любить нас. Всех, кто не согласен с ними, они называют поджигателями войны. Они утверждают, что мы предлагаем простые решения сложных проблем. Что ж, быть может, это и есть простой ответ. Не легкий, а именно простой.

Было бы хорошо, если бы у нас с вами хватило смелости сказать избранным нами руководителям: мы хотим, чтобы в основе политики нашей страны было то, что мы считаем правильным с моральной точки зрения. Мы не можем совершить глубоко безнравственный поступок – то есть купить свою безопасность и избавиться от страха быть погребенными взрывом бомбы, объявив миллиарду людей, которые томятся в рабстве за "железным занавесом": "Оставьте ваши мечты о свободе, потому что мы, спасая свою шкуру, решили пойти на сделку с вашими рабовладельцами". Александр Гамильтон сказал: "Нация, которая перед лицом опасности позорно пасует, уже готова подчиниться властелину, – этого и заслуживает!" Давайте говорить начистоту. Никто не поможет вам сделать выбор между миром и войной, но есть один надежный путь к миру... вы можете обрести мир сейчас же... сдайтесь!

Безусловно, любой путь, за исключением этого, сопряжен с риском, но история учит, что еще больший риск заключен в умиротворении, а именно это наши доброжелательные либеральные друзья и не хотят понять. Они не хотят понять, что их политка примирения есть умиротворение, при котором выбирать приходится не между миром и войной, а только между борьбой и отказом от борьбы. Если мы будем продолжать примирение, продолжать отступать, нам неизбежно предъявят последнее требование – ультиматум. И что потом? Никита Хрущев

сказал своему народу, что он знает, каким будет наш ответ. Он сказал им, что мы отступаем перед натиском холодной войны и что, когда настанет время предъявить ультиматум, мы сдадимся добровольно, потому что будем ослаблены изнутри духовно, морально и экономически. Он верил в это, потому что слышал у нас призывы к миру "любой ценой" и "лучше красный, чем мертвый" или, как заявил один обозреватель, "лучше жить на коленях, чем умереть стоя". Вот здесь и лежит дорога к войне, потому что эти голоса не выражают нашего мнения. И вы, и я знаем и не верим, что жизнь может быть столь дорогой, а мир таким желанным, чтобы получить их ценой цепей и рабства. Когда возникли мысли о том, что нет ничего, за что стоило бы умереть, – только ли перед лицом этого врага? Или Моисей должен был сказать детям израилевым, чтобы они жили в рабстве у фараонов? А Христос – отказаться от креста? Должны ли были герои Конкордского моста* бросить в реку оружие и отказаться дать залп, который услышал весь мир? Мученики прошлого не были дураками, и наши доблестные герои, ценой жизни остановившие нацистов, погибли не зря! Где же в таком случае дорога к миру? Вот вам и простой ответ.

И у вас, и у меня достанет смелости сказать нашим врагам: "Есть цена, которую мы не заплатим". Есть грань, которую они не должны перейти! В этом и заключается смысл фразы Барри Голдуотера: "Мир посредством силы". Уинстон Черчилль сказал, что "судьбу человека нельзя измерить простым подсчетом. Когда в мире действуют огромные силы, мы начинаем понимать, что у нас есть душа, что мы не животные". И еще он говорил: "Есть нечто, происходящее во времени и в пространстве и за пределами времени и пространства, что, нравится нам это или нет, называется долгом". Это наша судьба. И от нас зависит, сохраним ли мы нашим детям последнюю надежду выживания человека на Земле или оставим единственную возможность – сделать последний шаг в тысячелетнюю тьму.

Мы запомним, что Барри Голдуотер верит в нас. Он верит, что у нас с вами хватит способностей, чувства собственного достоинства и прав, чтобы принять решение и определить нашу судьбу.

Благодарю вас.

---

*Мост в местечке Конкорд, штат Массачусетс, где, по преданию, был произведен один из первых выстрелов революции 1775 – 1783 гг., в результате которой Америка получила независимость.

Собрание по сбору средств в колледже Эйзенхауэра

Вашингтон, округ Колумбия
14 октября 1969 года

Тогда я даже не представлял себе, как изменится моя жизнь. Хотя я всегда верил в участие народа в выборах и в конце концов сам был избран президентом профсоюза, мне никогда не приходила в голову мысль сменить профессию. Мне совершенно не нравилось заниматься политикой. На самом деле, по сравнению с кино и вообще с шоу-бизнесом эта работа казалась мне совершенно неинтересной и непривлекательной.

Прошел год после моего выступления в поддержку Б.Голдуотера, и не случилось ничего, что могло бы натолкнуть на мысль о переменах. Но вот однажды вечером, когда кампания 1966 года по выборам губернатора Калифорнии стала набирать силу, начались звонки.

Среди звонивших были и те, кто финансировал мое выступление в поддержку Голдуотера. Они переходили прямо к делу. Говорили, что Республиканская партия в Калифорнии раскололась на две части в результате прошлой кампании и что я единственный, кто может сплотить партию и нанести поражение нынешнему губернатору. Они не утверждали, что я буду хорошим губернатором, а говорили только, что я могу победить.

Заявив, что не имею никакого стремления к государственной службе, я предложил им подобрать кандидата, в поддержку которого я бы выступил, как выступал за Голдуотера, но не более того.

Они не смирились с тем, что это мое окончательное решение, и продолжали приходить и все более настойчиво уговари-

вать. Наконец я уступил и сказал, что если предоставят мне возможность в течение полугода ездить с выступлениями по всему штату, то за это время выяснится, правильно ли они предложили меня в качестве кандидата. Я был уверен, что меня будут принимать как агитатора за кого-то другого, но не как кандидата. В конце концов, я был всего лишь актером.

Создавалось впечатление, что люди воспринимают то, что я хотел донести до них. Они тоже считали, что я должен быть кандидатом. Вскоре нас с Нэнси уже и по ночам стали одолевать мысли, не дававшие уснуть. "А вдруг они правы?"

В результате я уступил и согласился стать кандидатом, хотя в глубине души был уверен, что после выборов вернусь к своей прежней работе. Народ решил иначе. Он выбрал меня губернатором Калифорнии. Я стал на практике проводить в жизнь принципы консерваторов, о которых раньше только говорил. Здесь не место рассказу о том, как мы это делали. Но за годы моей государственной службы в Сакраменто произошло одно заметное событие – я имею в виду беспорядки в университетских городках.

Знаете, как ни странно, но во время предвыборной борьбы за пост губернатора я часто бывал в университетских городках, и меня всегда принимали хорошо. Думаю, это объясняется тем, что я выступал против господствовавшей верхушки, представителем которой был Пэт Браун, занимавший тогда пост губернатора. Сменив его на этом посту, я сам стал олицетворением господствующей верхушки, и вот тогда я мог вызвать бунт, просто ступив на территорию университетского городка где-нибудь в Беркли.

Вспоминая то время, я удивляюсь, насколько система образования была ошарашена студенческим бунтом. Свободно говорить могли только хулиганы с мегафонами. С сожалением вынужден признать, что такое положение до сих пор сохраняется в большинстве наших студенческих городков. О напряженности там в шестидесятые годы можно судить, например, по тому, что однажды, когда я был губернатором, ректор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе вынужден был отменить исполнение государственного гимна во время выпускного собрания, чтобы не спровоцировать студентов. Я знаю это точно, сам там присутствовал.

В предлагаемой речи основное внимание обращено на беспорядки в студгородках. Я горжусь тем, что не потерял веры в нашу молодежь, несмотря на то что чучело, сделанное по мое-

му подобию, так часто сжигали, что из-за этого, наверное, я помог увеличить продажу бензина. Оглядываясь назад, я вижу, что моя вера в молодежь не была безосновательной. Молодежь сильнее всех поддерживала меня как президента. Я люблю ее и уважаю, и эти чувства к ней день ото дня становятся сильнее.

Я навсегда сохраню признательность вам за то, что вы оказали мне честь, пригласив на это собрание.

Мне известно, что сейчас, когда столько времени и усилий тратится на создание благоприятного имиджа, предпринимаются попытки изобразить меня как противника интеллигенции, равнодушного к проблемам образования. Это огорчительно, если не сказать большего.

Мы собрались здесь сегодня, движимые уважением к человеку, к которому каждый из нас питает самые теплые чувства. Когда закладывали первый камень колледжа Эйзенхауэра, мой друг Боб Хоуп назвал этот колледж монументом, "живым монументом монументальному человеку". Боб сказал: "Генерал считал, что образование это нечто большее, чем просто одна из свобод, образование и есть свобода, свобода мысли, свобода искать и находить пути к лучшей жизни всего человечества".

Хороший друг генерала, Уинстон Черчилль, говорил: "Судьбу человека нельзя измерить простым подсчетом. Когда в мире действуют огромные силы, мы начинаем понимать, что у нас есть душа, что мы не животные. Есть нечто, происходящее во времени и в пространстве и за пределами времени и пространства, что, нравится нам это или нет, называется долгом".

Мы с полным основанием называем этого человека президентом и генералом, но в наших сердцах он навсегда останется Айком.

Вся его жизнь – пример служения долгу. Он гордился колледжем, который "должен служить молодежи страны", и говорил, что "все мы должны ясно представлять себе, как мы будем осуществлять права граждан и выполнять обязанности". Всю свою жизнь он боролся за сохранение американских традиций. Несмотря на свое военное образование, он назвал войну "самой большой глупостью человечества". Он мечтал о мире для всех нас.

И все же Эйзенхауэр знал, что его ремесло, его профессия совершенно необходимы в этом мире, потому что мир имеет цену, и порой эта цена выше, чем может заплатить свободный человек.

Среди нас сегодня есть один человек, знающий, что такое груз обязанности, и знающий также, что за немедленный мир, возможно, придется заплатить тысячелетием тьмы для еще не появившихся на свет поколений.

Парады проводятся во имя мира, но некоторые из тех, кто идет в парадных колоннах, несут флаг страны, повинной в смерти почти 40 тысяч наших молодых людей. У нас есть основания подозревать, что, по крайней мере, некоторые из организаторов парадов заботятся не столько о мире, сколько о том, как бы ублажить врага и оказать ему помощь.

Многие наши университеты, которые должны служить проводниками знаний и информации, закроются в так называемый День вьетнамского моратория, который, быть может, так и нужно назвать, потому что в этот день будет мораторий на свободные дискуссии. Решение было принято национальным комитетом "День Вьетнама". Теперь тем, кто отвечает за безопасность страны и ее народа, тем, кто имеет доступ к полной информации о нынешнем положении, просто дадут указание самозванцы.

И некоторые молодые американцы, полные жизни сегодня, погибнут завтра, потому что враг избрал тактику подливания масла в огонь демонстраций на наших улицах.

Я понимаю, что проведение параллели между расцветом и падением Рима и нашей республикой стало уже своеобразным клише. Так, конечно, полагают в научных кругах, но общее между этими явлениями есть, причем в таких деталях, что становится страшно.

Доктор Роберт Штраус-Хюпе опубликовал недавно серию статей, подготовленных на основе наблюдений таких историков, как Шпенглер, Де Рейнкорт, Ферреро и Гиббонс. История Римской империи документирована лучше, чем история почти любой другой великой цивилизации прошлого.

Мы знаем, что основу империи составляло наследие перво-поселенцев, почти так же, как и у нас. Затем империя вступила в двухвековой период величия, достигла вершины во втором столетии, а в третьем начался спад и развал. Признаки упадка начали проявляться еще в последние годы второго века.

Заканчивается второй век нашей истории. Говорят, что дни

демократии сочтены, когда желудок берет верх над рассудком. Когда менее обеспеченные ощущают стремление нарушить заповедь и возжелают добра ближнего своего, более обеспеченного, они оказываются перед искушением использовать свое право голоса для немедленного удовлетворения своих желаний. И тогда равные возможности на старте становятся гарантией того, что к финишу они придут одновременно. Руководствуясь эвфемизмом "наибольшее благоденствие наибольшему числу людей", мы разрушаем систему, которая только что добилась этого, и идем к управляемой экономике, связывающей свободу и делающей долги, с которыми придется расплачиваться будущим поколениям.

Мы знаем, что такое уличные беспорядки. Растет наркомания, особенно среди молодежи. В студенческих городках проходят демонстрации с требованием освободить учебные заведения от участия в защите страны. Мы не гуляем больше по вечерам ни за городом, ни по городским улицам, опасаясь за свою жизнь. Подростки, не достигшие и 18 лет, составляют половину тех, кто нарушает закон, а половина преступлений совершена в полубессознательном состоянии с целью добыть денег на наркотики.

Все мы обеспокоены тем, что студгородки заражены этим вирусом, и можем рассказать друг другу множество жутких и неправдоподобных историй. Не проходит и дня, чтобы в почте не оказалось очередного свидетельства бунта в студгородке – будь то прокламация "Нужно бороться с полицией" или листовка с инструкцией по применению взрывчатки.

Однажды я слушал магнитофонную запись так называемого студенческого собрания, на котором обсуждались планы разгрома студенческого городка. Давались точные инструкции о поджогах, и в результате в течение одного дня было зарегистрировано 50 пожаров в зданиях. На пленке было и такое воззвание: "Если вам придется убивать – убивайте".

Охватывает ощущение нереальности, нереальности того, что это вообще происходит, но что пугает еще больше, так это наша готовность воспринимать все как нормальный ход событий. Груднички доктора Спока выросли, что, пожалуй, мы не можем сказать о нем самом. Конечно, он приносил больше пользы, когда занимался вопросами детского питания и развития у детей привычки проситься в туалет.

В прошлом году в студенческих городках Калифорнии ущерб от поджогов и вандализма составил миллион долларов,

зафиксировано три убийства. Двое молодых людей ослепли и лишились рук. В одном случае двадцатилетняя девушка забирала почту в конторе администрации колледжа, когда взорвалась бомба. В другом – молодой человек девятнадцати лет на рассвете пытался подложить бомбу – символ его злобы и ненависти.

Когда и как все это началось? Это началось тогда, когда кто-то, достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи, объявил, что нарушение закона в знак социального протеста не является преступлением. Начало было положено теми, кто объявил, что во имя свободы науки студенческие городки обладают правом экстерриториальности и на них не распространяются законы и правила, по которым живем мы. Начало было положено теми, кто решил, что во имя перемен и прогресса можно разрушить мудрость, накопленную человечеством на его долгом пути от болот к звездам. Достаточно просто объявить, что все моральные ограничения, все традиции – это мертвые руки, хватающие живого, и отказаться от них.

Св. Фома Аквинский предупреждал учителей, что им не следует рыть перед учениками яму, которую сами они не могут заполнить. Порождать сомнения, постоянно искать и никогда не находить – значит противостоять образованию и прогрессу. Свободное обсуждение любых проблем со всех сторон без исходных ценностей ведет к появлению поколения неинформированных болтунов. Наш долг – помочь молодым людям познать истину и свое предназначение, найти себя и определить цель.

Я говорил о тех, кто примкнул к восстанию с дубинкой в одной руке и с факелом – в другой. Предполагается, что их немного. Но волнение охватило значительное большинство молодых людей. Они предъявляют претензии, и претензии справедливые. Они хотят, чтобы их энергия и идеализм служили делу, в которое они верят. Они не желают стать просто цифрами в памяти компьютера на своего рода фабрике дипломированных специалистов, где их лишают индивидуальности и каждые четыре года выбрасывают с конвейера с клеймом "образованный"... При этом никто толком не знает, кто они и что делали все эти четыре года. Эти молодые люди хотят пересмотра приоритетов, чтобы самым важным было обучение, а только потом соображения типа "опубликуйся или исчезни" и научная работа.

Быть может, беспокойство и бунт – на самом деле вопль о помощи? Тем более резкий, что его никто не слышит.

Однажды я выступал в огромном актовом зале одного из университетов на Среднем Западе. В огромном амфитеатре собралось около четырех тысяч жителей города и десять тысяч студентов. Подошло время задавать вопросы, и один из вопросов, заданный взрослым человеком, касался проблемы бунта молодых против принципов и норм, которые мы пытаемся передать молодежи.

Я чуть не ответил вопросом на вопрос, потому что не был уверен, что знаю ответ. Но потом я предположил, что, быть может, молодежь выступает не против наших норм, а просто считает, что мы сами не живем по нормам, которым пытаемся научить их. Наступила мертвая тишина, а потом все десять тысяч студентов вскочили, и меня оглушил рев, которого я не забуду никогда.

Потеряли они веру в наши нормы или они потеряли веру в нас? Сомневаются ли они в нашей желании осуществлять то, что мы проповедуем? Где мы были, когда Господа бога выгнали из аудитории?

За прошлый год банки и финансовые учреждения потеряли 117 миллионов долларов. Их не грабили бандиты, просто служащие крали по мелочи. Розничная торговля теряет по четыре миллиарда долларов в год на том, что по негласному правилу сотрудники растаскивают образцы товаров.

А что мы делаем, когда подросток приходит домой с тренировки и рассказывает, как он научился безнаказанно делать запрещенный в блоке захват?* Сколько раз наши дети видели, как мы, убедившись, что рядом нет полицейского, перебежали улицу на красный свет? Как сказал один деревенский священник: "Тот, кто оставил ворота открытыми, виновен лишь немногим больше того, кто видел, что они открыты, и не закрыл".

Быть может, то, что пугает и волнует нас, начинается с нас самих? С медленной, незаметной коррозии наших моральных устоев? Быть может, это мы – потерянное поколение?

Никакое правительство ни на каком уровне и ни за какую цену не сможет содержать столько полиции, чтобы хватило на обеспечение нашей безопасности и свободы, если подавляющее большинство из нас не будет руководствоваться внутренними моральными принципами.

В 1630 году недалеко от берегов Массачусетса Джон Уинтроп собрал своих немногочисленных пилигримов на палубе

*Имеется в виду волейбол, где "захват", удержание мяча, запрещен правилами, тем более в "блоке", при игре над сеткой.

крошечной "Арабеллы", чтобы рассказать об их жизни в том мире, который они никогда не видели.

"Мы будем жить в городе на холме, и люди будут смотреть на нас, и если мы обманем Господа нашего в том деле, за которое взялись, и тем самым вынудим Его лишить нас помощи, мы станем притчей во языцех".

Вам, кого заботит судьба колледжа Эйзенхауэра, я скажу, что без таких школ эта сияющая мечта Джона Уинтропа вполне может рассыпаться в прах.

Такие школы – оселок, на котором оттачивается процесс образования; такие школы помогают улучшить государственную, оплаченную налогами, систему, поддерживать ее конкурентоспособность в стремлении к совершенству. Участвуя в этой конкуренции, такие школы позволяют защитить общественные институты от вмешательства политики, гарантируют такую степень научной свободы, которой они никогда не достигли бы в одиночку.

Генерал Эйзенхауэр благодарил тех, кто посвятил время и вложил средства в создание этого колледжа и в его сохранение. Он знал, что заведения, подобные колледжу Эйзенхауэра, очень нужны Америке. Несмотря на свои размеры, они выступают в роли ведущих. В будущем Америка будет все больше и больше нуждаться в них.

Вы, дамы и господа, представители торговых и промышленных кругов, не найдете лучшего применения своему капиталу, чем помощь развитию независимых школ и колледжей в нашей стране.

Перед такой прекрасной аудиторией я могу сказать даже больше. Смею надеяться, что настанет день, когда федеральное правительство предоставит налоговые кредиты – не снижение налогов, а налоговые кредиты – по крайней мере, на часть платы за обучение, которую вносят родители за своих сыновей и дочерей, обучающихся в таких колледжах. Я даже смею надеяться, что мы попытаемся использовать возможности расширения федеральной помощи, но не бюрократическими методами, а путем предоставления налоговых кредитов, в известных пределах, конечно, и в зависимости от общей суммы на жертвования школам и колледжам.

Если мы намерены одержать победу в этой борьбе за умы и сердца нашей молодежи, умоляю вас сберечь мечту человека по имени Айк – эту огромную силу, которая поможет нам сохранить нашу американскую культуру и наше наследие.

Надгробная речь по случаю кончины Роберта Тейлора

Лос–Анджелес, штат Калифорния
11 июня 1969 года

Вы, конечно, удивлены тем, что я поместил сюда эту надгробную речь по случаю кончины Роберта Тейлора. Она не имеет никакого отношения к моему пребыванию на посту губернатора или к формированию моего политического мышления.

Я включил ее в сборник, потому что искренне верю, что надгробные речи имеют важное значение. Вы найдете здесь немало таких речей, так как я считаю, что они стоят в ряду самых важных моих выступлений. Я не хочу сказать, что в этих речах намечались изменения в политике страны, просто это очень большая ответственность – рассказать о духовном мире человека, о том, что этот человек значил для мира.

Вы можете успокоить. Вы можете нарисовать перспективу. Но, когда к вам обращаются с просьбой произнести надгробную речь, это большая честь, потому что вам дается право оценить жизнь человека. Я всегда относился к этому праву со всей серьезностью.

Я очень любил Боба Тейлора. Мы были хорошими друзьями, и, поскольку я частенько вспоминаю его, можно сказать, что мне его не хватает.

Как можно сказать "прощай" другу по имени Боб? Он, наверное, сказал бы: "Не надо шума. Я никому не хочу доставлять хлопот".

Как говорить о Роберте Тейлоре – человеке, ставшем дей-

ствительно яркой, незаходящей звездой золотого века Голливуда? Что можно сказать о мальчике с очень необычными для Небраски именем и фамилией Спанглер Арлингтон Бру.

Наверное, можно начать с того момента, когда молодой человек, сын врача из штата Небраска, приехал в Калифорнию, в Помону, чтобы завершить учебу в колледже. Дальнейшая же его жизнь складывалась, как по сценарию старых мюзиклов. Все это выпало на долю человека, вовсе и не помышлявшего об огромной славе.

Школьный театр, импресарио, ищущий талантливых ребят, и самое невероятное совпадение – он оказался в актерском отделе "Метро Голдвин Мейер" (МГМ) именно в тот день, на который назначили просмотр очередной претендентки в актрисы. Кто мог бы подыграть ей? А что тот мальчишка в приемной? После просмотра ее на работу не взяли, а взяли его. Здесь, я думаю, первый акт заканчивается.

Второй акт прошел по той же схеме, почти полный повтор. Только что подписавший контракт актер получает маленькую роль. Теперь уже никто не помнит имен актеров, занятых тогда в главных ролях. Многие забыли даже название фильма. Но после предварительного просмотра всем хотелось ближе познакомиться с молодым человеком по имени Роберт Тейлор, избравшим это вполне среднезападное имя взамен своего, похожего на псевдоним.

МГМ была гигантом и домом гигантов. Здесь были собраны ярчайшие звезды той эпохи, когда Голливуд был Олимпом, населенным богоподобными людьми – Гейбл, Трейси, Грант, Монтгомери, Колмен, Купер, братья Барримор. Были здесь и богини – Гарбо, Ширер, Кроуфорд, Айрин Данн. Боб Тейлор стал одной из самых ярких звезд на небосклоне кинематографа. Двадцать четыре года только на МГМ. Тридцать пять лет на экране. Его лицо мгновенно узнают в любом уголке земного шара. Его имя звучит привычно в любом доме.

И все это произошло неожиданно, как вспышка молнии. Одно его появление на улице вызывало пробки на дорогах. Ничего подобного не было ни до, ни после. Пожалуй, возможно только одно сравнение – с Рудольфо Валентино. Почему бы и нет? Ведь на Олимпе он был самым красивым.

Были среди нас и те, кто, навесив ярлык "красавчик", изо всех сил старался принизить его. Да, конечно, в Голливуде бытует мнение, что если актер красив и привлекателен, то талант никакого значения не имеет.

Только в последние годы нашей дружбы я сумел понять,

насколько все это было для него неприятно, для него, человека в высшей степени скромного, даже болезненно застенчивого. На протяжении своей жизни он так и не смог преодолеть чувство неловкости, которое вызывало у него исступление толпы при каждом его появлении. Он всегда пытался сделать так, чтобы не оказаться в центре внимания.

И вот в эти последние годы я узнал... нет, не от него, он вообще никогда не жаловался... я узнал еще об одной вещи, которую ему тоже, должно быть, трудно было переносить: я имею в виду мысль, что своим успехом он обязан своей внешности, что он не был настоящим актером. У Боба была одна черта – он терпеть не мог тех, кто приходил сниматься с мыслью, что можно не напрягаться, а заменить профессионализм разными трюками и уловками.

Он уважал свою профессию и был выдающимся мастером. Он тихо гордился своей работой. Он был настоящим профессионалом. Его роли в таких фильмах, как "Чудесное вознаграждение", "Камилли", "Мост Ватерлоо", "Айвенго", "Камо грядеши", полностью развенчали ярлык "красавчик".

Только редкому, уникальному актеру верят так, как верили ему. Он был правдоподобен и в героических ролях – в фильмах "Джонни Тигр", "Рыцари круглого стола", и в роли бойца в картине "Толпа ревет", и в почти психопатической ленте "Билли Кид". Некоторые из его фильмов стали классическими, и в целом уровень их настолько высок, что, видимо, только его скромностью объясняется недооценка кинематографом этого человека, который без преувеличения был звездой первой величины.

И все же мы собрались сегодня по другому поводу.

Наверное, у каждого из нас свои воспоминания, но я могу спорить, что все мы вспоминаем его как очень "приятного человека". Мервин Ле Рой, поставивший многие из его великих картин, рассказывал о том, что Боб всегда с огромным уважением относился к тем, с кем работал. Арти Дойч говорит, что Боба всегда любили, даже обожали и актеры, и съемочная группа.

Его мягкие манеры, внутренняя дисциплина успокаивающе действовали на участников съемок. И в то же время сотни людей запомнили его за то, что он научил их летать. Во время второй мировой войны он был морским летчиком, инструктором, и, могу биться об заклад, учил хорошо. Его любовь к человечеству не знала кастовых различий.

Сегодня, я уверен, скорбят и здоровяки Северо-Запада на бурных водах Роуг, для которых он был своим парнем. Помнят его и скорбят пастухи в долинах Вайоминга, вместе с которыми

он путешествовал верхом и охотился. Скорбят и многие миллионы людей, видевших его только на экране и благодарных ему за то, что в затемненном кинозале он никогда не ставил их в неловкое положение перед детьми.

Я знаю, что когда-нибудь в программе для полуночников я увижу его при параде – во фраке, с белой бабочкой, обедающим в ресторане "Дельмонико", и уверен, что улыбнусь, улыбнусь, глядя на Роберта Спанглера Арлингтона Бру Тейлора, потому что знаю: мальи́й по имени Боб на самом деле предпочитал джинсы и сапоги. И я увижу, как он щурится от дымка жарящегося на углях мяса, как видел это сотни раз.

Он любил свой дом и все, что с ним связано. А больше всего он любил семью и свою прекрасную Урсулу, прелестную повзрослевшую Мануэлу, маленькую Тессу, сына Тери, которым он так гордился.

(К семье.) Пройдет немного времени, и боль утихнет. Время поможет вам. И тогда вы поймете, что можете вспоминать. Вам будет приятно от тепла этих воспоминаний. С годами вы станете гордиться. Не столько тем, о чем мы говорим сегодня. Вы будете гордиться его простыми человеческими качествами. Немодными сейчас у некоторых качествами, что делает их еще более редкими, а потому и более ценными. Он обладал этими простыми вещами – гордостью и честью, ответственностью перед теми, для кого он работал и кто работал для него, преданностью тому, во что он верил, и простой старомодной любовью к своей стране, а самое главное – внутренней скромностью.

(Детям.) Я думаю, он хотел бы, чтобы я рассказал вам, как сильно он любил вашу маму. Какое счастье она принесла ему и какая она замечательная. В документах говорится, что он семь раз лежал в больнице. На самом деле, он семь раз выходил из больницы. Ему нужна была сила, которую он черпал в своем доме, где во всем ощущалось присутствие Урсулы.

Он говорил со мной об этом всего несколько дней назад. Он постоянно думал об этом, и я уверен, что он хотел, чтобы я рассказал вам, чего он больше всего желал. Урсула, только Вы можете выполнить его последнее желание – будьте счастливы. Это последнее, о чем он думал.

Я не хочу делать вид, что знаю намерение Господа в отношении каждого из нас, но я верю в Его всепрощение. Боб добился больших успехов в деле, которое любил, и каждый день, возвращаясь с работы, он знал, что дома его ждут с нетерпением.

Общенациональные радиопередачи

Я всегда любил радио. Первой моей работой после колледжа была работа спортивного комментатора на радио. Это было лучшее время моей жизни. У меня была интересная работа, новая машина, я пользовался определенной известностью на Среднем Западе. Я наслаждался жизнью. Потом я помешался на кино и ушел с радио, но в глубине души любовь к первому пристрастию осталась.

Когда мое губернаторство закончилось*, я вновь вернулся на радио, на этот раз в качестве комментатора общенациональных радиопередач. Работа над ними была довольно однообразна и намного труднее, чем работа спортивного комментатора. Но знаете, чем хороши были эти комментарии? Они поддерживали мое имя на слуху у народа в то время, когда я уже не занимал прежнего поста. Они сослужили мне и другую, еще лучшую службу. Эти выступления заставили меня выработать более широкий, общенациональный взгляд на события, чем я имел, будучи губернатором. Они заставили меня сформулировать собственное мнение по огромному кругу вопросов, что, в свою очередь, помогло мне подготовиться к выдвижению своей кандидатуры на пост президента.

В двух предлагаемых здесь комментариях изложены взгляды, занявшие центральное место в моей политической философии.

---

*Р.Рейган был губернатором штата Калифорния с 1966 по 1974 г.

Имущественные права зачатого ребенка защищены законом, его право на жизнь – нет.

Восемь лет назад, когда я стал губернатором, я почти сразу оказался вовлеченным в дискуссию об абортах. Раньше никогда об этом не задумывался и мнения по сему поводу не имел. Но, став губернатором, я понял, что мимо этой темы я пройти не могу.

В законодательное собрание Калифорнии был представлен законопроект, в котором предлагалось разрешить аборты. Сторонники и противники уже стягивали войска, и эмоции накалялись. Автор проекта заявил, что внесет любые мои поправки, лишь бы это привело к быстрейшему подписанию закона. Мяч, что называется, был переброшен на мою половину поля. Неожиданно я оказался перед необходимостью срочно определить свое отношение к абортам.

Я изучил все материалы и вложил в эту работу больше душевных сил, чем в любую другую, с которой мне пришлось столкнуться на посту губернатора. Я обнаружил, что общего мнения по этому вопросу нет ни в медицине, ни в законе, ни в религии. Некоторые считали, что зачатый плод – это всего лишь новообразование в теле женщины и она должна иметь право избавиться от него, как избавилась бы от аппендикса. Другие полагали, что человеческая жизнь начинается с момента проникновения оплодотворенного яйца в матку. Кстати, то же законодательное собрание, которое не могло прийти к согласию относительно абортов, единодушно приняло закон, по которому жестокое обращение с беременной женщиной, приведшее к смерти ее неродившегося ребенка, считается убийством.

Другое несоответствие – зачатый ребенок обладает имущественными правами, защищенными законом. Мужчина может завещать свою недвижимость своей жене и детям, включая детей, которые родятся от этого брака в будущем. А в предлагавшемся законопроекте жизнь зачатого ребенка была бы лишена защиты законом.

Я попросил своих юристов задуматься над гипотетической ситуацией. Беременная женщина, оставшаяся вдовой, обнаруживает, что ее муж завещал свое состояние ей и зачатому ребенку. В соответствии с предложенным законопроектом она может лишиться жизни своего неродившегося ребенка и наследовать имущество мужа целиком. "Разве это не будет убийством

из корыстных побуждений?” – спросил я их. В ответ они лишь порадовались, что не я принимал у них экзамены по юриспруденции.

В медицинских кругах распространено мнение, что, как только клетка – давайте называть ее яйцом – оплодотворяется, начинается жизнь человеческого существа с его физическими особенностями и определенными личностными характеристиками.

На вопрос о том, какой закон об абортах я бы подписал, я отвечал, что только тот, в котором аборт признается лишением человека жизни. Наша иудейско-христианская религия признает право посягнуть на чужую жизнь только в случае самозащиты. Таким образом, аборт оправдан, если он делается в целях самозащиты. Я считаю, что женщина имеет право защитить свою жизнь и здоровье даже от собственного зачатого ребенка. Я считаю, что поскольку она имеет право защищать себя от насилия, то нельзя заставить ее рожать ребенка, ставшего результатом надругательства над ее личностью. Следовательно, аборт – это действие самообороны.

Я знаю, что будут и несогласные с этим мнением, но я не вижу доказательств того, что зародыш не является человеческим существом, обладающим правами человека. Перед вами выступал Рональд Рейган. Благодарю за внимание.

Любому, кто страдал от бюрократической бессмыслицы – от заполнения бланков, соблюдения бессмысленных инструкций, должен понравиться один из мэров Техаса.

Мэр Мидленда, штат Техас, Эрнст Анджело следит за тем, чтобы Мидленд никогда не страдал от проблем, которые имеются в Нью-Йорке. Собственно говоря, Нью-Йорк тоже не страдал бы от проблем Нью-Йорка, если бы в течение последних 20 лет в городском собрании было хоть несколько человек типа Эрни Анджело.

Как бывший губернатор могу подтвердить, что крючкотворы с Потомака замучили своими нелепыми требованиями все органы управления в штатах и на местах. И я знаю, что многие из моих слушателей, работающих в промышленности или в сельском хозяйстве, могут рассказать жуткие истории о мно-

гих часах, затраченных на заполнение правительственных бумажек, о требовании выполнять бессмысленные инструкции. Но давайте послушаем. Вам понравится месть, которую придумал мэр из Мидленда.

Мэр Анджело пробивался сквозь бюрократические джунгли, созданные канцелярскими крючкотворами в министерстве жилищного строительства и городского развития, чтобы получить для своего города давно положенные ему федеральные средства. Восемь месяцев он занимался выматывающей канцелярской работой, заполнял бесконечные анкеты в двух, трех, четырех экземплярах, прежде чем вырвался наконец на свет божий.

И вот однажды региональное представительство министерства жилищного строительства и городского развития обратилось с просьбой закрепить за ним стоянку для машины в муниципальном аэропорту Мидленда. Мэр Анджело с удовольствием выполнил бы просьбу, если бы министерство выполнило некоторые требования.

Он направил письмо в далласское региональное представительство министерства, а копии – президенту, министру Карле Хиллс и еще нескольким чиновникам в Вашингтоне. В письме он требовал три подписанных и тринадцать заверенных экземпляров прошения. В письме также говорилось: "Сообщите марку и модель автомашины, которую предполагается парковать на этом месте, а также заверенное свидетельство того, что все затраты, связанные с ее производством, обслуживанием и использованием, были оплачены в соответствии с требованиями закона Дэвиса – Бэкона.

Представьте также сведения о национальной принадлежности каждого, кто будет пользоваться названной автомашиной, и обеспечьте, чтобы среди пользователей были в равной мере представлены белые, чернокожие жители Америки и другие нацменьшинства, а также женщины и люди преклонного возраста.

Представьте также заверенные гарантии того, что все, кто будет управлять упомянутой автомашиной, а также все работники заправок станций, обслуживающие ее, будут носить ботинки со стальными набойками, защитные очки и каски и что машина будет оборудована ремнями безопасности и надувными подушками в соответствии с законом об охране здоровья и безопасности на предприятиях.

Представьте свидетельства об экологической безопасно-

сти...” Пожалуй, достаточно, вы все поняли. В письме было еще несколько абзацев, где перечислялись все изобретения крючкотворов (столь дорогие сердцу тех, кто трудится на берегах Потомака), соблюдение которых требовалось для благоприятного решения вопроса о выделении закрепленной стоянки.

Письмо заканчивалось припиской, в которой мэр Анджело заявлял, что они могут получить стоянку, и не соблюдая всех перечисленных выше бюрократических требований.

Я надеюсь, он своего добился, потому что, по данным Главного управления счетов в Вашингтоне, потери, вызванные соблюдением всех инструкций, составляют 60 миллиардов долларов в год. Федеральная торговая комиссия называет сумму в 80 миллиардов. Наиболее близкой к истине представляется сумма в 130 миллиардов, которую сообщил Экономический совет при президенте. Это составляет две тысячи долларов на семью.

Быть может, мы вернемся к этому вопросу завтра. Перед вами выступал Рональд Рейган. Благодарю за внимание.

1981

Речь при вступлении на пост президента

Западный фасад Капитолия
20 января 1981 года

Последнее, что вы прочли, относится к тому периоду, когда я – бывший губернатор – выступал с комментариями по радио, а теперь я уже на пороге вступления в должность президента Соединенных Штатов. Да, многое случилось за это время, но ни одно из моих выступлений этого периода существенно не повлияло на ход событий. Речи, с которыми я выступал в 1976 году, когда боролся с президентом Фордом за право быть кандидатом от Республиканской партии, и мои речи в кампании 1980 года против президента Картера представляли собой не более чем дальнейшее развитие идей, которые я провозгласил 16 лет назад в своем выступлении в поддержку Голдуотера.

Строго говоря, в этом суть моей теории ораторского искусства. Говоря о политике, вы должны год за годом повторять свою основную мысль, поскольку только так она проникнет в коллективное сознание. Я искренне верю в необходимость штампованных речей – речей, которые можно произносить с небольшими вариациями снова и снова. Ведь если есть нечто, во что вы глубоко верите, то стоит повторять это раз за разом, пока не добьетесь нужного эффекта. Вы также совершенствуете навык доносить свою мысль до аудитории.

Я, однако, считаю, что моя вера в американский народ и в то, что он может всего добиться, получила особую поддержку в 1980 году. Руководители Демократической партии никогда не признают этого, но факт остается фактом – они потеряли веру в граждан и в будущее нашей страны. Они не сумели заметить этого, а народ Америки заметил и выбрал меня 40-м президентом Соединенных Штатов.

1981 год стал годом принятия консервативных принципов, которые я так долго защищал в полемике с правительством страны. Мои усилия чуть было не прервала пуля г-на Хинкли, едва не задевшая сердце. Это задержало меня на пару месяцев, но тем временем усилились требования перемен, и, когда я вновь появился на поле боя, инициатива была на моей стороне. У меня была программа. Я знал, к чему стремлюсь. И начал я со своей речи при вступлении на пост президента.

Сенатор Хэтфилд, господин верховный судья, господин президент*, вице-президент Буш, вице-президент Мондейл, сенатор Бейкер, спикер О'Нил, преподобный Мумау, сограждане!

Для некоторых из присутствующих здесь это весьма важный торжественный момент, но в истории нашей страны это обычное событие. Происходит предусмотренный Конституцией упорядоченный переход власти, как это много раз повторялось на протяжении почти двух столетий, и мало кто из нас сознает, насколько уникальна эта процедура. В глазах многих людей во всем мире эта привычная для нас церемония, происходящая каждые четыре года, граничит с чудом.

Господин президент, я хочу, чтобы наши сограждане знали о том, как много Вы сделали, чтобы поддержать эту традицию. Своим любезным сотрудничеством во время переходного периода Вы подтвердили перед всем миром тот факт, что наш народ един и предан политической системе, которая гарантирует свободу личности в гораздо большей степени, чем любая другая. Я глубоко признателен Вам и Вашим сотрудникам за помощь в сохранении преемственности – надежного оплота нашей Республики.

В своем движении вперед Соединенные Штаты столкнулись с серьезнейшими экономическими трудностями. Мы переживаем самый продолжительный в нашей истории период инфляции, которая держится на небывало высоком уровне. Она срывает наши экономические решения, подрывает благосостояние, сводит на нет усилия как молодых, только начинающих свой трудовой путь, так и престарелых, не имеющих дополнитель-

*Президент Дж.Картер.

ных доходов. Она угрожает благополучию миллионов наших людей.

Бездействующие предприятия – это безработица, несчастья, личные беды. А работающие не получают справедливого вознаграждения за свой труд, так как существующая налоговая система не стимулирует стремления к успеху и повышению продуктивности труда.

При всей своей тяжести налоговое обложение не поспевает за темпами расходов на социальные нужды. Из десятилетия в десятилетие мы накапливали дефицит, закладывая под проценты наше будущее и будущее наших детей ради временных удобств. Продолжать эту порочную практику означало бы вызвать социальные, культурные, политические и экономические сдвиги.

Как частные лица, вы и я можем, беря деньги в долг, жить не по средствам, но только ограниченное время. Почему же тогда мы считаем, что для страны подобных ограничений не существует? Чтобы сохранить наше завтра, мы должны действовать уже сейчас. И пусть не будет никаких заблуждений на этот счет: мы начнем действовать сегодня же.

Экономические невзгоды, от которых мы страдаем сейчас, накапливались на протяжении нескольких десятилетий. От них не избавиться за несколько дней, недель или месяцев. Но мы от них избавимся, потому что мы, американцы, в состоянии, как об этом свидетельствует прошлое, мобилизовать все свои силы и сделать все, чтобы защитить нашу страну – величайший бастион свободы.

В условиях нынешнего кризиса правительство не решает проблем, оно их создает. Время от времени у нас появляется искушение считать, что современное общество стало слишком сложным для самоуправления и что правительство, составленное из представителей элиты, лучше, чем правительство народа, действующее в интересах и от имени народа. Но, если никто из нас не может управлять собой, кто тогда сможет управлять другими? Мы все – и члены правительства, и простые люди – должны взять на себя бремя решений. Принимаемые нами решения должны быть справедливыми, чтобы ни одной группе населения не пришлось расплачиваться за других.

Нам часто приходится слышать о групповых интересах. Ну что ж, в первую очередь нам придется позаботиться о той группе, которая слишком долго пребывала в забвении. Эта

группа не знает фракций или этнических и расовых разграничений, а ее представителей можно видеть в рядах всех политических партий. Она состоит из мужчин и женщин, которые выращивают продукты для нашего стола, охраняют общественный порядок, работают на шахтах и заводах, учат наших детей, ведут домашнее хозяйство, лечат нас. В эту группу входят специалисты, промышленники, продавцы, служащие, таксисты, водители грузовых машин. Это они – народ. Это они – американцы.

Задача моей администрации будет состоять в создании здоровой, сильной и динамичной экономики, которая предоставит равные возможности всем нашим гражданам, свободным от ограничений, порожденных нетерпимостью или расизмом. Чтобы Америка снова принялась за работу, мы должны предложить ее всем американцам. Покончить с инфляцией означает освободить всех американцев от тирании растущих цен. Все должны принять участие в продуктивном труде под знаком "нового начала", и все должны получить свою долю плодов восстановленной экономики. Идеи справедливости, которые лежат в основе нашей системы и служат залогом нашей силы, помогут нам сделать Америку сильной и процветающей, живой в мире с самой собой и с другими странами.

Давайте посмотрим, что у нас есть. Мы – народ, которому служит правительство, не наоборот. Именно это отличает нас от многих других стран. Наше правительство имеет только те полномочия, которыми его наделил народ. Пора остановить и обратить вспять рост правительственного аппарата, который, по всей видимости, вышел за пределы, установленные с согласия управляемых.

Я намерен ограничить размеры и степень влияния федерального правительства и потребовать признания различий между его полномочиями и полномочиями, оставленными за правительствами штатов или народом. Мы все должны помнить, что не федеральное правительство создало штаты, а наоборот, штаты создали федеральное правительство.

Поймите меня правильно: я не собираюсь обходиться без правительства. Я просто хочу побудить его работать с нами, а не через нашу голову, помогать нам, а не сидеть на нашей шее. Правительство может и должно создавать возможности, а не подавлять их, способствовать развитию производства, а не торозить его.

Ответ на вопрос, почему мы на протяжении многих лет

добивались столь многого и процветали так, как ни одна страна в мире, ясен: потому что в нашей стране мы обеспечили невиданный до сих пор простор для проявления энергии и творчества человека. Свобода и достоинство личности в нашей стране стали всеобщим достоянием и получили гарантии, которых не найти ни в одной другой стране. Иногда эта свобода доставалась высокой ценой, но мы никогда не отказывались платить за нее.

Не случайно наши нынешние затруднения соответствуют и прямо пропорциональны степени вторжения в нашу жизнь бесполезных и гипертрофированных правительственных органов. Нам пора осознать, что великой нации присущи великие стремления. Мы не обречены, как это кое-кому кажется, на неизбежный упадок. Я не верю в судьбу, которая постигнет нас независимо от наших усилий. Я верю в то, что может произойти, если мы будем сидеть сложа руки. Давайте же, используя нашу творческую энергию, откроем эру национального обновления. Давайте возродим нашу целеустремленность, нашу отвагу и нашу силу. Давайте возродим нашу веру и наши надежды.

Мы имеем полное право мечтать о героических деяниях. Те, кто утверждает, что в наше время для героев места нет, просто не знают, где их искать. Вы можете видеть их каждый день у заводских ворот. Благодаря героическим усилиям наших многочисленных фермеров мы производим столько продовольствия, что его хватает не только на всех нас, но и на весь мир. Вы видите героев у магазинных прилавков – с обеих сторон. Наши герои – это уверенные в собственных силах и в своих идеях предприниматели, которые создают новые рабочие места, открывают новые возможности. Это – простые люди и их семьи, чьи налоги поддерживают правительство, чьи добровольные пожертвования поддерживают церковь, благотворительность, культуру, искусство и образование. Их патриотизм глубок и обходится без громких фраз. Их духовные ценности лежат в основе нашей нации.

Отдавая должное героям, я говорил о них в третьем лице, но мог бы говорить и во втором, потому что герои – это вы, граждане нашей благословенной страны. Ваши мечты, ваши надежды, ваши цели будут мечтами, надеждами и целями этой администрации. Да поможет мне в этом Бог.

Мы никогда не забудем о сострадании – этой важной черте американского характера. Нельзя любить страну, не любя ее народ, а любить людей означает помогать им в трудный мо-

мент, облегчать их страдания, делать все, чтобы они были экономически независимы и по-настоящему равноправными.

Сможем ли мы решить стоящие перед нами проблемы? Ответом должно быть недвусмысленное и решительное "да!". Перефразируя Уинстона Черчилля, я скажу, что принял эту присягу не для того, чтобы возглавить разрушение самой мощной экономики в мире.

В ближайшие дни я предложу устранить барьеры, которые замедлили развитие экономики и снизили производительность труда. Мы примем меры, чтобы восстановить равновесие между различными уровнями власти. Наше движение вперед может оказаться медленным и измеряться в дюймах и футах, а не в милях, но это будет прогресс. Пора пробудить наш индустриальный гигант, заставить наше правительство жить по средствам и облегчить бремя налогов. Это наши первоочередные задачи, и, решая их, мы не пойдем на компромиссы.

На заре нашей борьбы за независимость президент Массачусеттского конгресса доктор Джозеф Уоррен, которого можно считать одним из выдающихся деятелей среди отцов-основателей, сказал своим соотечественникам: "Наша страна в опасности, но мы не должны отчаиваться... В ваших руках судьба Америки. Вы должны принять важные решения, от которых зависят счастье и свобода миллионов, даже еще не появившихся на свет. Не роняйте своего достоинства".

Я убежден, что сегодня американцы готовы действовать согласно понятиям о собственном достоинстве, готовы сделать все необходимое, чтобы обеспечить счастье и свободу для себя, для своих детей и внуков. По мере обновления нашей страны ее растущее могущество будет все более заметно во всем мире. Мы вновь станем символом свободы и светочем надежды для тех, кто еще не обрел свободы.

С нашими соседями и союзниками, которые разделяют нашу свободу, мы укрепим исторически сложившиеся связи, заверив их в нашей твердой поддержке и соблюдении принятых обязательств. На верность мы ответим верностью. Мы будем развивать взаимовыгодные отношения. Мы не станем использовать наши дружественные отношения в ущерб суверенитету наших партнеров, так как и наш суверенитет не предмет торговли.

Мы предупреждаем врагов свободы, наших потенциальных противников, что защита мира – самое высокое стремление американского народа. Ради мира мы готовы вести переговоры

и идти на жертвы, но не капитулировать – ни сейчас, ни в будущем. Наше нежелание вступать в конфликты не означает недостатка воли. Когда в интересах нашей национальной безопасности потребуются решительные действия, мы не станем долго раздумывать. Мы будем поддерживать достаточную мощь, чтобы победить, когда это будет необходимо, так как знаем, что в этом случае у нас будет больше возможностей никогда не прибегать к силе.

Но прежде всего мы должны помнить, что никакой арсенал, никакое оружие в мире несравнимы с волей и моральной силой свободных людей. Этого оружия у наших соперников в современном мире нет. Оно есть у нас, американцев. Пусть это хорошо поймут те, кто практикует террор и готов напасть на своих соседей.

Мне сказали, что сегодня по всей стране сотни тысяч людей возносят молитвы, и я глубоко признателен американцам за это. Мы – народ, живущий под Богом, и я уверен, что Бог помог нам стать свободными. Я думаю, что было бы неплохо провозгласить день вступления президента в должность днем молитвы.

Как вы уже знаете, сегодняшняя церемония впервые в нашей истории проводится здесь, у Западного фасада Капитолия. Отсюда открывается великолепная перспектива исторической части этого города. В конце широкого проспекта стоят мемориалы наших великих предшественников.

Прямо перед нами возвышается монумент в честь основателя нашей страны Джорджа Вашингтона. Это был скромный человек, который не любил славы. Под его руководством Америка выиграла революционную войну и стала независимым государством. В стороне находится величественный памятник Томасу Джефферсону. Его красноречие отражено в Декларации независимости. А дальше, за бассейном, высятся колонны мемориала Линкольна. Всякий, кто захочет глубже понять Америку, должен ознакомиться с жизнью Авраама Линкольна.

Дальше протекает Потомак, на противоположном берегу которого раскинулось Арлингтонское национальное кладбище с рядами простых белых плит с крестами или звездами Давида. Здесь покоятся лишь немногие из тех, кто отдал жизнь за нашу свободу.

Каждая из этих могил – памятник одному из героев, о которых я только что говорил. Их жизни оборвались в местах с разными названиями – лес Белло, Аргонн, Омаха-Бич, Салер-

но, Гуадалканал, Тарава, высота Порк-Чоп, водохранилище Чосин* и на безмянных рисовых полях и в джунглях Вьетнама.

Здесь лежит Мартин Трептоу, который в 1917 году юншей бросил работу в парикмахерской маленького городка и отправился во Францию в составе знаменитой дивизии "Рейнбоу". Там, на западном фронте, он был убит, когда пытался доставить донесение в соседний батальон под ураганным артиллерийским огнем.

При нем был дневник, где на странице под заголовком "Моя клятва" он написал: "Америка должна выиграть эту войну. Поэтому я буду работать и экономить, я пожертвую всем и вынесу все лишения, я с радостью пойду на войну и буду сражаться так, как будто исход всей войны зависит от меня одного".

Кризис, с которым мы столкнулись сегодня, не требует от нас таких жертв, какие принесли Мартин Трептоу и тысячи других героев. Но он требует от нас неподдельных усилий, уверенности в собственных силах, готовности к великим делам и веры, что с Божьей помощью мы решим все наши проблемы.

Почему мы должны в это верить? Потому что мы американцы.

Благодарю за внимание, и да благословит вас Бог.

---

*Места сражений во время двух мировых и корейской войн.

Обращение к нации об экономике

Овальный кабинет
5 февраля 1981 года

Я стал президентом в основном потому, что экономика Америки превратилась в настоящего калеку. В стране есть огромные возможности для экономического роста, а наше политическое руководство свернуло с правильного пути и разрушает естественную экономическую мощь Америки. Бессмыслица. Мое мнение всегда сводилось к тому, что людям нужно дать возможность преуспеть в жизни.

С помощью некоторых наших союзников среди конгрессменов-демократов мы сумели провести через конгресс крупнейшее в истории сокращение налогов и бюджета правительства. Позже мы осуществили наиболее серьезную реформу налоговой политики. По ходу дела мы уменьшили инфляцию, снизили процентные ставки и сократили безработицу. В результате сейчас у нас продолжается самый длительный за всю историю непрерывный период развития экономики в мирное время.

Предлагаемая речь – мое первое обращение к американскому народу по поводу того экономического кризиса, который мы пережили.

Было еще много обращений. В некоторых случаях я добивался поддержки, в некоторых терпел поражение, как в своей нескончаемой борьбе с конгрессом за ограничение бюджетного дефицита. Конгресс США находится сейчас во власти различных групп, преследующих собственные интересы, и совершенно не способен сбалансировать бюджет. Я абсолютно уверен, что у нас не будет сбалансированного бюджета, пока мы не примем конституционную поправку, предписывающую обязательный характер такой сбалансированности.

Желая продемонстрировать, насколько проржавела наша экономика, я взял несколько монеток, чтобы показать, как инфляция обесценила доллар. Комментаторы отмечали, что это удалось. Так что актерский опыт мне все же изредка помогал.

Добрый вечер.
Сегодня я хотел бы рассказать вам о положении в нашей экономике. К сожалению, вынужден констатировать, что экономическая ситуация хуже, чем за все годы после Великой депрессии.

Несколько дней назад по моей просьбе мне представили доклад, всеобъемлющую ревизию, если можно так выразиться, нашего экономического положения. Вам бы она не понравилась. Мне тоже не понравилась. Но мы должны взглянуть правде в лицо и приняться за работу, чтобы изменить положение. И не сомневайтесь, мы можем все повернуть к лучшему.

Я не собираюсь жонглировать перед вами схемами, цифрами и употреблять экономический жаргон, чем набит этот отчет. Я постараюсь объяснить, где мы находимся, как мы в это положение попали и как мы можем выбраться из него. Вначале, однако, позвольте мне привести несколько фактов, чтобы привлечь ваше внимание.

Федеральный бюджет вышел из-под контроля, и в этом бюджетном году, который заканчивается 30 сентября, мы имеем дефицит почти в 80 миллиардов долларов. Надо сказать, что 80 миллиардов долларов мы выплатим в этом году только в виде процентов по национальному долгу, что превышает весь федеральный бюджет 1957 года.

20 лет назад, в 1960 году, на оплату федерального правительства ушло 13 миллиардов. Сегодня на эти цели расходуются 75 миллиардов. За эти 20 лет население нашей страны увеличилось всего на 23,3%, а федеральный бюджет подскочил на 528%.

Уже два года, как рост инфляции выражается двузначными числами – 13,3% в 1979 году и 12,4% в прошлом. В последний раз такое было в годы первой мировой войны.

В 1960 году по закладным брали в среднем 6%. Сейчас – в два с половиной раза больше – 15,4%.

По сравнению с 1960 годом почти удвоилась доля вашего заработка, которую федеральное правительство присваивает в виде налогов.

И наконец, семь миллионов американцев переживают унижение и трагедию безработицы. Если они встанут в очередь, по человеку на каждые три фута, то цепочка эта протянется от берегов штата Мэн до Калифорнийского побережья.

Отложим в сторону отчет. Теперь позвольте попытаться изложить все это с помощью более понятных каждому фактов. Есть доллар, каким вы его заработали, истратили или отложили в 1960 году. И вот вам квотер, дайм и пенни*. Итого – 36 центов. Столько стоит сегодня доллар в ценах 1960 года. А если мировая инфляция будет продолжаться сегодняшними темпами еще три года, то сегодняшний доллар будет стоить по ценам 1960 года всего квотер – 25 центов. Какой смысл делать сбережения? А если их не делать, откуда у торговли и промышленности возьмется источник капитальных вложений на расширение производства? Рабочие в Японии и Западной Германии откладывают в несколько раз большую часть своих доходов, чем американцы.

Что случилось с мечтой каждого американца иметь собственный дом? Всего 10 лет назад американская семья могла купить дом, и ежемесячная плата составляла чуть больше квотера – 27 центов – с доллара дохода. Сегодня на оплату дома уходит 42 цента с каждого заработанного доллара. Таким образом, купить новый дом может себе позволить меньше чем каждая одиннадцатая семья.

В результате введения в действие инструкций, принятых правительством из лучших побуждений, цена автомобиля поднялась на 666 долларов. Если подсчитать последствия принятия всех инструкций в отношении владельцев магазинов, фермеров и ведущих отраслей промышленности, то в результате стоимость товаров и услуг поднялась более чем на 100 миллиардов долларов. А еще 20 миллиардов правительство расходует на обработку бумаг, порожденных этими инструкциями.

Я уверен, вы понимаете, полученный мною отчет ясно показывает, что причиной наших экономических несчастий является политика, проводимая правительством в течение последних десятилетий. Мы забыли или просто просмотрели, что правительство, любое правительство, имеет тенденцию к численно-

* Квотер, дайм и пенни – монеты достоинством 25, 10 и 1 цент соответственно.

му увеличению. Больше того, мы все ждали от правительства благодеяний, как будто у правительства есть иные источники поступлений, кроме наших доходов. По большей части предложения, о которых думали мы или которые выдвигались правительством, казались привлекательными.

В послевоенные годы, по крайней мере в течение некоторого времени, можно было позволить себе не замечать, что стоит на ценниках. Наши доходы более чем удвоились за 25 послевоенных лет. За эти годы наш чистый заработок увеличился больше, чем за все 150 лет, вместе взятые. Инфляция, конечно, была – один или полтора процента в год. Нас это не трогало. Но если мы оглянемся сейчас назад, то вспомним, что даже и в те золотые годы были люди, предупреждавшие, что инфляция, как радиоактивность, имеет свойство накапливаться и, начавшись однажды, может выйти из-под контроля.

Некоторые правительственные программы казались нам настолько важными, что мы не задумывались, когда брали под них займы. К 1960 году национальный долг составлял 284 миллиарда долларов. В 1971 году конгресс решил установить 400-миллиардный потолок на сумму задолженности. Сейчас долг составляет 934 миллиарда. Так называемые временные повышения этого потолка производились за последние 10 лет 21 раз, и сейчас я был вынужден вновь попросить поднять потолок, поскольку в противном случае правительство после середины февраля работать не сможет, а я здесь всего 16 дней. Прежде чем настанет день, когда мы сумеем снизить долговой потолок, национальный долг может, несмотря на все наши усилия, превысить триллион долларов. Это такая сумма, которую даже представить невозможно.

Теперь мы знаем, что рост дефицита привел к инфляции. У правительства есть всего два способа получить деньги, не считая увеличения налогов. Оно может выйти на рынок и занять деньги, как оно и поступило, конкурируя со своими собственными гражданами и увеличивая тем самым процентные ставки, или правительство может печатать деньги, что также было сделано. Оба пути ведут к инфляции.

Мы – жертвы языка. Само слово "инфляция" мы понимаем просто как повышение цен. Потом мы, конечно, возмущаемся теми, кто наклеивает новые ценники, забывая, что они сами тоже жертвы инфляции. Инфляция – это не просто рост цен, это снижение стоимости наших денег. Когда количество денег увеличивается, а количество предлагаемых товаров и услуг не

растет, у нас образуется слишком много денег, гоняющихся за слишком малым количеством товара. Обычно войны сопровождаются инфляцией. Все либо сражаются, либо работают, но производят оружие и боеприпасы вместо товаров, которые можно купить для собственного потребления.

Так вот, одним из выходов является увеличение налогов, чтобы правительство не было вынуждено занимать или печатать деньги. Но за все эти годы численного увеличения правительства мы достигли, даже перешли ту грань, где кончается терпение людей и их способность мириться с усилением налогового гнета. Перед второй мировой войной налоги были такими, что нам приходилось работать чуть больше месяца в год, чтобы оплатить все налоги, взимаемые федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти. Сегодня мы должны работать на это четыре месяца.

Некоторые предлагают переложить налоговый гнет на плечи предпринимателей и промышленности. Но фактически предприниматели не платят налогов. Поймите меня правильно. С предпринимателей действительно налоги берут, причем столько, что нас начинают выживать с мирового рынка. Но предприниматели переносят стоимость своих услуг – а сюда входят и налоги – на цену товара, который приобретает потребитель. Только народ платит налоги, все налоги. Правительство просто использует предпринимательство в качестве хитрого способа собрать эти налоги. Они запряваны в цены, мы даже не подозреваем, сколько мы на самом деле платим в качестве налога.

Сегодня у нашего с вами некогда великого промышленного гиганта самые низкие темпы роста производительности труда среди практически всех развитых промышленных стран, с которыми мы конкурируем на мировом рынке. Мы даже не можем отстоять свой собственный внутренний рынок от потока иностранных автомобилей, стали и некоторых других товаров. В Японии производится автомобилей в расчете на одного работающего почти в два раза больше, чем в Америке. Японские металлурги производят стали почти на 25% больше своих американских коллег.

Конечно, это происходит не потому, что они лучше работают. Никто в мире, по-моему, не сравнится с американскими рабочими. Но мы должны обеспечить их теми инструментами и оборудованием, которые имеют рабочие в других развитых странах.

Мы изобрели сборочный конвейер и массовое производ-

ство, но грабительская налоговая политика и многочисленные бесполезные инструкции вкупе с правительственными займами ограничили нашу способность совершенствовать производство и оборудование. Очень часто капитальные вложения расходуются на непроизводительные доработки, которые предписываются различными правительственными инструкциями. Чрезмерное индивидуальное налогообложение лишило нас инициативы и сделало сверхурочные невыгодными.

Когда-то мы производили 40% мировой стали. Сейчас наша доля составляет 19%. Когда-то мы были крупнейшими производителями автомобилей и выпускали их больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые. Теперь это в прошлом, более того, "большая тройка", ведущие наши автомобильные компании, понесла в прошлом году колоссальные убытки и была вынуждена уволить тысячи рабочих.

Все, кто работает, знают, что даже с доплатами на рост цен угнаться за инфляцией невозможно. При нашей прогрессивной налоговой системе по мере увеличения количества заработанных долларов вы перемещаетесь вверх в налоговой таблице и платите все больший налог, просто пытаетесь получить свое. Результат? Падает уровень жизни.

На протяжении последних десятилетий мы говорили об ограничении правительственных расходов, чтобы затем облегчить налоговый гнет. Иногда мы вылодную подходили к этому, но всегда находился кто-нибудь, кто говорил, что нельзя снизить налоги, не сократив расходы. Мы можем до хрипоты рассказывать детям о вреде излишеств. Но мы можем излечить их от стремления к излишествам, только давая меньше на карманные расходы.

Пора признать, что мы подошли к поворотному рубежу. Нам угрожает экономическая катастрофа огромного масштаба, и обычными методами нам ее не избежать. Мы должны вместе выработать иной курс.

Мы должны увеличить производительность труда. Это означает дать промышленности возможность модернизировать производство, воспользовавшись технологическими новинками, которые мы сами же изобрели. Это означает вернуть американцам рабочие места. А это, в свою очередь, прежде всего означает привести правительственные расходы в соответствие с правительственными поступлениями. Это единственный способ, вместе с ростом производительности, который позволит нам сократить и, да, да, остановить инфляцию.

В прошлом мы пытались в течение одного года бороться с инфляцией, а на следующий год, по мере роста безработицы, начинали бороться с безработицей, и эта борьба вследствие увеличения дотаций вела к росту дефицита. Теперь опять вверх пошла инфляция. Не сработало. Мы не должны выбирать между инфляцией и безработицей – они идут рука об руку. Настало время попробовать что-нибудь другое, и именно этим мы собираемся заняться.

Я уже заморозил ставки, образовавшиеся после ухода на пенсию и увольнения государственных служащих. Я распорядился уменьшить количество командировок государственных служащих и число консультантов правительства, а также сократить закупки канцелярского оборудования и другие статьи расхода. Я заморозил рассмотрение новых инструкций и создал группу экспертов, которая под руководством вице-президента Буша должна будет проанализировать все эти инструкции и избавиться от возможно большего их числа. Я снял контроль с нефтедобычи, что должно привести к росту ее добычи у нас в стране и к снижению нашей зависимости от импорта. И этот неэффективный Совет заработной платы и стабильности цен будет ликвидирован.

Но задача стоит шире, значительно шире. Мы должны сознавать, что быстрого излечения не будет. В то же время мы не можем откладывать осуществление экономической программы, нацеленной, с одной стороны, на снижение налоговых ставок и стимулирование роста производительности, а с другой – на приостановку роста правительственных расходов и на снижение безработицы и инфляции.

18 февраля я представляю конгрессу детальную экономическую программу, в которой будет отражено все, о чем я сейчас говорил. В ней предлагается сокращение бюджетов практически всех правительственных учреждений. Я считаю, что это сокращение бюджета будет только частью экономии. Когда наши министры придут в свои учреждения, они попытаются определить участки, где есть утечка средств, наличие излишеств, дорогостоящих накладных расходов, и это позволит провести дополнительное существенное сокращение бюджета.

Но, реализуя эту программу, мы должны продолжать работу и по программе снижения налогов. Я буду просить о 10-процентном сокращении всех индивидуальных налогов на каждый из последующих трех лет. Будут также представлены предложения об увеличении инвестиционных налоговых ски-

док предпринимателям, чтобы обеспечить накопление необходимого капитала для создания новых рабочих мест.

Вот я говорю это и чувствую, что язык, как я уже раньше сказал, может помешать точному пониманию того, на что нацелена наша программа. Сокращение бюджета может быть понято как наше намерение снизить общую сумму правительственных расходов до более низкого, чем в прошлом году, уровня. Но это не так. Бюджет будет расти с ростом населения, и каждый год расходы будут увеличиваться в соответствии с увеличением населения. Поступления в государственную казну будут расти по мере развития экономики, но каждый отдельный гражданин будет платить меньше, поскольку экономическая база расширится за счет снижения ставок.

А теперь позвольте мне продемонстрировать схему, которую я попросил подготовить, чтобы наглядно показать вам, как все это будет происходить.

Вы видите здесь две линии. Нижняя отражает увеличение налоговых поступлений, красная – наверху – это рост правительственных расходов. Обе они направлены вверх, что отражает колоссальное увеличение налогов, уже заложенное на этот, 1981 год, а рост расходов уже заложен и на 1981-й, и на 1982 годы, и на будущее. Как вы видите, кривая расходов поднимается круче, чем кривая поступлений. Расстояние между кривыми отражает растущий дефицит, с которым мы сейчас столкнулись, включая 80-миллиардный дефицит этого года.

А теперь вторая схема. Кривые на ней показывают положительное воздействие нашей программы, если она будет принята конгрессом. Обе кривые продолжают подниматься, допуская необходимый рост, но расстояние между ними сокращается по мере продолжающегося сокращения расходов в течение нескольких следующих лет до тех пор, пока обе кривые не сольются, что будет свидетельствовать о сбалансированности бюджета.

Я совершенно уверен, что возглавляемая мной администрация сможет добиться этого. В этой точке налоговые поступления, несмотря на понижение ставок, будут расти быстрее, чем расходы, и это значит, что мы сможем вернуться к вопросу о дальнейшем снижении налоговых ставок.

А теперь мы, конечно же, займемся федеральной резервной системой с целью проведения стабильной денежной политики.

Сокращение расходов мы произведем не за счет тех, кто действительно нуждается. Напротив, мы стремимся к лишению

привилегий тех, кто ими пользуется без достаточных на то оснований.

Как я уже говорил, на совместном заседании конгресса 18 февраля я подробно разъясню сущность этого пакета предложений по сокращению бюджета и налоговой реформе.

В целом наша система отличается стабильностью. Мы можем проявить сострадание и выполнить наши обязательства перед теми, кто не по своей вине нуждается в помощи. Мы можем в полном объеме обеспечить выполнение и других оправданных обязательств правительства. Мы не можем далее продолжать расточительную политику за счет трудящихся нашей страны и наших детей.

С 1960 года наше правительство израсходовало 5,1 триллиона долларов. Наш долг вырос на 648 миллиардов. Цены подскочили на 178 %. Стали ли мы богаче? Нет, все мы знаем, что стали беднее.

Если мы подсчитаем сейчас, насколько сильно эти годы инфляции, низкой производительности труда и неконтролируемого разбухания правительственного аппарата отразились на нашей жизни, мы поймем, что пора действовать, и действовать сейчас. Мы не должны робеть. Мы восстановим право всех людей на свободное развитие и творчество. Мы освободим энергию и гений американского народа, качества, которые нас никогда не подводили.

Я протягиваю конгрессу Соединенных Штатов руку для сотрудничества и считаю, что мы можем идти вперед при двухпартийной системе. Я обнаружил желание сотрудничать со стороны демократов и членов своей партии.

Я прошу своих коллег в исполнительных органах правительства и всех государственных служащих работать в духе служения народу.

Я призываю предпринимателей и рабочих, которыми Америка по праву гордится, руководствоваться интересами страны, и, уверен, они откликнутся на мой призыв. Мы служим в интересах всего народа, и только в интересах народа.

Мы можем создать стимулы для более полного использования преимуществ нашей замечательной экономической системы, системы, о которой Уолтер Липпман более 40 лет назад сказал, что она впервые в истории дала человеку "возможность создать такое благополучие, при котором благосостояние других приумножает благосостояние каждого".

Наша цель – увеличить благосостояние страны, с тем чтобы

все больше получили, а не перераспределяли уже имеющееся, что стало бы просто дележом дефицита. Заставив правительство жить по средствам, мы сможем вознаградить упорный труд и риск граждан.

За многие годы мы позволили вредному экономическому влиянию выйти из-под контроля. Мы отсрочили судный день, но больше нам это не удастся. У нас просто нет времени.

Я обращаюсь к вам, сограждане. Давайте объединимся в новом стремлении перестроить основы нашего общества, давайте работать вместе и проявлять ответственность. Давайте подойдем с чувством глубокого уважения к тому, что должно быть сохранено, и с пониманием и сочувствием к тем, кто нуждается в защите.

Мы можем оставить нашим детям разрушенную экономику и огромные долги, которые они не смогут погасить, или же мы можем сохранить для них свободу на Земле, где каждый имеет возможность достичь то, что предназначал ему Господь. Все, что нужно для этого – немного здравого смысла и осознания своих возможностей. Вместе мы можем дать Америке новую жизнь.

Спасибо. Спокойной ночи.

Заявление в связи с забастовкой авиационных диспетчеров

Розовый сад Белого дома
3 августа 1981 года

Я не умею увольнять людей. Быть может, это объясняется тем, что я помню, как мой отец стал безработным. Я знаю о трудностях и растерянности, которые переживает семья уволенного. Но я считаю, что люди должны держать данное ими слово. Вот поэтому я уволил авиадиспетчеров.

Как бывший президент профсоюза я не могу смириться с тем, что диспетчеры нарушили не только закон, но и свое собственное обещание не бастовать. Я также считаю, что государственные служащие не имеют права на забастовку, потому что такая забастовка направлена против их же сограждан, а не против богача-нанимателя.

Этот эпизод стал одним из первых испытаний решительности возглавляемой мною администрации. Мы стояли перед выбором: либо удовлетворить необоснованные требования, тем самым обеспечив бесперебойную работу всей системы воздушных полетов, либо твердо встать на защиту того, что мы считали правильным, и пойти на риск ввергнуть всю эту систему в хаос. Мне казалось, что мы должны были делать то, что считали правильным. Это решение вынудило нас заняться подготовкой практически нового штата авиадиспетчеров. Нашей системе контроля за полетами потребовались годы, чтобы вернуться к нормальному режиму работы. Я думаю, что защита принципа того стоила.

Чаще всего важнее не то, насколько привлекательно и красноречиво выступление, а то, имеют ли смысл произнесенные слова. Это как раз тот случай.

Сегодня в семь утра профессиональный союз тех, кто работает в авиадиспетчерской службе Америки, объявил забастовку. Настал кульминационный момент семимесячных переговоров между Федеральным управлением авиации и профессиональным союзом. В ходе этих переговоров было достигнуто соглашение и подписан договор о повышении фонда заработной платы и поощрений на 40 миллионов долларов. Это вдвое больше того, на что могут рассчитывать другие государственные служащие. Это было сделано, исходя из понимания всех трудностей, с которыми связана работа этих людей. Теперь, однако, союз требует в 17 раз больше того, о чем договорились ранее, – 681 миллион. Удовлетворение этого требования привело бы к совершенно неприемлемому увеличению бремени налогов, взимаемых с их сограждан.

Я хотел бы высказать слова благодарности тем инспекторам и диспетчерам, которые вышли сегодня на работу и обеспечивают безаварийную работу воздушного транспорта страны. В зоне Нью-Йорка, например, планировался выход на работу четырех инспекторов, а 17 других вышли на работу добровольно. В Национальном аэропорту один диспетчер сказал корреспонденту, что он вышел из профсоюза и приступил к работе, потому что "как я могу требовать соблюдения закона от своих детей, если не соблюдаю его сам". Это – пример честного служения Америке.

Позвольте мне разъяснить один момент. Я признаю право на забастовку рабочих частного сектора. В конце концов, я, будучи президентом профсоюза, сам возглавлял первую в истории забастовку своего союза. Наверное, я первый из занимавших мой нынешний пост, кто всю жизнь был членом профсоюза АФТ–КПП. Но мы не можем сравнивать трудовые отношения между профсоюзами и администрацией в частном секторе и в государственных учреждениях. Правительство не может остановить сборочный конвейер. Оно должно непрерывно выполнять свои функции, обеспечивающие жизнедеятельность, для чего, собственно, и существует правительство.

Именно исходя из этого, конгресс принял закон, запрещающий забастовки правительственных служащих, угрожающие безопасности людей. Позвольте мне зачитать торжественное обещание, которое дал каждый из этих служащих, присягу, которую каждый из них принял и подписал при

поступлении на работу: "Я не участвую и обязуюсь не участвовать ни в каких забастовках против правительства Соединенных Штатов или любого его учреждения, пока нахожусь на службе правительства Соединенных Штатов или его учреждений". Именно поэтому я должен заявить всем, кто не вышел сегодня на работу, что они нарушили закон и что если они не явятся на работу в течение 48 часов, то будут уволены.

Выступление на 84–м ежегодном обеде Ирландского американского исторического общества

Нью–Йорк, штат Нью–Йорк
6 ноября 1981 года

Не раз меня охватывал ужас, когда в школе кто–нибудь из протестантских детей говорил, что католическая церковь готовится к захвату Соединенных Штатов папой римским и ее подвалы набиты ружьями. В эту церковь ходил мой отец, и я знал, что все это неправда, он сам мне говорил. Но в те годы было предубеждение в отношении католиков. Были времена, когда в стране и к ирландцам относились с предубеждением.

Отец мой был и католиком и ирландцем. Предки же матери были выходцами из Англии и Шотландии, поэтому она отвела нас с братом в протестантскую церковь. Но мне кажется, что любой, в ком есть хоть капля ирландской крови, считает себя ирландцем и всегда носит хоть что–нибудь зеленое*. В любом случае, я всегда считал себя ирландцем, и мне нравятся ирландские обычаи вроде этого обеда в Нью–Йорке, на котором я присутствовал.

Доктор Кэхилл[†], благодарю Вас и всех причастных к тому, что мне оказана такая высокая честь. Прежде всего хочу ска-

[†]Национальный цвет Ирландии.

[‡]Доктор Кевин Кэхилл – президент Ирландского американского исторического общества.

зять, что, как я случайно узнал, здесь присутствует человек, который, должно быть, испытывает даже большую радость, чем я. Это сам доктор Кэхилл, которому сегодня утром кардинал Кук от имени папы вручил Большой Крест "Pro Merito Melitensi". Он – первый американец, удостоенный этой награды.

Ваше преосвященство, другие служители церкви, сидящие за этим столом, почетные гости и в особенности человек, которого я хотел бы выделить и упомянуть, Тедди Глисон от профсоюза портовых грузчиков. Я упоминаю его потому, что в воскресенье он будет отмечать сорок вторую годовщину своего тридцатидевятилетия. Тедди, мне кажется, что при таком методе подсчета гораздо безболезненнее воспринимать каждый очередной из этих ежегодных праздников.

Еще раз большое вам спасибо. В Ирландии есть легенда о девушке из Балисодера, которая семь лет счастливо жила среди гномов, крошечных людей, а потом, когда вернулась домой, обнаружила, что у нее нет пальцев на ногах. Она их станцевала. Я так счастлив! Приду домой, посчитаю свои. (Смех.)

Нэнси была очень расстроена, что не смогла прийти сюда, мне тоже обидно. Она просила передать всем большой привет и искреннее сожаление. К несчастью, она простыла, когда прошлый раз ездила в город.

Я рад, что это не тот случай, о котором рассказывают в анекдоте, когда два ирландца зашли в пивную и один из них спросил приятеля о его жене. А тот ответил: "О, она так больна, так больна!" "Мне очень жаль, – сказал приятель. – Это опасно?" "Нет, она уже слишком слаба, чтобы быть опасной", – ответил муж. (Смех.)

Журналист, работающий на ирландскую прессу в Вашингтоне (он работает там корреспондентом), позавчера заявил, что у меня только недавно появилось уважение к моему ирландскому происхождению, а до этого я был к нему совершенно равнодушен. Позвольте мне внести ясность. Это не так. До недавнего времени я очень переживал, что недостаточно знаю биографию моего отца.

Он остался сиротой в шесть лет и очень мало знал об истории своего рода. Ничего не знал и я. Единственным напоминанием была старая фотография дедушки с бабушкой. Но смешная вещь произошла при моем переезде в Вашингтон. Когда я около года назад сменил работу, создалось впечатление, что ко мне стал проявлять определенный интерес народ Ирландии. Они очень тактично стали рассказывать мне о моем роде.

Так я узнал, что прадед мой был родом из деревни Беллипорин, графство Типперэри, и оттуда уехал в Америку. Но это не все, что я узнал.

Много лет назад, когда я только начинал работать в Голливуде (это в течение тех нескольких лет, что я там снимался), меня приговорили к фильмам, которые студия хотела сделать не хорошими, а к четвергу. (Смех.)

Однажды я получил возможность, о которой каждый актер молится и мечтает. Это был фильм по биографии покойного Нута Рокни, великого бессмертного тренера "Нотр-Дейм". Пэту О'Брайену предстояло сыграть Рокни. И там была роль, которую я, с моим опытом спортивного комментатора, всегда хотел сыграть – роль Джорджа Гиппа. Пэт О'Брайен, бывший в то время звездой, великодушно помог молодому начинающему актеру, и я сыграл Гиппа. Для Пэта роль Рокни – он сам об этом говорил – была вершиной его творчества. Мое исполнение Гиппа открыло мне путь в звезды и к лучшим фильмам.

Меня иногда спрашивают: "Что вы чувствуете, увидев себя на экране, когда по телевидению показывают старые фильмы?" Это примерно то же, что смотреть на своего сына, о существовании которого ты и не подозревал. (Смех.) Когда я стал интересоваться историей своего рода, корни которого в Беллипорине, я узнал, насколько же тесен мир, – род Пэта О'Брайена тоже из Беллипорина.

Мне еще много чего рассказали с тех пор. Один историк поведал, что наш род принадлежал к одному из четырех племен Тара и что с 200-го до почти 900 года нашей эры он защищал единственный перевал через горы Слив Блум. В течение всех этих столетий они удерживали перевал, и их девизом было "Холмы навсегда". И это тоже довольно странно, потому что вот уже девять месяцев я неизменно повторяю, правда, в единственном числе: "Холм навсегда". Имеется в виду Капитолийский холм. (Смех.)

Когда я был еще мальчишкой, я очень хорошо помню, как отец говорил мне с гордостью: "Ирландцы – единственный народ в Америке, который построил тюрьмы, а потом и заполнил их". (Смех.) Тогда, в те молодые годы, эта фраза повергла меня в недоумение, потому что, исходя из моего воспитания, я никак не мог понять, чем тут гордиться, пока не узнал то, о чем отец не сказал, – он имел в виду, что подавляющее большинство людей, носивших голубые полицейские мундиры, были выходцами из Ирландии.

Конечно, это была не единственная профессия, доступная ирландцам. Давным-давно, в период расцвета водевиля, задолго до того как на смену ему пришло звуковое кино, огромной популярностью пользовались комедианты с сильным немецким акцентом, игравшие в водевилях. Немецкие комические актеры выступали и в "Помилуй мя, Господи" ("Ach und Himmel Sie der"). Мало кому известно, однако, что почти все они были ирландцами. Они становились прекрасными комическими актерами благодаря прирожденному чувству юмора и остроумию.

Лет 10 назад я был в Англии по государственным делам. Строго говоря, я побывал в Европе, в нескольких странах, но закончил поездку в Ирландии.

В последний день пребывания в Ирландии меня повезли на Кашель Рок. В то время я еще не знал, что от Кашель Рок до Беллипорина всего 25 миль. Я помню, что молодой гид-ирландец, который показывал нам развалины древнего храма, построенного на скале, в конце концов привел нас на маленькое кладбище. Мы с интересом рассматривали древние надгробия, читывались в надписи. Одна из них привлекла мое внимание:

"Ты вспомни меня, проходя.

Таким же, как ты, был и я.

И станешь ты тем, чем стал я.

Последуй за мной, проходя".

И тот, кто проходил, не мог сдержать присущего ему ирландского юмора и приписал:

"Готов я пойти за тобой,

Да знать бы, дорогой какой". (Смех.)

Но многих ирландцев, как моих деда и прадеда, погнал в Новый Свет голод и прочие бедствия. Ирландцы, они строили железные дороги, они – в голубых с золотом мундирах кавалерии Соединенных Штатов – открывали Запад. Среди них чемпион мира в тяжелом весе Джон Л. Салливан, писатель Юджин О'Нил, священнослужитель кардинал Кук и даже врач папы доктор Кэхилл.

Мы встречаем их на протяжении всей нашей истории. Джордж Вашингтон сказал: "Кто были те незнакомцы, которые собрались вокруг нашего одинокого стяга? И когда мы бросились в бой, кто стоял насмерть, если не доблестные сыновья Ирландии?" А через полтора столетия кто, как не Джордж М.Кохан, написал книгу о первом государственном флаге США. А помните строчку из песни "Янки дудл дэнди": "Я сегодня живой племянник любимого дядюшки Сэма...?"

Должно быть, по какому-то повелению свыше собрались на этой благословенной земле люди со всего света. Здесь эти люди сохранили любовь к земле своих предков, но и полюбили и хранят верность своей новой родине, этому огромному кипящему котлу. Они работали на ее благо, они сражались за нее, они отдавали за нее свои жизни, и не было среди них больших храбрецов, чем доблестные сыны Ирландии.

Многих в Америку привела, как я уже говорил, беда, трагедия. Сегодня, как здесь уже отмечали, беда вновь нависла над изумрудным островом. Кардинал молился за мир, а Его Святейшество папа во время своего визита в Ирландию призывал к миру. Я думаю, все мы должны молиться за то, чтобы руководители обеих сторон – правительство Соединенного Королевства и Ирландской Республики – сумели проявить ответственность и снова принести мир на этот прекрасный остров. И мы можем сказать вместе с Джоном Локком: "О, Ирландия, прекрасна ты, как невеста в чудесной фате. От всего сердца я желаю тебе хорошего, доброго утра".

Нет, нет я не охвачен апатией, не испытываю никаких чувств, я просто искренне благодарен за то, что среди прочих вещей, которые произошли со мной с тех пор, как мне позволили переехать в дом государственного жилого фонда (*Смех.*), я получил наконец возможность узнать о том великом наследстве, которое досталось мне от отца.

Я могу только еще раз от всего сердца поблагодарить вас за эту награду*, которую я принимаю с чувством глубокой признательности, ее я буду хранить вечно. И хочу сказать, что, уверен, знакомо вам, как и известное стихотворение Джона Локка:

"Пусть стелется путь под твоею ногой,
И солнце согреет пусть щеки,
И ветер попутным пусть будет.
И пусть наш Господь добротой своей
Тебя никогда не забудет.
Мы встретимся снова с тобою".
Благодарю вас.

---

*Президенту вручили медаль – высшую награду Общества.

Выступление на конференции Консервативного комитета политического действия

Вашингтон, округ Колумбия
20 марта 1981 года

Став президентом, я каждый год посещал конференции Консервативного комитета политического действия. Бывал я на них и до того, как стал президентом. Там присутствовали близкие мне по духу люди, которые боролись за дело консерваторов даже тогда, когда оно казалось безнадежным. В то время, когда правительство, казалось, с каждым днем становилось все сильнее. Эти люди боролись за личные свободы и за свободу вообще. Они проявили себя самоотверженными борцами, и я даже не могу выразить словами свое восхищение их целеустремленностью и верой.

Мне также трудно передать словами те чувства, которые мы испытывали все эти годы, пребывая в состоянии постоянной готовности дать достойный отпор. Пресса и интеллигенция часто относились к нам, как к неандертальцам, чье умственное развитие остановилось на уровне хватательных рефлексов. Нас высмеивали или же просто игнорировали. Такое отношение лишь придавало нам твердости в отстаивании наших идей.

Речь, которую вы сейчас прочтете, имеет особое значение, она связана с новосельем. В тот вечер мы отмечали событие, которого так долго ждали, – возвращение консервативного президента в Белый дом.

Господин председатель* и конгрессмен Мики Эдвардс, большое спасибо! Боже мой, в голове не укладывается, сколько прошло времени. Ведь я помню Мики, когда он был зеленым юнцом. (Смех.) Спасибо вам еще раз за приглашение. И, как Мики уже сказал, я действительно часто бывал здесь, за исключением последних двух лет. Позвольте мне выразить надежду, что мы сохраним эту традицию и что на будущий год вы опять меня пригласите.

Я уверен, что нас ждут трудные времена, и надеюсь, что вы последуете примеру из анекдота о молодой мамаше, чей сын был в летнем лагере. Директор лагеря сказал ей, что будет вынужден наказать ее сына. На что она ответила: "Не будьте с ним очень строги. Он такой впечатлительный мальчик. Лучше шлепните какого-нибудь мальчишку рядом, тогда Ирвинг испугается". (Смех.) Давайте сегодня поприветствуем и тех дальновидных людей, кто не пожалел сил, чтобы собрать здесь "Американский консервативный союз", "Молодых американцев – борцов за свободу", "Нэшнл ревью" ("National Review") и "Хьюман ивентс" ("Human Events").

Говорят, человек, стремящийся добиться успеха и величия, должен вначале забыть и о том, и о другом и лишь стремиться постичь истину. Остальное приложится. Что же, коллеги правдоискатели, никто из нас, собравшихся здесь, созерцающих эмблему на этой трибуне и раздумывающих о сбалансированном бюджете 1981 года, не станет возражать, что это вполне логично. Потому что, несмотря на то, как наше дело будет оценено историей, было бы только справедливо сказать: "Сплотившись, консервативное движение Америки XX века прошло через годы трудностей, отстаивая свое видение истины". История должна также признать, что наша победа была не столько политической победой, сколько победой идеи, она была не столько победой одного человека или партии, сколько победой определенных принципов, которые были сохранены несколькими бескорыстными американцами, несмотря на чувствительные, обескураживающие поражения.

Вы как раз и есть те самые американцы. Я хотел прийти сюда не только для того, чтобы поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня, не только для того, чтобы напомнить, что

* Джеймс Лэйси, председатель союза "Молодые американцы – борцы за свободу".

победа, одержанная в ноябре прошлого года, принадлежит исключительно вам, и не только для того, чтобы сказать, что приход в Вашингтон новой администрации является свидетельством вашего упорства и верности нашим принципам. Я пришел сюда, чтобы просто сказать вам "спасибо" и сказать это не как президент и даже не как консерватор, а как простой американец. Я говорю это, прекрасно зная, что в зале есть множество людей, чей талант позволяет при желании жить в роскоши, но кто, руководствуясь высшим сознанием долга перед страной, избрал другой путь. Я знаю также, что ни "Тайм", ни "Ньюсуик" не напишут об их бескорыстии, не останется их имен и в учебниках истории.

Знаете, такие события, как сегодняшнее, заставляют оглянуться назад, вспомнить прошлое, чтобы понять, как далеко мы ушли. В португальском языке есть специальное слово для таких воспоминаний – *saudade* – это поэтический образ, означающий "погруженный в мечты о прошлом". И наше прошлое наполнено светлыми мечтами, и в нем были поля боя, усеянные сломанными копьями.

Как можно забыть ту июльскую ночь в Сан-Франциско, когда Барри Голдуотер сказал нам, что мы должны снова повернуть поток в русло свободы "... и следить за ним до тех пор, пока не победит наше дело, которое станет примером для всего мира и укажет путь в завтра, достойное своего прошлого". И если бы не Барри Голдуотер, согласившийся в одиночку предпринять этот поход, мы не собрались бы здесь сегодня на это празднование.

Но в памяти нашей хранятся не только политические события. Помню, как небольшой, со вкусом оформленный журнал "Нэшнл ревью", основанный в 1955 году, стал объектом шуток со стороны интеллектуальной элиты за редакционную статью, в которой говорилось, что журнал встанет на пути истории с криком "Стойте!". А был еще лихой вашингтонский еженедельник под названием "Хьюман ивентс", о котором многие говорили, что его нельзя принимать всерьез. Однако он вскоре стал необычайно популярным не только на Капитолийском холме, но и во всех других местах, причастных к общественной жизни.

Сколько раз, возвращаясь домой с собраний, подобных сегодняшнему, мы отбрасывали от себя мысли о том, что все делается зря, размышляя в ночной тиши, должна ли наша любимая страна пойти по пути других стран, которые утратили

чувство своего высокого предназначения и стремление к свободе?

На память приходит так много людей и организаций, частных к успеху, который мы сегодня отмечаем. Интеллектуальные лидеры, такие, как Рассел Кирк, Фридрих фон Хайек, Генри Хэзлит, Мильтон Фридман, Джеймс Бернхэм, Людвиг фон Мизес. Они во многом сформировали наше мышление.

И особенно трудно поверить, что всего 10 лет назад, холодным апрельским днем на небольшом холме на севере штата Нью-Йорк был похоронен еще один из этих великих мыслителей – Фрэнк Майер. Он проделал тот же ужасный путь, что и многие другие. Он вырвал себя из рук “Господа, потерпевшего неудачу”, а затем сформулировал новую идею, представляющую собой синтез традиционного подхода и свободомыслия, синтез, который многие сейчас называют современным консерватизмом.

Именно Фрэнк Майер напомнил нам, что здоровый американский индивидуализм был частью подводного течения западной науки и культуры. Он подчеркнул необходимость уважения закона и традиций, а также социального консенсуса, который обеспечивает стабильность наших общественных и частных устоев. Он отметил, что эти цивилизованные идеи все еще движут нами даже тогда, когда мы стремимся к новому экономическому процветанию, основанному на сокращении вмешательства правительства в дела рынка.

Наши цели дополняют друг друга. Мы сокращаем бюджет не просто ради совершенствования управления финансами. Это лишь первый шаг на пути возвращения власти штатам и районам, только первый шаг на пути перестройки отношений между гражданином и правительством. Мы можем заставить правительство вновь нести ответственность перед народом, сокращая его аппарат и ограничивая сферы деятельности, добиваясь, чтобы оно эффективно и честно выполняло определенные ему законом функции.

Поскольку мы имеем последовательную теорию того, как правительство должно работать, мы можем очень ясно все изложить: у нас нет отдельной социальной, отдельной экономической и отдельной внешнеполитической программы. У нас есть одна программа. Мы стремимся как к наведению порядка в нашем финансовом доме и к перестройке национальной обороны, так и к защите будущих поколений, к прекращению одурачивания школьников плановиками-утопистами. Мы призываем

разрешить религиозное обучение в школьных классах так же, как мы разрешили это во всех других местах.

Мы, конечно же, не сможем осуществить все это одновременно. Американский народ терпелив. Я уверен, что он понимает, что ошибки, которые делались на протяжении десятилетий, нельзя исправить в одночасье. Вы знаете, когда я еще был губернатором, то имел удовольствие выступать перед сенатской комиссией. Меня вызвали всего через несколько месяцев после того, как президент-республиканец въехал в Белый дом. Меня спросили, почему мы не успели исправить все, что к тому времени натворили другие. Единственное, что пришло мне тогда в голову, это рассказать одну историю. Много лет назад мы с Нэнси купили ранчо. Там был хлев, в котором предыдущие хозяева держали восемь коров. Мы же хотели держать лошадей. Целыми днями я ломом и лопатой вычищал пол в стойлах от многолетних напластований. (Смех.) И я объяснил сенатору, задавшему мне вопрос, что я выяснил в результате этой работы – нельзя за несколько недель или месяцев переделать то, что накопилось за 15 лет.

Мне также кажется, что если мы, консерваторы, собираемся продолжать управлять страной, то должны понять, что нам не всегда удастся так просто свалить на прошлое вину за трудности в стране. Знаете, однажды великий бейсбольный менеджер Фрэнки Фриш отправил новичка играть на месте центрального аутфилда*. Тот уронил первый же летящий прямо на него мяч. В следующем эпизоде мяч, катившийся по земле, он пропустил между ног, а потом бросил его не на ту базу. Фрэнки выскочил из укрытия на поле и с воплем: "Я покажу тебе, как нужно играть на этой позиции", – сорвал с новичка ловушку. Следующий отбитый мяч пролетел прямо над второй базой. Фрэнки бросился к нему, но не поймал, а когда попытался догнать мяч, упал, сбросил ловушку и заорал на новичка: "Ты так испачкал центр, что здесь играть невозможно". (Смех.)

Суть дела в том, что мы должны руководить страной, а это означает не только критиковать прошлое. Вспомните, что говорил Т.С. Элиот: "Только приняв прошлое, можно изменить его значение".

Так вот, по ходу нашей политической борьбы мы пережили безразличие и часто нетерпимость, и именно поэтому я надеюсь, что нашу политическую победу запомнят за великодушие,

---

* Аутфилд (в бейсболе) – наиболее удаленная от отбивающего часть игрового поля.

а наше пребывание у власти – за терпимость, которую мы проявили к тем, с кем были не согласны.

Но помимо этого мы должны предложить Америке и всему миру более широкое видение. Мы должны предотвратить удушающие действия правительства в тех областях, где наносится вред. Мы должны стремиться к возрождению тех функций правительства, которые приносят пользу. Мы делаем это для того, чтобы вновь высвободить энергию и изобретательность народа Америки. Мы делаем это для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в те общественные и экономические институты, которые служат амортизатором и мостом в отношениях между личностью и государством и которые остаются реальным источником нашего прогресса как нации.

И мы должны сохранить этот образ правопослушного, милосердного, плюралистического общества, состоящего из процветающих граждан и всевозможных общественных институтов, в котором свободные и энергичные люди смогут сами с Божьей помощью определить свою судьбу.

Я понимаю, что некоторые думают сейчас о полном опасностях мире, в котором мы живем, о трудном десятилетии, в которое мы вступили, и задаются вопросом о практической ценности консервативного взгляда на мир. Во время недавнего визита премьер-министра Тэтчер мы оба говорили о неожиданных глубоких переменах, произошедших в политике наших стран.

На нашей последней официальной встрече я сказал премьер-министру, что, какую точку мира мы ни возьмем, везде культ государства умирает. И я храню в сердце надежду, что пройдет немного времени и наши противники, проповедующие верховенство государства, останутся в памяти лишь в связи со своей печальной и несколько курьезной ролью в истории. Крупнейшая в мире страна плановой экономики вынуждена закупать за рубежом продовольствие, чтобы ее граждане не голодали.

За это столетие мы слишком часто слышали жалобные стоны тех, кто живет под гнетом тоталитарных режимов. Мы видели слишком много памятников, сооруженных не из мрамора и гранита, а из колючей проволоки и ужаса. До нас добирались люди, сумевшие выжить в этих жутких условиях, люди, своими глазами видевшие торжество человеческого духа над неприступной государственной властью, заключенные, чьи духовные ценности позволили им одержать верх над их стражами. Они

принесли нам "тайну лагерей", урок для нашего времени, да и для любого другого: зло бессильно, если добро бесстрашно.

Поэтому марксистское видение человека без Бога должно рассматриваться как пустая и фальшивая вера – вторая из древнейших на Земле – после первой, которой соблазнили человека в райском саду: "И будете вы, как боги". Кризис поразил западный мир лишь настолько, насколько этот мир равнодушен к Богу – напоминает нам Уиттакер Чэбмерс. "Западный мир не знает, что у него уже готово решение этой проблемы, – говорил он о нашей борьбе, – но лишь при условии, что его вера в Бога и свободу, которую Он предписывает, столь же велика, как вера коммунизма в человека".

В этом и заключается наша задача – подтвердить приверженность нашей страны закону более высокому, чем наш собственный, возродить нашу духовную силу. Только построив стену из такой духовной решимости, мы как народ обретем надежду защитить свое наследие и сделать его в будущем неотъемлемым правом всех людей.

Есть в Америке и величие, и огромное наследие идеализма, которое питает нашу силу, и добродетель. Все это – наше. Нам остается только этим воспользоваться. А поскольку у нас есть величие, сегодняшняя Америка нуждается в подтверждении нашей добродетели и в преобразовании нашего величия.

Слова и дела последних десятилетий недостаточны для дня сегодняшнего. В них не отражено будущее. Заскорузлая бюрократия со своими укоренившимися в последнее время процедурами не реагирует ни на большинство, ни на меньшинство. Мы стоим на распутье. Нам нужно принимать решение. Будем ли мы следовать вчерашним планам и повторять вчерашние ошибки или мы подтвердим наши идеалы и требования, укрепим нашу веру и обновим наши цели? Настало время выбора.

Именно так называлась речь, с которой я выступил в 1964 году. Я сказал тогда: "Нам много раз говорили, что мы должны выбирать между левыми и правыми". Но мы и сейчас пользуемся теми же терминами: "левые" и "правые". Я повторю то, что сказал тогда, в 1964–м: "Понятий "левый" или "правый" нет, есть понятия "вверх" или "вниз". "Вверх" – к полной свободе личности, извечной мечте человека; к полной свободе личности, согласующейся с порядками общества. "Вниз" – к тоталитаризму муравьиной кучи. И те, кто предлагает нам сегодня заплатить свободой за безопасность, какими благими намерениями они ни руководствуются, идут по пути, ведущему "вниз".

Те из нас, кто называют себя консерваторами, уже более четверти века указывают на недостатки политики нашего правительства. Теперь возможность определить политику и сменить направление движения нашей страны предоставлена нам. Все мы, работающие в правительстве – в Белом доме, в сенате, в исполнительных органах – можем теперь выступать вместе. Мы можем перекрыть течь в экономике, образованную государственным сектором. Мы можем восстановить наше национальное благосостояние. Мы можем привнести творчество взамен зарегламентированности в обществе. Мы можем назначить снижавших уважение судей, которые будут сознавать, что главная задача любого суда – наказать виновных и защитить невиновных. Мы можем вернуть на свое законное место в нашем национальном сознании значение семьи, работы, добрососедских отношений, религии. Мы, наконец, можем добиться того, чтобы страны мира ясно понимали намерения Америки, ее целеустремленность в отстаивании своих идеалов.

У нас теперь есть и возможность, и необходимость доказать, что Америка готова забыть обиду, принять вызов времени и создать великое завтра.

Это преобразование и возрождение не будет осуществлено, если заниматься им будут те, кто занимается политической трескотней и раздает направо и налево пустые обещания. Это не получится у тех, кто восстанавливает одних людей против других, один класс против другого, один общественный институт против другого. Поэтому в то время, когда мы празднуем нашу недавнюю политическую победу, мы должны понимать, что впереди у нас еще много работы – мы должны обрести контроль над правительством, вознаградить личную инициативу и деловой риск, возродить нашу систему федерализма, упрочить частные учреждения, составляющие независимый сектор нашего общества, и, призвав нашу духовную убежденность, отразить нападки тех, кто отказывает человеку в праве иметь свое место перед Богом. Вероятно, это нелегкие задачи. Я уже говорил это 20 января, но еще раз хочу напомнить: нельзя сказать, что эти задачи невыполнимы, ведь мы же американцы, в конце концов.

В этом году мы будем отмечать победу, одержанную два века назад при Йорктауне, победу небольшой, только что родившейся страны над мощной мировой державой. Кто из вас знает, к примеру, что на церемонии капитуляции играл британский оркестр – у нас не было собственного. (Смех.) Они испол-

няли мелодию, очень популярную в то время в Англии. Называлась она "Мир перевернулся". Мне кажется, мелодия как нельзя лучше отражала тот момент, хотя музыканты этого и не осознавали. Сегодня сам облик этого города, его правительственных зданий, памятники нашим героям являются напоминанием той долгой, тяжелой борьбы.

Именно это наследие вызывает в нашем воображении образы любимой земли, земли борющихся поселенцев и одиноких эмигрантов, гигантских городов и огромных просторов, образы того, чем является наша страна сегодня, и того, какой мы хотим ее видеть. Это та Америка, которую нам вверили, мы должны стоять на страже ее интересов, защищать ее и мудро ею управлять.

Сограждане, единомышленники-консерваторы, пришло наше время. Пробил наш час. Мы стоим плечом к плечу в самой гуще боя. Если мы выстоим и повернем колесо удачи, то будет надежда, что, пока живы люди, знающие слово "свобода" и ее защитников, нас будут помнить и будут говорить: "Вот это были смельчаки, слава им".

Спасибо.

Выступление при отъезде американской делегации на похороны президента Анвара Садата

Южная лужайка Белого дома
8 октября 1981 года

Когда поступило сообщение об убийстве, мы с Нэнси испытали одинаковое чувство: для нас это личная утрата. Он давно перестал быть просто главой государства, с которым мы имели дело. Мы испытали глубокое чувство потери. До сих пор мы поддерживаем контакт с госпожой Садат, к которой мы тоже испытываем большое уважение. Всего за два месяца до того события он нанес официальный визит в Америку. Были приветственные церемонии, прогремел салют из 21 залпа, состоялись соответствующие встречи, государственный обед с тостами в честь друг друга, за дружбу и за здоровье. Нам казалось, что не успел он вернуться домой, как его не стало.

Анвар Садат был очень приятным человеком, который ко всем пытался найти личный подход. Он замечательно смеялся и был исключительно храбрым человеком. Он был неповторим, и очень больно, что мы потеряли его.

Нашу официальную делегацию возглавляли бывшие президенты Никсон, Форд и Картер. Перед их отъездом холодным, дождливым вечером я произнес предлагаемую вам речь на Южной лужайке Белого дома.

От имени всей страны я хочу выразить нашу глубокую признательность президентам Никсону, Форду, Картеру и госпоже Картер за то, что они согласились взять на себя эту печальную миссию. Своим присутствием в Каире они продемонстрируют народу Египта всю глубину горя и печали, которую испытывает Америка в связи с потерей великого лидера и любимого друга.

Сегодня народ Америки стоит рядом с народом Египта, народ новой страны рядом с народом древней земли. Народ Западного мира рядом с народом Востока. Мы стоим вместе, глубоко опечаленные потерей Анвара Садата, подтверждая нашу преданность делу, которому он с готовностью отдал свою жизнь.

Бывают времена, бывают моменты в истории, когда мученическая смерть одного человека может символизировать все неправильное, что было в жизни эпохи, и все правильное – в жизни человечества. Своими благородными поступками люди оставляют память о своей жизни. Слова, произнесенные иллинойским адвокатом*, который жил в этом доме, дневник голландской девочки#, последние мгновения жизни солдата и государственного деятеля Измид Абу Лама – все это дает силы для того, чтобы выстоять, вдохновиться и одержать окончательную победу над силами насилия, безумия и ненависти.

В эпоху насилия Анвар Садат был человеком, который принес мир. И в последние мгновения, и всю свою жизнь он боролся с врагами мира, с врагами человечности. Сегодня те из нас, кто идет по его стопам, должны равняться на него. Они должны сказать тем, кто возрадовался смерти Анвара Садата, тем, кто стремится восстановить класс против класса, страну против страны, народ против народа, тем, кто выбирает насилие, а не братство, кто предпочитает войну миру: "Вы боялись Анвара Садата, когда он был жив, бойтесь его еще больше, когда он мертв", – и пусть наше предупреждение будет ясным для всех. Потому что память об этом хорошем и храбром человеке переживет вас. Смысл его жизни, смысл

....

*Ссылка на речь президента США Авраама Линкольна в Геттисберге, в которой он призвал отстаивать идеал равенства всех граждан США, независимо от цвета кожи.

#Здесь имеется в виду дневник Анны Франк.

того, за что он боролся, одержит верх. Не так давно его спросили в интервью, не боится ли он возможности насилия. Он ответил тогда: "Я умру ни часом раньше, чем Господь решит, что время мое истекло".

Я еще раз выражаю благодарность людям, которые от имени нашей страны взяли на себя эту миссию. Я благодарю вас и, если позволите, сделаю это на языке своих предков: "Пока не встретимся снова, пусть благодать Господня будет с тобой".

1982

Выступление в парламенте Великобритании

Вестминстерский дворец
8 июня 1982 года

1982 год был очень сложным для нас в экономическом плане. В полной мере проявился спад, начавшийся при моем предшественнике. Мои оппоненты-демократы в конгрессе обвиняли в нем нашу экономическую программу, которую они называли "рейганомикой", хотя спад этот начался еще до проведенных нами сокращений налогов и бюджета. Это меня просто взбесило. Естественно, после того как наша экономическая программа вступила в силу и начала воздействовать на экономику, они больше не называли ее "рейганомикой". К сожалению, было уже поздно, и на выборах в конгресс республиканцы потеряли определенное количество мест.

Мне, однако, кажется, что главным в 1982 году был наш поворот к консерватизму во внешней политике. Когда я стал президентом, я был уверен, что наша политика, особенно в отношении Советского Союза, была ошибочной. Мне хотелось изменить что-то, например, сказать правду об СССР, а не скрывать действительное положение вещей за дипломатическим славословием. Ниже вы прочтете, что на следующий год я даже назвал Советский Союз "империей зла". Это сразу всех разбудило.

В этой речи, произнесенной в парламенте Великобритании, рассматривались западные концепции демократии и отношение Запада к коммунизму. Это, пожалуй, одна из наиболее важных моих речей за все время моего пребывания на посту президента. Содержащиеся в ней мысли и предложения стали

известны как "доктрина Рейгана" и являлись основой нашей часто противоречивой политики поддержки всех, кто боролся за свободу против коммунизма в любом уголке земного шара. Таких борцов мы нашли в Афганистане, Никарагуа, Анголе.

Эта речь отвечает и моему стремлению откровенно поговорить о коммунизме. Сейчас, оглядываясь на прошлое, я удивляюсь тому, что мои предшественники не приняли вызова марксизма-ленинизма ни в философском, ни в интеллектуальном плане. Мы всегда очень боялись задеть Советы нападками на такие основополагающие вещи. Ну и что? Марксистско-ленинская мысль – просто пустой ларец. К началу 80-х годов все знали это, но никто не говорил. Я решил высказаться по некоторым вопросам.

Мне кажется, что наша честность помогла Советам открыто взглянуть на их слабости и неопределенное будущее. Генеральный секретарь Горбачев обладает способностью видеть то, чего предыдущие советские лидеры видеть не хотели. О моем друге Горбачеве мы поговорим позже. Эту речь я произнес до того, как он стал руководителем государства.

Господин канцлер, господин спикер!

Мое путешествие, включая этот визит к вам, было довольно длительным. Я уже побывал в двух великих столицах Запада – в Риме и Париже – и участвовал в Версальском экономическом совещании глав государств. Там близкие нам по духу демократические общества продемонстрировали, что даже в периоды тяжелых экономических испытаний свободные страны способны работать сообща, на добровольных началах и в духе сотрудничества и солидарности обсуждать такие серьезные проблемы, как инфляция, безработица, торговля и экономическое развитие.

Впереди другие важные события. Позже на этой неделе мы с нашими союзниками по НАТО обсудим в ФРГ меры, касающиеся нашей общей обороны, а также последние американские предложения по обеспечению более устойчивого и безопасного мира посредством сокращения вооружений.

Каждая остановка во время нашего путешествия была

важной, но этот день оставит в моем сердце и в сердцах моих соотечественников особое впечатление: он напоминает о кровном родстве с вами, а эти овеванные славой залы вызывают у нас чувство возвращения домой.

От имени всех американцев я хочу сказать, что здесь мы чувствуем себя как дома. Это понятно каждому американцу: ведь ваш парламент – одна из цитаделей демократии. Именно здесь обсуждались и формулировались права свободных людей и принципы народного представительства.

Кто-то сказал, что любое государственное устройство отражает деяния людей. Ваш парламент – отражение деятельности тех, кто здесь заседал, и тех, кто выбирал сюда своих представителей.

Это мой второй визит в Великобританию в качестве президента Соединенных Штатов. Первый раз я ступил на британскую землю полтора года назад, когда ваш премьер-министр любезно пригласила меня на обед в британском посольстве в Вашингтоне. Г-жа Тэтчер сказала мне тогда, что, как она надеется, меня не будет беспокоить взиравший на меня с портрета на парадной лестнице Его Величество король Георг III. Она добавила, что лучше не ворошить далекое прошлое, и сослалась на долгие годы замечательной дружбы между нашими странами. Большинство англичан, сказала г-жа Тэтчер, согласились бы сегодня с Томасом Джефферсоном, что "время от времени маленький бунт весьма полезен". *(Смех.)*

Отсюда я направляюсь в Бонн, затем в Берлин – город с мрачным символом необузданной власти. Берлинской стене, этому страшному серому шраму, рассекшему город надвое, пошел уже третий десяток. Эта стена – подлинный знак режима, воздвигнувшего ее.

В нескольких сотнях километров за берлинской стеной находится другой символ. В центре Варшавы установлен дорожный указатель с расстояниями между двумя столицами. В одну сторону знак указывает на Москву, в другую – на Брюссель, штаб-квартиру союза стран Западной Европы. Знак свидетельствует, что расстояния между Варшавой и Москвой, Варшавой и Брюсселем одинаковы. Иными словами, Польша не относится ни к Востоку, ни к Западу. Она лежит в центре европейского цивилизованного мира. Она внесла в него огромный вклад и продолжает делать это сегодня своим отважным противостоянием угнетению.

Борьба Польши за право быть Польшей и за основные права, которые мы зачастую считаем чем-то самим собой разумеющимся, напоминает, что эти права нужно завоевывать. Гладстон, защищая "Билль о реформе" 1866 года, сказал: "Никто не может бороться с будущим. Время работает на нас". В эпоху Гладстона, в зените викторианского оптимизма, верить в необратимость демократии было легче.

Мы приближаемся к концу кровавого столетия с его зловещим политическим новшеством – тоталитаризмом. Сегодня оптимизм дается труднее не потому, что демократия утратила свою жизнестойкость, но потому, что враги ее усовершенствовали свой аппарат подавления. И все же мы сохраняем оптимизм, ибо изо дня в день демократия крепнет. Это не хрупкий росток. Режимы, насажденные тоталитаризмом от Штеттина на Балтике до Варны на Черном море, существуют больше 30 лет и имели достаточно времени, чтобы попробовать доказать свою законность. Однако ни один из этих режимов до сих пор не осмелился провести свободные выборы. Режимы, опирающиеся на штыки, не пускают корней.

Сила движения "Солидарность" в Польше подтверждает истинность распространенной в СССР шутки: "Советский Союз всегда будет однопартийным государством: если там разрешат оппозиционную партию, к ней примкнут все".
(Смех).

Америка начала играть заметную роль на арене мировой истории не так уж давно. Мне кажется, что этим объясняется ваша терпимость в обращении с нами, вашими младшими кузенами. Впрочем, так было не всегда. Мне вспоминается, как сэр Уинстон Черчилль однажды сердито отозвался об одном нашем искусном дипломате: "Вот единственный знакомый мне случай, когда слон носит с собой посудную лавку".

Помимо остроумия сэр Уинстон обладал особым качеством великого государственного деятеля – даром предвидения, желанием разглядеть будущее, опираясь на опыт прошлого. Именно о чувстве истории и понимании прошлого я и хочу поговорить с вами сегодня. Вспомнив, что объединяло наши страны в прошлом, мы сможем совместно взяться за дело ради будущего.

Мы унаследовали сложный мир. Последствия промышленной революции, начавшейся в Англии, достижения науки и техники привели к тому, что жить стало легче, но в то же время и опаснее. Над нашей свободой, над самим нашим су-

ществованием нависла угроза, которую предыдущие поколения не могли и представить.

Прежде всего это угроза глобальной войны. Ни один президент, ни один конгресс, ни один премьер-министр, ни один парламент не проводит и дня, забыв об этой угрозе. Излишне говорить, что наличие ядерного оружия в сегодняшнем мире может означать риск уничтожения если не всего человечества, то, по крайней мере, нашей цивилизации. Вот почему проходящие сейчас в Европе переговоры о ядерных ракетах средней дальности и запланированные на конец этого месяца переговоры о сокращении стратегических вооружений исключительно важны не только для Америки или Западной Европы, но и для всего человечества. Наше стремление как можно скорее добиться успеха в этих переговорах твердо и непоколебимо, наша цель ясна: уменьшить риск войны, сократив военные арсеналы с обеих сторон.

Одновременно существует угроза человеческой свободе со стороны ряда современных государств с их огромной мощью. История показывает, в чем заключаются опасности правительств, наделенных чересчур большой властью: политический контроль над развитием экономики, тайная полиция, тупой бюрократизм. Все вместе подавляет свободу личности и ее стремление к совершенству.

Я прекрасно понимаю, что в этом зале, да и во всей Европе, отнюдь не все едины относительно того, в какой степени общественный сектор призван играть роль в жизни страны и развитии ее экономики. Но в одном все мы сходимся: в нашем отвращении к любой диктатуре, особенно в форме тоталитаризма со всеми его страшными атрибутами: Большим террором, Освенцимом и Дахау, ГУЛАГом и Камбоджей.

Будущие историки не смогут не отметить последовательную сдержанность и мирные намерения Запада. Скажут они и о том, что именно демократические государства в 40-х и начале 50-х годов отказались использовать свою монополию на ядерное оружие для территориальных захватов или имперских целей. Если бы этой монополией обладал коммунистический мир, карта Европы, да и всего мира, выглядела бы сегодня совсем иначе. Будущие историки отметят, конечно, что не демократические государства вторглись в Афганистан, не они подавили польскую "Солидарность", не они применяли химическое и токсическое оружие в Афганистане и Юго-Восточной Азии.

Вот один урок истории, если она вообще чему-нибудь учит: неприятие фактов есть самообольщение и глупость. Сегодняшний мир полон страшных противоречий: это и предсказания о светопреставлении, и антиядерные демонстрации, и гонка вооружений, в которой Запад вынужден участвовать ради собственного спасения. Одновременно силы тоталитаризма в мире занимаются подрывной деятельностью, вызывают конфликты и продолжают варварское наступление на человеческий дух. Какой курс нам избрать? Суждено ли цивилизации погибнуть в пламени атомных взрывов? Суждено ли свободе кончиться в безропотном приятии зла тоталитаризма?

Сэр Уинстон Черчилль отказывался признавать неизбежность войны. Он сказал: "Я не верю, что Советская Россия желает войны. Она хочет ее плодов, беспредельного расширения своей власти и распространения своей доктрины. Нам же приходится размышлять сегодня над тем, как, пока не поздно, предупредить войну и создать условия для быстрого развития свободы и демократии во всем мире".

Именно в этом и заключается наша сегодняшняя миссия: сохранить свободу и мир. Быть может, это не очень ясно видно, но я уверен, что мы живем в поворотное время.

В каком-то ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы наблюдаем сегодня великий революционный кризис, когда экономические требования вступили в прямое противоречие с требованиями политическими. Однако этот кризис созрел не на свободном немарксистском Западе, а в самой цитадели марксизма-ленинизма – в Советском Союзе. Именно Советский Союз пытается повернуть историю вспять, отказывая своим гражданам в праве на достоинство и свободу. Советский Союз переживает сейчас огромные экономические трудности. Показатель роста национального продукта неуклонно снижался там начиная с 50-х годов и к сегодняшнему дню уменьшился более чем вдвое.

Масштабы этого кризиса поразительны: страна, пятая часть населения которой занята в сельском хозяйстве, не способна себя прокормить. Не будь крохотного частного сектора, терпимого в советском сельском хозяйстве, эта страна оказалась бы на грани голода. Приусадебные участки составляют там всего лишь три процента обрабатываемой земли, но дают около четверти всей советской сельскохозяйственной продукции и около трети всей мясной и овощной продукции.

Сверхцентрализованная советская система, мало или вовсе не поощряющая какие бы то ни было инициативы, из года в год использует свои лучшие ресурсы для создания орудий уничтожения. Постоянный спад экономического развития и рост военного производства ложатся тяжким бременем на плечи советского народа. Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами.

Неудача советского эксперимента отнюдь не должна удивлять нас. Сравните свободные и закрытые общества – Западную Германию и Восточную Германию, Австрию и Чехословакию, Малайзию и Вьетнам, – и неизменно окажется, что процветают и отвечают потребностям народов именно демократические государства. Вот простая и многозначительная примета нашего времени: миллионы людей бегут в одном направлении – прочь из коммунистического мира, а не наоборот. Вооруженные силы НАТО обращены лицом к востоку, чтобы предупредить возможное вторжение противника. По ту сторону границы советские войска тоже обращены лицом к востоку, чтобы пресечь бегство советских граждан из своей страны.

Против тяжести тоталитарных режимов повсюду восстают интеллект и воля. Будь то новые экономические течения в Америке и Англии или школа "новых философов" во Франции – все они объединены общим мотивом: отрицанием государственного произвола, отказом подчинить права личности правительственному диктату, осознанием того, что коллективизм подавляет самые благородные порывы индивида.

Со времени исхода из Египта летописцы и историки рассказывали о тех, кто жертвовал собой, борясь за свободу: о защитниках Фермопил, спартаковцах, французских революционерах, участниках Варшавского восстания во время второй мировой войны. Совсем недавно мы были свидетелями того же порыва к свободе в одной из развивающихся стран Центральной Америки. На протяжении долгих месяцев мировая пресса сообщала о событиях в Сальвадоре. Изю дня в день нам рассказывали и показывали ленты кинохроники о том, как "отважные борцы за свободу" молчаливого и страдающего народа этой истерзанной страны сражаются с "карательными правительственными силами".

И вот этот молчаливый и страдающий народ получил воз-

возможность избрать свое правительство. И тут скрывавшиеся в горах "борцы за свободу" предстали теми, кем на самом деле являются: мятежниками, поддерживаемыми Кубой, которые сражаются не ради демократии, а ради власти для себя и своих покровителей. Они грозили смертью каждому голосовавшему, уничтожали сотни автобусов и грузовиков, чтобы помешать людям добраться до избирательных пунктов. Но несмотря на все, в выборах участвовало беспрецедентное число сальвадорцев – 1,4 миллиона. Несмотря на засады и стрельбу, люди нередко шли многие мили, чтобы отдать свой голос за свободу.

Им приходилось выстаивать под палящим солнцем долгие часы, дожидаясь своей очереди голосовать. Члены нашего конгресса, находившиеся в Сальвадоре в качестве наблюдателей, рассказали мне об одной женщине, которую по дороге на избирательный пункт ранили из винтовки. Она отказалась от медицинской помощи и стояла в очереди, пока не проголосовала. Это была пожилая женщина; мятежники пригрозили убить ее после выборов, но она смело сказала им: "Вы можете убить меня, можете перебить всю мою семью и моих соседей, но всех нас вам не убить". Народ этой страны оказался подлинным борцом за свободу.

Странно, но в моей стране об этой войне после выборов писалось очень мало. Может быть, скажут, что это объясняется тем, что произошли новые события.

На далеких островах в Южной Атлантике* молодые люди сражаются за Британию. Конечно, раздались голоса против того, чтобы ради какой-то груды скал на краю света приносились жертвы. Но молодые люди сражаются там не просто за кусок земли. Они сражаются за правое дело, веря в то, что вооруженная агрессия должна быть пресечена, а народ должен участвовать в решениях правительства (*Аплодисменты*), которое подчиняется власти закона. Если бы этот принцип получил более твердую поддержку 45 лет назад, то, быть может, нашему поколению не пришлось бы проливать кровь во второй мировой войне.

На Ближнем Востоке снова заговорило оружие, на этот раз в Ливане, который бесконечно страдает из-за трагедий гражданской войны, терроризма, иностранной интервенции и оккупации. Войне в Ливане должен быть положен конец, и Израиль должен вывести свои войска. Но этого недостаточно.

*Фолклендские о-ва.

Всем нам необходимо выкорчевать терроризм, который постоянно угрожает войной на Ближнем Востоке.

Между тем миру известны не только опасности, но и примеры глубинных позитивных процессов. Сегодня во всем мире крепнут демократические силы. Индия выдержала критический экзамен, проведя мирную смену правящих политических партий. В Африке Нигерия движется по верному пути, учреждая и укрепляя демократические институты. В Карибском бассейне и в Центральной Америке 16 из 24 стран избрали правительства в условиях свободных выборов. В ООН за последние пять лет вступили десять развивающихся стран, из них восемь с демократическим строем.

Естественное стремление к свободе и самоопределению постоянно дает о себе знать и в коммунистическом мире. Разумеется, мы помним, как это стремление жестоко подавлялось полицейским государством: в 1953 году в Восточной Германии, в 1956-м в Венгрии, в 1968-м в Чехословакии, в 1981 году в Польше. Борьба в Польше еще продолжается. Мы знаем, что в самом Советском Союзе есть люди, которые борются за свободу и расплачиваются за это. Будет ли эта тенденция сохраняться, зависит от наших действий здесь, в западном демократическом мире.

Нет, демократия – это не хрупкий росток. Но она требует заботы. Если мы хотим видеть постепенное развитие и расширение свободы и демократических идеалов до конца нынешнего столетия, нужно принять меры, чтобы помочь этому процессу.

Существует мнение, что демократические изменения следует поощрять не в коммунистических странах, а там, где установлены диктаторские режимы правого толка. Согласиться с этой абсурдной мыслью, которую разделяют некоторые благонамеренные люди, – значит допустить, что странам, обретшим ядерное оружие, будет позволено безнаказанно управлять своими гражданами посредством террора. Мы отрицаем этот путь.

Что касается советской стороны, то председатель Брежнев неоднократно подчеркивал, что соревнование идей и систем должно продолжаться и что это никак не противоречит сохранению мира и ослаблению напряженности.

Мы бы хотели одного: чтобы эта система начала с соблюдения собственной конституции, собственных законов и принятых ею международных обязательств. Мы бы хотели

видеть хотя бы первые шаги в этом направлении – соблюдение норм поведения. Мы не надеемся на резкие изменения.

Следует отметить, что даже без какого бы то ни было поощрения с нашей стороны в коммунистических странах происходили и будут происходить выступления против репрессий и гнета. Даже в самом Советском Союзе. Всякая система, неспособная мирным путем узаконить власть своих лидеров, не бывает устойчивой. Репрессии со стороны властей вынуждают людей противиться такой системе и даже прибегать к силе, когда это необходимо.

Проявляя осторожность в отношении темпов изменений, мы должны со всей ясностью огласить наши конечные цели и соответственно им действовать. Мы должны быть непоколебимы в нашей убежденности, что свобода – не прерогатива горстки счастливиц, но неотъемлемое и универсальное право всех людей. Так сказано и в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека, которая, помимо прочего, провозглашает право людей на свободные выборы.

То, что я предлагаю, просто: содействовать развитию демократической инфраструктуры – свободной печати, профсоюзов, политических партий, университетов, – что позволяет народу избрать свой путь, развивать свою культуру, разрешать внутренние разногласия мирными средствами.

Никакого "культурного империализма" в этом нет; это забота о подлинном самоуправлении и защита принципа разнообразия. Демократия уже расцветает в странах с разными культурами и разным историческим опытом. Говорить, что какой-то народ предпочитает демократии диктатуру, было бы просто оскорбительно. Кто добровольно отказывается от права выбирать? Кто вместо независимых газет довольствуется листками с правительственной пропагандой? Кто предпочитает правительство профсоюзам, управляемым самими рабочими? Кто соглашается с тем, что земля должна принадлежать государству, а не людям, ее обрабатывающим? Что правительственные репрессии лучше религиозной свободы? Что однопартийная система предпочтительнее свободы политического выбора? Что жесткая ортодоксальность в области культуры более приемлема, чем демократическая терпимость и разнообразие?

Начиная с 1917 года Советский Союз тайно поддерживает марксистско-ленинские группировки во многих странах. Разумеется, он поощряет также методы насилия и подрывной ра-

боты со стороны этих сил. На протяжении нескольких десятилетий социал-демократы из западноевропейских и других стран, христианские демократы и западные лидеры предлагали открытую помощь разного рода политическим, социальным и гуманитарным институтам с целью содействия мирным и демократическим процессам. В таком новом и крепком демократическом обществе, как Федеративная Республика Германии, политические учреждения сыграли огромную роль в этих процессах.

Мы в Америке намереваемся сейчас сделать новые шаги в этом направлении, следуя примеру многих наших союзников. Лидеры национальных организаций, относящихся к республиканской и демократической партиям, вместе с двухпартийным Американским политическим фондом изучают вопрос: как Соединенные Штаты могли бы с максимальным эффектом содействовать глобальному, набирающему силу движению за демократию. Этому начинанию окажут поддержку лидеры конгресса от обеих партий, а также представители деловых кругов, рабочих организаций и других ведущих институтов в нашем обществе. Я надеюсь получить от них рекомендации и сотрудничать с ними и с конгрессом в нашем общем деле по укреплению демократии во всем мире.

Настало время для нашей страны, ее общественного и частного сектора посвятить себя задаче демократического развития.

Мы также будем консультироваться с лидерами других государств. Европейскому Совету предложено организовать в будущем году в Страсбурге конференцию парламентариев из демократических стран. Это престижное собрание могло бы обсудить возможности оказания помощи демократическим политическим движениям.

В ноябре этого года в Вашингтоне состоится международная конференция, посвященная свободным выборам. А весной будущего года соберется другая конференция, на которую съедутся международные эксперты по проблемам конституционализма и самоуправления. Председательствовать на встрече будет Верховный судья Соединенных Штатов. Специалисты из многих развивающихся и развитых стран – судьи, философы и политики с практическим опытом – выразили согласие обсудить возможности претворения в жизнь теоретических основ и дальнейшего укрепления принципа власти закона.

Одновременно мы приглашаем Советский Союз совместно рассмотреть вопрос: как добиться, чтобы соревнование идей и ценностей проходило в обстановке взаимного доверия. Я готов предложить председателю Брежневу выступить перед американским народом по нашему телевидению, если он предоставит мне аналогичную возможность обратиться с речью к советскому народу. Мы предлагаем также устраивать периодические телепередачи с участием журналистов из обеих стран для обсуждения важных событий.

Не буду выражать чрезмерный оптимизм, но скажу, что Советский Союз не остается невосприимчивым к реальностям современного мира. Как уже случалось в прошлом, для успокоения внутренних страстей немногочисленная правящая элита либо усиливает репрессии и прибегает к международному авантюризму, либо избирает более разумный путь: позволяет народу высказываться о своем будущем. Даже если это и не произойдет в скором будущем, я верю, что обновленная мощь демократического движения, поддержанная глобальной кампанией за свободу, увеличит шансы на укрепление мира и контроль над вооружениями.

Я не раз, в том числе и в моем обращении 9 мая, обсуждал политику Запада по отношению к Советскому Союзу, рассчитанную на защиту наших интересов и укрепление мира. Сейчас я говорю о долгосрочной программе и вере в то, что марш свободы и демократии сметет марксистско-ленинские режимы на свалку истории, как это уже случилось с другими тираниями, подавлявшими свободу народов и их право на самовыражение. Вот почему нам надо и впредь укреплять НАТО, даже выступая с инициативой "нулевого варианта" на переговорах о ракетах средней дальности и с предложением сократить на одну треть количество боеголовок стратегических баллистических ракет.

Наша военная мощь – необходимое условие сохранения мира, но позвольте мне со всей ясностью заявить: мы поддерживаем эту мощь в надежде, что она никогда не будет использована, потому что исход развернувшейся ныне во всем мире борьбы в конечном счете определится не бомбами и ракетами, а силой воли и идей, решимостью, нашей верой и идеалами, которым мы преданы.

Народ Великобритании знает, что решительное руководство, время и надежда делают свое дело, что силы добра, объединившись, в конечном счете торжествуют над злом. Ме-

сто, где мы сейчас находимся, – это колыбель самоуправления, очаг парламентаризма. Здесь Британия внесла бессмертный вклад в историю человечества, одарив его великими идеями индивидуальной свободы, представительного правительства, власти закона, предначертанного Богом.

Я часто задумывался над тем, что кое-кто из нас на Западе проявляет застенчивость, когда дело доходит до защиты идеалов, которые во многом помогают облегчить человеческую участь в нашем несовершенном мире. Нерешительность в использовании наших огромных ресурсов напоминает мне об одной старой леди, чей дом был разрушен бомбой во время войны. Бродя среди развалин, спасатели обнаружили бутылку коньяка, которую старушка хранила под лестницей, чудом уцелевшей в доме. Один из спасателей откупорил бутылку и дал пригубить из нее старушке, чтобы привести ее в чувство. Она сразу пришла в себя и воскликнула: "Положи бутылку на место! Это на крайний случай!" *(Смех.)*

Ну что ж, сейчас как раз тот крайний случай. Давайте не будем больше смущаться. Давайте напряжем наши силы. Давайте подадим надежду. Давайте скажем миру, что наступление новой эры не только возможно, но и вполне вероятно.

В черные дни второй мировой войны, когда этот остров был воплощением мужества, Уинстон Черчилль, говоря о врагах Великобритании, воскликнул: "За кого они нас принимают?" Враги Великобритании узнали, что за необыкновенный народ живет здесь. Но все демократии дорого заплатили за то, что позволяли диктаторам недооценивать нас. Мы более не совершим подобной ошибки. Так давайте же спросим себя: "За кого мы сами себя принимаем?" И давайте ответим: "За свободных людей, достойных свободы и намеренных не только оставаться свободными, но и помочь другим получить свободу".

Сэр Уинстон вел народ к великой победе, а потом проиграл выборы именно тогда, когда вот-вот можно было вкушать плоды этой победы. Он оставил свой пост с честью и, как позже выяснилось, временно, зная, что свобода его народа значит больше, чем судьба любого руководителя. История уготовила ему величие, которое не по плечу ни одному диктатору. Он вселил в нас надежду на будущее, которая так же актуальна сегодня, как и тогда, когда он впервые высказал ее почти 27 лет назад, будучи лидером оппозиции в палате общин: "Если мы оглянемся назад на все трудности, которые

преодолели, на всех сильных врагов, которых победили, на все темные и смертельно опасные замыслы, которым мы не дали осуществиться, то мы поймем, что можем не бояться за свое будущее. Мы успешно прошли через худшие испытания”.

Задачу, которую я поставил, придется выполнять уже не нашему поколению. Но и для нас, прошедших через эти испытания, худшее уже позади. Так давайте же добьемся лучшего. Давайте соединим силы в защиту свободы, которая потребует веры и сил следующего поколения. Ради мира и справедливости давайте вместе строить жизнь, в которой все люди свободны в выборе своей судьбы.

Благодарю вас.

Обед выпускников колледжа "Юрика"

Пиория, штат Иллинойс
9 мая 1982 года

Когда я был в Иллинойсе на дне посвящения в студенты в своей альма-матер, меня пригласили и на обед выпускников. Это было наслаждение. Я так люблю колледж "Юрика". Это небольшой институт, он не принадлежит к числу старейших, но если бы мне предложили начать все заново, то я, конечно, пришел бы получать свое образование только сюда.

Преимущество маленького института заключается в том, что здесь вы не сможете остаться анонимным, а в многолюдной жизни больших студгородков с их десятками и тысячами студентов вы можете просто затеряться. В маленьких учебных заведениях каждый является частью общественной жизни колледжа. Вас всегда могут попросить что-то сделать, потому что им постоянно нужны люди то ли для какого-нибудь комитета, то ли еще для чего-нибудь.

Кроме того, в маленьких институтах на факультете знают все о твоей личной жизни. В мое время профессора знали, кто твоя постоянная девочка и с кем ты встречаешься. Иногда преподаватель мог попросить студента присмотреть за его домом, пока он с женой был у кого-то в гостях. Правда, сейчас в "Юрике" нет необходимости присматривать за домом, но преподаватель всегда знал, что это даст студенту возможность посидеть вечером у огня с подружкой. Я очень люблю воспоминания, и в тот вечер я позволил себе повспоминать.

Спасибо всем. Надо же, как я разжился! Золотая заколка с инициалом "Ю", памятная доска, мой бюст в холле атлетической славы "Юрики". Когда в 1931 году в журнале "Призм" было написано, что как президент клуба поддержки я получил награду за участие в руководстве комитетами, организовавшими встречу выпускников, я думал, что достиг зенита славы. (Смех.) Вы даже представить себе не можете, как сильно я хочу вспомнить, что я тогда делал. (Смех.) На Капитолийском холме есть несколько комитетов, которыми тоже нужно поруководить. (Смех.)

Послушай, Мак*, если б в свое время нам удавалось собирать столько народу на футбол субботним вечером, нам не пришлось бы носить по три года одни и те же штаны, мы смогли бы купить себе новую форму. Я, правда, не уверен, за какие заслуги я смог бы их получить: за те три года, что я играл защитником, или за то, что несколько раз сделал "тачдаун"† в команде "Нотр-Дэйм", которая была при студии "Уорнер бразерс". (Смех.)

Буквально накануне моего приезда у меня хотел взять интервью корреспондент "Блумингтон пантограф". Ему хотелось повспоминать Иллинойс и колледж "Юрика", и многое другое. "Рассказывают тут одну историю, – говорит он, – будто вы сумели сделать "тачдаун" против "Нормал"‡ буквально на последних минутах игры". Вот вам, пожалуйста, как из маленькой истории делают большую. (Смех.) Ну что же, я могу вам рассказать про этот "тачдаун".

Насколько я помню, мы шли на очко впереди, и до конца игры оставались буквально секунды. Я провел на поле всю игру. "Нормал" постоянно играл на пасах. И наконец я решился. Наверное, вы помните, в те времена у нас на задней линии не было никого выше 175–178 см, то есть наша защита против пасов была вовсе не такой, какой должна была быть, если б против нас играли ребята чуть повыше. Поэтому я обычно прикрывал своего подопечного, а когда чувствовал, что скоро будет пас, бросался обратно во вторую линию, стараясь помочь перекрыть пасы.

---

*Уильям Макнет, президент Ассоциации выпускников колледжа "Юрика".

†Касание мячом в поле противника.

‡Одна из школьных команд.

Потом вдруг я увидел, что все почему-то потянулись на одну сторону поля, а этот малый из "Нормала" – никогда не забуду его красный свитер – бежит сам по себе. Я рванулся за ним и через некоторое время, когда он оглянулся, уже знал, что летит мяч, развернулся, а мяч тут как тут. Я подпрыгнул, поймал его, но к этому времени (я уже говорил, что играл всю игру) я понял, что сил у меня не осталось. Да, это была мечта любого защитника. Их защитник стоял на боковой, ярдах в 75 от линии ворот, но там, за ним, поле было совсем не прикрытое. Но надо еще добежать с мячом! Я стою и размышляю: "Если я замешкаюсь на секунду или две, он собьет меня. Мы все равно выиграем, и можно не бежать". (Смех.)

Я поперекидывал мяч из руки в руку, затем еще, но ничего не случилось (Смех.), и я начал уже поднимать голову, как вдруг он обхватил меня и говорит: "Все, приехали". (Смех.) В этот момент я увидел, что меня заменяют, и все понял, а Ральф Маккензи с серьезным, можно даже сказать не с серьезным, а со злым лицом крикнул: "Что случилось?" Единственное, что я мог ответить, было: "Я устал". (Смех.) Но это, сказал я корреспонденту, был тот "тачдаун", которого я никогда не делал, это была моя голубая мечта защитника.

Знаете, в последнее время я перестал рассказывать о том, как получал грамоту, присужденную колледжу "Юрика" в связи с его столетием в 1955 году. Слишком многие стали думать, что это мне исполнилось сто лет. (Смех.)

Я провел этот день в состоянии ностальгии. Думаю, что многие из вас ощущают то же. "Юрика" навсегда в наших сердцах. И мне доставляет огромное удовольствие быть в этом студенческом городке, видеть сегодняшних студентов и ощущать, что здесь царит тот же дух и та же любовь, которые царили в мои времена. Вы пронесете память об этих днях в "Юрике" с такой же теплотой, с какой храним эту память мы.

Несколько месяцев назад я получил письмо от миссис Ли Путнам, курс 50-го года. Эй, Ли, где ты там? Ты не возражаешь, если я расскажу им о твоём письме? Ли – дочь профессора Тома Уигенса, нашего преподавателя английского, которого многие из нас очень хорошо помнят. В своём письме она делится воспоминаниями о том, что было в 30-е годы в "Юрике". Да, сама она поступила учиться туда в 50-м, а в 30-е,

должно быть, была весьма юной. Но она пишет, что те события еще живы в ее памяти: "Факультетский чай перед камином, отец читает, мама играет на пианино. Карл Сэндберг, который гостил у нас одну ночь. Каждый вечер консервированная кета, шпинат, вареные бобы. У колледжа была договоренность с "Хэппи ауэр кеннинг фэктори" в Блумингтоне, что позволяло нам заказывать консервированные продукты в кредит, так как в то время зарплату не платили". И это чистая правда.

"Мы также получали молочные продукты с фермы колледжа, которой управлял Фрэнк Фелтер. Я еще была слишком мала, чтобы понимать все это, но, похоже, все местное население скидывалось, чтобы спасти колледж "Юрики".

Действительно, так оно и было. День за днем наши профессора приходили в эти классы так, как будто им всегда платили вовремя. Я задумался об этом сейчас, когда посмотрел несколько забастовок учителей. Я считаю, что дух "Юрики" всегда здесь присутствует, он в этом городе, на факультете, он жив в студентах.

Ли, я должен рассказать тебе одну вещь о твоём отце, благослови его Господь. Мне кажется, что покойный Бад Кол, пухом ему земля, и я вылетели бы отсюда, если бы не сдали экзамены, а это было как раз накануне игры, посвященной встрече выпускников. Поэтому после обеда мы пошли в спортзал и переоделись, а потом пошли в здание Бургес Холл в класс, где преподавал твой отец. Он дал каждому по два билета и сказал: "Выберите себе билет. Когда я вам понадоблюсь, найдете меня в административном здании". Мы быстро ответили на вопросы и побежали на поле, убежденные, что экзамен сдан. Так оно и было, и мы смогли играть на следующий день. Вот этот дух "Юрики" живет не только в течение четырех лет обучения, он живет в нас всю нашу жизнь. Именно поэтому сегодня здесь так много народу.

Кстати, я хочу поблагодарить Ли за это письмо. Правда, я не знаю, как поступить с ним, но там в конце она пишет: "Моя сестра Барбара Купер – сержант полиции в Бурбанке, штат Калифорния. Она с тобой знакома". (Смех.) Представляете, что будет, если об этом разнюхает пресса. (Смех.)

Но я не могу даже передать словами, как тут у вас все было замечательно. Единственная ложка дегтя в этой бочке меда – это то, что день заканчивается: карета превратится в тыкву, а лошадки – в мышей. И все потому, что мы не можем

остаться на ужин. Сегодня впервые я выступал перед обедом. Обычно я выступаю как послеобеденный оратор. Тем не менее, мы вынуждены идти, чтобы успеть на самолет. Побывав здесь, у вас, я понял, что каждый, кто работает в правительстве в Вашингтоне, должен совершать такие поездки и получать такие впечатления постоянно, потому что существует огромная разница между настоящим миром и тем миром, который находится на другом берегу Потомака.

Так что от одного красного дьявола – ко всем остальным. (Смех.) Да здравствует бордо и золото*. Да здравствует наша альма-матер! Я думаю, что все мы должны молиться за то, чтобы "Юрика" всегда была здесь и через много лет после того, как нас не будет, делала для молодых людей то, что она сделала для нас.

Благослови вас Господь. Как хотел бы я задержаться и с каждым из вас поздороваться! Это было удивительное время, и я покидаю вас с чувством глубокой признательности.

Но есть одна маленькая история, которую я хотел бы рассказать вам, прежде чем уйти. Мне действительно трудно расстаться с вами. Мы в Вашингтоне решили, что я должен сделать пробное выступление о международном положении и о наших планах в области разоружения, сокращения ядерного оружия. Говорилось и о том, какой должна быть аудитория для подобной речи. Моя поездка в Европу для встреч с нашими союзниками должна состояться в конце нынешнего месяца. И я сказал: "У меня есть замечательная аудитория, я выступлю в Иллинойсе", – и напомнил им, что Уинстон Черчилль в свое время выступил в маленьком колледже в штате Миссури и именно тогда он пустил в оборот термин "железный занавес".

Итак, я сказал: "Мы выступим в Иллинойсе". Тем, кто присутствовал на этой встрече сегодня утром, я рассказал анекдот, который показывает чувство юмора советских людей и их цинизм по отношению к своему образу жизни и своему правительству. Вообще-то у меня было два анекдота, но я не буду повторять тот, который рассказал сегодня. (Смех.) Знаете, в последнее время я стал собирать русские анекдоты, потому что в них отражается мнение народа о правительстве.

Этот анекдот имеет отношение к тем временам, когда Брежнев впервые стал президентом. Он пригласил свою престарелую мать приехать к нему и посмотреть, какой у него

*Цвета колледжа "Юрика".

громадный кабинет в Кремле. Потом он посадил ее в шикарную машину и отвез в свою роскошную квартиру. И в том, и в другом месте она не произнесла ни слова, она смотрела, но ничего не говорила. Тогда он посадил ее в свой вертолет и отвез в загородный дом в лесу. И опять она ничего не сказала. Осмотрев дом, они сели в его личный реактивный самолет и полетели на берег Черного моря в мраморный дворец – на его дачу на берегу моря, и вот тут-то она и сказала: "Леня, а что, если коммунисты узнают?" (Смех.)

Мы любим вас и завидуем, что вы здесь остаетесь. Да поможет вам Бог.

Спасибо.

Выступление на церемонии спуска на воду линкора "Нью-Джерси"

Лонг-Бич, штат Калифорния
28 декабря 1982 года

Мне кажется, что американцы избрали меня президентом еще и для того, чтобы я занялся возрождением наших всеми забытых и потрепанных вооруженных сил. Слишком долго наши руководители считали, что мы можем держать мощную армию на голодном пайке, и поэтому именно военные расходы всегда урезались. Естественно, американцы не чувствовали себя в безопасности и избрали меня, как я полагаю, в надежде на мое вмешательство. Перед нами стояла четкая задача. Как я часто говорил во время кампании 1980 года, у нас были самолеты, которые не могли взлететь, и корабли, которые не могли выйти в море. И это не преувеличение.

Военное снаряжение и боеготовность лишь часть проблемы. В нашей армии были серьезные проблемы с боевым духом. После Вьетнама наши граждане, носящие военную форму, стали терять уважение к своей профессии. Быть может, я просто посмотрелся военных фильмов, героики которых я часто путал с реальной жизнью, но здравый смысл говорил мне, что не может быть боеспособной армии, не болеющей за честь мундира.

Так что моей главной задачей было возрождение нашей армии и, что не менее важно, ее морального духа. Спуск на воду отремонтированного "Нью-Джерси" является примером того, что мы должны были сделать.

Министр Леман*, благодарю вас! Капитан Фогарти, господа офицеры, члены команды, уважаемые гости!

Министр обороны Уайнбергер должен был тоже присутствовать здесь, но, поскольку мы все сюда приехали, он решил остаться в Вашингтоне, чтобы присмотреть за лавкой.

В окружении этих синих с золотом кителей я испытываю странное чувство – будто я снова оказался на съемках фильма "Флотские ведьмы" ("Hellcats of the Navy"). (Смех.) Так назывался фильм, снятый по материалам знаменитой победоносной операции нашего флота в Японском море во время второй мировой войны. Операция называлась "Ведьма". ("Hellcat".) В то время, помнится, я был влюблен в главную героиню. Ею была Нэнси, моя жена, и я все еще влюблен в нее, но должен признаться, что сегодня во мне растет чувство глубокого уважения к другой героине# – героине сегодняшней церемонии. Она поседела, ей сделали подтяжку лица, но она еще прекрасна и величава. Эта леди – "Нью-Джерси".

Для меня большая честь присутствовать здесь при спуске на воду этой мощной силы, призванной служить миру и свободе, интересам защиты нашей страны. Возвращение этого большого корабля в строй представляет собой важный шаг на пути выполнения нашего обещания возродить военную мощь Америки. Это событие отмечает начало возрождения нашей силы, которую мы можем себе позволить. Что мы не можем себе позволить, так это ее потерять.

Со времени образования наших вооруженных сил в период Революции наша страна всегда обходилась без большой регулярной армии и флота. История нашего успеха уникальна – в любой области человеческой деятельности мы добивались его мирными средствами. На протяжении двух веков существования нашей демократии мы были для мира образцом в области технологии, торговли, сельского хозяйства и экономических возможностей.

Наше положение как свободного общества и мировой державы основывается не на грубой силе. Если мы и брали в руки оружие, то только для защиты своей свободы и свободы других миролюбивых стран, которые нуждались в нашей помощи. Но сейчас, с развитием видов оружия, имеющих огромную раз-

*Министр военно-морского флота Джон Леман.

#В английском языке есть традиция относить корабли к женскому роду.

рушительную силу, у нас не остается иного выбора, кроме поддержания в полной боевой готовности наших оборонительных сил, равных которым в мире нет. Да, цена высока, но цена небрежности будет наверняка выше.

Другая великая держава мира придерживается иной точки зрения на свои вооруженные силы. Советский Союз стал исключительно сильной страной – лучше сказать сверхдержавой – только благодаря своей военной мощи. Он добился этого, жертвуя и пренебрегая практически всеми остальными сферами жизни.

Америка, напротив, составляет основу безопасности свободного мира, потому что свобода, которую мы защищаем, не только наша свобода. Однако в последние годы мы стали опасно отстраняться от того, что безусловно является нашей обязанностью. С 1970 по 1979 год наши расходы на оборону в сопоставимых ценах сократились на 22%. Военно–морские силы, столь необходимые для защиты наших интересов в тех отдаленных местах, где нарастает напряженность, уменьшили свою численность, как уже отметил министр, с более чем 1000 до 453 кораблей.

Потенциальные завоеватели рассматривают это одностороннее разоружение, а оно произошло и в других родах войск, как признак слабости и недостатка воли, необходимой для защиты нашего образа жизни. Пока мы говорили о разрядке, о снижении напряженности в мире, Советский Союз приступил к осуществлению обширной программы милитаризации. Начиная примерно с 1965 года он постоянно увеличивал свои военные расходы, почти удвоив их за последние 15 лет.

В таком свободном обществе, как наше, где допускаются различные точки зрения, всегда найдутся люди, возражающие против любых расходов на оборону, в каком бы объеме они ни выделялись. Другая точка зрения принадлежит тем, кто верит в необходимость обеспечения обороноспособности, но кто ошибочно считает, что министерство обороны в основе своей расточительно и о сокращении расходов не задумывается. Что я могу сказать? Они совершенно неправы.

В любых правительственных расходах всегда присутствует угроза расточительности. Но я могу заверить своих сограждан, что в обеспечении нашей обороноспособности нет места расточительности. Бесцельно потраченный доллар – это доллар, потерянный в борьбе за создание более безопасного будущего для нашего народа. Министр Уайнбергер и члены нашей адми-

нистрации намерены истратить на оборону ровно столько, сколько нужно для защиты мира, и ни цента больше. Спуск на воду этого корабля – свидетельство того, что мы перевооружаемся расчетливо, полностью используя имеющиеся возможности.

Тем, кого заставили поверить, что мы превысили потребности нашей национальной безопасности и расходует непропорционально много на военные нужды, позвольте заявить: это неправда.

Несмотря на все громы и молнии, направленные в наш адрес, которые постоянно докатываются до нас и о которых мы читаем в прессе, доля расходов на оборону в валовом национальном продукте много ниже, чем она была во времена Эйзенхауэра и Кеннеди. Дело в том, что за счет реформы военных поставок, повышения эффективности и экономичности в производстве вооружений мы получили возможность разработать и обеспечить финансирование такой военной программы, которую наша страна может себе позволить. Программа соотносится с имеющейся угрозой и обеспечивает заработную плату и льготы, которые в большей мере соответствуют тому, что заслуживают наши военнослужащие.

Мы уже осознаем, что получим огромный выигрыш в результате осуществления нашей военной программы. Боеготовность наших вооруженных сил значительно возросла. Как вы только что узнали, мы полностью удовлетворяем наши потребности в новобранцах и даже имеем избыток желающих служить. Мы получили поддержку конгресса по таким принципиальным инициативам, как приобретение двух авианосцев, бомбардировщика "В-1" и транспортного самолета "С-5".

Наша страна намерена предпринять все возможное, чтобы значительно уменьшить возможность возникновения ядерной войны. В то же время на случай развязывания такой войны против нас и наших союзников на должном уровне будут поддерживаться силы сдерживания. С этой целью мы закроем окно уязвимости путем осуществления разносторонней программы модернизации стратегических сил.

Одновременно с этими мерами мы продолжаем выдвигать серьезные предложения по ограничению вооружений, направленные на осуществление глубоких проверяемых сокращений стратегических ядерных ракет. Мы предложили полностью уничтожить ядерные ракеты средней дальности в Европе и одновременно установить паритет в обычных вооружениях. И,

должен сказать, новости ободряющие. Советский Союз пошел навстречу и согласился на нулевое решение. Он согласился на нулевое решение, но только с нашей стороны. (Смех.)

Мы не можем закрывать глаза на тот факт, что с ростом военной мощи Советского Союза увеличивается и его стремление к военным авантюрам. Последствия этого хорошо видны в ряде стран "третьего мира". Мы не выпускаем из виду и то, что, хотя Советский Союз является традиционно континентальной страной, практически обеспеченной полезными ископаемыми и энергетическими ресурсами, имеющей общую сухопутную границу со странами Европы и Азии, он создал мощный океанский военный флот, совершенно неоправданный никакими потребностями обороны. Этот флот рассчитан на проведение наступательных операций, перекрытие морских путей, обеспечивающих жизнедеятельность свободного мира; таких операций, которые бы сделали невозможным оказать помощь союзникам свободного мира морским путем.

В отличие от СССР Соединенные Штаты являются морской державой по необходимости, будучи зависимыми от импорта жизненно важных стратегических материалов из-за океана. Более 90% товаров, которыми мы торгуем с нашими заокеанскими партнерами, перевозится морским путем. Свободное передвижение по морским путям необходимо нашей стране как воздух. Именно поэтому задача нашего военно-морского флота – поддержание беспрепятственного использования морских коммуникаций во всем мире, что является значительно более объемной задачей, чем перекрытие этих коммуникаций в стратегически уязвимых точках.

Господство на морях для нас совершенно необходимо. Мы должны иметь возможность в случае необходимости добиться преимущества в воздухе, на воде и под водой, чтобы обеспечить свободный доступ во все океаны. Неспособность осуществить эту задачу поставит под сомнение надежность наших обычных вооружений, обеспечивающих оборону.

Как я уже сказал, мы строим флот из 600 кораблей, включая 15 авианосных ударных групп. Но количество – это еще не все. Эти корабли должны быть чрезвычайно боеспособными.

"Нью-Джерси" и другие корабли этой серии по вооруженности и классу превосходят любые корабли противника этого типа. Стоимость ремонта корабля водоизмещением в 58 тысяч тонн, одна броня которого весит больше, чем наш самый большой крейсер, не превышает цены нового 4000-тонного фрегата.

”Нью-Джерси” оборудован новейшими ракетными системами вооружений, в нем использованы последние разработки в области связи. Он будет прекрасным дополнением огневой мощи нашего флота. Этот корабль – наглядный пример того, каким образом нынешняя администрация собирается перестроить вооруженные силы Америки. Она будет добиваться максимальной эффективности капиталовложений в современную технологию, следуя утвержденному плану и оставаясь в рамках бюджетных ассигнований.

Задача ”Нью-Джерси” – осуществлять как тактические, так и стратегические операции по защите наших национальных интересов во всем мире. В некоторых случаях использование ”Нью-Джерси” позволит освободить наши трудяги-авианосцы для выполнения других задач. Хотя они и остаются основой американских военно-морских сил, хозяином на морях в наше время будет линкор. При поддержке десантных операций 16-дюймовые снаряды ”Нью-Джерси”, каждый весом в легковой автомобиль, могут поражать цель с филигранной точностью. А благодаря своей высокой скорости – до 35 узлов – ”Нью-Джерси” будет одним из самых быстроходных кораблей.

Из истории известно, что делегат Континентального конгресса назвал создание военно-морского флота ”самой безумной идеей в мире”. Решение о возвращении в строй этого корабля нам тоже пришлось отстаивать. И все же я готов спорить с любым, кто, побывав или хотя бы посмотрев на ”Нью-Джерси”, выразит сомнение в том, что он стоит своих денег. Мне кажется странным и даже смешным, что те же люди, которые раньше нападали на нас за стремление использовать новейшую технологию, обвиняя в том, что наше оружие золотое, сегодня выступают против использования сверхэффективного и сверхэкономичного ”Нью-Джерси”. Сомневаюсь, что найдется лучший пример бережливости нынешней администрации, чем решение о восстановлении этого замечательного корабля, который мы сегодня спускаем на воду.

Однако, даже добиваясь максимальной эффективности, при которой мы стараемся не потратить зря и доллара, мы не должны обманываться. Обеспечение надлежащей обороны обходится недешево. Цена мира всегда велика, но, если задуматься о возможных последствиях экономии на обороне, приходишь к выводу, что такие расходы оправданы.

Об этом хорошо сказал Теодор Рузвельт: ”Мы, американцы, должны решить множество сложных проблем, мы должны бо-

роться с многими проявлениями зла, мы должны многое совершить, если, как мы надеемся, у нас достанет мудрости, силы, храбрости и добродетели совершить это. Но мы должны смотреть фактам в лицо. Мы та самая страна мира, в чьих руках покоится будущее грядущих лет”.

Я хотел бы воспользоваться предоставившейся мне возможностью, чтобы поблагодарить всех, кто трудился над возрождением ”Нью-Джерси”. У вас отличная команда, и вы проделали огромную работу, чтобы вернуть кораблю боеспособность. Вы продемонстрировали новый дух, новое чувство ответственности, которое должно быть на каждой нашей верфи, на всех оборонных предприятиях, если мы хотим, чтобы народ продолжал поддерживать нас в выполнении этой важнейшей задачи.

По заявлению министра, ремонт этого корабля был произведен в плановые сроки и в соответствии с выделенными средствами. Все отчеты свидетельствуют, что работы выполнены на высоком профессиональном уровне, и мне приятно воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы поблагодарить вас всех от имени нашего народа.

Боеспособность ”Нью-Джерси”, как и любого другого корабля нашего флота, зависит от умения, от преданности и, что уж там, от патриотизма тех, кто составляет его команду. Вы – элита. Было получено 6 тысяч заявлений на 1,5 тысячи мест в команде ”Нью-Джерси”. Я не сомневаюсь, что из ваших рядов вырастут новые Спруэнсы, Хелси и Томпсоны.

Чуть раньше я процитировал Теодора Рузвельта. Большинство помнят его как человека сильного, живого. Существует и мнение о том, что он был воинственным, всегда готовым ввязаться в бой. Что ж, давайте вспомним. Ведь он получил Нобелевскую премию мира за свои мужественные и энергичные действия по прекращению русско-японской войны. Он осознавал наличие связи между миром и силой. И он понимал значение мощного флота.

”Военно-морской флот Соединенных Штатов, – говорил он, – это наша правая рука, причем рука миротворящая. Стыд и позор нам, если мы допустим, что правую руку парализует или что она станет дряхлой и слабой”.

Вводом в строй ”Нью-Джерси”, нашего 514 корабля, мы еще раз подтверждаем свое твердое намерение возродить силу правой руки Америки. Тогда мы сможем сохранить мир.

После доблестной службы во Вьетнаме и после спасения большого числа морских пехотинцев в 1969 году ”Нью-Джер-

си” был списан. Во время торжественной церемонии ее последний командир капитан Роберт Пеннисон произнес пророческие слова, пожелав кораблю ”хорошо отдохнуть, но спать чутко, чтобы, заслышав звуки тревоги, со всей боевой мощью встать на защиту свободы”.

Что ж, время пришло. Америке для защиты свободы и поддержания мира вновь понадобилась огневая мощь линкора. И миссию линкора можно будет считать полностью выполненной, если эту мощь вводить в действие не потребуеться.

Капитан Фогарти, я объявляю военный корабль США ”Нью-Джерси” вступившим в строй.

Благослови его Господь! Попутного ветра!

Ежегодная национальная утренняя МОЛИТВА

Вашингтон, округ Колумбия
4 февраля 1982 года

Почти каждый год я посещал национальные утренние молитвы. Люди собираются на них потому, что верят в их силу. Не было случая, чтобы после такой молитвы я не ощутил прилив сил. Испытываешь поразительное чувство, зная, что люди молятся за тебя и за восстановление твоих сил. Я по себе это знаю, я чувствовал эти молитвы, когда выздоравливал после ранения.

Мне это кажется весьма интересным. В студенческие годы, играя в футбол, я всегда произносил молитву перед началом игры. Я не просил победы. Я молился за то, чтобы сыграть как можно лучше, за то, чтобы никто не пострадал, а еще я молился за то, чтобы не жалеть ни о чем, когда игра кончится, потому что сделал все, что мог. Много лет спустя я понял, что произносил ту же молитву и будучи президентом. Оказывается, молитва эта жива и продолжает направлять меня.

Кстати, генерал Джим Дузер, которого я упоминаю в предлагаемой речи, это тот американский генерал, которого похитили террористы и которого освободила потом итальянская полиция.

Спасибо большое тебе, Джон*, вам друзья и уважаемые гости, сидящие за этим столом, и всем присутствующим! Нам с Нэнси очень приятно быть с вами сегодня утром. Это для нас большая честь.

Генерал Доузер, я знаю, вы не любите, когда вас благодарят за то, что по вашему мнению всего лишь исполнение долга. Извините, но я собираюсь воспользоваться своим руководящим положением. (Смех.) Мы хотим поблагодарить Господа Бога за то, что он внял нашим молитвам. Мы хотим отдать должное итальянским властям за блестяще проведенную операцию по освобождению нашего генерала. Джим, мы просто хотим отблагодарить тебя и Джудит за ваше мужество. Приветствуем тебя на родной земле, солдат!

Кто-то сказал, что герой не храбрее любого другого человека. Он просто храбрее на пять минут дольше. Вы же, генерал, были храбрее на 42 дня дольше. И теперь мы знаем, почему звучат слова благодарности и торжества в утренних молитвах.

В прошлом году вы все помогали мне отмечать тридцать первую годовщину моего тридцатидевятилетия. (Смех.) И должен сказать вам, что мне совершенно не в тягость груз накопившихся лет. Я помню, что Моисею было 80, когда Господь призвал его служить людям, а прожил он до 120. (Смех.) Абраму было 100, а жене его Саре 90, когда они совершили нечто воистину удивительное (Смех.), а прожил он до 175 лет. Представьте себе, что бы было, если он откладывал бы по 2 тысячи долларов в год на свою страховку. (Смех.)

Тот, кто присутствовал здесь в прошлом году, наверное, помнит историю неизвестного автора, которую я тогда рассказал. В этой истории главному герою снилось, что он шел по пляжу вместе с Богом, а на небе возникали сцены из его жизни. Когда они дошли до конца пляжа, он обернулся и увидел, что на песке отпечатались две цепочки следов, которые время от времени соединялись вместе. Вторая цепочка следов исчезала каждый раз, когда на небе появлялось изображение какого-то испытания или переживания, выпавшего на долю главного героя. Он удивился и спросил Бога: "Ведь ты обещал, что, если я пойду за тобой, ты всегда будешь рядом, почему же ты бросил меня в трудную минуту?" На что Бог ответил: "Любимое дитя мое, я не бросал тебя, когда ты во мне нуждался. Если ты видишь только пару следов, значит, в это время я тебя нес".

---

*Сенатор Джон Стеннис от штата Миссисипи.

Когда я рассказывал эту историю в прошлом году, а тогда прошло всего несколько недель моего пребывания на посту президента, я думал, что много раз после меня будет лишь одна пара следов, я буду часто нуждаться в том, чтобы меня перенесли через ухабы, а если я не буду в это верить, у меня не хватит мужества сделать то, что я задумал.

Вскоре после этого настал момент, когда я понял наверняка, что Господь меня несет. А теперь мы стали свидетелями того, что и в жизни генерала Доузера настал такой момент. С нами Бог. Мы только должны верить. Псалмопевец говорил: "Слезы могут пролиться ночью, но радость приходит утром".

Нэнси и я благодарны вам за вашу веру и за ваши молитвы. Это правда, что эта сила передается нам, ее можно ощутить и почувствовать.

Я всегда верил, что все мы и каждый из нас в отдельности появились на свет с какой-то целью, что существует какой-то план, какое-то божественное предназначение для всех нас. Теперь я знаю, что все дни, отведенные мне судьбой, принадлежат Ему.

Я верю также, что наша благословенная Земля специально оказалась в стороне от остального мира, чтобы стать родиной людей, пришедших сюда не в поисках золота, а в надежде найти Бога. Это были свободные люди, жившие по закону, с верой в своего Создателя и в свое будущее.

Иногда кажется, что мы сбились с этого достойного пути, что мы разучились различать понятия добра и зла и не знаем, как следует жить. Господь Бог, источник наших знаний, был выдворен из школьных классов. Он одарил нас величайшим даром жизни, однако многие готовы простить убийцу, повинного в смерти своей жертвы. Мы ждем от Него защиты в трудные минуты, а сами в своей повседневной жизни отворачиваемся от Него. Возможно, Он просто ждет, когда мы проснемся.

В сердце любого американца, как здесь красноречиво выразился Пит*, живет дух любви, дух заботы о ближнем, желание работать вместе на общее благо. В притче о добром самарянине говорится, что он перешел дорогу, преклонил колена, перевязал раны избитого странствующего паломника и отнес его в ближайший город. Он не побежал в город на поиски члена благотворительного общества, чтобы сказать, что на дороге лежит человек, которому, вероятно, нужна помощь.

*Сенатор от штата Нью-Мексико Пит В. Доменичи.

Не настало ли время всем нам проявить личное участие, позаботиться о ближнем, а церквям и синагогам восстановить наш дух добрососедской заботы друг о друге? Выступая перед этой аудиторией, я сознаю, что проповедую проповедникам. Если бы вы все работали в федеральном правительстве, вы все считались бы ответственными работниками. Сегодня вы нам нужны больше, чем когда-либо. Из ваших уст должно исходить напоминание о том, что мы должны вершить на Земле дело Божье. Мы никогда не ответим на все вопросы, не решим все проблемы, не залечим все раны, но мы можем сделать очень много, если все вместе пойдем тем единственным путем, который ведет к реальной надежде.

Я вспоминаю, как разговаривал с одним сенатором по поводу конфликта, длившегося битый год, но в котором стороны упорно продолжали настаивать на своем. Каждый из нас искренне верил в то, что отстаивал, но мы были противниками. Когда сенатор закончил говорить, он встал и сказал: "Сейчас выйду от вас и помолюсь". Я ответил: "Не удивляйтесь, если у Бога будет уже занято, это значит, что я опередил Вас". (Смех.)

Господь обещал нам, что данное нами воздастся во множестве, так давайте пойдем вперед и раздуем пламя нашей веры. Давайте поступками докажем нашу мудрость.

Завершив дела наши, скажем словами святого апостола Павла из Второго Послания к Тимофею: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил". Это и есть свидетельство сделанного.

Я надеюсь, что не только эта великая земля сохранится в веках, но сохранится и эта замечательная традиция собираться в этот день, чтобы вспомнить, какова наша истинная задача.

Благослови вас Бог. Спасибо.

Рождественское радиообращение к нации

---

25 декабря 1982 года

Мое возвращение на радио состоялось, когда я стал президентом. Каждую субботу в полдень по средневосточному времени я выступал по радио с пятиминутным обращением к нации. Первый раз такое обращение прозвучало в апреле 1982 года, а ко времени завершения второго срока моего пребывания на посту президента состоялась 331 такая радиопередача. Если их все сложить, получится почти год из одних суббот.

Эти радиопередачи позволяли мне поговорить о самых горячих новостях прошедшей недели и поделиться своими соображениями. Кроме того, я рассказывал американскому народу о той информации, которую черпал из писем и газетных вырезок. Предлагаемое выступление в этом смысле весьма характерно.

Примите поздравления с Рождеством из Белого дома. Если бы это было возможно, мы с Нэнси были бы рады лично поблагодарить каждого из тысяч людей, которые прислали нам праздничные открытки, поздравления и послания. Каждое из них трогает, каждое рассказывает о чем-то своем – о любви, надежде, молитве и патриотизме. И каждое делает наше Рождество еще более ярким.

Некоторые из самых трогательных посланий пришли от

тех сограждан, кто в отличие от нас встречает Рождество не в кругу семьи, а вдали от друзей и любимых. Как, например, поздравления от двенадцати морских пехотинцев, которые встречают Рождество в Бейруте, помогая восстанавливать разрушенную надежду на мир в этой многострадальной стране. Я также хотел упомянуть послание от старшины с авианосца "Энтерпрайз", который просит нас, чтобы мы в этот праздничный день вспомнили его и его товарищей. "Встречать Рождество в Индийском океане совсем невесело, – пишет он, – но мы служим благому делу".

Что ж, это правильно, моряк. Вы действительно служите благому делу. В этот день, в день рождения Христа, вместе с вашими друзьями вы стоите на страже мира, которому Он нас учил. Нас разделяют тысячи миль, но для нас нет никого ближе.

Одно из наиболее понравившихся мне рождественских посланий пришло в этом году задолго до праздника. В нем говорилось о своеобразной рождественской сказке, приключившейся в октябре. Местом действия был не наш континент, а беспокойные воды Южно-Китайского моря. По-моему, в этой истории отражено то лучшее, что присуще Рождеству и американскому характеру, в ней показано, что представляет наша любимая страна не только для нас самих, но и для миллионов менее счастливых людей во всем мире.

Я благодарю г-на Гэри Кемпа из Нины, штат Висконсин, за то, что он познакомил меня с письмом, которое артиллерист первого класса с авианосца "Мидуэй" Джон Муни послал своим родителям 15 октября. В нем – рождественская сказка, которая стала былью.

"Дорогие мама и папа, – пишет солдат, – сегодня мы увидели в море лодку и оказали помощь. Там было шестьдесят пять вьетнамских беженцев. Почти два часа мы их поднимали на борт, потом их проверила служба безопасности, осмотрели врачи, одели и накормили.

Сейчас они отдыхают на самолетной палубе, а дети (похоже, что это в основном дети) сидят перед телевизором, который они, пожалуй, видят впервые в жизни, и смотрят "Звездные войны". Когда мы их подобрали, их лодка тонула. Они провели в океане пять дней, и пресная вода у них кончилась. Еще через пару дней ребятишки оказались бы на грани смерти.

Мне кажется, что время от времени нам нужна подобная встряска, чтобы осознать, как важно то, что мы делаем. Я хочу

сказать, что родителям этих ребят потребовалась отчаянная смелость, чтобы выйти в море в дырявой лодке, полагаясь только на то, что кто-нибудь их подберет. Так рисковать! Но совершенно ясно, что они предпочли этот риск риску остаться жить в коммунистической стране.

Со всеми нашими проблемами в этом году, с подскочившими ценами на бензин, с невозможностью купить новую машину или обеспечить себя другими необходимыми человеку вещами... я что-то не видел дырявых лодок, которые выходили бы из Сан-Диего в надежде, что их подберет русский корабль...

По мере того как их лодка приближалась к кораблю, они махали руками и кричали, как бы пытаясь сказать: "Привет, американские матросы! Привет, люди свободы!" Трудно, увидев такую вот лодку, полную людей, не ощутить, как комок подкатывает к горлу. Ты гордишься и радуешься, что ты американец. Наши ребята махали в ответ, кричали, сглатывали слезы и старались, чтобы другие не видели их неожиданно повлажневших глаз. Стоявший рядом лейтенант сказал: "Да, на самом деле сегодня день расплаты". (Нам сегодня выдали зарплату.) Мне кажется, никто не мог бы сказать лучше.

Эта сцена напомнила нам всем, что Америка всегда была местом, где человек может найти свободу. Да, конечно, нас много, и у нас безработица, и беженцы для нас обуза, но я искренне надеюсь и молюсь о том, что мы найдем для них место. У нас уникальное общество. Оно состоит из людей, которые стали изгоями в результате мировых войн и преследований угнетателей. Тем не менее мы стали мощной и свободной страной. У нас есть одна общая черта – мы все верим в свободу, независимо от того, откуда родом наши предки.

Я надеюсь, что у нас всегда найдется место еще для одного афганца, поляка или человека другой национальности, который ищет, где ему жить... чтобы не бояться, что семья его будет голодать или что ночью к нему в дверь постучат... и где все люди, искренне стремящиеся к свободе, к уважению, к процветанию, к возрождению чувства собственного достоинства, могут... наконец осуществить свои мечты, дать образование своим детям, чтобы в следующем поколении были врачи, адвокаты, строители, солдаты и моряки.

Целую, Джон".

Я думаю, в этом письме все сказано. Действительно, мы, американцы, получили уникальный дар, мы получили нашу

страну. В ней наш дух, своеобразный рождественский дух, который мы ощущаем круглый год и который делает ее маяком надежды в бурном мире. Нынешнее Рождество и каждое следующее Рождество становится еще более радостным для всех, кто одарен самым ценным подарком – быть американцем.

Прощаюсь с вами до следующей недели, благодарю за внимание. Поздравляю с Рождеством, и благослови вас Бог!

1983

Выступление на совместном заседании конгресса о положении в Центральной Америке

---

27 апреля 1983 года

1983 год запечатлелся в моем сознании как год региональных конфликтов – ужасный взрыв в казармах наших морских пехотинцев в Бейруте, операция по спасению людей на Гренаде, укрепление марксистско-ленинского режима в Никарагуа. Ситуация в Ливане не давала мне покоя в связи с растущим числом захваченных там американских заложников. Из-за слабости конгресса в оказании помощи народу, готовому бороться за свою свободу, не удавалось урегулировать положение в Никарагуа.

Темой этого выступления в конгрессе была борьба за демократию в Центральной Америке, и это была моя первая большая речь по этому вопросу. В моих попытках оказать давление на сандинистское правительство Никарагуа я произнес еще не одну речь. Нашей единственной надеждой на достижение демократии в Никарагуа остаются контрас, борцы за свободу. Однако Демократическая партия, располагающая большинством в конгрессе, продолжает выбивать почву из под их ног. Недоброжелательную и постоянно меняющуюся политику конгресса в отношении контрас история расценит как постыдную.

Мне никак не удавалось до конца объяснить конгрессу, что там происходит. Никарагуанцы вели изошуренную кампанию дезинформации, которая совершенно сбивала с толку многих на Капитолийском холме. Делегации конгресса ездили в Никарагуа, но им просто показывали то, что сандинисты хотели показать. Я также глубоко убежден, что сандинисты поймали многих представителей американской прессы на удочку.

Однажды мне попала статья о католическом епископе из штата Айова, который провел нескольких никарагуанских беженцев из Никарагуа в Гондурас. В статье говорилось, что они подверглись нападению контрас, а сандинисты их спасли. Я решил, что это заслуживает осуждения, если факты подтверждаются. Поэтому я отыскал епископа, который сказал, что действительно вывез нескольких людей, но все было как раз наоборот – напали на них сандинисты, а спасли контрас.

Дважды я встречался с никарагуанскими священниками, которым сандинисты штыками отрезали уши за то, что те выступали с проповедями. Я очень хорошо помню рассказ одного молодого никарагуанского священника, которого сандинисты привязали к дереву, а затем отрезали ему уши, перерезали горло и сказали: "А теперь зови своего Бога. Может быть, он тебе поможет". Паства успела найти своего священника, прежде чем он истек кровью. Он сам рассказал мне об этом в Овальном кабинете Белого дома. И епископ, и священник готовы были встретиться с прессой, однако об этих злоключениях не сообщали ни в ведущих газетах, ни в вечерних обзорах новостей.

Господин спикер, господин вице-президент, уважаемые члены конгресса, уважаемые гости, сограждане-американцы!

В прошлом члены конгресса и президент не раз собирались для урегулирования кризисных ситуаций. Я попросил об этой встрече в надежде, что нам удастся предотвратить один из назревших кризисов.

Трудно найти американца, который не знал бы о наших интересах на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, не знал бы о том, что мы придаем первостепенное значение нерушимости восточной границы НАТО, отделяющей свободный мир от коммунистического блока. Имеем мы свои интересы и в Азии.

Но несмотря на это или, быть может, в результате того, что идет просто поток статей, содержащих направленную пропаганду о таких странах, как Никарагуа и Сальвадор, многие из нас боятся признаться себе, что проблемы этих стран имеют непосредственное отношение к нам. Многие представляют себе Центральную Америку как местность, расположенную южнее Мексики, откуда никак не может исходить угроза нашему бла-

госостоянию. Именно поэтому я попросил организовать нынешнюю встречу. Проблемы Центральной Америки действительно непосредственно касаются безопасности и благополучия нашего народа. Ведь этот регион находится гораздо ближе к Соединенным Штатам, чем многие другие горячие точки, вызывающие наше беспокойство. В то время, когда мы заняты возрождением нашей экономики, мы не можем пренебрегать событиями, которые происходят у наших южных соседей.

Сальвадор находится ближе к Техасу, чем Техас к Массачусетсу. От Никарагуа до таких городов, как Майами, Сан-Антонио, Сан-Диего или Тусон, так же близко, как от этих городов до Вашингтона, где мы с вами заседаем.

Тот факт, что Центральная Америка расположена по соседству с США, никак не отражает стратегического значения этого региона. Выход к Карибскому морю – нить жизни, связывающая нас с внешним миром. Две трети товаров нашего экспорта и импорта и две трети нефти поступает через Панамский канал и Карибское море. В случае конфликта в Европе по меньшей мере половина наших поставок странам НАТО будет осуществляться морем через эти районы. Можно, кстати, вспомнить, что в начале 1942 года горстка гитлеровских подводных лодок потопила здесь больше кораблей, чем во всей Атлантике. Причем ни одной морской базы поблизости они не имели. Сейчас положение изменилось. На Кубе размещена советская боевая бригада, имеется база, способная обслуживать советские подводные лодки, а на военно-воздушные базы постоянно прибывают советские военные самолеты.

Стратегическое значение Карибского бассейна делает его притягательным местом для авантюристов. Все мы знаем о ливийских транспортных самолетах, которые заправлялись в Бразилии несколько дней назад по пути в Никарагуа, куда они доставляли "медицинскую помощь". Власти Бразилии обнаружили, что так называемая "медицинская помощь" была на самом деле боеприпасами, и не допустили их доставку.

Вы, наверное, помните, что в прошлом месяце, выступая по национальному телевидению, я показал вам аэрофотоснимок строящегося на Гренаде аэродрома. Так вот, если бы этот аэродром был закончен, те самолеты могли бы там заправиться и доставить свой груз по назначению.

Если нацисты во время второй мировой войны, а русские сейчас признали, что Карибский бассейн и Центральная Америка имеют для нас жизненно важный интерес, почему же мы не можем это признать сами? Вот уже ряд лет при двух админи-

страциях Соединенные Штаты наращивают усилия по защите свободы в Карибском бассейне. И должен вам сказать, что демократия начинает приживаться в Сальвадоре, где совсем недавно была диктатура.

Новое правительство выполняет сейчас свои обещания относительно развития демократии, проведения реформ и организации свободных выборов. Это было непросто, и было сопротивление многим реформам, некоторые реформаторы даже пали жертвой политических убийств. Банды партизан и городских террористов изображались мировой пропагандой борцами за свободу, представляющими интересы народа. За десять дней до моего вступления в должность партизаны провели то, что они назвали "последним наступлением" с целью свержения правительства. Их радио кричало о том, что наша новая администрация опоздает и не сможет предотвратить их победу.

И что же? Они выяснили, что демократию нельзя так легко сломить. Президент Картер не колебался. Он приказал отправить в Сальвадор оружие и боеприпасы. Наступление партизан провалилось, Америка отстояла свои принципы. С тех пор как наша страна взяла на себя ответственность за судьбы мира, каждый ее президент знает, что мы сможем выполнить свои обязательства, только проводя двухпартийную внешнюю политику.

Как я только что сказал, правительство Сальвадора сдержало свои обещания, в частности оно осуществляет земельную реформу, в результате которой тысячи фермеров-арендаторов стали владельцами земли. Менее чем за три года 20% обрабатываемой земли распределено между 450 тысячами человек. Таким образом, каждый десятый житель Сальвадора получил реальную пользу от этой реформы.

Сальвадор продолжает бороться за создание правопослушного демократического общества. Правительство пообещало провести свободные выборы. Немногим более года назад, 28 марта, после многомесячной предвыборной кампании, в которой участвовало большое число кандидатов, измученному народу Сальвадора предоставили возможность проголосовать и выбрать правительство по своему желанию. Именно тогда так называемые "борцы за свободу" показали, кто они есть на самом деле. Их действия были действиями малочисленной группы людей, жаждущих власти для себя и для тех, кто их поддерживает, а не демократии для народа. Партизаны угрожали смертью каждому, кто пойдет голосовать. Они уничтожили сотни автобусов и грузовиков, чтобы лишить людей возможно-

сти добраться до избирательных участков. Они выдвинули устрашающий лозунг "Проголосуешь днем, умрешь ночью". Но в день выборов избиратели показали небывалую активность: 80% взрослого населения отважно миновали засады и обстрелы и, преодолев неблизкое расстояние до избирательных участков, отдали свои голоса за свободу. Вот это – настоящая борьба. Мы не можем отвернуться от них.

Члены конгресса, побывавшие там в качестве наблюдателей, рассказали мне, как женщина, раненная по дороге к избирательному участку, отказалась от медицинской помощи, пока не проголосует. Другой женщине партизаны сказали, что убьют ее на обратном пути с избирательного участка, на что она ответила: "Вы можете убить меня, убить мою семью, убить моих соседей, но вы не сможете убить нас всех". Настоящими борцами за свободу оказались люди этой страны – молодые, старые, среднего возраста – более миллиона из 5-миллионного населения. Мир должен отнестись с уважением к их мужеству и не позволить, чтобы их участие было принижено или забыто. И снова я повторяю, пребывая в здравом уме и рассудке, мы не можем отвернуться от них.

Политические партии и фракции Сальвадора, основанные на принципах демократии, объединяются ради общей цели – достижения политического урегулирования проблем своей страны. В этом году в стране пройдут новые выборы, в которых смогут участвовать все политические партии. Правительство пригласило к участию в выборах и партизан и готовит сейчас закон об амнистии. Народ Сальвадора сам зарабатывает свою свободу. И он заслуживает, чтобы мы оказали ему моральную и материальную поддержку.

Да, у них есть еще серьезные проблемы в области прав человека, уголовного права, продолжаются акты насилия в отношении гражданского населения. Как и перед другими странами Центральной Америки, перед Сальвадором стоят сложные экономические проблемы. В дополнение к трудностям, связанным с сокращением спроса и снижением цен на основные экспортные сельскохозяйственные продукты, развитие экономики Сальвадора преднамеренно подвергается саботажу.

Сейчас в Сальвадоре из-за безжалостных партизанских вылазок не обрабатывается значительная часть плодородной земли, используется менее половины железнодорожного подвижного состава, разрушены или повреждены мосты, системы водо- и электроснабжения, телефонная сеть. За год и десять месяцев 5 тысяч раз прекращалась подача электроэнергии. В

одном районе электричества не было в течение четырех месяцев.

Мне кажется, госсекретарь Шульц на днях очень точно описал обстановку: "Не имея возможности завоевать расположение народа Сальвадора мирными средствами, партизаны умышленно и систематически лишают его продуктов, воды, транспорта, электроэнергии, не дают возможности работать. И это делают люди, которые утверждают, что они хотят помочь простому народу". Они не хотят проведения выборов, потому что понимают, что потерпят поражение. Но как показали предыдущие выборы, стремление народа Сальвадора к демократии уничтожить нельзя.

Партизаны – не просто крестьяне, вооруженные мушкетами. Это профессионалы, порой подготовленные и вооруженные лучше, чем правительственные войска. Сальвадорские солдаты, прошедшие подготовку у американских специалистов, хорошо показали себя в боевых условиях и не допускают никаких правонарушений по отношению к гражданскому населению. Однако на выделенные нами средства прошел подготовку лишь каждый десятый сальвадорский солдат – меньше, чем партизан, прошедших подготовку в Никарагуа и на Кубе.

Позвольте мне теперь описать положение в соседней с Сальвадором стране – Никарагуа. В 1979 году, когда в Никарагуа после революции, свергнувшей тоталитарный режим Сомосы, пришло к власти новое правительство, США, как и другие страны, надеялись на развитие демократии. К январю 1981 года мы предоставили Никарагуа чрезвычайную помощь на восстановление экономики в размере 118 миллионов долларов – больше, чем любая другая развитая страна мира. В первые два года пребывания сандинистов у власти Соединенные Штаты оказали Никарагуа прямой и косвенной помощи в пять раз больше, чем за два года, предшествующие революции. Сможет ли кто-нибудь поставить под сомнение щедрость и великодушие американского народа?

Вряд ли можно было бы ожидать таких действий от страны, откровенно враждебной Никарагуа. И все же правительство Никарагуа относится к нам, как к противнику. Оно отвергло неоднократные попытки установить мир. Оно нарушило обещания, данные нам, Организации американских государств и, самое главное, народу Никарагуа.

Как только пришла победа, небольшая клика лишила других участников революции возможности участвовать в работе правительства. Умберто Ортега, министр обороны, объявил о

желании следовать учению марксизма–ленинизма, что и было сделано.

Правительство Никарагуа установило новую диктатуру. Оно отказалось проводить выборы, обещанные ранее. Оно установило контроль над большей частью средств массовой информации и подвергало их жестокой предварительной цензуре. Оно отказало епископам и священникам Римской католической церкви в праве служить мессу по радио на страстной неделе. Правительство оскорбило папу римского и издевалось над ним. Оно выселило племена мискито с их родной земли, сожгло их деревни, уничтожило посеы и заставило их жить в лагерях для интернированных, вдали от дома. Правительство выступило против частного сектора и свободных профсоюзов. Оно закрыло глаза на расправу толпы с независимой комиссией Никарагуа по правам человека и вынудило руководителя комиссии покинуть страну.

И разве удивительно, что образовалась оппозиция после всех этих репрессивных решений, принятых правительством? Противники сандинистов вовсе не являются фанатичными сторонниками режима Сомосы, как утверждает пропаганда. Строго говоря, среди них много героев антисомосовской борьбы, которые сражались плечом к плечу с сандинистами за свержение правительства Сомосы. Теперь же их лишили какого бы то ни было участия в правительстве, потому что они искренне желали установления демократии в Никарагуа и продолжают стремиться к этому. Другими противниками сандинистов являются индейцы мискито, борющиеся за свои дома, свою землю, за свою жизнь.

Сандинистская революция в Никарагуа оказалась просто сменой одной группы самодержавных правителей на другую. Народ так и не имеет ни свободы, ни демократических прав и лишь становится беднее. Сандинисты даже в большей степени, чем их предшественник, помогают Кубе и Советам дестабилизировать обстановку в нашем полушарии.

Тем временем правительство Сальвадора, предпринимающее все возможное для обеспечения гарантий демократии, свободы совести, свободной прессы, свободных профсоюзов, подвергается постоянным нападениям, атакам исповедующих ту же философию, что и Куба, Никарагуа и, да, да, Советский Союз. Насилие стало главной статьёй экспорта Никарагуа. Верхом лицемерия неизбранного правительства Никарагуа является утверждение, будто мы стремимся к его свержению. В то же время оно само делает все для свержения законного правитель-

ства Сальвадора. *(Аплодисменты.)* Спасибо. Руководство боевыми операциями партизан осуществляется из штаба в Манагуа, столице Никарагуа.

Но давайте внесем ясность в отношения Америки с правительством Никарагуа. Мы не стремимся к его свержению. Нам нужно только, чтобы оно не экспортировало подрывную деятельность и насилие в соседние страны. Наша цель – руководствуясь американскими и международными законами, перекрыть поток оружия в Сальвадор, Гондурас, Гватемалу и Коста-Рику. Мы предпринимали попытки наладить диалог с правительством Никарагуа, но оно упорно продолжает потворствовать насилию.

Мы не должны и не будем защищать правительство Никарагуа от народного гнева. Но мы должны через дипломатические каналы предложить альтернативу. И пока Никарагуа размышляет над своими возможностями, мы можем и будем с привлечением всех наших дипломатических возможностей защищать страны Центральной Америки от опасности возникновения войны.

Даже Коста-Рика, самая старая и прочная демократия в Центральной Америке, будучи столь миролюбивой, что не имеет даже собственной армии, и то подвергается запугиванию и угрозам со стороны никарагуанских диктаторов.

Соседи Никарагуа знают, что сандинистское правительство не сдержало своих обещаний следовать курсу мира, неприсоединения и невмешательства. Построено 36 новых военных баз. Во времена Сомосы их было всего 13. В новой армии Никарагуа 25 тысяч человек, ее поддерживает 50-тысячная милиция. Это – самая большая армия в Центральной Америке, да ей еще помогают 2 тысячи кубинских военных советников и советников по безопасности. На вооружении находится самое современное оружие: десятки советских танков, 800 грузовиков из стран советского блока, советские 152-миллиметровые гаубицы, 100 зенитных орудий, самолеты и вертолеты. Сюда еще нужно прибавить тысячи гражданских советников с Кубы, из Советского Союза, Восточной Германии, Ливии и Организации освобождения Палестины (ООП). А мы подвергаемся нападкам за то, что имеем 55 военных инструкторов в Сальвадоре.

Цель профессиональных партизанских движений в Центральной Америке столь же ясна, сколь и низменна – дестабилизировать обстановку во всем регионе от Панамского канала до Мексики. А если вы сомневаетесь в этом, вспомните, что говорил в начале этого месяца теперь уже покойный руководитель

сальвадорских партизан Каэтано Карпио. Он сказал, что, как только правительство Сальвадора падет, Сальвадор и Никарагуа будут "рука об руку сражаться за полное освобождение Центральной Америки".

Диктаторская хунта Никарагуа, которая сама развязала войну и захватила власть, действуя с баз в Гондурасе и Коста-Рике, пытается представить дело так, как будто она сама подвергается нападению с территории Гондураса. На самом деле это правительство Никарагуа угрожает Гондурасу, а не наоборот. Именно Никарагуа подтянула танки к границе, и именно Никарагуа твердит о войне. Именно радио Никарагуа 8 апреля объявило о создании нового, объединенного революционного координационного совета для развития марксистской борьбы в Гондурасе.

Никарагуа, которой советский блок помогает оружием и военным снаряжением, подавляет собственный народ, отказывается заключить мир и покровительствует партизанской войне против Сальвадора.

Слова президента Трумэна так же актуальны сегодня, как они были актуальны в 1947 году, когда он выступал на совместном заседании конгресса:

"В настоящий момент мировой истории почти каждая нация должна выбрать свой дальнейший путь. Выбор этот не всегда свободен. Один образ жизни основывается на воле большинства и отличается свободными общественными институтами, представительным правительством, свободными выборами, гарантиями личной свободы, свободой слова и совести, свободой от политического притеснения. Другой образ жизни основан на воле меньшинства, силой, навязанной большинству. Он опирается на террор и притеснение, на контролируемую прессу и радио, на несвободные выборы и на подавление личных свобод.

Я считаю, что политикой Соединенных Штатов должна быть помощь свободным народам, которые выступают против попыток вооруженного меньшинства или внешних сил покорить их. Я считаю, что мы должны помочь свободным народам самим, по своему усмотрению решить собственную свою судьбу. Я думаю, что по преимуществу мы должны оказывать экономическую и финансовую помощь, которая имеет важное значение для стабильности экономики страны и обеспечения правовой основы политической жизни.

Отказ от демократических институтов и утрата независимости не только приведет их к катастрофе, но и отразится на всем мире. А в результате соседние страны, стремящиеся к

сохранению свободы и независимости, будут разочарованы и даже потерпят неудачу”.

Страны Центральной Америки по размеру меньше тех, о которых говорил президент Трумэн. Но политические и стратегические задачи остаются теми же. Будут ли наши ответные действия в экономической, социальной, военной областях такими же подходящими и успешными, как пути решения проблем послевоенной Европы, найденные Трумэном?

Некоторые забыли достижения тех лет, которые в дальнейшем обеспечили несколько десятилетий мира, процветания и свободы. Некоторые говорят, что Соединенные Штаты были неспособны эффективно сотрудничать на международной арене. Тех, кому мы хотели помочь, мы якобы подвергали опасности втягивания в новую войну или нанесения им ущерба.

Неужели демократические страны должны сохранять невозмутимость перед лицом нарастающей угрозы их безопасности и процветанию? Неужели мы должны просто согласиться с дестабилизацией целого региона на наших рубежах, простирающегося от Панамского канала до Мексики? Неужели мы должны спокойно наблюдать, как независимые страны этого полушария подпадают под влияние самой агрессивной в современном мире империи? Должны ли мы ждать, когда жителей стран Центральной Америки выгонят из их домов, как это произошло более чем с миллионом людей, бежавших из Афганистана, или с полутора миллионами людей из Индокитая, или с более чем миллионом кубинцев, бежавших от карибской утопии Фиделя Кастро? Будет ли наше бездействие означать, что у народа Сальвадора не останется иного выбора, кроме как покинуть свои дома, создавая новый поток беженцев, новую трагедию?

Я не думаю, что большинство конгресса или населения страны выскажется за пассивность и поражение перед лицом угрозы свободе и безопасности в нашем собственном полушарии. (*Аплодисменты.*) Спасибо, спасибо.

Я не думаю, что большинство конгресса или народа страны готово спокойно наблюдать, как сдаются перед тоталитаризмом народы Центральной Америки, а мы сами становимся уязвимыми и нас окружают все новые опасности.

Только на прошлой неделе представитель Советского Союза повторил высказанную Брежневым угрозу о размещении ядерных ракет в этом полушарии, в пяти минутах лета от Соединенных Штатов. И тут же команданте Даниэль Ортега подтвердил, что его страна, если ее попросят, готова рассмотреть

возможность размещения этих ракет. Мне кажется, сегодня они призадумаются.

Теперь, прежде чем я продолжу, позвольте мне сказать несколько слов для тех, кому сразу вспомнился Вьетнам. Никто и не думает посылать американские войска в Центральную Америку. Они там не нужны. (*Аплодисменты.*)

Как я сказал, они там не нужны, да никто и не просил посылать их туда. Все, чего просят наши соседи, это помощь в подготовке военнослужащих и поставке оружия для защиты строительства лучшей, более свободной жизни.

Мы должны способствовать установлению мира между странами Центральной Америки. Мы должны поддержать усилия, направленные на изыскание подходов к решению региональных проблем.

Мы не можем быть уверенными, что марксистско-ленинские формирования, считающие войну инструментом политики, так легко сдадутся. Очень важно не утратить мужества нам самим до того, как утратят его они. В противном случае регион лишится свободы, а нашей безопасности будет нанесен существенный ущерб.

Как отразилось бы падение Центральной Америки на наших позициях в Азии, Европе и на наших союзах, таких, как НАТО? Если Соединенные Штаты не могут ответить на угрозу вблизи своих границ, почему жители Европы или Азии должны верить, что нас беспокоит угроза в их адрес? Если Советы уверены, что только прямое нападение может вызвать ответную реакцию Соединенных Штатов, кто из наших союзников, кто из наших друзей будет нам доверять?

Конгресс обладает властью утверждать решения в области нашей внешней политики, но одновременно несет и ответственность за их проведение. Сегодня я призываю конгресс разделить со мной смелый, великодушный подход к проблемам мира и нищеты, демократии и диктата в регионе. Поддержите мою программу, которая направлена на то, чтобы на первом этапе не допустить победы коммунизма, и которая помимо этого предусматривает предоставление обездоленным людям этого региона реальных плодов прогресса и содержит обещания на будущее.

Давайте заложим основу двухпартийного подхода к сохранению независимости и свободы стран Центральной Америки. С этим предложением наша администрация протягивает вам руку.

В Центральной Америке мы ставим перед собой четыре основные цели.

Первая. В ответ на десятилетия неравенства и безразличия мы станем поддерживать развитие демократии, проведение реформ и защиту свободы. Это означает, что мы будем оказывать содействие, используя силу нашего убеждения и законные средства воздействия, мы будем развивать гуманные демократические системы там, где они уже существуют, и будем помогать странам, стремящимся к этой цели, завершить процесс настолько быстро, насколько изменяются там общественные институты. Выборы в Сальвадоре и Никарагуа должны быть открытыми для всех, справедливыми и безопасными. Должно помочь и международное сообщество. Мы будем решать проблемы прав человека, а не игнорировать их.

Вторая. В ответ на трудности, вызванные кризисом в мировой экономике, а в случае с Сальвадором и жестоким экономическим саботажем со стороны партизан, мы будем поддерживать экономическое развитие. Сейчас наша экономическая помощь в два раза больше нашей военной помощи. Семьдесят семь центов из каждого доллара, который мы потратим на эти цели в нынешнем году, пойдут на поставки продуктов, удобрений и других товаров, необходимых для экономического роста и развития. Но наша экономическая программа выходит за рамки традиционной помощи. Вынесенная сегодня на рассмотрение палаты представителей "Инициатива по Карибскому бассейну" предусматривает создание благоприятных возможностей для торговли и капиталовложений, направленных на то, чтобы помочь этим странам добиться стабильного экономического роста, который поддерживался бы без помощи США. Нам следует направить нашу мощную, постоянно модернизирующуюся технологию на развитие здравоохранения, сельского хозяйства, промышленности и на создание гарантий того, что люди, населяющие этот взаимозависимый регион, лучше узнали и поняли друг друга, сохраняя наши столь различные черты, уважая наши столь различные традиции и институты.

Третья. В ответ на военный вызов Кубы и Никарагуа, на их умышленное применение силы для распространения тирании мы ответили укреплением безопасности стран региона, оказавшихся под угрозой нападения. Мы рассматриваем помощь в защите безопасности не как самоцель, а как щит демократизации, экономического развития и дипломатии. Никакие реформы не принесут мира, пока партизаны будут считать, что им удастся силой добиться победы. Никакой экономической помо-

ции не хватит, если партизанские соединения будут снова и снова безнаказанно разрушать дороги и мосты, уничтожать электростанции и посевы. Лучшая подготовка и материальная помощь позволит нашим соседям сдержать партизан и даст демократическим реформам время укорениться.

Наконец четвертая. Мы будем поддерживать диалог и вести переговоры как между странами, так и внутри каждой из стран региона. Условия участия в выборах можно оговорить. Коста-Рика – блестящий пример демократии. Гондурас перешел от военного правления к демократическому правительству. Гватемала также придерживается этого пути. Соединенные Штаты будут стремиться к политическому урегулированию положения в Центральной Америке, которое послужит интересам демократических процессов.

В поддержку этих дипломатических целей я заявляю: Соединенные Штаты поддержат договор между странами Центральной Америки о выводе на взаимной основе и при условии возможности проверки всех иностранных военных советников и войск. Мы хотим помочь оппозиционным группам включиться в политический процесс во всех странах и решить разногласия в ходе выборов, а не в ходе перестрелки. Мы окажем поддержку любым проверяемым взаимным соглашениям между странами Центральной Америки, направленным на отказ помогать повстанцам на территории соседних стран. И, наконец, мы очень хотели бы помочь Центральной Америке положить конец дорогостоящей гонке вооружений и поддержим любые проверяемые двусторонние соглашения об отказе импортировать наступательные вооружения.

Для того чтобы ускорить достижение этих целей, я намерен сегодня объявить о назначении посла по особым поручениям в качестве моего специального посланника в Центральной Америке. Он будет докладывать мне через государственного секретаря. В его обязанности будет входить оказание поддержки правительствам стран Центральной Америки в их усилиях по установлению мира в этом беспокойном регионе. Работая в тесном сотрудничестве с конгрессом, он будет призван обеспечивать возможно более полную двухпартийную координацию нашей политики.

Сейчас я прошу о срочном утверждении конгрессом полного перераспределения средств для ключевых экономических программ и программ безопасности, с тем чтобы народы Центральной Америки могли противостоять поддерживаемой извне агрессии. Кроме того, я прошу безотлагательно решить вопрос

о дополнительных ассигнованиях на те же цели, что позволило бы нам успешно закончить этот финансовый год, а также, не откладывая, решить положительно вопрос о моих предложениях на 1984 финансовый год.

И, наконец, я прошу, чтобы двухпартийный консенсус, благодаря которому в прошлом году палатой представителей были приняты торговые и налоговые условия осуществления "Инициативы по Карибскому бассейну", вновь заявил о себе при подготовке этого жизненно важного предложения к представлению в обеих палатах. Как я уже говорил, эти запросы связаны с предоставлением преимущественно экономической и гуманитарной, а не военной помощи.

Размер ассигнований, запрашиваемых администрацией ради обеспечения свободы в Центральной Америке, столь невелик, столь незначителен, что не идет ни в какое сравнение с тем, что поставлено на карту. Общая сумма, которую мы просим на помощь всем странам Центральной Америки в 1984 году, составит около 600 миллионов долларов. Это меньше одной десятой того, что американцы оставят в этом году в игровых автоматах.

Подводя итог, скажу, что сегодня можно говорить только об одном: безопасность стран обеих Америк зависит сейчас от положения в Центральной Америке. Если мы не сможем защитить себя там, нечего ожидать, что мы сможем одержать победу где-либо еще. Доверие к нам рухнет, наши союзы распадутся, а безопасность нашей страны окажется под угрозой.

Здесь сходятся наши жизненные интересы. Это наш моральный долг и святая обязанность, а вовсе не предмет партийных разногласий. Проблема заключается в том, сможем ли мы выполнить наш моральный долг сами перед собой, перед нашими друзьями и перед потомками. Это наш общий долг – президента, конгресса и народа. Мы должны выполнить его вместе. Кто из нас захочет нести ответственность за то, что мы не смогли выполнить наши общие обязанности?

Спасибо вам. Благослови вас Бог. Спокойной ночи.

Приветственное выступление перед финалистами национального школьного конкурса по орфографии

Розовый сад Белого дома
6 июня 1983 года

Это небольшое выступление я поместил сюда, чтобы показать, что президенты занимаются и незначительными делами. Они встречаются с финалистами школьных конкурсов, со спортивными командами, победителями чемпионатов. Каждый год в День благодарения они получают живую индейку, хотя я не помню, чтобы мы съели хоть одну из них. Это все равно что съесть знакомого. В любом случае если сложить это все вместе, то можно что-то узнать о нашей культуре, нашем народе и о сущности американского характера.

Здравствуйте! Позвольте мне приветствовать вас, грамотеев, в Белом доме и позвольте похвалить вас за ваши достижения. Из 8 или 9 миллионов школьников, участвовавших в конкурсе, только 137 вышли в финал. Это большая честь, вы можете гордиться.

Во время подготовки к этому событию я узнал, что изучение правописания называется орфографией. Орфография о-р-ф...-ээ...-мм-(Смех.) о-г-р-а-ф-и-я. Я уверен, что вы прекрасно знаете, как писать это слово, и вы совсем недавно доказали это, но я хотел подсказать его вам на тот случай, если вас спросят об этом в среду.

Мы все гордимся вами не только потому, что вы показали хорошее знание орфографии, но и потому, что вы проявили стремление расширять свои знания. Мне хотелось бы, чтобы все американские школьники так же интересовались учебой, как, по-видимому, интересуетесь ею вы. И мне хотелось бы, чтобы все учителя и родители проявляли такой же интерес к образованию своих детей, какой проявили ваши родители и учителя.

В среду вы почувствуете на себе напряжение соревнований. Но хочу вас обрадовать, в моей записной книжке вы все уже стали победителями и в ваших родных городах к вам относятся точно так же. Так что наслаждайтесь соревнованием и экскурсией в Вашингтон. Надеюсь, вы хорошо проводите время и кое-какие достопримечательности здесь посмотрели.

Мне сказали, что вы собираетесь на барбекю*. Похоже, будет весело, и я не хочу вас больше задерживать. Позвольте мне еще раз пожелать вам успеха в среду. И помните, "i" всегда пишется перед "e", кроме тех случаев, когда она стоит после "c". (Смех.) Это вам поможет немного.

Хочу рассказать вам одну историю. Люди бывают так самоуверенны. Думаю, что вы читали или слышали об одном старом писателе, Марке Твене. Марк Твен плыл на пароходе в Европу. И вот вечером в кают-компании кто-то решил удивить его, попросил передать сахар, а потом сказал: "Господин Твен, не находите ли вы странным, что в нашем языке сахар единственное слово, в котором "s" читается как "ш"? На что Марк Твен ответил: "Вы уверены?"^{##} (Смех.) Ну вот, еще раз желаю вам удачи, и помните, вы все победители и имеете полное право гордиться собой. Так что победите вы или проиграете – мы все равно будем гордиться вами. У меня, пожалуй, есть несколько минут, чтобы спуститься к вам вниз, что я и сделаю.

---

*Барбекю – здесь – увеселительная прогулка за город, где угощают барбекю – мясом, жаренным на вертеле, приготовленным здесь же, на свежем воздухе.

^{##}Игра слов: "sugar" – сахар читается "шуга"; быть уверенным – "sure", читается "шюр".

Выступление по случаю дня рождения Мартина Лютера Кинга

Восточная гостиная Белого дома
15 января 1983 года

Несмотря на мое умение находить со всеми общий язык, мне никогда не удавалось убедить многих наших чернокожих граждан в моей заинтересованности в их нуждах. Они часто ошибочно принимали мое стремление держать правительство подальше от жизни обычного американца за нежелание сделать что-либо в отношении расового неравенства.

Мне кажется, что из всего, что мне говорили за годы президентства, это обвинение задевает меня лично больше всего. Я терпеть не могу расизм. Этим бритоголовым и группам "сверхчеловеков" нет места в нашей стране. Между нами пропасть, и я хотел бы, чтобы все они просто провалились сквозь землю.

Конечно, нельзя отрицать, что в годы своего президентства я имел прохладные отношения с большинством чернокожих лидеров страны. Они обвиняли меня во многих вещах, а я обвинял их в том, что их усилиями судьба несчастных чернокожих граждан стала еще хуже. Я понимаю, что это заявление вызовет бурю протестов, но это мое мнение. Многие из этих лидеров за последние двадцать лет так пропитались идеологией центральной власти, что сами нанесли значительный урон независимости чернокожих американцев и не оправдали их ожиданий. К счастью, в 80-е годы среди наших чернокожих граждан появилось несколько исключительно одаренных консервативных мыслителей. Я надеюсь, что их влияние среди населения будет расти пропорционально их личной одаренности.

Я не знаю, попался бы Мартин Лютер Кинг на крючок идеологии правительства, но он был, без сомнения, великим лидером в то время, когда страна в нем нуждалась. При жизни

я не оценил, насколько замечательным человеком он был, но, мне кажется, такова судьба пророков. Порой мера их воздействия и важность их дела осознаются лишь после смерти.

Благодарю вас за то, что вы пришли сюда! И позвольте выразить особую благодарность хору "Гарлем бойз". После того, что я услышал, могу с уверенностью сказать, что вы, ребята, могли бы дать пару очков форы знаменитому хору "Виенна бойз".

Добро пожаловать в Белый дом в этот торжественный день! Несколько часов назад выступая по радио, я говорил о личности доктора Кинга, о его вкладе. Позвольте мне теперь сказать несколько более личных вещей о человеке, который разрушил стену расизма в этой стране. Хотя наши с доктором Кингом политические воззрения и не были абсолютно схожими, мы оба глубоко верили в свободу и справедливость в мире Божьем.

Свободу нельзя завоевать однажды и навсегда, мы должны каждый день бороться за нее. Свобода может погибнуть в течение жизни всего одного поколения.

История свидетельствует, что доктор Кинг достиг значительных результатов за сравнительно короткое время, а это как раз то, в чем нуждалась Америка. Позвольте мне привести цитату из того, что он писал в тюремной камере:

"Если вы вдруг обнаруживаете, что ваш язык не повинуется вам при попытке объяснить шестилетней дочери, почему она не может пойти в только что разрекламированный по телевизору центр аттракционов; если вы пересекаете страну из конца в конец и вынуждены каждую ночь проводить свернувшись на сиденье своей машины, потому что вас не пускают ни в одну из гостиниц; если вы день за днем подвергаетесь оскорблениям и издевательствам, потому что кругом развешены таблички "для белых", "для черных", вы поймете, почему нам так трудно ждать".

Мартин Лютер Кинг горел верой в свободу, и этот пламень его сердца осветил путь миллионам. Он снял тяжкий гнет с нашей страны. И это имело значение не только для чернокожих американцев, но и для всех остальных жителей страны. Так же, как черные американцы страдали в ярме рабства, Аме-

рика страдала от несправедливости. Многие американцы не понимали, насколько тяжелым был этот гнет, пока его не сняли. Доктор Кинг сделал это для нас, для всех нас.

Авраам Линкольн освободил чернокожих. В большей степени доктор Кинг освободил белых. Как удалось ему совершить этот выдающийся подвиг? Там, где другие – и черные, и белые – проповедовали ненависть, он учил основам любви и ненасилия. Мы должны быть глубоко благодарны доктору Кингу за то, что он использовал свое красноречие во имя любви и надежды, против ненависти и жестокости. Он понял, что напряженность в нашей стране – это напряженность несправедливости, и преобразовал ее на благо Америки и всего народа.

В течение всей своей жизни и особенно политической карьеры я говорил о сущности и духе Америки. Я думаю, что огромное большинство американцев пропитаны этим духом в той же мере, в какой пропитан им был доктор Кинг. Он говорил: "Цель Америки – свобода". Он говорил: "Народ Америки заражен идеалами демократии". В этом он видел надежду. Он говорил, что верит в то, что у нашей нации огромные возможности. Он искренне верил в потенциал Америки.

Кто-то сказал, что у человека можно отнять друга, но лишить его удовольствия вспоминать о своем друге нельзя. Что ж, Америка потеряла сострадание и храбрость доктора Кинга, но его самого мы не потеряли. Каждый раз, когда чернокожая женщина опускает в урну избирательный бюллетень, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда черный ребенок получает хорошее образование, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда чернокожего избирают в общественный орган, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда черный и белый работают плечом к плечу на благо будущего Америки, – с нами доктор Кинг. Он с нами, и особенно сегодня.

Мартин Лютер Кинг любил говорить о своей глубокой вере в Америку и в будущее человечества. Он отказался от того, что есть, ради того, что должно быть, и посвятил свою жизнь этой мечте. Многие его мечты стали реальностью, но многие ждут своего часа. Вера доктора Кинга останется для нас маяком надежды на пути нашего совместного служения Америке, стремления превратить ее в страну, которой, мы уверены, она может стать.

Благодарю вас за то, что вы пришли сюда в этот торжественный день почтить память великого американца, пророка и миротворца. Спасибо. Да благословит вас Господь.

Выступление на ежегодной конференции Национальной ассоциации евангелистов

Орландо, штат Флорида
8 марта 1983 года

Это то самое выступление об "империи зла", которое так часто цитируют, когда хотят показать мое отношение к Советам. В то время эта речь считалась некомпетентным, архиконсервативным заявлением, которое может толкнуть Советы лишь к еще большей паранойе и недоверчивости.

Слишком долго наши руководители не решались говорить, чем Советский Союз в действительности является. Хранители наших внешнеполитических знаний, в лице наиболее либеральных ученых в области внешней политики, служащих государственного департамента, разнообразных обозревателей, считали честность нелиберальной и провокационной. Я же всегда полагал, что важно четко определить различия во взглядах, потому что как в жизни, так и в истории необходимо сделать выбор и принять решение.

В течение многих лет советская система преднамеренно морила голодом, убивала и всячески издевалась над своим собственным народом. Были убиты миллионы людей, и это описано в учебниках истории. Эта система отправляла несогласных с ней в психиатрические лечебницы, иногда до беспамятства накачивала их лекарствами. Разве система, допускающая это, не зло? А если так, то почему мы не можем об этом сказать? Даже сами Советы признают сейчас, что они уничтожали собственный народ в эпоху Сталина.

Будучи в здравом уме, я не мог бы сегодня назвать Советский Союз империей зла. Сегодня, когда я пишу эти строки, он провел самые демократичные выборы со времен революции.

Замечательные вещи происходят сейчас, когда у власти Михаил Горбачев.

В этой речи я не только достаточно резко высказываюсь о моральном облике Советского Союза, но и излагаю свою точку зрения на ряд других проблем, связанных с моралью.

Почетное духовенство, сенатор Хокинс, уважаемые члены флоридской делегации конгресса и все присутствующие.

Трудно передать словами, как вы согрели мое сердце своим доброжелательством. Мне доставляет большое удовольствие быть среди вас сегодня.

Члены Национальной ассоциации евангелистов известны своей духовной и гуманитарной деятельностью. И я бы проявил непочтительность, если бы лично не поблагодарил вас. Спасибо вам за ваши молитвы. Мы с Нэнси чувствовали их благодать много раз и в разных обстоятельствах. И поверьте мне, для нас это было более чем важно.

Недавно во время совещания в Восточном зале Белого дома меня спросили, знаю ли я о всех тех, кто молится за президента. Я сказал: "Да, я знаю. Я чувствую это. Я верю в заступническую силу молитв". И я сказал тому, кто задал этот вопрос: если во время молитвы он услышит короткие гудки, это значит, что я раньше его занял линию. *(Смех.)* Мне кажется, я понимаю чувства Авраама Линкольна, когда он говорил: "Меня часто ставила на колени безусловная уверенность в том, что больше мне идти некуда".

После вашей конференции с ее атмосферой радости и доброжелательности мне придется присутствовать на политическом приеме. *(Смех.)* Я не знаю, почему так происходит, но это напоминает мне анекдот, которым я хотел бы поделиться с вами.

Прибыли однажды к воротам рая евангелический священник и политический деятель. Святой Петр, закончив все необходимые формальности, взял обоих за руки и повел показывать, где им предстоит жить. И привел их в небольшую комнатку с кроватью, стулом и столом и сказал, что это для священника. Политик слегка встревожился: что же приготовлено для него? И он не мог поверить, когда святой Петр остановился перед

прекрасным особняком с очаровательным садом и множеством слуг и сказал, что это будет его дом.

”Здесь что-то не так! – воскликнул удивленный политик. – Мне этот дворец, а святому человеку только одна комната?” И апостол Петр ответил: ”Все легко объясняется. Священников у нас тысячи и тысячи, а вы – первый политик, который попал в рай”. (Смех.)

Но я не хочу укреплять этот стереотип. (Смех.) Общественной деятельностью занимается громадное число добропорядочных, честных, благородных мужчин и женщин, включая участников сегодняшней встречи. Да, мы нуждаемся в вашей помощи, чтобы всегда оставаться на высоте тех идей и принципов, которые нас и вывели на общественную трибуну. Основа этих идей и принципов – верность идеалам независимости и свободы, а это, в свою очередь, зиждется на глубочайшем осознании того, что свобода расцветает только там, где страстно ищут и покорно принимают Божье благословение.

Американская демократия основана на этой концепции. Ее открытие было великим триумфом наших отцов-основателей, о котором Уильям Пенн* сказал: ”Если нами не будет править Бог, нами будут править тираны”. Объясняя неотъемлемые права людей, Томас Джефферсон подчеркнул: ”Бог, давший нам жизнь, одновременно дал нам свободу”. А вот мнение Джорджа Вашингтона: ”Из всех порядков и обычаев, которые ведут к политическому процветанию, нам особенно необходима опора на религию и мораль”.

Проницательный исследователь американской демократии Алексис де Токвиль#, который пытался понять, в чем заключается величие и гений Америки, выразился весьма красноречиво: ”Пока я не услышал в американских церквах пламенных проповедников добродетели, я не понимал величия и гения Америки... Это справедливая страна. Если Америка когда-либо перестанет быть справедливой, она перестанет быть великой”.

Мне приятно находиться среди вас, потому что это вы сохраняете величие Америки, отстаивая справедливость. Ваша деятельность и молитвы, как и деятельность и молитвы миллионов других, позволяют стране пережить это опасное столетие и сохранить нашу свободу – последнюю и лучшую надежду человека.

---

*Уильям Пенн (1644—1718) – английский квакер, основатель колонии в Пенсильвании.

#Алексис де Токвиль (1805—1859) – французский историк, автор книги ”О демократии в Америке”.

Я хочу, чтобы вы знали, что нынешняя администрация руководствуется политической философией, которая видит величие Америки в вас, в народе, в семьях и церквах, городах и деревнях, в общинах – везде, где выхаживают и лелеют такие ценности, как забота о ближних и уважение к праву жить по заветам Бога.

Мне не нужно объяснять, что все это ставит нас в оппозицию к многочисленным приверженцам столь модного в наши дни секуляризма, отбрасывающим испытанные временем ценности, на которых зиждется наша цивилизация. При всех их благих намерениях их шкала ценностей в корне отличается от той, которой придерживаются большинство американцев. Объявляя, что они освобождают нас от предрассудков прошлого, они присваивают себе право руководить нами, устанавливая государственные нормы и правила поведения. Иногда их голоса звучат громче наших, но они еще не составляют большинства.

Пример их бурной активности очевиден в ходе спора, который сейчас ведется в Вашингтоне. Я тоже вовлечен в него и хочу услышать мнение родителей несовершеннолетних детей в нашей стране. До какой степени они согласны уступать правительству свои родительские права?

Позвольте мне сказать об этом как можно короче и проще. Организация граждан, глубоко обеспокоенных статистикой внебрачных рождений и абортс среди несовершеннолетних девушек и надеясь помочь им, некоторое время назад учредила по всей стране сеть клиник. Я не сомневаюсь в благих намерениях этой организации. Но ее клиники предоставляют несовершеннолетним девушкам консультации, противозачаточные средства и препараты без ведома родителей.

Уже несколько лет федеральное правительство оказывает этим клиникам финансовую помощь. Конгресс подчеркнул необходимость самого активного участия родителей в такого рода делах. Однако противозачаточные средства выписываются без согласия родителей и без последующего уведомления их об этом. Девушки, отличающиеся "сексуальной активностью" – раньше это называлось беспорядочными половыми связями, – получают помощь для предупреждения внебрачных родов или для абортов.

Мы распорядились, чтобы клиники, получающие федеральные субсидии, уведомляли родителей о своей работе. Одна из ведущих газет страны в редакционной статье обвинила нас в

поощрении доносов и критиковала нас за вмешательство в личную жизнь молодых людей. Один из судей недавно отменил исполнение нашего распоряжения. Я следил по телевизору за дискуссией по этому вопросу, я читал разглагольствования обозревателей о нашей ошибке, но, кажется, никто даже не упомянул о моральных аспектах проблем, связанных с сексом.

Может быть, все иудейско-христианские традиции ничего не стоят? Должны ли мы поверить, что столь священное чувство можно свести только к физиологии, без каких-либо психологических или эмоциональных последствий? И разве можно лишать родителей права давать советы своим детям, чтобы удержать их от ошибок, которые могут отразиться на всей дальнейшей жизни?

Многие из нас в правительстве хотели бы знать, что родители думают об этом вторжении государства в их семьи. Мы будем сражаться в судах. Права родителей и права семьи стоят выше, чем права чиновников и социальных прожектеров из Вашингтона.

Однако борьба против уведомления родителей – это только один пример попыток умалить традиционные ценности и даже оспорить основные принципы американской демократии. Свобода процветает там, где жива религия и признаются Божьи законы. Когда наши отцы-основатели принимали Первую поправку к конституции, они намеревались защитить церкви от вмешательства правительства. У них никогда не было намерений воздвигнуть стену враждебности между государством и религией.

Очевидность этого проходит сквозь всю историю нашего государства. Декларация независимости упоминает высшее существо не менее четырех раз. "Мы верим в Бога" – выбито на наших монетах. Верховный суд открывает свои заседания молитвой. Члены конгресса открывают свои сессии молитвой. Я думаю, что школьники Соединенных Штатов имеют право на те же привилегии, что и наши члены Верховного суда и конгресса.

В прошлом году я представил конгрессу конституционную поправку о восстановлении молитвы в общественных школах. Уже на этой сессии мы видим, как крепнет двухпартийная поддержка этой поправки, и я призываю конгресс незамедлительно утвердить поправку и позволить нашим детям молиться в школах.

Возможно, некоторые из вас читали недавно о случае в

Лаббокской школе (штат Техас), когда судья фактически признал неконституционным равноправное отношение администрации учебного округа к религиозным и нерелигиозным группам учащихся, даже если они встречаются в свободное от занятий время. Первая поправка никогда не имела в виду требовать от правительства дискриминации по отношению к религиозным выступлениям.

Сенаторы Дентон и Хартфилд внесли в конгресс законопроект о запрещении дискриминации учащихся, выражающих религиозные взгляды. Такой закон мог бы способствовать восстановлению свободы совести для учащихся государственных школ. Я надеюсь, что конгресс быстро рассмотрит этот законопроект. И с вашей помощью – я думаю, что это возможно, – мы смогли бы также провести конституционную поправку через конгресс уже в этом году.

Более десяти лет назад решение Верховного суда буквально смело в корзину своды актов 50 штатов, защищавших права зачатых детей. В настоящее время аборт ежегодно лишает жизни почти полтора миллиона таких детей. Закон о защите человеческой жизни, который положит конец этой трагедии, будет когда-нибудь утвержден конгрессом, а до тех пор мы не должны успокаиваться. Пока не будет доказано, что зачатый ребенок не есть живое существо, его право на жизнь, свободу и счастье должно быть защищено.

Наверно, вы помните, что, когда вошли в практику аборт по желанию, многие – и, я уверен, многие из вас – предупредили, что это снизит уважение к человеческой жизни, что аргументы, оправдывающие аборт по желанию, со временем будут использованы и для оправдания других покушений на святость человеческой жизни, включая детоубийство и убийство из сострадания. Предупреждения звучали трагично и, как оказалось, не зря. В прошлом году суд разрешил умерщвление голодом ребенка-инвалида.

Я распорядился, чтобы министерство здравоохранения и социальных служб разъяснило каждому медицинскому учреждению в Соединенных Штатах, что закон от 1973 года защищает от дискриминации всех инвалидов, включая детей. Мы сделали следующий шаг, потребовав, чтобы каждый детский медицинский центр, получающий федеральные субсидии, выставил на видном месте уведомление о том, что всякая дискриминация при уходе за детьми-инвалидами запрещена федеральным законом. Здесь же должен быть указан номер бесплатного кругло-

суточно работающего телефона, по которому можно было бы своевременно сообщить в центр о нарушениях, угрожающих жизни детей, и тем самым спасти их.

Кроме того, законопроект, представленный недавно конгрессу представителем штата Иллинойс Генри Хайдом, не только налагает дополнительные ограничения на аборт за государственный счет, но также затрагивает всю проблему детоубийства. Я призываю конгресс начать слушания и принять законопроект, защищающий право на жизнь всех детей, включая инвалидов.

Я понимаю, что временами вы бываете обескуражены, но все лучше, чем вам кажется. Сейчас в Америке наблюдается великое пробуждение духа, возрождаются традиционные ценности, которые всегда были основой американских добродетелей и величия.

Недавно Вашингтонский исследовательский совет провел обследование и пришел к выводу, что американцы значительно более религиозны, чем другие народы: 95% опрошенных заявили, что верят в Бога; согласно огромному большинству, десять заповедей имеют практический, жизненный смысл. Другое обследование показало, что подавляющее большинство американцев осуждает супружескую измену, ранние половые связи, порнографию, аборт и употребление сильных наркотиков. По результатам этого же обследования, в Америке глубоко коренится уважение к крепким семейным узам и религиозной вере.

Я думаю, что обсуждаемые сегодня вопросы должны занимать важнейшее место в политической повестке дня нашей страны. Впервые конгресс открыто и серьезно обсуждает такие вопросы, как молитвы и аборт, – уже в этом огромный прогресс. Я повторяю: Америка сейчас испытывает духовное пробуждение и моральное возрождение. Используя библейское выражение, я говорю сегодня: пусть справедливость течет, как река, а добродетель – как непрекращающийся поток.

Теперь очевидно, что новые примеры политического и социального согласия, о которых я говорил, во многом объясняются положительным взглядом на американскую историю, чувством гордости за большие свершения в нашей стране. Но мы не должны забывать, что ни одна правительственная система не может сделать человека совершенным. Мы знаем, что существование в этом мире означает постоянное столкновение с тем, что философы называют феноменологией зла, а теологи – греховным учением.

В мире существуют грех и зло, и нам предписано священным писанием и Иисусом Христом противостоять этому всеми нашими силами. Наш народ также унаследовал зло, с которым приходится иметь дело. Величие нашего общества состоит в его способности превзойти моральное зло нашего прошлого. Например, долгая борьба меньшинств за равные права, однажды приведшая к разобщению и гражданской войне, в наши дни служит объектом гордости всех американцев. Пути назад нет. В нашей стране нет места для расизма, антисемитизма или других форм этнической и расовой ненависти.

Я знаю, что вы, как и я, ужаснулись возрождению некоторых изуверских группировок, проповедующих фанатизм и предрассудки. Используйте мощный голос своих проповедников и авторитет ваших церквей, чтобы осудить и изолировать эти отвратительные группировки в нашем обществе. Заповедь, данная нам, ясна и проста: "Люби ближнего своего, как самого себя".

Но несмотря на печальные эпизоды в нашем прошлом, любой объективный наблюдатель должен держаться позитивного взгляда на американскую историю, которая была историей исполненных надежд и упований. Особенно в этом веке в Америке ярко горел факел свободы – не только для нас, но и для миллионов других людей во всем мире.

Это приводит меня к последнему разделу сегодняшнего выступления. На моей первой президентской пресс-конференции, отвечая на прямой вопрос, я напомнил, что советские руководители, будучи верными марксистами-ленинцами, открыто и публично заявляли, что единственно признаваемая ими мораль та, которая способствует их делу, то есть мировой революции. Должен сказать, что я лишь цитировал Ленина, их духовного вождя, который в 1920 году объявил, что большевики отвергают всякую мораль, вытекающую из сверхъестественных идей – так они называют религию – или идей, лежащих вне классовых концепций. Мораль полностью подчиняется интересам классовой борьбы. И морально все, что необходимо для уничтожения старого эксплуататорского общества и для объединения пролетариата.

Я думаю, что отказ многих влиятельных людей понять этот элементарный факт советской доктрины показывает исторически сложившееся нежелание видеть тоталитарные режимы такими, как они есть. Мы наблюдали этот феномен в 30-х годах. И сегодня мы слишком часто сталкиваемся с ним.

Это не значит, что мы должны изолироваться и отказаться от поисков путей взаимопонимания. Я хочу сделать все возможное, чтобы убедить Советы в наших мирных намерениях, напомнить им, что именно Запад отказался использовать свою ядерную монополию в 40-х и 50-х годах для территориальной экспансии, что сейчас он предлагает 50-процентное сокращение стратегических баллистических ракет и уничтожение целого класса ядерных ракет средней дальности наземного базирования.

В то же время, однако, они должны понять, что мы никогда не откажемся от наших принципов и норм. Мы никогда не поступимся нашей свободой. Мы никогда не откажемся от нашей веры в Бога. И мы никогда не остановимся в поисках подлинного мира. Но мы не можем гарантировать ни один из этих принципов, которых придерживается Америка, посредством так называемого замораживания ядерных арсеналов, как предлагают некоторые.

Правда состоит в том, что такое замораживание было бы сейчас очень опасным обманом, не чем иным, как иллюзией мира. Реальность в том, что мы должны искать мира, сохраняя силу.

Я бы согласился на замораживание, если бы удалось заморозить глобальные претензии Советского Союза. Замораживание на нынешнем уровне вооружений привело бы к лишению Советского Союза побудительных мотивов для серьезных переговоров в Женеве и фактически подорвало бы наши шансы добиться предложенного нами значительного сокращения вооружений. Вместо этого Советы путем замораживания достигли бы своих собственных целей.

Ядерное замораживание было бы подарком Советскому Союзу за его огромное, беспрецедентное наращивание военной мощи. Оно помешало бы существенной и давно назревшей модернизации оборонных систем Соединенных Штатов и их союзников и привело бы к еще большей уязвимости наших дряхлеющих вооруженных сил. Честное соглашение о замораживании потребовало бы обширных предварительных переговоров о категориях и количествах вооружений, подлежащих ограничениям, а также о средствах эффективной проверки соблюдения соглашений. К тому же замораживание в том виде, как оно было предложено, фактически невозможно контролировать. Обширная программа подобного рода полностью отвлекла бы нас от текущих переговоров о значительном сокращении вооружений.

Много лет назад я слышал речь молодого отца, который выступал перед огромной аудиторией в Калифорнии. Это было в период холодной войны, когда коммунизм и наш американский образ жизни сильно занимали умы людей. Он об этом и говорил. Я вдруг услышал его слова; а в этот момент я подумал про себя: "Нет, не надо... Ты не можешь... не надо говорить этого". Я недооценил его, а он продолжал: "Я люблю моих девочек больше всего на свете. Но лучше бы они умерли сейчас, веря в Бога, чем росли бы при коммунизме и умерли, перестав верить в Бога".

В том зале были тысячи молодых людей. Они поднялись со своих мест с радостными восклицаниями. Они мгновенно почувствовали в словах выступавшего глубокую правду, которая была вещественна, по-настоящему значима и отвечала запросам души.

Давайте вознесем молитву за спасение всех тех, кто живет во мраке тоталитаризма, за то, чтобы они обрели радость познания Бога. Давайте признаем, что до тех пор, пока их вожди проповедуют верховную власть государства, провозглашают его всемогущество над личностью и предрекают его конечное господство над всем человечеством, они олицетворяют зло в современном мире.

К.С.Льюис в своих незабываемых "Письмах Скрутейпа" писал: "Величайшее зло гнездится сейчас не в грязных притонах преступности, которые так любил описывать Диккенс. Оно вершится не в концентрационных и трудовых лагерях. Там мы видим его конечный результат. Зло вынашивается и получает законный статус (предлагается, поддерживается, принимается и протоколируется) в чистых, покрытых коврами, теплых и светлых кабинетах тихими людьми в белых сорочках, с гладко выбритыми щеками и ухоженными ногтями. У этих людей нет даже необходимости повышать голос".

И потому, что эти "тихие люди" умеют произносить, "не повышая голоса", гладкие речи о братстве и мире и, подобно прежним диктаторам, предъявляют территориальные притязания "в последний раз", кое-кто хотел бы, чтобы мы судили о них по их словам и приравнивались к их агрессивному поведению. Но если история и учит чему-нибудь, то мы должны знать, что поддаваться демагогии и обольщаться насчет наших противников – полное безрассудство. Это означает предавать наше прошлое, губить нашу свободу.

Я призываю вас поднять голос против тех, кто отводит

Соединенным Штатам место державы в моральном и военном отношении неполноценной. Я всегда верил, что старый Скрутейп приберегал свои коварные трюки для вас, верующих людей. Хочу вас предостеречь: говоря о ядерном замораживании, не впадайте в соблазн гордыни, в соблазн поставить себя над всеми и в равной степени обвинять обе стороны, игнорируя факты истории и агрессивные устремления империи зла и упрощенно называя гонку вооружений величайшим недоразумением, тем самым отстраняясь от борьбы между правдой и неправдой, между добром и злом.

Я прошу вас противиться попыткам тех, кто не желает вашей поддержки усилий нынешней администрации, направленных на то, чтобы Америка оставалась сильной и свободной, ведя переговоры о реальном и контролируемом сокращении мировых арсеналов ядерного оружия, а в конечном счете, с Божьей помощью, об их полной ликвидации.

Военная мощь Америки очень важна, но я хочу еще раз повторить, что нынешнее соперничество в мире никогда не решится бомбами или ракетами, армиями или военной индустрией. Истинный кризис сегодняшнего мира – это духовный кризис, в основе которого лежит испытание моральной силы и веры.

Уиттакер Чэмберс*, человек, чье религиозное обращение сделало его свидетелем одного из трагических событий нашего времени, процесса Хисса – Чэмберса, писал, что кризис западного мира определяется степенью его безразличия к Богу и сотрудничеству с коммунизмом, стремящимся оставить человека без Бога. Чэмберс сказал, что марксизм–ленинизм – это, по сути дела, вторая по древности вера, впервые провозглашенная в Эдемском саду искусителем: "И будете вы, как боги".

Западный мир может ответить на вызов истории, писал Чэмберс, "но только при условии, что его вера в Бога и свободу, которую Он предписывает, будет столь же сильна, как и коммунистическая вера в Человека".

Я верю в нашу способность принять этот вызов. Я считаю, что коммунизм – это очередная скорбная и нелепая глава в человеческой истории, чьи последние страницы дописываются уже сейчас. Я верю в это потому, что источник нашей силы в

* У.Чэмберс (1902—1961) – бывший член Коммунистической партии США. Издатель и писатель консервативного направления. На нашумевшем процессе Алджера Хисса (1949) он обвинил этого высокопоставленного чиновника госдепартамента в шпионаже в пользу СССР. (Хисс был осужден к трем с половиной годам тюремного заключения.)

поисках человеческой свободы не материальный, а духовный. И так как этот источник неисчерпаем, он поможет сначала напугать, а в конечном итоге и одержать победу над теми, кто хотел бы поработить своих соотечественников. Вспомним слова Исайи о Боге: "Он дает утомленному силу и изнемогшему дарует крепость... А надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся".

Постарайтесь изменить мир. Один из наших отцов-основателей, Томас Пейн, сказал: "В нашей власти переделать мир заново". Это возможно, если делать вместе то, что одной церкви будет не под силу.

Да благословит вас Бог. Большое спасибо.

Выступление при посмертном награждении медалью береговой охраны США Арланда Д. Уильямса–младшего

Овальный кабинет
6 июня 1983 года

Я всегда считал, что герои играют особую роль в нашей стране. Они объединяют нас, они дают нам силу для великих дел. Мне кажется, что я как президент должен был показать народу, как много героев в нашей стране. Одним из них был Арланд Уильямс–младший. Мне жаль, что я не знал его лично.

Президент. Мы собрались здесь для того, чтобы почтить память Арланда Уильямса. Почти каждый в Соединенных Штатах слышал о том героическом поступке, но лишь единицы знали, кто его совершил. Тот храбрец остался в памяти просто как "неизвестный герой". А случилось это во время страшной катастрофы 13 января 1982 года, когда пассажирский самолет врезался в мост и упал на лед Потомака. И долгое, очень долгое время мы знали, что один человек все время отдавал трос, который бросали с вертолета, тем, кто, по его мнению, находился в худшем положении. Он спас пятерых, а когда вертолет прилетел за ним, его уже не было.

В результате тщательного расследования, проведенного береговой охраной, стало известно, что этим героем, отдавшим

свою жизнь ради жизни других, был Арланд Уильямс–младший. Сегодня перед вами его семья: родители – Арланд и Вирджиния Уильямс; его сын и дочь – Арланд и Лесли. Здесь находится и заместитель командующего береговой охраной. Мы награждаем Арланда Уильямса–младшего этой медалью береговой охраны США. Всего 607 таких медалей было вручено за все сто лет ее существования. Эта награда бывает золотой и серебряной. Две золотые и две серебряные мы уже вручили героям этой же катастрофы, и вот теперь вручаем эту.

Журнал "Тайм" писал: "Если человек, находясь в ледяной воде, отдавал спасательный трос тем, кто боролся за свое спасение, он тем самым спасал и души тех, кто был свидетелем этого". Я уверен, что это действительно так, потому что все мы, наблюдавшие этот героический поступок и узнавшие теперь имя героя, обрели что–то важное.

А теперь, не могли бы вы прочесть указ о награждении.

Вице–адмирал Стэбблс. С удовольствием, г–н Президент!

"Министр транспорта имеет честь вручить Золотую медаль за спасение жизни Арланду Д. Уильямсу–младшему (посмертно) за действия, описанные в наградном листе:

За героические действия в экстремальной обстановке 13 января 1982 года после катастрофы и падения самолета в реку Потомак в Вашингтоне, округ Колумбия. Г–н Уильямс находился среди пассажиров рейса 737 компании "Эйр Флорида", потерпевшего аварию во время снежной бури и врезавшегося в мост на четырнадцатой улице, который соединяет Вашингтон и Северную Вирджинию. При ударе о мост самолет рухнул в замерзшие воды реки Потомак. Г–н Уильямс сидел в хвостовом отсеке самолета, который остался над водой. Для оказания помощи к месту аварии прибыл полицейский вертолет. Раненый, г–н Уильямс сразу понял, что он не сможет выбраться из самолета – его привязной ремень не расстегивался. Когда с вертолета сбросили спасательный трос, г–н Уильямс, сознавая, что он оказался в ловушке, передал трос другим раненым пассажирам. Команда вертолета спасла пятерых, а затем вернулась за г–ном Уильямсом. Найти его не удалось, самолет уже скрылся под водой. Благодаря тому, что он отказался от спасательного троса и тем самым сэкономил драгоценное время, которое, вероятнее всего, было бы затрачено на бесполезные попытки освободиться, были спасены другие пострадавшие, которые, проведи они больше времени в ледяной воде, могли бы погибнуть. Г–н Уильямс пожертвовал своей жизнью ради

жизни других. Самоотверженные и благородные действия г-на Уильямса свидетельствуют о его высочайших человеческих качествах и его готовности служить людям”.

Подпись “Элизабет Хэнфорд Доул, министр транспорта”.

Президент. Госпожа Уильямс, я надеюсь, вы примете медаль, предназначенную вашему сыну. А его детям позвольте сказать: “Гордитесь своим отцом”.

Обращение к нации по поводу событий в Ливане и на Гренаде

Овальный кабинет
27 октября 1983 года

Однажды в октябре Джордж Шулы пригласил нас на выходные в местечко Огаста поиграть в гольф. Это были незабываемые выходные. Мы с Нэнси жили в коттедже, где останавливался Айк (Эйзенхауэр), который часто приезжал сюда погонять мяч. Приключений в эти выходные было достаточно – вооруженный преступник захватил магазин и двух моих сотрудников в качестве заложников. К счастью, все обошлось.

Не могу сказать того же о других происшествиях этих двух дней. Часа в три или четыре утра зазвонил телефон. К нам обрацались с полдюжины стран Карибского бассейна, обеспокоенные тем, что они могут стать следующей жертвой вооруженных преступников, которые при поддержке кубинцев захватили остров Гренаду. Другие острова заявили, что у них недостаточно сил, чтобы противостоять нападению, и просили нашей помощи.

Тут же я собрал в своем коттедже совещание. Понимая, что если мы им откажем, то можем сразу забыть о каких-либо добрых взаимоотношениях с другими странами в обеих Америках, я дал команду оказать им помощь. Гренада так близко от Кубы, что я просил держать все это в секрете до самого начала операции. Вне Пентагона о готовящейся акции знали всего несколько человек. Хотя я и дал указание приступить к операции, мы остались в Огасте, чтобы не раскрывать наших планов раньше времени.

Затем произошло событие, заставившее нас немедленно вернуться в Вашингтон. Мы получили сообщение о взрыве бомбы в казармах наших морских пехотинцев в Ливане. На наших ребятах

обрушился заряд мощностью в 2 тысячи фунтов тротила, загруженного в грузовик, которым управлял водитель-самоубийца.

Мы надеялись принести хоть какое-то облегчение людям, обреченным на страдания в этом жестоком месте. Наши мальчики отдали свои жизни за нашу веру в то, что жизнь должна быть мирной. Отказаться от нашей мечты мы не можем, но сердце мое до сих пор полно жалости к погибшим. Ни об одном из своих президентских решений я не вспоминаю с таким сожалением, как об отправке наших ребят в Бейрут.

Здесь помещен текст моего обращения к нации о событиях той недели.

Сограждане-американцы!

Почти два месяца назад мы все были глубоко потрясены жестоким убийством 269 мужчин, женщин и детей и среди них более 60 американцев, когда был сбит корейский пассажирский самолет. Сейчас, за эти несколько дней, вновь произошло насилие – в Гренаде и Ливане.

Около 1600 наших морских пехотинцев находятся сейчас в Ливане. Они являются частью многонациональных сил, призванных помочь народу Ливана восстановить стабильность и порядок на этой истерзанной земле. Наши морские пехотинцы приписаны к южной части Бейрута, расположенной неподалеку от единственного действующего в Ливане аэропорта. Примерно в миле к северу от них находится итальянский контингент, а недалеко от них – французский и рота британских солдат.

В прошлое воскресенье в 6 часов 22 минуты по бейрутскому времени, когда только стало рассветать, по шоссе в сторону аэропорта ехал обычный, ничем не отличающийся от других грузовик. Во внешнем виде его не было никаких отличий от других таких же грузовиков, постоянно курсирующих рядом с аэропортом. И все же одно отличие было. За рулем этой машины находился молодой человек-смертник.

В грузовике было около двух тысяч фунтов взрывчатки, но наши морские пехотинцы не могли знать этого. Они заподозрили что-то неладное, только когда грузовик прорвался через несколько заградительных приспособлений, в том числе через натянутую поперек дороги цепь и колючую проволоку. Охрана от-

крыла огонь, но было уже поздно. Грузовик проломил двери штабного здания, где спали наши пехотинцы, и тут же взорвался. Четырехэтажное железобетонное здание превратилось в груду обломков.

Более двухсот человек погибло в результате этого страшно-го, безумного нападения. Много раненых доставлено в госпитали Европы и в США.

Но ужасы на этом не закончились. Почти в ту же минуту другой грузовик, также с водителем–смертником за рулем, врезался в восьмиэтажное здание штаба французских сил по поддержанию мира. В результате взрыва здание было разрушено, и погибло более пятидесяти французских солдат.

В период, предшествующий этому ужасному дню, в нашем контингенте многонациональных сил уже произошли трагические события. Несколько человек погибли от пуль снайперов и минометного обстрела.

Я позвонил неутешным родителям и вдовам погибших, чтобы выразить соболезнования от вашего имени. Иногда мне задавали вопрос. И теперь очень многие спрашивают: "Почему наши молодые парни должны погибать в Ливане? Какое значение имеет для нас Ливан?" Что ж, действительно, Ливан – небольшая страна и находится от нас на расстоянии более двух с половиной тысяч миль, на краю региона, который мы называем Ближним Востоком. Но все президенты, которые занимали этот пост в последние годы, признавали, что мир на Ближнем Востоке имеет жизненно важное значение для нашей страны, для наших союзников в Западной Европе и для Японии. Мы обеспокоены сложившимся там положением, потому что Ближний Восток – это пороховая бочка. За последние тридцать лет между арабами и израильтянами четырежды возникала война. И каждый раз весь земной шар оказывался на грани катастрофы.

Этот регион имеет ключевое значение для экономической и политической жизни Запада. Его стратегическое значение, его энергетические ресурсы, Суэцкий канал, благосостояние почти 200 миллионов человек, населяющих его, – все это имеет жизненно важное значение для нас и для всего мира. Если этот ключ попадет в руки страны или стран, враждебных свободному миру, это будет представлять прямую угрозу Соединенным Штатам и нашим союзникам.

Есть у нас и другая причина для вмешательства в жизнь этого региона. В 1948 году наша страна признала и приняла на себя моральное обязательство обеспечить существование государства Израиль. Израиль разделяет наши взгляды о значении демокра-

тических принципов и является значительной силой, с которой вынужден будет считаться всякий, вторгающийся на Ближний Восток.

В течение нескольких лет Ливан раздирают внутренние противоречия. Правительство этой когда-то процветающей мирной страны не сумело взять под контроль народное ополчение, различные группировки которого воюют между собой. Год и четыре месяца назад мы видели телерепортаж об артобстрелах и бомбардировках Бейрута, который банды ООП превратили в свою крепость. В этих ежедневных боях сотни и сотни мирных жителей были убиты и ранены.

Сирия, которая и не скрывает, что хотела бы видеть Ливан частью Великой Сирии, оккупировала значительную часть Ливана. Сегодня в Сирии находятся семь тысяч советских военных советников и техников, которые обслуживают огромное количество советской боевой техники, включая ракеты СС-21 класса "земля-земля", способные поражать жизненно важные районы Израиля.

Немногим более года назад в надежде расширить Кэмп-Дэвидские соглашения, которые привели к миру между Израилем и Египтом, я предложил план по Ближнему Востоку, целью которого было прекращение войны между арабскими государствами и Израилем. Основанный на резолюциях ООН № 242 и № 338 план предусматривает справедливое решение палестинской проблемы, а также справедливое урегулирование спорных вопросов между арабскими государствами и Израилем.

Прежде чем начать переговоры, было необходимо вывести из Ливана все иностранные вооруженные силы и прекратить боевые действия. Так почему же там находятся наши войска? Что ж, ответ прямой и краткий: чтобы помочь установить мир в Ливане и стабилизировать обстановку в этом жизненно важном регионе. С этой целью были созданы многонациональные силы, которые должны были способствовать стабилизации обстановки в Ливане и находиться там до тех пор, пока не будет сформировано правительство и не мобилизована ливанская армия для восстановления суверенитета Ливана, что произошло бы по мере вывода из страны иностранных войск. Израиль согласился вывести свои войска, такое же решение приняла и Сирия, но затем она нарушила свое обещание. В то же время десять тысяч палестинцев, которые превратили Бейрут в руины, действительно покинули страну.

В Ливане было сформировано правительство во главе с президентом Жмайелем, которое воспользовалось нашей помощью

и нашими советниками при создании собственной армии. Эта работа была завершена всего за год. Это хорошая армия, состоящая из представителей всех фракций Ливана.

Несколько недель назад израильские войска отошли к реке Авали на юге Ливана. Несмотря на отчаянное сопротивление поддерживаемых Сирией сил, ливанская армия сумела удержать линию фронта и сохранить защитную полосу вокруг Бейрута.

За тот год, что в Ливане находились наши пехотинцы, страна далеко продвинулась в установлении стабильности и порядка. Само присутствие морских пехотинцев помогает и правительству Ливана, и его армии. Оно позволяет проводить сложную дипломатическую работу. На самом деле, без сил поддержания мира из США, Франции, Италии и Великобритании все попытки прийти к мирному урегулированию в Ливане потерпели бы неудачу.

Что же касается более конкретного вопроса – в чем заключается тактическая задача морских пехотинцев, – отвечу, что они должны обеспечивать безопасность в отведенной им части Бейрута, поддерживать там порядок и не допускать, чтобы их сектор превратился в поле боя. Наши морские пехотинцы не просто сидят в зале ожидания аэропорта. В их задачу входит и охрана самого аэропорта. Благодаря их присутствию он продолжает функционировать. Кроме того, они патрулируют прилегающие районы. В этом их ограниченная, но важная задача в рамках более масштабных мероприятий, о которых я уже говорил.

Меня спрашивают: "Раз уж наши морские пехотинцы должны там находиться, не можем ли мы сделать их пребывание более безопасным? Кто совершил это злостное нападение на них? Кто и почему?"

Что я могу сказать? Мы сделаем все возможное, чтобы гарантировать безопасность наших военнослужащих. Мы дали указание линкору "Нью-Джерси" присоединиться к нашим кораблям в прибрежных водах Ливана. Его шестнадцатидюймовые орудия без единого выстрела успокоили тех, кто стрелял с холмов по нашим пехотинцам, и отчасти благодаря этим орудиям огонь прекратился. Мы делаем все возможное для того, чтобы наши войска были менее уязвимы для снайперов и водителей-смертников.

Госсекретарь Шульц позвонил мне сегодня из Европы, где он встречался с министрами иностранных дел наших союзников по многонациональным силам. Была подтверждена поддержка этой акции. Они также договорились об обмене информацией о том, как повысить безопасность наших военнослужащих.

У нас имеются косвенные доказательства того, что при нападении на штаб морских пехотинцев террористы использовали те же методы, что и для разрушения нашего посольства в Бейруте. Те, кто направлял это преступление, должны предстать перед судом, и их будут судить. Явной целью использования снайперов против наших пехотинцев, а теперь и этого нападения, было ослабить волю американцев и вынудить США и Францию вывести войска из Ливана. Очевидно, террористы хотят, чтобы мы прекратили помогать ливанскому правительству, лишили народ Ливана возможности самому решить свою судьбу.

Позвольте мне ответить тем, кто спрашивает, есть ли какая-либо необходимость присутствия там наших войск, вопросом на вопрос. Разве послали бы террористы своего водителя-смертника, если бы многонациональные силы не выполняли своих обязанностей? Многонациональные силы именно потому и подверглись нападению, что они выполняли задачи, ради которых находятся в Бейруте. Они выполняют свою миссию.

Что же будет дальше? Что мы можем сделать, чтобы стабилизировать положение в Ливане и вернуть наших морских пехотинцев домой? Я думаю, что мы можем предпринять сейчас три шага, которые изменят положение.

Во-первых, мы активизируем поиски путей установления мира и стабильности в регионе. Мало кто обращает внимание на то, что наши специальные посланники работают там сейчас практически круглосуточно, пытаясь примирить воинствующие группировки. В следующий понедельник президент Ливана Жмайель сядет в Женеве за стол переговоров с представителями других группировок для обсуждения возможности достижения национального примирения в стране. Мы окажем ему всемерную поддержку. Вскоре я назову имя человека, который заменит Бада Макфарлейна, в свое время сменившего на этом посту Фила Хабиба. Оба посланника работали неустанно, и многими, если не всеми, нашими достижениями мы обязаны им.

Во-вторых, мы будем еще более тесно сотрудничать с нашими союзниками в предоставлении помощи правительству Ливана и в воссоздании национального консенсуса.

В-третьих, мы сделаем все, что возможно, чтобы обеспечить безопасность сил поддержания мира и наших морских пехотинцев. Командующий нашими морскими пехотинцами генерал Келли, возвратившийся сегодня из Ливана, сообщит нам о мерах, которые мы должны предпринять, чтобы обеспечить безопасность. Только вчера вечером из Бейрута вернулся вице-президент Буш. Он представит мне полный отчет о своем краткосрочном визите.

Помимо тех целей, которые мы преследуем в Ливане, давайте помнить, что наша главная задача – это достижение мира на всем Ближнем Востоке. Фракционность и разрозненность – вот что мы видим в Ливане. Но это лишь отражение трудностей, которые переживает регион в целом. Лучшим вариантом достижения мира на Ближнем Востоке была бы мирная инициатива, соответствующая Кэмп-Дэвидским соглашениям и резолюциям ООН № 242 и № 338.

Позвольте мне спросить тех, кто считает, что мы должны покинуть Ливан: к какому выводу придут те, кому на руку нестабильность и терроризм в Ливане? Если случится, что Америка выведет войска из Ливана, какие возможности останутся для достижения соглашения о едином демократическом Ливане?

Если мы отвернемся от Ливана сейчас, каким будет будущее Израиля? На карту поставлена судьба важного соглашения, достигнутого Израилем со всего лишь второй арабской страной. Договоренность, подписанная Ливаном и Израилем 17 мая, – это наше очередное достижение в этом году.

Победа терроризма и запугивания нанесет сокрушительный удар по процессу достижения мира и по предпринятым Израилем поискам путей надежной безопасности. Это не только окунет Ливан в хаос. Разве смогут США и весь свободный мир стоять в стороне и наблюдать, как советский блок поглощает Ближний Восток? А как быть с зависимостью Западной Европы и Японии от ближневосточной нефти, питающей их промышленность? Как я уже сказал, Ближний Восток имеет жизненно важное значение для безопасности нашей страны и ее экономического благосостояния.

Мы потеряли доблестных молодых людей. Многие были серьезно ранены. Можем ли мы сказать им, что их жертва была напрасна? Точно так же, как любой человек, погибший в бою, они отдали свои жизни, защищая безопасность нашей страны. Мы не можем допустить и тени сомнения в важности их героической жертвы.

Наша страна несет глобальную ответственность. И, находясь в других странах, мы защищаем не чьи-нибудь, а свои собственные интересы.

Я получил письмо от отца одного из морских пехотинцев, находящихся в Ливане. Он пишет: "В мире, в котором рассуждают о правах человека, наблюдается печальный недостаток людей, принимающих на себя ответственность. Мой сын взял на себя ответственность, потому что считал за честь жить в нашей стране. Естественно, что в нашей стране никто не наделен пра-

вами от рождения, он должен принять на себя ответственность за эти права". Д-р Кеннет Моррисон сказал это, пока ждал информации, был ли его сын среди погибших. Меня глубоко тронуло известие о том, что его сын Росс жив, здоров и выполняет свои обязанности в Ливане.

Давайте возьмем на себя ответственность. Уже никто из нас и не вспомнит тех времен, когда Ближний Восток не находился в состоянии войны, лишенный каких-либо надежд на будущее. Этот жуткий цикл должен быть прерван. Почему наши войска находятся там? Одна ливанская женщина сказала нашему послу, что ее дочь посещала школу лишь два года из прошедших восьми. Теперь, благодаря нашему присутствию, ее дочка может жить спокойно.

Проявив терпение и твердость, мы можем способствовать установлению мира на этой измученной земле – и сделать нашу собственную жизнь безопасной. Наша задача в том, чтобы помочь ливанцам самим объединить свою страну, а не делать это за них.

На земле есть еще одно место, завладевшее всеми нашими мыслями. Оно расположено гораздо ближе к нашим берегам, и имя ему – Гренада. Этот остров всего вдвое больше округа Колумбия, и населяют его приблизительно 110 тысяч человек.

Гренада и с полдюжата других островов в Карибском бассейне до недавнего времени были британскими колониями. Сейчас это независимые государства, входящие в Британское Содружество. Они уважают независимость друг друга, но вместе с тем чувствуют некую общность и считают себя единым народом.

Несчастья пришли на Гренаду в 1979 году. Морис Бишон, ставленник Фиделя Кастро, организовал военный переворот и сверг правительство, избранное в соответствии с конституцией, доставшейся народу страны от англичан. С помощью кубинцев он построил аэропорт, который, по его словам, предназначался для развития туризма, но подозрительно хорошо подходил для обслуживания военных самолетов, включая советские дальние бомбардировщики.

Шесть суверенных государств и одна оставшаяся колония объединились в организацию, которая была названа Организацией Восточно-карибских стран. Эти страны были сильно обеспокоены тем, что Бишон создал армию, превосходящую все их вооруженные силы, вместе взятые. Было ясно, что она предназначалась не только для обороны.

В прошлом году премьер-министр Бишон дал понять, что он хотел бы улучшить отношения с Соединенными Штатами. Он

даже посетил нашу страну и встречался с высшим руководством в Белом доме и госдепартаменте. Мы никогда не узнаем, имел ли он серьезные намерения. 12 октября он был арестован небольшой группой солдат своего ополчения. Они, между прочим, были более радикальны и более привержены Кастро, чем сам Бишон.

Несколько дней спустя перед домом Бишона собралась толпа горожан, освободила его и препроводила в штаб военного совета. Они подверглись обстрелу. Было несколько убитых, в том числе дети. Бишона схватили, а позже вместе с несколькими членами его кабинета казнили. Был введен круглосуточный комендантский час со стрельбой по нарушителям без предупреждения. На Гренаде не было правительства, власть осуществляла самозванная банда военных.

В то время на острове проживало около тысячи наших сограждан, восьмьсот из них обучались в медицинском институте университета "Сент-Джорджес". Обеспокоенный тем, что они могут пострадать или попасть в плен в качестве заложников, я приказал группе наших кораблей, осуществлявших плановую переброску очередной партии морских пехотинцев на замену в Ливан, взять южнее, чтобы оказаться у берегов Гренады на случай, если им придется эвакуировать наших сограждан.

Рано утром в прошлый уик-энд меня разбудили и сообщили, что шесть членов Организации Восточно-карибских стран вместе с присоединившимися к ним Ямайкой и Барбадосом направили просьбу о неотложной поддержке их военной операции для наведения порядка и восстановления демократии на Гренаде. Они предлагали осуществить эти действия в рамках Договора о взаимопомощи, подписанного между ними.

Эти маленькие мирные страны нуждались в нашей помощи. У трех из них вообще нет армии, а вооруженные силы трех других весьма ограничены. Принимая во внимание, что их просьба была вполне законна, я отдал приказ, который был продиктован беспокойством за наших соотечественников. Я считаю, что наше правительство обязано оказать содействие своим гражданам, если их жизнь и свобода находятся под угрозой. Кошмарный прецедент с нашими заложниками в Иране не должен повториться.

Мы понимали, что времени у нас мало и что мы должны соблюдать абсолютную секретность для обеспечения безопасности наших солдат, участвующих в операции, и американцев, которых они должны были спасти. Комитет начальников штабов круглые сутки разрабатывал план действий. Разведанных о положении на острове не хватало.

Мы вынуждены были предположить, что несколько сот кубинцев, работающих в аэропорту, были военным резервом. Правда, их оказалось намного больше, и это были настоящие регулярные войска. Шестьсот из них попали в плен. Мы также обнаружили целый военный склад с оружием и средствами связи, что доказывает наличие плана захвата острова кубинцами.

Два часа назад мы распространили первые фотографии с Гренады. На нескольких запечатлен склад военного снаряжения, один из трех, обнаруженных нами на настоящий момент. Оружия и боеприпасов, почти до потолка забивших склад, было бы достаточно для вооружения нескольких тысяч террористов. Нам говорили, что Гренада – это дружественный остров, туристический рай. Так вот, она таковым не являлась. Это была советско-кубинская колония, которую превращали в основной военный бастион для экспорта терроризма и подрыва демократии. Мы оказались там весьма вовремя.

Не хватает слов, чтобы отблагодарить наши вооруженные силы: рейнджеров и десантников, моряков, морских пехотинцев и авиаторов – всех тех, кто спланировал блестящую операцию, и тех, кто ее успешно осуществил. Наши войска практически с ходу захватили два аэропорта, обеспечили охрану городка, где находилось большинство американских студентов, и сейчас завершают операцию.

Следует отметить, что при планировании операции особое внимание было обращено на снижение риска, на то, чтобы, насколько это в человеческих силах, избежать потерь с нашей стороны и со стороны вооруженных сил Гренады. Пострадавшие, однако, были, и все мы в долгу перед теми, кто погиб или был ранен. Их было немного, но даже одна жизнь – цена слишком большая.

Мы намерены как можно скорее вывести с Гренады своих военнослужащих. Юджиния Чарльз, премьер-министр Доминики и председатель Организации Восточно-карибских стран, просит помощи стран Содружества в создании конституционного правительства, неотъемлемого права народа Гренады. Мы предполагаем, что тем временем в создании временного правительства будет участвовать генеральный губернатор, являющийся гражданином Гренады.

Хотя эти страны и разделены океаном, события в Ливане и на Гренаде тесно связаны между собой. Москва не только содействовала и поощряла разгул насилия в обеих странах, она оказывала прямую поддержку террористам через сеть подставных лиц. Нельзя считать случайным совпадением, что, когда преступ-

ники попытались захватить в свои руки контроль над Гренадой, там было тридцать советских советников и сотни кубинских военнослужащих и членов полувоенных формирований. В момент высадки наших войск на Гренаду мы связались с правительствами Кубы и Советского Союза и заявили, что обеспечим безопасность их граждан на Гренаде. К сожалению, Кастро приказал кубинцам сражаться насмерть, и некоторые так и поступили. Оставшиеся будут отправлены на родину.

Все вы помните, что были времена, когда безопасность нашей страны обеспечивалась регулярной армией здесь, внутри наших границ, береговая артиллерия защищала подходы с моря, а флот охранял морские коммуникации для доставки необходимых нам товаров. Мир изменился. Сегодня наша безопасность подвергается угрозе в отдаленных регионах. Мы все должны знать о стратегическом значении этих мест и уметь определять их.

Сэм Рейберн сказал однажды, что народ не может завоевать свою свободу раз и навсегда. Он сравнил ее со страховкой: премиальные выплаты должны соответствовать требованиям сегодняшнего дня. Чтобы сохранить ее, мы должны постоянно трудиться, приносить что-то в жертву на протяжении всей нашей жизни. Если мы этого не сделаем, наши дети не смогут приложить свой труд для сохранения свободы, потому что они ее будут лишены.

В эти последние несколько дней я был уверен, более чем когда-либо, что мы, сегодняшние американцы, сохраним свободу и сбережем мир. Эту уверенность мне придал удивительный дух тех ребят и девушек, которые служат в вооруженных силах. Имели свое значение и некоторые события, произошедшие здесь, в столице. В этом городе, где политическая борьба составляет столь значительную часть жизни, я видел, как лидеры демократов в конгрессе присоединились к своим коллегам-республиканцам и направили послание народам мира, которое показало, что все мы прежде всего американцы, а потом уже члены партий и группировок. Когда наша страна в опасности, мы плечом к плечу встаем в поддержку наших сограждан-военнослужащих.

Позвольте мне рассказать вам историю, которую, как мне кажется, вам будет интересно услышать. Это произошло с командующим нашей морской пехоты генералом Полем Келли, когда он посещал в госпитале ВВС тяжелораненых морских пехотинцев. Этот эпизод говорит о доблести и героизме этих молодых людей, которые до конца выполняли свой долг. Они дали другим возможность прожить свою жизнь в мире и остаться свободными людьми своей страны.

Я опишу этот случай словами самого генерала Келли. Он рассказал мне о "молодом морском пехотинце, к телу которого было присоединено столько трубок и трубочек, сколько я не видел ни у одного больного.

Он плохо видел и, чтобы убедиться, что это действительно я, нащупал мои четыре звезды на погонах. Он крепко держал меня за руку и пытался жестами что-то объяснить. Ему дали бумагу и карандаш, и он написал: "Semper Fi".

Тот, кто служил в морской пехоте или, как я, любит этот род войск, знает, что там эти два слова – и боевой клич, и приветствие, и лозунг. Это сокращение от девиза морской пехоты "Semper Fidelis" – "верен всегда".

Генерал Келли пользуется репутацией искушенного и жесткого морского пехотинца, но, увидев эти слова, он заплакал, и каждый поймет его.

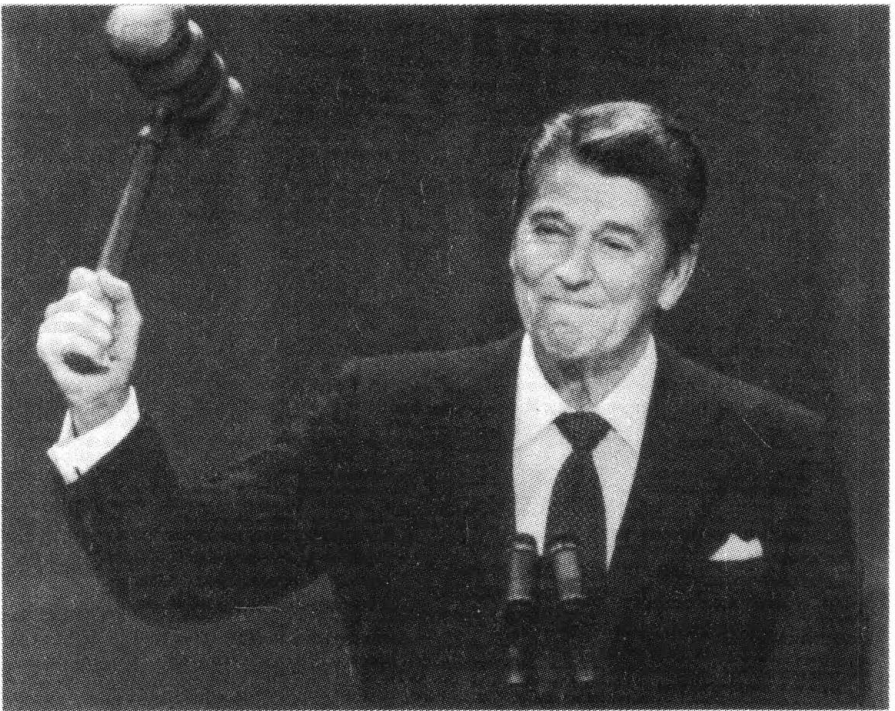
Этот солдат и все другие, живые или мертвые, были верны своим идеалам. Они добровольно шли в бой, чтобы жизнь почти беззащитного народа региона, имеющего огромное стратегическое значение для свободного мира, в будущем не омрачалась убийствами, насилием и террором. Мне кажется, что этот молодой солдат и все его товарищи продемонстрировали нам то, ради чего стоит жить.

Они не испугались подняться на защиту своей страны – неважно, сколь трудным и долгим будет тот путь – и дать другим последнюю, твердую надежду на лучшее будущее. Мы не должны быть настолько неблагодарными, чтобы не проявить той же верности делу свободы и мира, которую проявили они, отдав свои жизни.

Я не прошу вас молиться за погибших, потому что они в безопасности в руках Господа и не нуждаются в наших молитвах. Я хочу просить всех вас – где бы вы ни находились на нашей благословенной земле – молиться за раненых и за осиротевшие семьи тех, кто отдал свою жизнь за нашу свободу.

Да благословит вас Бог, и да благословит Бог Америку.

1984

Речь при получении мандата на выдвижение кандидатом в президенты от Республиканской партии

Даллас, штат Техас
23 августа 1984 года

Выборы – главная тема 1984 года. Экономика развивалась, мир был относительно спокойным, колеса правительства крутились, и поэтому страна и пресса сосредоточили свое внимание на политике.

Хотя участие в политической кампании – занятие весьма утомительное, связанное с таким количеством переездов, что трудно уследить, где находишься, иногда эта работа воодушевляет. Действительно, чувствуешь прилив адреналина, наблюдая, как тепло и с каким воодушевлением тебя принимают.

Чего-чего, а восторженности в кампании 1984 года хватало. Один из моих сотрудников, просматривавший видеозаписи кампании, спросил меня на днях, можно ли ощутить восторг аудитории. Я ответил, что можно. (Вообще-то готов спорить, что я гораздо лучше представляю себе ощущения рок-звезды, чем многие двадцатилетние.) Тогда мой сотрудник спросил: "А как вы с этим справляетесь?" На что я ответил: "Молю Бога, чтобы это было заслуженно." Я всегда стараюсь помнить об этом, потому что иначе власть затмевает сознание – в учебнике истории вы найдете массу примеров.

Другое, что я тоже старался всегда помнить, – это вести кампанию так, будто отстаешь от соперника на один голос. Потому что, если считаешь, что выиграешь, не сделаешь того, что должен сделать. Мне кажется, что во время кампании я честно поработал и ради каждого успеха отдавал все силы. В моей речи на съезде партии в 1984 году я выступил против

своего соперника и его товарищей по Демократической партии. Нужно четко проводить свою линию, чтобы люди поняли, кто ты есть и во что ты веришь.

Президент. Господин председатель, господин вице-президент, делегаты съезда, сограждане:

Я надеюсь, что через семьдесят пять дней мы одержим победу, такую же огромную, как сердце Техаса. Нэнси и я выражаем нашу глубокую признательность Техасу и заглавной "Д" – городу Далласу за теплоту и гостеприимство.

Четыре года назад я не совсем точно представлял, в чем заключаются обязанности моей должности, а совсем недавно первоклассники школы "Корпус Кристи" в Чамберсбурге, штат Пенсильвания, рассказали мне о некоторых новых обязанностях, которые мне были неизвестны. Учитель попросил малышку Леу Клайн рассказать об обязанностях президента. Она ответила: "Президент посещает собрания. Он помогает животным. Президент расстраивается. Он говорит с другими президентами". Надо же, такая маленькая и такая умница!

Сегодня мое сердце переполнено признательностью за ваше доверие. Я принимаю ваш мандат на пост президента Соединенных Штатов, и я буду выступать на платформе нашей партии, которая уверенно ведет Америку в будущее.

Америке впервые за полвека предстоит сделать четкий политический выбор. В основе нынешней кампании, в основе будущего Америки лежат различия, в том числе и философские, между нашими двумя партиями.

Я участвую в политической борьбе достаточно долго, чтобы знать, что политическая партия и ее руководство не могут сменить свои принципы за четыре дня. Мы никогда не сделаем этого, а нашим противникам, не удалось этого сделать в Сан-Франциско, как они ни старались. Мы узнали, в чем заключаются наши ценности, не из опроса общественного мнения, проведенного за неделю до съезда. И мы не ставили флюгер на мост через Золотые ворота, прежде чем стали говорить об американских семьях.

Выбор этого года – это не просто выбор между двумя различными личностями или двумя политическими партиями. Это

выбор между двумя взглядами на будущее, между двумя принципиально различными методами руководства: их, основанным на пессимизме, страхе и ограничениях, и нашим – на надежде, уверенности и развитии.

Их правительство относится к людям в зависимости от их принадлежности к различным группам, наше – служит каждому американцу как личности. Они живут в прошлом, пытаются применять старую, негодную политику к эпохе, которая прошла мимо них. Мы учимся у прошлого и стремимся к переменам, уверенно прокладывая новый путь в будущее. Они живут обещаниями – чем больше, тем лучше. Мы предлагаем проверенные, надежные ответы.

Наши противники начали эту кампанию в надежде, что у Америки короткая память. Что ж, давайте пригласим их на небольшой экскурс в прошлое. Давайте напомним им, как от инфляции в 4,8% в 1976 году страна дошла до того, что в течение нескольких лет подряд темп инфляции выражался двузначным числом и был самым высоким со времен первой мировой войны. От этого пострадали неимущие и старики, начинающие совместную жизнь молодые пары и рабочие, едва сводившие концы с концами.

Инфляция – не чума, занесенная ветром. Это была продуманная часть их официальной экономической политики, необходимая, по их словам, для поддержания благосостояния. Они не сказали нам, что также будут введены и самые высокие со времен гражданской войны процентные ставки. Когда ежемесячные выплаты по займам более чем удвоились, жилищное строительство почти замерло. Десятки тысяч плотников и других строителей оказались выброшенными на улицу. А в чьих руках находились тогда обе палаты конгресса и исполнительные органы? Не в наших, нет, не в наших.

Во время проведения предвыборной кампании в 1980 году мы видели признаки упадка промышленности по всей Америке. В сельскохозяйственных регионах инфляция увеличила себестоимость продукции. По фермерам тяжело ударило эмбарго на зерно, и они были вынуждены занимать деньги под невероятные проценты, только бы перебиться. Многие не перебились. Фермерам приходится бороться с вредителями, с погодой, за место на рынке. Им приходится бороться с собственным правительством. В 1980 году о высоких ставках в Сан-Франциско не говорили. А как насчет налогов? О них в Сан-Франциско речь шла. Уилл Роджерс сказал однажды, что он ни разу не встре-

ека, который ему бы не понравился. Что ж, если перефразировать Уилла, то наши друзья из другой партии никогда не встречали налога, который бы им не понравился или который бы они не увеличили.

В результате проводимой ими политики за последние тридцать лет налоги, взимаемые с многодетных семей, поднялись в три раза больше, чем налоги со всех остальных слоев населения. Всего за пять лет, предшествовавших приходу нашей партии к власти, налоги почти удвоились.

Среди так громко разглагольствовавших о честности политиков в Сан-Франциско были люди, осуществлявшие в 1977 году самое большое единовременное увеличение налога за всю историю. Оно предусматривало ряд увеличений налога с выплат по социальному страхованию и пересмотр минимальных сумм, с которых этот налог не взимался. Принятый ими законопроект имел целью проведение до 1990 года двух дополнительных увеличений, которые больше всего ударили бы по людям с низкими доходами.

Бюро переписи подтверждает, что из-за унаследованных нами законов о налогах количество семей, находящихся на уровне или ниже уровня бедности и выплачивающих при этом подоходный налог, за период с 1980 по 1982 год удвоилось. Конечно, некоторым облегчением для них стало проведенное нами в 1983 году общее снижение налогов. Их положение еще улучшится, когда в январе вступит в силу новая система индексации налогов.

Наши противники неоднократно высказывались за отказ от индексации. Но разве это отразится на богатых? Нет, потому что они уже и так в верхней строке налоговой таблицы. А те трудящиеся, которые справляются с инфляцией только благодаря имеющимся поправкам по прожиточному минимуму, окажутся в более высокой строке налоговой таблицы и не смогут даже угнаться за инфляцией, потому что будут платить более высокий подоходный налог. Это ползучий налог, за который выступают наши противники и против которого боремся мы.

Наша задача разъяснить всем гражданам нашей страны, что разорительные налоги, дорогие социальные эксперименты и непродуманная экономическая политика не являются лишь результатом деятельности нынешней администрации. В течение двадцати шести лет, вплоть до 21 января 1981 года, оппозиционная партия имела большинство в обеих палатах конгресса. Более четверти века они утверждали все статьи расходов и все налоги.

Лет десять назад они заявили, что федеральные расходы вышли из-под контроля, и провели закон об ограничении бюджета, а через пять лет дефицит достиг 260 миллиардов долларов. Ничего себе ограничение!

В 1981 году мы получили большинство в сенате и в исполнительных органах. При поддержке некоторых демократов в палате представителей, обеспокоенных сложившейся ситуацией, мы приступили к проведению политики ограничения федерального бюджета вместо ограничения бюджета семьи.

Специальная комиссия во главе с вице-президентом Джорджем Бушем – лучшим вице-президентом, который когда-либо был в этой стране – ликвидировала излишние инструкции, которые связывали по рукам и ногам предпринимательство и промышленность.

Быть может, наши друзья вспомнят трюк, который они изобрели для своей кампании 1976 года. Как сказал нам позавчера вечером президент Форд, сложив темпы безработицы и инфляции, они получили то, что называется индексом нищеты. В 1976 году он достиг 12,5 %. Они заявили, что с таким индексом нищеты действующий президент не имеет права требовать переизбрания. Так вот, четыре года назад, в 1980-м, они уже не упоминали об индексе нищеты, быть может, потому, что он превысил к тому времени 20%. Более того, в этом году они его тоже не вспомнят. Он упал до 11,6% и продолжает падать.

Почти любое мероприятие наших оппонентов ухудшало положение американцев, живущих в бедности. Увеличились случаи подростковой наркомании, возросло число незаконно-рожденных, преступность тоже не стояла на месте. Пришли в упадок жилые кварталы и школы. Те, кому правительство намеревалось помочь, обнаружили, что они попали в зависимость, из которой не могут выбраться. Правительство превратилось в лекарство, дающее временное облегчение, но и порождающее зависимость от него.

Давайте взглянем на некоторые факты, о которых наши противники не хотят и слышать. Самый значительный прирост процента нищих – свыше 9% ежегодно – произошел в 1978 – 1981 годах. А в первые два года нашей администрации ежегодный прирост упал до 5,3%, а в 1983 году, впервые с 1978 года, сколько-нибудь значительного роста нищеты вообще не отмечено.

Расходование миллиардов долларов на программы, которые делали жизнь людей хуже, было нерационально и несправедли-

во. Наступило время прекратить эту зависимость от действий правительства и возродить доверие к человеку.

В 1980 году народ вместе с нами решил, что экономический кризис не был вызван тем, что мы слишком хорошо жили. Слишком хорошо жилось правительству. Наступило время, когда рост налогов должен стать не первым, а последним, крайним средством.

Народ сказал либеральному руководству в Вашингтоне: "Попробуйте сократить правительство, прежде чем сокращать нашу зарплату".

У нашего правительства были серьезные трудности и на международной арене. У нас были самолеты, которые не могли взлететь, и корабли, которые не могли выйти в море. Многие наши военнослужащие питались по карточкам из-за нищенской зарплаты, набор в армию сократился. Не хватало боеприпасов, запасных частей.

Многие из наших союзников не доверяли нам. В течение четырех лет, предшествовавших нашему приходу к власти, страна за страной попадали под советское иго. С 20 января 1981 года коммунистам не досталось ни дюйма земли.

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Хорошо!

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Но что еще хуже, так это то, что американцы стали терять свой оптимизм и уверенность в будущем. Ведь именно благодаря этим качествам мы стали уникальной страной в мире. Родители стали сомневаться, что их дети будут жить лучше. А ведь это было мечтой всех поколений американцев.

Мы все должны гордиться тем, что время пессимизма прошло. Америка опять становится сама собой, к ней вновь вернулась уверенность в будущем. Сегодня мы благодарим тех американцев, чья вера и нежелание смириться с обстоятельствами спасли нас всех.

Вместе мы приступили к решению задачи по регулированию размеров и деятельности правительства путем сокращения темпов роста его расходов. Одновременно мы проводим в жизнь налоговую программу, целью которой является повышение производительности труда как рабочих, так и промышленности в целом. Сегодня покупательная способность семьи, име-

ющей доход в 25 тысяч долларов в год, на 2,9 тысячи долларов выше, чем если бы налоги и темпы инфляции сохранились на уровне 1980 года.

Темпы экономического роста Америки сегодня самые высокие среди основных промышленных стран мира. Уровень инфляции у нас один из самых низких, количество создаваемых рабочих мест – самое высокое – 6,5 миллиона за прошедшие полтора года. В 1983 году создано рекордное количество предприятий – 600 тысяч. Мы достигли наивысшего со времен второй мировой войны увеличения реальных доходов населения после уплаты налогов. У нас самый высокий в истории уровень капиталовложений. Америка вернула себе ведущее место в развитии новых возможностей в науке и технике. Америка снова идет вперед, открывая новые области приложения возможностей каждого.

Нас обвиняют в том, что у нас есть какой-то секрет. Ну что ж, даже если и так, то секрет наш в том, что мы держим мощный двигатель нашей страны на высоких оборотах. Это означает дальнейший экономический рост без инфляции, а следовательно, создание для наших детей и внуков благополучия, которое наконец-то сохранится продолжительное время.

Наши войска сегодня обеспечены новейшим, лучшим вооружением, высок их боевой дух. Чем лучше они вооружены, тем меньше вероятность того, что им придется воспользоваться этим оружием. Но если, не дай Бог, им и придется защищать свою страну, самым аморальным было бы требовать от них воевать оружием, которое уступает вероятному противнику.

Мы также приступили к совершенствованию наших союзов, которые мы высоко ценим, и прежде всего нашего исторически сложившегося союза – НАТО. Активные контакты в Азии позволили нам добиться определенных дипломатических успехов.

Все еще трудно разрешить имеющие давнюю историю конфликты на Ближнем Востоке, но мы не отчаиваемся. И мы будем верны своему обещанию не предавать одно из самых дружественных нам государств – Израиль.

Рядом с нами продолжается борьба за выживание свободных латиноамериканских стран – тоже наших союзников. Они отважно борются за то, чтобы не допустить коммунистических переворотов, подготовке которых оказывают широкомасштабную помощь Советский Союз и Куба. Наша политика проста: мы не собираемся предавать наших друзей, вознаграждать про-

тивников свободы. Мы не допустим, чтобы страх и отступление от наших принципов стали политикой Америки, и прежде всего в этом полушарии.

Четыре войны, свидетелями которых я был, начались из-за того, что мы были недостаточно сильны. Слабость заставляет наших авантюристических противников принимать ошибочные решения. Америка самая мирная, наименее воинственная страна в современной истории. Причина всех бед сегодняшнего мира не в нас. Мы – терпеливый и великодушный народ. Но ради своей свободы и свободы других мы не можем позволить, чтобы нашу сдержанность приняли за отсутствие твердости.

Десять месяцев назад мы продемонстрировали свою решительность при спасении наших студентов с оказавшейся в плену Гренады. Кандидаты-демократы говорили о схожести наших действий с вторжением русских в Афганистан...

Аудитория. Позор!

Президент. ...с попранием прав человека в Польше или с геноцидом в Камбожде...

Аудитория. Позор!

Президент. Можете ли вы представить себе, чтобы Гарри Трумэн, Джон Кеннеди, Хьюберт Хэмфри или Скуп Джексон допустили такое возмутительное сравнение?

Аудитория. Нет!

Президент. Деятнадцать наших замечательных молодых парней погибли на Гренаде, и даже отдаленное сравнение их жертвы с убийствами, творимыми в Афганистане, непозволительно.

Есть несколько явных и важных различий. Во-первых, нас пригласили шесть восточно-карибских стран. Неужели кто-нибудь всерьез верит, что народы Восточной Европы или Афганистана пригласили русских?

Аудитория. Нет!

Президент. Во-вторых, сотни тысяч советских солдат продолжают оккупировать захваченные ими страны по всему миру. Сейчас наши боевые подразделения уже вернулись домой, наши студенты в безопасности. Гренада стала свободной.

Есть люди, забывшие, для чего нам нужны вооруженные силы. Они нам нужны не для развязывания войны, а для укрепления мира. Над въездом на военно-воздушную базу "Фэйрчайлд" в штате Вашингтон укреплен плакат, который как нельзя лучше все объясняет: "Наша профессия – мир".

Наша следующая администрация...

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Хорошо, хорошо!

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Я слышу вас. Будущая администрация должна будет выполнить программу, которую она себе наметила и представила конгрессу. Эта программа призывает руководство Демократической партии прекратить obstructionism.

В этом году мы не раз слышали разговоры о дефиците с той стороны зала. Что ж, они должны были стать специалистами по бюджетному дефициту. Они посвятили созданию дефицита значительную часть своей политической жизни. В течение сорока двух из последних пятидесяти лет они имели большинство в обеих палатах конгресса.

Аудитория. Позор!

Президент. И на протяжении почти всех этих пятидесяти лет их целенаправленной политикой было поддержание дефицита. Теперь же они призывают покончить с дефицитом. Они говорят, что это наш дефицит. И при этом руководство их партии противодействует каждой нашей попытке сократить федеральные расходы. Три года подряд они не давали нам принять поправку к конституции о законности только сбалансированного бюджета. Мы будем продолжать бороться за эту поправку, требуя, чтобы правительство расходовало не больше того, что оно получает.

Мы также будем бороться, как уже сказал вице-президент, за право президента налагать вето на отдельные статьи финансовых законопроектов, а не на весь финансовый законопроект. Нет лучшего способа искоренить расточительство правительства, чем применяемая губернаторами уже сорока трех штатов система постатейного вето. Я это точно знаю. Будучи губернатором Калифорнии, я успешно применял такое вето более девятисот раз.

Похоже, что их кандидат только недавно понял, насколько опасен дефицит. Почти десять лет назад он настаивал на том, чтобы еще больше увеличить пятидесятидвухмиллиардный дефицит для борьбы с безработицей. Он говорил, что иногда нам нужен дефицит, чтобы стимулировать экономику.

Аудитория. Позор!

Президент. Будучи сенатором, он голосовал за снятие вето президента Форда на миллиардные расходы и затем голосовал

против предложения о сокращении наполовину дефицита 1976 года.

Аудитория. Позор!

Президент. Разве кто-нибудь удивился, когда он пообещал увеличить ваши налоги в будущем году, если ему дадут возможность?

Аудитория. Нет!

Президент. В сенате он снова и снова голосовал за новые налоги, включая дополнительный десятипроцентный подоходный налог, за более высокие налоги на некоторые потребительские товары. Он также был категорически против сокращения акцизного сбора на автомобили. Он был душой крупнейшего в истории увеличения налога – на выплаты по социальному страхованию в 1977 году. В результате максимальный налог утроился, но это не сделало систему платежеспособной.

Аудитория. Позор!

Президент. Если бы наши противники поддержали поправку о свободе молитвы с таким же энтузиазмом, с каким они поддерживали повышение налогов, быть может, нам удалось бы вернуть слово Божье в школьные классы, а наркотики и насилие выдворить оттуда.

Можно еще проиллюстрировать значение выбора, который предстоит сделать американцам. Пока мы слушаем суровые речи наших противников относительно борьбы с преступностью, руководимая демократами палата представителей продолжает противодействовать принятию жизненно важного закона против преступности, который в сенате с его республиканским большинством был принят 91 голосом при 1 против. То, что они похоронили этот закон, означает, что ваши дома не будут лучше охраняться и улицы наших городов не станут безопаснее.

Нет больше оснований откладывать принятие законодательства, регулирующего налоги на кредит, который предоставляется для оплаты обучения. Миллионы родителей платят полностью причитающиеся с них налоги для поддержания государственных школ, а детей отправляют учиться в приходские или другие независимые школы. Разве не справедливее было бы освободить их от части этих двойных затрат?

Если говорить о незавидной судьбе наших городов, что могло бы помочь им больше, чем наш закон о зонах предпринимательства, предусматривающий налоговые скидки для частной промышленности, чтобы помочь ей в перестройке и восстанов-

лении пришедших в упадок районов в семидесяти пяти городах по всей Америке? Если они действительно хотят, чтобы перед нашими гражданами открылись новые широкие возможности на будущее, почему этот закон уже много лет пылится в комитете?

Наши противники в открытую поддерживают увеличение нашего налогового бремени.

Аудитория. Позор!

Президент. Мы намерены остановить их, и мы это сделаем.

Они называют свою политику политикой нового реализма, но их новый реализм – это просто старый либерализм. Они будут без конца поднимать налоги с небольших предприятий, семейных ферм и с рабочих, чтобы правительство могло продолжать расширяться за счет народа. Можно сказать, что они швыряются деньгами, как пьяный матрос, но это несправедливо по отношению к пьяным матросам. *(Смех.)*

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Хорошо, я согласен.

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Я хотел сказать, что это несправедливо, потому что матросы тратят свои собственные деньги. *(Смех.)*

Наша налоговая политика содействовала и будет содействовать хорошей работе, дальнейшему экономическому развитию, укреплению, благосостояния семьи. Мы намерены упростить всю налоговую систему – сделать налоги более справедливыми, более легкими для понимания и, что особенно важно, сделать так, чтобы налоги, взимаемые с каждого американца, были меньше, а не больше. Если мы достаточно снизим их, развитие будет продолжаться высокими темпами, теневая экономика сократится, весь мир будет торить путь к нашим дверям, и никто не сможет помешать Америке развиваться, будущее будет за нами.

Аудитория. США! США! США!

Президент. Самая трудная задача из всех, которую мы должны выполнить для обеспечения нашего будущего, – это снизить риск ядерной войны путем сокращения ядерных вооружений. За эти три с половиной года я обращался к парламентам, встречался с членами парламентов стран Европы и Азии, говорил им, что ядерную войну выиграть невозможно и что ее не следует начинать. Эти слова слушатели мои встречали бурными аплодисментами.

Есть только две страны, способные путем соглашения между собой избавить мир от этого смертоносного оружия, – Соединенные Штаты и Советский Союз. Во имя наших детей, во имя спасения Земли мы обращаемся к Советам, покинувшим переговоры, с предложением пойти вместе с нами на снижение этой ужасной опасности и избавление от нее Земли.

Когда мы покинем сегодня этот зал, мы должны разъяснить нашим согражданам, в чем заключается выбор. Мы должны уберечь их от заблуждения, что ВВП означает Валовая Национальная Пропаганда. (Смех.) Но после всех дискуссий, плакатов, речей, съездов, телерекламы, предварительных выборов, предвыборных митингов и лозунгов – после всего этого неужели кто-то еще не понимает, что произойдет, если мы позволим им победить в ноябре?

Президент. Кто-нибудь сомневается, что они вновь взвинтят налоги?

Аудитория. Нет!

Президент. А что они закрутят новый виток инфляции?

Аудитория. Нет!

Президент. Что они раздуют правительство еще больше, чем прежде?

Аудитория. Нет!

Президент. Что дефицит еще больше усилится?

Аудитория. Нет!

Президент. Что безработица увеличится?

Аудитория. Нет!

Президент. Что они снизят нашу обороноспособность?

Аудитория. Нет!

Президент. Что они поднимут банковские ставки?

Аудитория. Нет!

Президент. Что они сделают односторонние и неразумные уступки Советскому Союзу?

Аудитория. Нет!

Президент. И что все это они будут объяснять состраданием?

Аудитория. Позор!

Президент. Это именно то, что они уже проделали с Америкой в прошлом. Но если мы выполним свою задачу, они не смогут больше этого сделать.

Аудитория. Рейган! Рейган! Рейган!

Президент. Час уже поздний.

Аудитория. Рейган! Рейган! Рейган!

Президент. Ну хорошо. В 1980 году мы спросили американцев: "Вам лучше живется, чем четыре года назад?" Народ ответил нам тем, что отдал нам свои голоса, чтобы мы изменили положение. Теперь, четыре года спустя, мы снова можем задать этот вопрос, потому что мы добились перемен.

Американский народ пошел с нами и помогал нам. Давайте еще раз обратимся к нему за помощью и попросим возобновить выданный нам в 1980 году мандат, чтобы мы могли двигаться дальше по избранному нами пути, по пути здравого смысла, на котором люди сами распоряжаются своей судьбой, по пути, ведущему к процветанию и экономическому развитию под мирным небом.

Основной вопрос для любого человека, находящегося на службе у народа: "Почему вы здесь? Во что вы верите?" И прося о помощи, мы должны сами ответить на этот вопрос. Прежде всего мы здесь, чтобы следить, что правительство служит народу, а не наоборот. Да, правительство должно делать все, что необходимо, и только то, что необходимо.

Мы не делим людей на группы по интересам. И, позвольте мне добавить, в партии Линкольна нет места нетерпимости и даже крошечного местечка для антисемитизма или для фанатизма любого толка. Многим людям открыта дверь в наш дом, но она закрыта для фанатиков.

Мы верим в уникальность каждого. Мы верим в неприкосновенность человеческой жизни. Некоторое время назад мы все взяли моду говорить о правых и левых направлениях. Это теперь обычные термины в дискуссиях о политической приверженности. Но является ли это точным описанием стоящего перед нами выбора?

Давайте вернемся на несколько лет назад, к временам, когда эти понятия появились, и посмотрим, куда они завели бы нас, если бы мы продолжали идти по этим направлениям. Сталин, Гитлер. Один привел бы нас к коммунистическому тоталитаризму, другой – к тоталитаризму Гитлера.

Не кажется ли вам, что выбирать нам следует не между правым или левым направлением, а между ростом вверх и скатыванием вниз? Вниз от общества благоденствия к застою, ко все большему расширению правительства, неизменно сопровождаемому усиливающейся властью, к меньшей личной свободе и в результате к тоталитаризму, всегда выдаваемому за благо. Альтернатива этому – мечта наших отцов-основателей – вверх, к вершинам личной свободы в упорядоченном обществе.

Четвертого июля мы отмечаем не день зависимости, а День независимости.

Аудитория. США! США! США!

Президент. Мы провозглашаем право каждой личности, каждого гражданина на уникальность, на достоинство, на священный дар жизни, на свободу, на стремление к счастью. С чувством независимости у нас соседствует величие духа, более очевидное в нашей стране, чем где бы то ни было в мире. Признавая равенство всех мужчин и женщин, мы способны поднять падших, пригреть больных и укрепить узы, связывающие нас в одну нацию перед лицом Господа.

Наконец, мы здесь, чтобы защитить наши свободы не только сегодня, не только на несколько лет, а навсегда.

Позвольте мне сегодня поделиться с вами своими личными воспоминаниями, ведь нынешний вечер имеет для меня особое значение. В последний раз, и это понятно, я обращаюсь к вам в таких обстоятельствах. Надеюсь, вы пригласите меня на будущие съезды. Нэнси и я всегда будем благодарны за оказанную нам честь, за предоставленную возможность быть вам полезными, за вашу дружбу и доверие.

Я начал свою политическую жизнь как демократ в 1932 году, когда, впервые голосуя, отдал свой голос за Франклина Делано Рузвельта. В тот год демократы призвали к двадцатипятипроцентному сокращению расходов на содержание правительства путем отказа от ненужных комиссий и контор, объединения управлений и отделов и предоставления большей власти правительствам штатов. С годами эти обещания были забыты, и сейчас трудно сказать, то ли я вышел из Демократической партии, то ли руководство этой партии бросило не только меня, но и миллионы патриотов-демократов, которые верили в принципы и философию их платформы.

Одним из первых о своем выходе заявил бывший кандидат на пост президента от Демократической партии Ал Смит, "Хэппи Уорриор" ("счастливый воин"). Выступая в 1936 году по телевидению, или это было по радио, он сказал, что не может более следовать за руководством этой партии и что он уходит. Поскольку лидеры Демократической партии уводили партию все дальше и дальше от ее первоначальных принципов, нет ничего удивительного в том, что так много видных демократов почувствовали, что их взглядам более соответствует наша платформа. Мы их с радостью приняли.

Четыре года назад мы подняли знамя ярких расцветок –

никаких полутонов. Мы заявили о своей мечте – превратить Америку в "чудесный город на холме".

Мы обещали приостановить расширение федерального правительства и добились этого. Мы сказали, что намерены сократить банковский процент и инфляцию, и осуществили свой план. Мы заявили, что снизим налоги для поощрения частных предпринимателей, которые смогли бы снова двинуть вперед нашу экономику, и сделали это. Мы заявили, что наши граждане будут иметь постоянную работу с перспективой на будущее, а не правительственные программы ликвидации безработицы, и, как я уже сказал, за последний год и семь месяцев в частном секторе появилось шесть с половиной миллионов новых рабочих мест. Мы сказали, что нас снова будут уважать в мире, и нас уважают. Мы сказали, что восстановим свою способность защищать нашу свободу на суше, на море и в воздухе, и добились этого.

В этом году, году выборов, мы предоставляем американцам отчет о наших достижениях и обещаем, что будем продолжать в том же духе.

Мы все вместе вступили в общенациональную борьбу за возвращение Америке ее величия, за новое возрождение. Что ж, мы добились своего. Под мирным небом расцветает весна надежд в нашей любимой стране. Нас ждет величие.

Проведение в Соединенных Штатах Олимпийских игр – первая ласточка.

Аудитория. США! США! США!

Президент. Всю весну и лето мы с восхищением следили за движением с востока на запад олимпийского огня. Переходя из рук в руки, он пересек всю нашу страну, преодолев больше девяти тысяч миль.

Четыре тысячи бегунов, представлявших лицо нации, пронесли его от Готэм-Сити в штате Нью-Йорк до колыбели свободы – Бостона, через весенние Аппалачи к городу больших плечей – Чикаго. Потом огонь повернул на юг – к Атланте, Сент-Луису, мимо Арки, через пшеничные поля, в прекрасный мир юго-запада, а оттуда к вечно заснеженным вершинам Скалистых гор. Обойдя утопающий в зелени северо-запад, он спустился в Калифорнию и через Золотые ворота попал в Лос-Анджелес. Этот огонь прославлял Америку, и все мы участвовали в торжествах.

На каждом этапе происходило что-нибудь очень характерное для Америки. Молодой душой Ансель Стаббс, девяноста

девяти лет, в Канзасе передал огонь четырехлетней Кэти Джонсон. В Пайнсвилл, штат Кентукки, огонь прибыл в час ночи, и сотни жителей стояли вдоль улицы со свечами в руках. В Тюпело, штат Миссисипи, куда огонь добрался к семи утра, церковный хор встретил его гимном "Господи, благослови Америку". Огонь пронесли Камберлендским ущельем, рядом с мемориалом Мартина Лютера Кинга-младшего, вниз по тракту "Санта-Фе", рядом с могилой Билли Кида.

В Ричардсоне, штат Техас, огонь нес четырнадцатилетний мальчик в инвалидной коляске. В Западной Вирджинии бегун дал стоящим на обочине глухонемым детишкам пронести огонь хоть несколько метров, и надо было видеть этих детей, когда они стали на своем языке жестов делиться впечатлениями. Были люди, стоявшие вдоль пути следования огня, которые неожиданно для всех вдруг начинали петь "Прекрасную Америку" или "Боевой гимн республики".

А в Сан-Франциско вьетнамский эмигрант с маленьким ребенком на плечах растолкал фотографов и полицейских, чтобы поприветствовать девятнадцатилетнего чернокожего, который толкал инвалидное кресло с восьмидесятивосьмилетней белой женщиной, державшей в руках факел.

Все это Америка, друзья мои!

Аудитория. США! США! США!

Президент. Мы в Лос-Анджелесе с восторгом следили, как вносили факел на стадион "Колизеум", где собралась молодежь 140 стран мира, и как взмыло к небу огромное пламя Олимпийского факела. И в тот момент, быть может, как и меня, вас поразила уникальность события. Его наблюдали тысячи зрителей на стадионе, большинство из которых были американцами, и около миллиарда людей по всему миру сидели у своих телевизоров. Спортсмены 140 государств приехали соревноваться в ту единственную страну в мире, где в жилах народа течет кровь каждой из этих 140 наций. Только в Соединенных Штатах можно встретить такое смешение рас, народов и народностей.

И это наводит на мысль о другом факеле, который приветствовал многих наших отцов и дедов. Как раз в этом году после празднования Дня независимости факел со статуи Свободы был снят для замены. Нас простят, если мы скажем, что он несколько поизносился, освещая путь к свободе для 17 миллионов новых граждан Америки. Теперь в руках статуи Свободы будет установлен новый факел.

Поэт назвал его "лампой у золотой двери". Что ж, это место было и остается входом в Америку. И вот теперь вы точно знаете, почему мы собрались здесь сегодня.

Светлая надежда этой лампы всегда с нами. В этой стране каждая возможность – золотая, каждая надежда – радужная. Через эту золотую дверь наши дети попадут в завтра, сознавая, что никто не отнимет у них надежды, которую в Америке имеет каждый.

У Америки большое сердце, ее дверь все так же сверкает золотом, а будущее безоблачно. У нее хватает места, чтобы приютить, и достаточно силы, чтобы поддержать. Сила ее рук в силе ее народа. Она пройдет через восьмидесятые без страха, сомнения и упрека.

В эту весну надежд некоторые звезды на небе кажутся вечными. К ним относится звезда Америки.

Спасибо. Благослови вас Господь, благослови Бог Америку!

Выступление у памятника американскому солдату

Пуэнт-дю-Ок, Франция
6 июня 1984 года

Тот день был полон впечатлений. Торжества по случаю сороковой годовщины высадки союзников были не просто данью памяти. Они были прославлением героизма и самоотверженности. Пуэнт-дю-Ок – само по себе место величественное и волнующее. Я стоял спиной к океану на продуваемой ветрами площадке. Передо мной были ребята, которые сорок лет назад пробивали себе путь от океана вверх по скалам. Одни нашли свой последний покой на этой земле под белыми крестами и звездами Давида, которые встречаются то тут, то там вдоль побережья. Другие выжили и сидели передо мной. Они выглядели, как престарелые бизнесмены, но это были те же самые мальчишки, которые когда-то взбирались на эти утесы.

Мы собрались здесь, чтобы отметить исторический день, когда объединенные армии союзников вступили в бой, чтобы вернуть свободу континенту. Четыре долгих года бóльшая часть Европы стояла перед угрозой уничтожения. Свободные страны пали, евреи из лагерей взывали о помощи, миллионы людей молили судьбу об освобождении от оккупантов. Европа была поработана. Мольба о спасении была услышана. Здесь, в Нормандии, союзники вступили в крупнейшую в истории битву против тирании.

Мы находимся на пустынном, открытом всем ветрам пятачке земли у северного побережья Франции. Сейчас воздух чист, а в это же время сорок лет назад он был наполнен пороховым дымом, слышались крики, треск выстрелов и грохот разрывов. На рассвете 6 июня 1944 года 225 рейнджеров спрыгнули с английских десантных катеров в воду и бросились к подножию этих утесов. Их задача была самой трудной и опасной – взобраться по неприступным каменным склонам и обезвредить вражескую артиллерию. Союзникам стало известно, что основная огневая мощь была размещена именно здесь, чтобы держать на прицеле берег и остановить высадку войск.

Наверху рейнджеры увидели вражеских солдат, которые открыли пулеметный огонь и забрасывали их гранатами. Но они все равно начали восхождение вверх по скалам, укрепляли веревочные лестницы и карабкались все выше и выше. Когда падал один, его место занимал другой. Когда перерезали одну веревку, рейнджер хватался за другую, но продолжал восхождение. Они взбирались, отстреливались, но не отступали. *Вскоре один за одним рейнджеры добрались до вершины. Возвращение Европы началось в тот самый момент, когда они захватили площадку на вершине береговых утесов. Всего их было 225 человек. Через два дня боевых действий только 90 могли держать в руках оружие.*

Позади меня возвышается монумент. Он изображает штыки, воткнутые в землю теми рейнджерами, которые добрались до вершины. А передо мной сидят те, кто втыкал эти штыки.

Это ребята Пуэнт-дю-Ок'а. Это те самые люди, которые взяли утесы. Это герои, которые помогли освободить континент. Это герои, которые помогли приблизить окончание войны.

Господа, я смотрю на вас и вспоминаю строки из поэмы Стивена Спендера. Вы – те самые люди, которые "сражались за торжество жизни... и чьей славой пропитан воздух".

Мне кажется, я знаю, о чем вы сейчас думаете: "Мы были всего лишь частью огромной силы. В тот день все были храбрыми". Действительно, так и было. Вы помните историю Билла Миллина из 51-го полка Хайлендеров? Сорок лет назад английские войска оказались прижатыми к мосту. Их положение было безнадежным. Вдруг они услышали звуки волынки и решили, что им мерещится. Но нет. Они посмотрели наверх и увидели Билла Миллина с его волынкой, который вел за собой подкрепление, не обращая никакого внимания на свист пуль.

С ним был лорд Ловат, лорд Ловат Шотландский, который, подойдя к мосту, невозмутимо произнес: "Извините, я немного опоздал", – как будто он задержался из-за пробки на дороге. На самом деле он пришел с Суорд-Бич, которым его подразделение чуть ранее овладело в ходе кровопролитного сражения.

По мере того как вторжение набирало силу, невероятную храбрость проявили поляки, которые бросились наперерез противнику, прикрыв собой остальную Европу. Непревзойденный героизм продемонстрировали канадцы, которые уже видели ужасы войны на этом берегу. Они знали, с чем им придется столкнуться, но не отступили. Высадившись на Джуно-Бич, они уже не оглядывались назад.

Имена этих людей занесены на скрижали славы. Мы гордимся ими, как и частями, участвовавшими во вторжении: Королевским Виннипегским полком, Польским 24-м уланским полком, Королевским шотландским стрелковым полком, 101-й воздушно-десантной дивизией "Клекочущие орлы", войсками танковых дивизий Английской территориальной армии, частями свободной Франции, флотом транспортно-десантных планеров береговой охраны и вами, американскими рейнджерами.

Сорок лет прошло со времени того сражения. Вы были молоды, когда брали эти скалы. Многие из вас не испытали радости жизни. Тем не менее вы рисковали всем. Почему? Почему вы это делали?

Почему вы подавили в себе инстинкт самосохранения и, рискуя жизнью, бросились на эти скалы? Что вдохновляло солдат объединившихся здесь армий? Мы смотрим на вас, и ответ напрашивается сам. Это была вера и убежденность, это была преданность и любовь.

Те, кто воевал в Нормандии, верили в правоту своего дела, верили в то, что они сражаются за все человечество, верили, что Господь не обойдет их своей заботой на этом или на следующем каменном пяточке. Ими двигало сознание – и дай Бог, чтобы мы его сохранили, – того, что существует огромная разница морального порядка между использованием силы для освобождения и использованием силы для порабощения. Вы были освободителями, а не захватчиками, и поэтому ни вы, ни кто-либо другой не сомневались в справедливости ваших действий. И правильно делали, что не сомневались.

Вы знали, что есть вещи, за которые можно отдать жизнь. Можно отдать жизнь за свою страну, можно отдать жизнь за демократию, потому что это наиболее честная форма прави-

тельства из всех, изобретенных человечеством. Все вы любили свободу. Все вы горели желанием бороться с тиранией, и вы знали, что за вами стоят ваши сограждане.

Сражавшиеся здесь в то утро американцы знали, что дома весть о вторжении пробилла завесу секретности и пошла гулять по стране. Они не могли знать наверняка, но сердцем чувствовали, что в штате Джорджия люди в четыре утра собирались в церкви, в Канзасе преклоняли колени и молились, в Филадельфии звонили в колокол Свободы.

И еще один фактор помогал героям высадки: их твердая уверенность, что провидение вмешается в события, которые там разворачивались, что Господь Бог будет их союзником. Поэтому в ночь перед высадкой, пригласив своих парашютистов стать на колени и помолиться вместе с ним, полковник Уолвертон сказал: "Не склоняйте головы, посмотрите наверх, и вы увидите Господа и попросите его благословить нас на то, что мы собираемся сделать". В ту же ночь генерал Мэттью Риджуэй слышал в темноте, как Господь Бог обещал Иисусу Навину "...не отступлю от тебя и не оставлю тебя".

Это – то, что двигало ими, это – то, что создало единство союзников.

Когда война закончилась, нужно было заново строить жизнь, народы должны были формировать свои правительства. Нужно было возрождать целые страны. Но прежде всего был завоеван мир, который нуждался в защите. Это были огромные, невысказанные задачи. Но союзники черпали силы в вере, преданности, любви тех, кто сложил голову на этой земле. Они вместе построили новую Европу.

Это было первое крупное примирение бывших врагов, каждый из которых так много перенес. Осуществив план Маршалла, Соединенные Штаты внесли свой вклад в возрождение экономики как союзников, так и бывших врагов. План Маршалла привел к образованию Атлантического союза – великого союза, который по сей день стоит на защите нашей свободы, процветания и мира.

Несмотря на наши огромные усилия и достигнутые успехи, не все, что произошло после войны, было радостным, не все, что произошло, было запланировано. Мы потеряли некоторые освобожденные страны. Скорбь по этим потерям эхом доносится до нас с улиц Варшавы, Праги и Восточного Берлина. Советские войска, дошедшие до центра континента, не ушли отсюда, когда наступил мир. Уже сорок лет они здесь – незваные, не-

нужные, неуступающие. Поэтому и армии союзников остаются на континенте. Сегодня, как и сорок лет назад, наши армии находятся здесь с единственной целью – защитить демократию. Мы удерживаем только те территории, на которых, как в этих местах, расположены памятники и кладбища, где лежат наши герои.

Мы, в Америке, вынесли горький урок из двух мировых войн: лучше стоять на страже мира здесь, чем скрываться в укрытии за морем, а потом бросаться на помощь, когда свобода уже потеряна. Мы поняли, что изоляционизм никогда не был и никогда не будет приемлемым ответом деспотическим правительствам с экспансионистскими наклонностями.

Но мы стараемся всегда быть готовыми к миру, быть готовыми к сдерживанию агрессии, к переговорам о сокращении вооружений, к встречным шагам, к примирению. Честно говоря, ни одно примирение мы не приветствовали бы так горячо, как примирение с Советским Союзом. Вместе мы можем уменьшить риск возникновения новой войны отныне и на все времена.

Уместно здесь вспомнить огромные потери, которые понес во второй мировой войне русский народ – 20 миллионов погибших – страшная цена, страшное свидетельство того, сколь важно покончить с войнами навсегда. Со всей откровенностью заявляю вам, что мы в Соединенных Штатах войны не хотим. Мы хотим стереть с лица земли ужасное оружие, которым владеет сейчас человечество. И, поверьте мне, мы готовы сделать это не откладывая. Мы ждем от Советского Союза подтверждения того, что он готов пойти навстречу, что он разделяет наши стремления, нашу преданность делу мира, что он хочет отказаться от политики захвата. У них должны произойти изменения, которые позволят нам осуществить нашу надежду.

Мы вечно будем молиться, чтобы эти изменения настали. Но сейчас, в особенности сегодня, правильно и уместно будет возобновить наши обязательства друг перед другом, перед нашей свободой и перед союзом, который нас защищает. Мы связаны сегодня теми же узами, которые связывали нас 40 лет назад, той же преданностью, традициями и верой. Мы связаны реальностью. Сила союзников Америки имеет жизненно важное значение для нее, а гарантии безопасности, которые дает Америка, необходимы для сохранения европейских демократий. Мы были с вами тогда, мы с вами и сейчас. Ваши надежды – это наши надежды, ваша судьба – это наша судьба.

Здесь, на том месте, где Запад объединился, давайте покля-

немся памятью павших. Давайте делами нашими покажем им, что мы понимаем, ради чего они погибли. Давайте нашими делами скажем им слова, которые услышал Мэттью Риджуэй: "...не отступлю от тебя и не оставлю тебя".

Так давайте же и мы, обретшие силу в их храбрости, ободренные их доблестью, поддержанные памятью о них, встанем на защиту идеалов, с которыми они жили и за которые отдали свои жизни.

Спасибо вам большое. Да благословит вас Бог.

Выступление на церемонии, посвященной высадке в Нормандии

Омаха–Бич, Франция
6 июня 1984 года

Позже в тот же день я принял участие в американо–французской торжественной церемонии, посвященной годовщине высадки войск союзников. Церемония состоялась у памятника на Омаха–Бич. От одной молодой женщины я получил замечательное письмо, в котором она рассказала о своем отце, участнике высадки. Оно было настолько трогательным и значительным, что я решил прочесть ее письмо собравшимся. Однако я не думал, что мне придется сдерживать слезы. Ее слова подействовали на меня сильнее, чем я мог предположить, когда начал читать письмо. Сама эта женщина сидела прямо в первом ряду, и я видел, как она плачет. Я понимал, что она, конечно же, была любимицей отца, и уверен, что он очень гордился своей прекрасной, нежной дочерью.

Господин президент*, уважаемые гости! Мы находимся с вами на том самом поле боя, которое сорок лет назад стало свидетелем всех ужасов войны. Защищая каждую пядь земли под градом пуль и снарядов, здесь истекали кровью и умирали солдаты. Это о них генерал Омар Брэдли сказал: "Каждый, кто

---

*Президент Франсуа Миттеран.

ступил в тот день на Омаха-Бич, герой”.

Нет слов, чтобы описать выпавшие на их долю испытания, их самоотверженность и героизм. Президент Линкольн сказал как-то, что никто из живых не может красноречивее рассказать о павших в бою, чем их дела. Мы можем подтвердить, что их усилия были не напрасны, только продолжив их дело. Ведь они отдали самое дорогое, что у них было.

И сегодня мы подтверждаем, что будем продолжать их дело. В этом овеянном славой месте мы начинаем понимать, как много людей пожертвовали всем, что у них было, ради дела свободы, ради своих соотечественников.

Некоторые из тех, кто пережил битву 6 июня 1944 года, сегодня здесь, с нами. Многие из тех, кто тогда надеялся вернуться с поля боя живым, так и не вернулись.

”Я вернусь, Лиз, – сказал рядовой Питер Роберт Занатта из 37-го саперного батальона, который был в первой волне десанта на Омаха-Бич. – Я вернусь и увижу все это снова. Пляж, заграждения и могилы”.

Эти слова рядового Занатты передала нам его дочь Лиза Занатта Хенн, рассказавшая в своем письме душераздирающую историю, которую ее отец так часто повторял. ”Он говорил, что высадка в Нормандии изменила всю его жизнь”, – писала Лиза. Она помнит все его истории о второй мировой войне, но под конец отец всегда приберегал рассказ о Дне высадки.

”Когда он говорил о тех событиях, я ощущала страх, будто сама сидела в катере, ожидая команды. Я чувствовала запах океана и мучилась от морской болезни. Я видела лица его товарищей – на них страх, страдание, ожидание того, что ждет впереди. А когда они высадились, я чувствовала силу и храбрость этих солдат, сделавших первые шаги из океана навстречу тому, что казалось неминуемой смертью”.

Дочь рядового Занатты написала мне: ”Я не знаю, как и почему я чувствую эту пустоту, этот страх, эту целеустремленность, но я действительно чувствую это. Быть может, это происходит из-за того, что нас с отцом так многое связывало. Могу сказать только, что у меня слезы наворачиваются на глаза, когда я думаю об отце – двадцатилетнем мальчике, вынужденном штурмовать тот берег”.

В ее семье отмечали каждую годовщину Дня высадки. Она пишет, что его возвращение было чудом. Собственно, такое чувство испытывали все семьи, в которых родные ушли на войну: ”Столько солдат погибло. Я знаю, что отец видел, как

погибали его товарищи. И я знаю, что каждый раз он немножко умирал душой. Сам же он объяснил это так: "Я делал то, что положено, и шел вперед".

Сорок лет назад рядовой Занатта вместе с нашими солдатами и солдатами наших союзников штурмовал берега Нормандии не как завоеватель, а как освободитель. Эти войска прошли по Франции, а потом лесами Бельгии и Люксембурга. Они пришли не брать, а возвращать то, что было несправедливо отнято. Наши войска вошли в Германию не для того, чтобы поживиться на беде побежденного народа, а для того, чтобы посеять семена демократии среди тех, кто стремился получить право снова быть свободным.

Мы приветствуем их сегодня. Но помимо них, господин президент, мы приветствуем и тех, кто, как и вы, уже боролся в то время с врагом на территории своей любимой страны, – бойцов французского Соппротивления. Своей героической борьбой за свободу Франции вы сделали очень много для ослабления врага, для приближения победы освободительных армий. Французские отряды Соппротивления навсегда останутся символом храбрости и преданности национальному духу. Они навечно останутся вдохновляющим примером для тех, кто свободен, и для тех, кто стремится освободиться.

Сегодня в память о них и обо всех тех, кто сражался здесь, мы празднуем победу демократии. Мы подтверждаем единство сражавшихся в войне народов, которые отстаивали демократию, а потом объединились с побежденными с твердым желанием сохранить мир.

Страшная война научила нас, что вместе мы непобедимы, а теперь, когда мы живем в мире, то же единство обеспечивает нашу безопасность. Мы стремимся к тому, чтобы объединить все свободолюбивые страны в сообщество, целью которого была бы защита и сохранение наших священных ценностей. Наш союз, выкованный в горниле войны, закаленный и отполированный реальностями послевоенного мира, добился больших успехов. В Европе угроза сдерживается, и укрепляется мир.

Собравшиеся сегодня официальные лица, ветераны, простые жители отдадут дань уважения тем, кто сражался здесь сорок лет назад. Эта земля в безопасности, мы свободны. За это стоит бороться и умирать.

В начале своего письма Лиза Занатта Хенн рассказала о том, что ее отец обещал вернуться в Нормандию. В заключение она пишет, что дала обещание отцу, скончавшемуся восемь лет

назад от рака: "Я поеду туда, папа, и я увижу и берег, и укрепления, и памятники. Я увижу могилы и положу к ним цветы, как ты и хотел. Я почувствую все, что чувствовала, когда, не отрываясь, слушала твои рассказы. Я никогда не забуду, через что ты прошел, папа, и никому не дам забыть этого. И я всегда буду гордиться тобой, папа".

Эти слова любимой дочери одного из ветеранов высадки, которая сегодня здесь, с нами, показали нам значение того дня лучше, чем это мог бы сделать любой президент. Нам же остается только сказать рядовому Занатте и всем доблестным солдатам, сражавшимся рядом с ним сорок лет назад: "Мы всегда вас будем помнить. Мы всегда будем вами гордиться, мы всегда будем во всеоружии, чтобы быть свободными". Благодарю.

Выступление перед жителями Беллипорина

Беллипорин, Ирландия
3 июня 1984 года

Это был мой дом. На протяжении веков здесь жили мои предки. В том и заключается прелесть Америки, что все мы приехали туда из разных стран. У всех нас есть корни, уходящие куда-то далеко-далеко. Даже американские индейцы, коренное население, пришли, по всей вероятности, из Азии, когда десятки тысяч лет назад Северная Америка соединялась с Азией полоской суши. У всех нас есть другой дом.

Мы с Нэнси так благодарны за возможность быть с вами сегодня, и я воспользуюсь случаем, чтобы сказать "муинтир на Хайерианн"*. Я правильно произнес? (*Аплодисменты.*) Я рад. Трудно выразить словами мою признательность всем вам. Мне кажется, я сейчас просто утоплю всех в своей ностальгии. Из всех почестей и подарков, которые я получил как президент, эта поездка для меня – самый дорогой подарок. Видите ли, я плохо знаком с историей моего рода не из-за недостатка интереса, а потому, что мой отец осиротел, когда ему не было и шести лет. А теперь благодаря вам и всем добрым людям, которые раскопали историю жизни несчастных эмигрантов, я

---

*Народ Ирландии (*ирланд. яз.*).

наконец-то узнал, откуда взялась моя семья, и теперь душа моя спокойна. У меня замечательное чувство – как будто я вернулся домой после долгого путешествия.

Поскольку мой отец осиротел так рано, он ничего не знал о наших предках. И я думаю, что его дух тоже сегодня здесь с нами, благослови его, Господь, и он тоже очень доволен, что узнал, откуда он родом.

Известный американский поэт Роберт Фрост сказал однажды: "Дом – это место, в котором, раз ты должен туда вернуться, тебя должны принять". *(Смех.)* Что ж, мой прадед так давно уехал отсюда, что вы вовсе не должны меня принимать. И поэтому я чрезвычайно благодарен за эту замечательную встречу. Я не могу представить себе другого места на планете, кроме Беллипорина, графство Типперари, которое я хотел бы назвать своей родиной.

Мой прадед уехал отсюда в трудный момент, стремясь обрести лучшую жизнь для себя и своей семьи. Из того, что мне рассказали, я знаю, что это была бедная семья. Но мои предки увезли с собой огромную ценность – неукротимый дух, возвращенный на плодородной почве этого графства.

И сегодня я пришел к вам – потомок людей, похороненных здесь в могилах для бедных. Быть может, таким способом Господь напоминает нам, что мы должны относиться с чувством уважения к каждому человеку, независимо от его положения в жизни. Кто знает? Когда-нибудь ребенок или внук этого человека станет премьер-министром Ирландии или президентом Соединенных Штатов.

Осматривая сегодня город, я был поражен сходством Беллипорина с небольшим городком Тампико в Иллинойсе, где я родился. Конечно, у вас есть одно место, которого нет в Тампико. Там нет гостиной Рональда Рейгана. *(Смех.)* Но дух тот же: дух теплоты, дружелюбия, открытости. Я чувствую себя в Беллипорине, как дома в Тампико.

Что нас объединяет, так это общее наследие и общие ценности наших двух народов. Как много ирландцев, занимающих различное социальное положение, внесли свой вклад в создание американской мечты. Одним из них был Чарльз Томпсон, секретарь Континентального конгресса, который создал первую Большую печать Соединенных Штатов. Я очень горжусь тем, что являюсь частью этого великого единства Ирландии и Америки. Ирландцев можно было найти и среди бойцов Континентальной армии, и среди строителей железных дорог, и сре-

ди деятелей культуры – здесь можно было бы упомянуть удивительного тенора Джона Маккормака, – и среди спортсменов, в частности, ирландцем был великий боксер, чемпион в тяжелом весе Джон Л. Салливан. Все они являются носителями этого великого наследия.

Говоря о спорте, я хотел бы воспользоваться случаем и поздравить организацию, которой могут гордиться все ирландцы, организацию, которая в этом году отмечает свое столетие, – Гаэльскую атлетическую ассоциацию. Насколько я знаю, она была создана сто лет назад в Типперари для развития национальной культуры и спортивных игр, основанных на ирландских традициях. Некоторые из вас, я думаю, знают, что начинал я свою карьеру как спортивный комментатор на радио, так что я давно проникся любовью к спортивным соревнованиям. Сейчас, во время празднования столетнего юбилея Гаэльской атлетической ассоциации, я еще раз хочу поздравить всех вас с этим событием.

Я знаю, что недалеко отсюда находится дом великого ирландского романиста Чарльза Джозефа Кикхэма. Ирландская нация расцвела и в Америке. Верные национальным традициям ирландцы представлены во всех слоях американского общества. Некоторые из них даже работают в моей администрации. Родственные узы по материнской линии связывают одного из них с Митчэллстауном, расположенным совсем рядом с Беллипорином. У нас и фамилии почти одинаковые. Я имею в виду министра финансов Дона Ригана.

Его фамилия пишется Р-и-г-а-н. Мы все принадлежим к одному клану, мы все родственники. Я пытался объяснить министру, что его прародители стали писать фамилию таким образом, потому что они просто не смогли совладать с таким количеством букв. *(Смех.)* А потом я получил из Ирландии документ, в котором говорилось, что в нашем клане те, кто писал свою фамилию Риган, были люди с образованием, а простые рабочие называли себя Рейган. *(Смех.)* Так что перед вами простой рабочий, прошу любить и жаловать.

Когда в четырнадцать лет я начал работать, мне вручили лопату и лом. Отец сказал, что это традиционно для нашей семьи.

Наши страны связаны прочными и давними узами, и я испытываю чувство гордости оттого, что нахожусь здесь. Это знак признания нашей общности. Мои корни – в Беллипорине, графство Типперари. У миллионов других американцев корни уходят в другие города и графства Ирландии. Я чувствую, что мне необычайно повезло, что я сумел приехать к вам.

В прошлом году один мой сотрудник побывал в вашем городе и записал несколько посланий ко мне на магнитофон. Меня глубоко тронули ваши слова. Один из ваших сограждан спел мне о Шоне Трейси. Несколько строчек из этой песни мне запомнились. Вот они – не думайте, что я собираюсь петь :

”И никуда я не уйду
Из родного Типперари
Я теперь уж не уйду”.

Что ж, Рейганы ушли в Америку, но теперь мы вернулись. Нэнси и я от всего сердца благодарим вас за то, что вы пришли поприветствовать нас. Благодарим за ваш теплый прием.

Да благословит вас Господь.

Выступление на обеде Ала Смита

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
18 октября 1984 года

Обеды в честь Ала Смита* проводятся в Нью-Йорке с целью сбора средств на благотворительные цели, и политические деятели любят бывать на них, особенно в год выборов. Можно, конечно, цинично заявить, что эти деятели ходят на обеды, чтобы заручиться поддержкой как можно большего числа католиков, но дело не только в этом. Такие обеды отличаются какой-то особой теплотой. Иногда от вас ждут развлечений, в другой раз – сентиментальности. В тот вечер 1984 года я решил рассказать о своем друге кардинале Куке, который после покушения на мою жизнь стал моим духовником. Он недавно скончался, и мне хотелось сказать о нем несколько слов.

Спасибо вам большое. Я сразу должен предупредить, что мне нужно успеть на электричку. (Смех.) Ваше Высокопреосвященство архиепископ О'Коннор, святые отцы, губернатор Куомо, сенаторы Мойнихен и Д'Амато, мэр Коч и господин Тостмастер, Сонни Уэрблин, уважаемые друзья!

---

*Альфред (Ал) Смит (1873–1944) – американский политик, четырежды избирался мэром Нью-Йорка от Демократической партии. В 1928 г. был кандидатом в президенты США.

Благодарю вас за гостеприимство.

Должен честно признаться, я посетил немало банкетов, но никогда не мог понять, кто эти мероприятия организует. Из-за отсутствия одного из приглашенных нам троим не досталось места. *(Смех.)* Ладно, не будем об этом. *(Смех.)*

Я благодарен за приглашение, для меня большая честь находиться здесь. И я не могу избавиться от ощущения, что здесь с нами находятся и четыре великих американца – это, конечно же, Ал Смит, которого время, уважение и благодарная память подняли выше просто слепого поклонения; наш любимый кардинал Фрэнсис Spellman, среди благотворительных деяний которого и идея организации традиционных обедов Ала Смита, которые проводятся уже тридцать восемь лет; великий еврейский филантроп Чарльз Сильвер. На посту председателя этих обедов, куда его назначил кардинал Spellman, господин Сильвер собрал миллионы долларов для больниц, обслуживающих верующих всех религий; и, наконец, кардинал Теренс Кук, человек добрейшей души, которого я никогда не забуду.

Все они уже покинули наш мир. В этом году, как вы знаете, ушли к Господу кардинал Кук и Чарли Сильвер. И все они олицетворяли великую заповедь – возлюби ближнего своего.

И вот сейчас, когда надвигаются выборы и жизнь наша отмечена широчайшим разнообразием взглядов, все эти различия и споры кажутся незначительными в сравнении с тем, что показали и разъяснили нам эти четверо. Для меня они были примером для подражания: Ал Смит как защитник рабочего человека, чьим интересам он отдал всю жизнь; кардинал Spellman как глава и строитель церкви; Чарльз Сильвер как друг и товарищ по экуменическому служению человечеству; кардинал Кук как человек, который пришел по велению сердца, когда я нуждался в духовной помощи.

Когда я восстанавливал силы после совершенно непрошеного проявления внимания ко мне со стороны молодого мистера Хинкли, для Нэнси и для меня не было ничего дороже визитов в Белый дом кардинала Кука. Его святейшество молился с нами, он придавал нам силы, которые так нужны были нам тогда. Задним умом я понимаю, что они нужны были гораздо больше, чем мы осознавали в то время.

Поэтому вполне естественно, что мы с Нэнси были глубоко опечалены, когда в августе прошлого года узнали, что кардинал при смерти. Позвонив нашему дорогому другу в Нью-Йорк, мы сказали, что мы от всего сердца молимся за него и

хотим поблагодарить его еще раз за все, что он сделал для нас, когда мы нуждались в успокоении и поддержке. Я уверил его, что наше беспокойство о его здоровье разделяют миллионы американцев, благодарных ему за его дела на благо страны.

В своем письме, которое он отправил 15 сентября после нашего звонка, он писал, что наши молитвы, наше беспокойство о нем, наши добрые пожелания были для него "источником успокоения". А затем он написал: "Я хочу, чтобы вы знали: все мои молитвы и все мои страдания служат одной цели – чтобы Бог послал мир человечеству".

Нэнси и я будем всегда благодарить судьбу за то, что нам удалось посетить его в Нью-Йорке, как потом оказалось, за несколько дней до его смерти. Когда мы приехали, нам сказали, что последние двое суток он страдал от ужасных болей. Его родные боялись, что он не сможет нас принять. Но когда мы вошли к нему, он был таким же, как всегда, и невозможно было поверить, что он безнадежно болен.

Как и подобает Теренсу Куку, он не смог удержаться, чтобы не замолвить словечко о проблеме, которая его беспокоила: "За все эти годы Соединенные Штаты, известные своим состраданием, – сказал он, – с помощью своих программ экономического содействия менее удачливым странам сделали очень много для дела международной справедливости и мира". Позже он сказал, что знает об утвержденных мною ассигнованиях на помощь африканским странам района Сахары.

Он говорил и о моих делах: "Когда я предстану пред Богом, я буду продолжать молиться за вас". Он помолчал немного, а потом с какой-то смущенной или просительной улыбкой сказал просто: "Быть может, я несколько самоуверенно предположил, что попаду к Богу". Через одиннадцать дней он покинул нас, и ни у кого не возникло сомнений, что он рядом с Богом.

Я решил поделиться с вами этими личными воспоминаниями, потому что, как мне кажется, они очень много могут рассказать о нашем добром друге Теренсе Куке, как, впрочем, и об Але Смите, кардинале Spellмане и Чарли Сильвере. Будучи объединенными благотворительностью, служением людям, гуманизмом, эти люди связаны и с нашим сегодняшним событием.

Я думаю, что мы можем гордиться тем, что знали этих великих американцев, что были свидетелями их деятельности во имя любви к ближнему. Я думаю, что благодаря этому мы можем чуть больше гордиться тем, что мы американцы.

Архиепископ О'Коннор, думаю, что вы прекрасно осведомлены о традициях, в соответствии с которыми вы вершите богоугодную деятельность. Примите наилучшие пожелания от меня и, я уверен, от всего благодарного народа. И если вы обвините меня в том, что я вторгаюсь в сферу вашей деятельности, позвольте мне в дополнение к самой искренней благодарности всем вам сказать также: благослови вас Господь.

Выступление на митинге в Фэрфилде, штат Коннектикут

---

26 октября 1984 года

Перед вами – самая обычная речь из тех, что я произносил с трибуны. Как правило, выступая с такой или подобной речью, я вносил в нее изменения, которые учитывали состав аудитории и интересы местного кандидата от Республиканской партии. Не знаю почему, но во время кампании 1984 года аудитория, похоже, попадала под воздействие слова и начинала скандировать или кричать мне что-то в ответ. Все это было похоже на празднование. Как позже выяснилось, это было празднование победы Республиканской партии. Год закончился нашей сокрушительной победой и необходимостью платить квартплату за Белый дом еще четыре года.

Президент. Как приятно вновь посетить Фэрфилд и штат Коннектикут. Мне приятно находиться здесь вместе с вашим конгрессменом Стю Маккинни. Он нужен нам в Вашингтоне, как нужна нам и женщина-конгрессмен Нэнси Джонсон. Она прекрасно зарекомендовала себя в течение первого срока своей работы в Вашингтоне.

Сегодня я хочу обратиться ко всем жителям Коннектикута с просьбой помочь нашей администрации вновь избрать в конгресс Лэрри Денардису, баллотирующегося от третьего округа,

Гершеля Клайна – от первого округа, Роберты Кунц – от второго и Джона Роуланда – от пятого.

Мне всегда приятно приезжать в гости к хорошим людям, давшим Америке нескольких великих республиканцев – Джона Дэвиса Лоджа, Клэр Бут Люс и, конечно же, Джорджа Буша. Он прекрасный товарищ, мощная правая рука и, по-моему, лучший вице-президент в истории нашей страны.

Хочу поприветствовать также Донну и Брюса Кейт, чей сын Джефф выполняет сейчас благородную задачу по сбору средств в фонд Американского онкологического общества. Как вы знаете, сейчас Джефф совершает пробег из Бостона в Лос-Анджелес. Мы с Нэнси встретили его в понедельник в Канзас-Сити. Пробег Джеффа воодушевляет, он бросает нам вызов сделать все, что в наших силах, а возможно, еще больше. Я думаю, что все вы знаете о его начинании и гордитесь им, как и все мы.

Вы знаете, что Натан Хейл родом из Коннектикута. Нет, нет, я не собираюсь утверждать, что он был республиканцем. Это было бы так же неприлично, как использование моим противником имени Гарри Трумэна для защиты своей политики в области обороны. Я думаю, вы все заметили, что на предварительных выборах мой противник выступал так, будто весь мир вокруг нас – это телесериал "Микрорайон мистера Роджера". (Смех.) Потом неожиданно он узнал, что у Америки есть несколько опасных соперников.

Он – человек, который все свои годы работы в сенате голосовал против любых систем вооружений, за исключением, пожалуй, рогатки. (Смех.) Теперь он очень резко высказывается о наших противниках и необходимости защищать безопасность страны.

Голос из зала. Он просто не знает, о чем говорит!

Президент. Вы правы. (Смех.) Он действительно не знает. Для тех из вас, кто не расслышал, повторю. Вот эта женщина впереди сказала: "Он не знает, что говорит". (Смех.) Она абсолютно права.

Такие запоздалые перемены курса не смогут скрыть того факта, что эти либеральные демократы более не представляют традиционных демократов. Понимаете, наши демократы всегда боролись за рабочие семьи Америки, а теперь они, похоже, борются за особые интересы и за свою левую идеологию. В этом году у нас есть прекрасная возможность соединить свои силы с разочаровавшимися демократами и с независимыми де-

мократами и донести до Вашингтона послание, в котором говорилось бы, что народ хочет иметь конгресс, который не будет загонять нас в угол и чинить препятствия принятию повестки дня, учитывающей наши надежды и новые возможности на будущее.

По словам Эйба Линкольна, чтобы спасти страну, мы должны освободиться от прошлого. Что ж, четыре года назад мы именно так и поступили. Мы совершили великий поворот и освободились от рабства, навязанного правительством. Наши надежды на то, что оно сделает нашу жизнь лучше, не оправдались, более того, правительство дошло до того, что пыталось указывать, как нам жить. Пользуясь властью на протяжении десятилетий, федеральное правительство создало великий хаос – экономический, социальный и международный. Руководители наши плыли без руля и без ветрил.

Четыре года назад управление нашего корабля стало основываться на определенных принципах. Путеводной звездой нам была свобода, а нашими созвездиями – здравый смысл. Мы знали, что экономическая свобода – это система, при которой семья меньше платит из своих доходов правительству, и снизили на 25% налоговые ставки.

Мы знали, что инфляция, этот тихий воришка, крадет наши сбережения, а самые высокие со времен гражданской войны процентные ставки в банках делают невозможным строительство собственного дома или создание собственного предприятия. И позвольте мне передать новость для тех, кто был утром занят и не слышал ее: по инициативе Моргана его банк и два других ведущих банка, начиная с сегодняшнего дня, снизили базисную ставку до 12%. Я уверен, что скоро за ними последуют и другие банки.

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Хорошо, хорошо! Дайте мне сказать, а то, похоже, скоро будет дождь.

Мы знали, что наша оборона ослаблена, и решили перестроить ее, чтобы стать снова сильными. Мы знали, что это увеличит возможность защиты мира во всем мире.

Это вторая американская революция, и она только началась. Америка возродилась, сильная своим возобновленным духом, своей развивающейся экономикой, своей способностью защитить себя и отстоять мир, своей способностью построить новое будущее. Такова реальность, и двух мнений здесь быть не может.

Все же через четыре года после начала нашего возрождения раздаются голоса, призывающие вернуться – вернуться в дрейф, к оцепенению, к нерешительности и налогам. Вы наверняка знаете взгляды моего нынешнего противника, но, быть может, нам удастся получить более ясное представление о мире, который он нам сулит, если вспомним его прошлые заявления.

Его предсказания очень хорошо демонстрируют его знание экономики. Буквально накануне нашего прихода к власти, говоря о нашей экономической программе, он сказал, что она со всей очевидностью ведет к убийственной инфляции. Это было как раз перед тем, как снизилась инфляция с 12,4 до 4%. После проведенного нами сокращения налогов он сказал, что максимум, что он видит, – это вялое выздоровление. Это заявление совпало по времени с началом процессов, в результате которых за год и девять месяцев экономика Соединенных Штатов создала более 6 миллионов рабочих мест.

Мой оппонент говорил, что наша политика приведет к увеличению индекса нищеты до уровня, которого мы не знали уже долгое время. Да, здесь он оказался частично прав. Вы, конечно, знаете, что индекс нищеты вычисляется сложением уровня безработицы с уровнем инфляции. Это их изобретение, которое было впервые обнародовано в период избирательной кампании 1964 года. Когда переизбирался Джералд Форд, они говорили, что он не имеет на то морального права, так как индекс нищеты при его администрации составлял 12,6. Они не заикались об индексе нищеты во время выборов в 1980 году вероятнее всего потому, что он поднялся до 20. Они не говорят о нем и сейчас, во время этой кампании. Скорее всего потому, что он снизился до 11.

Мой оппонент говорил, что отказ от контроля за ценами на нефть обойдется американским потребителям ежегодно в 36 миллиардов долларов. Мы сняли контроль за ценами на нефть. Это была одна из первых наших акций. И что же? Цена бензина упала на 8 центов за галлон.

Я тут прикинул, что, наверное, мы можем привести экономику в абсолютно прекрасное состояние, сделав единственную вещь – убедив оппонента предсказать полную ее катастрофу. *(Смех.)*

Он говорит, что заботится о людях со средним достатком, но в то же время провозглашает: "Я всегда поддерживал законопроекты, которые повышали налоги, взимаемые с моих изби-

рателей”. Разве вам теперь не хочется стать его избирателями?

Аудитория. Нет!

Президент. Он, несомненно, гордится тем, что, будучи сенатором, 16 раз голосовал за повышение налогов, которые платит американский народ.

Аудитория. Позор!

Президент. Но в этом году он превзошел самого себя. Он, естественно, уже пообещал увеличить ваши налоги. Мы подсчитали на компьютере, что если он выполнит все свои предвыборные обещания, то ему придется увеличить ваши налоги на 1890 долларов с каждой семьи.

Аудитория. Позор!

Президент. Наверное, он считает, что это лучше, чем выплачивать закладные Мондейла – 150 долларов в месяц. Его экономический план состоит из двух основных частей: сначала поднять ваши налоги, а потом поднять их опять. Но у меня есть для него новость – американский народ не хочет повышенный налогов. Этого не будет никогда.

Если бы он добился своего, если бы он добился повышения налогов, это остановило бы выздоровление. Он мне подал одну идею – если я соображу, как мне нарядиться, чтобы соответствовать его налоговой программе, то в День всех святых я могу насмерть перепугать всех соседей. *(Смех.)* Если бы его кампания была телепередачей, ее следовало бы назвать “Давай договоримся”. Ты отдаешь ему свое процветание, чтобы увидеть, какой сюрприз он тебе приготовил. *(Смех.)* Если бы его план был бродвейским спектаклем, то он назывался бы “Обещания, обещания”. А если бы администрация, в которой он занимает пост вице-президента, была книгой, вам пришлось бы читать ее с конца, чтобы получить желанный хэппи энд.

Он хотел бы, чтобы 15 апреля – день подачи налоговой декларации – повторялся каждый день в его Америке. А мы хотим, чтобы в нашей Америке каждый день был Днем независимости – 4 июля. Мы хотим снизить ваши налоги, чтобы каждая семья стала сильнее, чтобы экономика стала сильнее, чтобы Америка стала сильнее.

Я с гордостью заявляю, что за прошедшие четыре года нигде в мире мы не отдали коммунистическим агрессорам ни одного квадратного дюйма территории. Безопасность Соединенных Штатов сейчас надежнее, чем четыре года назад.

Мой оппонент, однако, видит мир иначе. Некоторое время назад он сказал, что времена советской стратегии подавления

силой миновали. Это было как раз перед вторжением Советов в Чехословакию. Когда они вторглись в Афганистан, он сказал: "Меня просто приводит в замешательство поведение Советов в течение этих последних лет". Что ж поделаешь, многие вещи приводят его в замешательство. *(Смех.)*

Год назад мы освободили Гренаду от коммунистических бандитов, захвативших страну, а мой оппонент назвал наши действия нарушением международного права, которые ставят под сомнение наше моральное право критиковать Советы.

Аудитория. Позор!

Президент. Но ведь нет ничего аморального в спасении американских студентов, чьи жизни оказались в опасности. К тому времени, когда мой оппонент пришел к выводу, что наши действия были вполне оправданны, студенты уже давно были дома.

Он приветствовал сандинистскую революцию в Никарагуа. Он говорил: "Ветры демократического прогресса задули наконец там, где их давно уже не было". Но все мы знаем, что сандинисты сразу начали преследовать истинных сторонников демократии и экспортировать террор. Затем они устроили резню индейских племен мискито, оскорбили и выслали из страны религиозных лидеров, начали проводить политику антисемитизма, оклеветали папу римского и приступили к отмене свободы слова. Не кажется ли вам, что моему оппоненту пора встать, высказать свое мнение и, по крайней мере, осудить преступления сандинистов? *(Аплодисменты.)* Совсем недавно он отказался или не сумел осудить преподобного Джесси Джексона, когда тот поехал в Гавану и, стоя рядом с Фиделем Кастро, скандировал: "Да здравствует Фидель Кастро! Да здравствует Че Гевара!"

Аудитория. Позор!

Президент. Позвольте мне попытаться разъяснить вам все это. Выборы 1984 года – это необычное соревнование между двумя партиями. Я сам много лет, можно сказать, большую часть моей жизни был демократом. Но в те времена лидеры демократов не принадлежали к толпе, требующей "сначала осудить Америку". Лидерами демократов в то время были люди вроде Гарри Трумэна, который понимал требования нашего времени. Они не переносили все свое возмущение на Америку. Понимая разницу между свободой и тиранией, они приветствовали одно и осуждали другое.

Всем честным демократам, уважающим эту традицию, а я надеюсь, что здесь таких много, я скажу: вы не одиноки. Мы

приглашаем вас пойти вместе с нами по пути надежды и новых возможностей. Усилиями двух партий мы спасем нашу страну.

В этом месяце американка Кэтрин Салливен вышла в открытый космос, записав свое имя в историю. Этот космический челночный корабль скоро станет местом великих научных и медицинских открытий. Космос поможет лечить диабет и заболевания сердца, откроет новые возможности в области технологии и средств связи. Мой оппонент возглавляет в сенате Соединенных Штатов борьбу против всей программы челночных космических кораблей, называя ее жутким расточительством.

Мы же поддерживаем эту программу и намерены добиться того, чтобы Америка еще до конца нынешнего десятилетия решила сложнейшую задачу создания постоянно обитаемой космической станции.

Мне кажется, мое выступление слишком уж затянулось...

Аудитория. Нет!

Президент. ...но я как раз хотел сказать, что мы были совершенно правы, когда совершили великий поворот в 1980 году. Извините, я ошибся, когда сказал "до конца нынешнего десятилетия". Я имел в виду, что через десять лет мы надеемся создать эту космическую станцию.

Мы были правы, что взяли в свои руки управление нашим кораблем, прекратили бесцельный дрейф и снова поплыли вперед. Мы были правы, когда прекратили подавать сигналы "SOS" и стали говорить: США!

Аудитория. США! США! США!

Президент. Вы правы. Соединенные Штаты не могут быть вторыми. Наша страна, как и ее спортсмены-олимпийцы, должна обратить свой взор к звездам и рваться к золотым медалям.

Если Америка сумела, как я уже говорил, снизить инфляцию с 12,4% до 4%, то мы сможем снизить ее с 4% до нуля. Если снижение налогов привело к самому стремительному развитию экономики за последние тридцать лет, то мы можем понизить налоги еще немного, и Америка вступит в двадцать первый век на подъеме.

Если мы сможем найти 6 миллионов рабочих мест за год и девять месяцев, а за полтора года запустить 9 миллионов новых предприятий, то мы сможем обеспечить и условия, при которых каждый американец – молодой, старый, черный или белый – при желании сможет найти себе работу.

Если наши штаты и муниципалитеты сумели создать зоны

предпринимательства для обеспечения экономического роста, то мы сумеем избрать в конгресс тех людей, которые смогут выволить наш законопроект о подобных зонах у Типа О'Нила, который держит его уже более двух лет, и дать, таким образом, надежду и шанс наиболее нуждающимся регионам Америки.

Если мы сумели возглавить научно-техническую революцию, расширить границы космоса, то мы сможем обеспечить наших рабочих как в старых, так и в новых отраслях всем необходимым. Я уверен, что американские рабочие, обеспеченные соответствующими инструментами, могут произвести больше товаров, способных выдержать любую конкуренцию, чем кто бы то ни было, в мире.

Голос. Пусть знают наших, черт возьми!

Президент. Кто-то сказал "черт возьми". Гарри Трумэн, когда ему сказали то же самое, ответил: "Их не надо пугать. Расскажите им правду, и они решат, что это ад крошечный". Если наше народное движение за восстановление высокого качества образования смогло остановить двадцатилетнее снижение показателей научных способностей, значит, мы можем продолжать увеличивать эти показатели и вскоре восстановим абсолютное научное превосходство Америки.

Если наше движение против преступности смогло привести к столь значительному падению ее уровня, то мы можем продолжать эту кампанию и добиться того, чтобы наши дети и родные могли без страха ходить по улицам.

Если мы сумели прекратить снижение нашей обороноспособности, восстановить уважение к Америке, то мы сумеем сделать так, чтобы у нашей страны хватило сил для защиты свободы и мира для нас, наших детей и для детей наших детей.

И если Америка будет сильной и готовой принять мир, мы сможем приступить к сокращению ядерного оружия, чтобы однажды вообще запретить его на всей планете. К этому мы стремимся.

Если мы сможем укрепить нашу экономику, укрепить нашу безопасность, упрочить объединяющие нас ценности, Америка станет страной еще более великой в области искусства и образования, любви и служению Богу, который создал нас и который облагодетельствовал нас, как никакой другой народ в мире.

Молодежи нашей страны, а я с удовольствием вижу здесь много молодежи, позвольте сказать: "Все эти выборы проводятся только ради вас, ради вас и вашего будущего".

Ваше поколение – особое. Ваша любовь к стране и вера в идеалы не знают себе равных. Мы считаем своим первейшим долгом сделать так, чтобы вы получили от нас полную надежду, возможностей и уверенности Америку, какой получили ее мы, когда были молоды.

Знаете, в прошлое воскресенье я не успел закончить мысль, которой хотел завершить наш разговор. Поэтому я скажу это сегодня. Я говорил о молодежи. Я вижу вас по всей стране и могу сказать, что вы необыкновенные. А сказать я хотел, что мое поколение и несколько поколений, разделяющих меня с вами, воспринимали как должное то, что каждый в этой стране мог добиться чего угодно в зависимости от своих сил и способностей. Священный долг тех поколений, о которых я только что сказал, передать вам свободную, живущую в мире Америку. Мы намерены сделать это.

Аудитория. Еще четыре года! Еще четыре года! Еще четыре года!

Президент. Хорошо, хорошо. Спасибо. На самом деле я даже и не планировал переизбираться, но вы меня уговорили. Понимаете, все мы – часть великой революции, которая только что началась. Америка никогда не утратит своего особого предназначения на этой Земле. Никогда. Там, за горизонтом, открываются новые миры, и мы не собираемся останавливаться, пока вместе не придем туда.

Лучшие дни Америки еще впереди. Я понимаю, что сейчас мои оппоненты ползут на стенку, но все же скажу: "Ничего-то вы еще не видели".

Аудитория. Рейган! Рейган! Рейган!

Президент. Спасибо вам большое. Спасибо и да благословит вас Господь.

1985

Обращение к нации в связи с предстоящей американо–советской встречей в верхах в Женеве

Овальный кабинет
14 ноября 1985 года

Американо–советская встреча в верхах – главная тема 1985 года. Кто бы мог подумать! Я, известный антикоммунист, отправляюсь на встречу с лидером империи зла.

Вообще–то для меня это не было неожиданностью. Единственная причина, по которой я не встречался с предшественниками Генерального секретаря Горбачева, это то, что они все время умирали – Брежнев, Черненко, Андропов. А потом появился Горбачев. Он отличается стилем, сущностью и, мне кажется, интеллектом от предыдущих советских лидеров. Это человек, использующий любую возможность, а это как раз и нужно для прогресса. Он представляет собой значительную силу для перемен в своей стране.

Впервые мы встретились в Женеве. Моя команда сняла гостевой домик вдалеке от места основных встреч, где мы могли поговорить с Горбачевым один на один. Он тут же ухватился за мое предложение потихоньку исчезнуть. И вот мы сидим у пылающего камина и говорим часами напролет. Я начал с того, что сказал ему об уникальности нашего положения – вдвоем мы имеем достаточно сил, чтобы начать третью мировую войну. Но есть у нас и возможность установить мир. Я сказал: "Мы не доверяем друг другу не потому, что вооружены. Мы вооружены потому, что не доверяем друг другу". Я спросил его, могли бы мы в дополнение к уничтожению оружия уничтожить и недоверие.

Когда я отправлялся на ту встречу в Женеву, то не думал,

что впоследствии назову Михаила Горбачева другом. Я не знал, чего ждать. Ниже я предлагаю свое обращение к народу Америки, с которым выступил перед отъездом в Женеву.

Сограждане! Добрый вечер. Через тридцать шесть часов я вылетаю в Женеву на первую за шесть лет встречу американского президента с советским руководителем. Я знаю, что вы и все народы мира с нетерпением и с огромным интересом ждете этой встречи, и поэтому сегодня я хочу поделиться с вами своими надеждами и объяснить, почему я еду в Женеву.

Если говорить коротко, моя миссия – это миссия мира. Я хотел бы привлечь советского руководителя к мирному диалогу, который, я надеюсь, будет продолжен и после моего ухода с поста президента. Мы намерены сесть с господином Горбачевым друг напротив друга и попытаться вместе разработать основы мирного сосуществования, оставив в стороне разногласия по фундаментальным проблемам, которые, несомненно, останутся. Я искренне надеюсь, что вдвоем мы в состоянии начать процесс, который будет продолжен нашими преемниками и народами. Мы не будем закрывать глаза на существующие различия, которые предстоит сокращать и уничтожать; мы будем широко обмениваться информацией, с тем чтобы наши действия не были восприняты ошибочно; мы будем уничтожать существующие между нами барьеры и сотрудничать во всех возможных областях на общее благо.

Эта встреча может предоставить историческую возможность для прокладки стабильного, конструктивного курса в двадцать первый век. Однако история американско-советских отношений не дает оснований впадать в радостную эйфорию. Каждый из восьми моих предшественников своим путем и в свое время стремился достичь более стабильных и мирных отношений с Советским Союзом. Никто из них не добился полного успеха, а поэтому я не склонен преуменьшать сложности поставленной задачи. Эти мало обнадеживающие страницы истории вовсе не снимают с меня ответственности попытаться сделать мир лучше и безопаснее. Во имя наших детей, наших внуков, во имя всего человечества я намерен предпринять эту попытку. С вашими молитвами и с Божьей помощью я надеюсь

преуспеть в этом. Эту встречу нельзя оценивать лишь по тем краткосрочным соглашениям, которые, возможно, будут подписаны. Только по прошествии времени мы сможем понять, удалось ли нам создать прочный мост к более безопасному миру. Вот именно для этого я и еду в Женеву – чтобы создать основу длительного мира.

Мы не должны считать, что мир – это лишь отсутствие состояния войны. Столпами истинного мира являются свобода личности, права человека, национальное самоопределение, уважение закона. Создание более безопасного будущего требует, чтобы мы беспристрастно разобрались во всех проблемах, нас разделяющих, а не концентрировали свое внимание на одном или двух вопросах, какими бы важными они ни были. Встретившись в Женеве, мы будем не просто стремиться избежать войны, но будем искать пути укрепления мира, предотвращения конфронтации, уничтожения источников напряженности. Мы должны стремиться к уменьшению подозрительности и недоверия, которые вынудили нас накопить горы стратегического оружия. С самого начала ядерной эры все американские президенты стремились к ограничению и прекращению опасной гонки ядерных вооружений. Я не вижу перед собой задачи более важной, чем осуществить наконец эту мечту. Я уже говорил это и скажу еще раз: ядерную войну выиграть нельзя, и быть ее не должно. Со своей стороны, в ограничении вооружений мы прошли уже гораздо больше половины пути, но наши предложения все еще не всегда принимаются.

В 1977 и в 1982 годах Соединенные Штаты предложили Советскому Союзу произвести значительные взаимные сокращения стратегических сил. Эти предложения были с порога отвергнуты. В 1981 году мы предложили полностью уничтожить целый класс ядерных сил среднего радиуса действия. Три года спустя мы предложили заключить соглашение о глобальном запрещении химического оружия. В 1983 году Советский Союз вообще покинул Женевские переговоры по сокращению ядерных вооружений. Он поступил так в знак протеста против размещения нами и нашими европейскими союзниками ядерных вооружений, которые, кстати, были установлены в ответ на размещение советских ракет СС-20, нацеленных на наших союзников в Европе и других регионах.

Однако сейчас я удовлетворен тем, какой интерес проявляет новое советское руководство к сокращению наступательных вооружений. Позвольте мне повторить мое заявление, сделан-

ное на прошлой неделе. Соединенные Штаты готовы сократить сравнимые ядерные системы на 50%. Мы стремимся к сокращениям, результатом которых станет стабильное равновесие, исключающее возможность нанесения первого удара и полное проверяемое соблюдение этого условия. Если обе стороны сократят вооружения, то не будет ни побежденных, ни победителей. Весь мир только выиграет, если мы окончательно откажемся от этих вооружений и перейдем к неядерным оборонительным системам, которые никому не угрожают.

Сокращение ядерных вооружений – еще не конечная цель. Две недели назад в разговоре с четырьмя советскими политическими обозревателями я сказал, что страны не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, они вооружены потому, что не доверяют. Применение силы, подрывная деятельность, терроризм сделали наш мир еще более опасным. Сегодня нет мира в Афганистане, нет мира в Камбодже, нет мира в Анголе, Эфиопии, Никарагуа. Войны в этих регионах унесли уже сотни жизней и грозят выплеснуться за национальные границы. Поэтому в своем обращении к Организации Объединенных Наций я предлагал путь прекращения этих конфликтов – план достижения регионального мира, включающий в себя переговоры между воюющими сторонами, вывод всех иностранных войск, примирение на демократической основе, экономическое содействие.

В течение моей жизни наших солдат четыре раза отправляли воевать в чужие страны. Останки их можно найти от Фландерс–Филд до островов в Тихом океане. Но эти молодые ребята ни разу не отправлялись за границу для завоеваний. Вернувшись домой, они не требовали ни дюйма чужой земли в качестве военного трофея. В прошлом большую опасность представляло то, что наши противники никак не могли запомнить, что хотя мы, американцы, и ненавидим войну, но любим свободу и готовы пойти ради нее на жертвы. Мы любим свободу не только потому, что это практично и выгодно, но и потому, что это совершенно справедливо и честно с моральной точки зрения.

На нас, американцах, лежит груз ответственности за обеспечение свободы, за сохранение веры в величие человека перед лицом Господа, который создал нашу страну. Это – главное в нашей жизни. Полтора века назад Томас Джефферсон сказал миру: "Человечество родилось без седла на спине..." Свобода – суть Америки. Мы никогда не должны ее отрицать и отказы-

ваться от нее. И, если придет день, когда мы, американцы, промолчим перед лицом вооруженной агрессии, дело Америки, дело свободы погибнет, и великое сердце этой страны будет разбито. Эта присяга свободе – не только наш долг как американцев, она – необходимое условие для успеха в Женеве.

Свобода и демократия – лучшие гаранты мира. История показала, что демократические страны войн не начинают. Права личности и правовое государство важны для дела мира так же, как и ограничение вооружений. Правительство, не уважающее права своих граждан и свои международные обязательства по защите этих прав, вряд ли будет уважать другие свои международные обязательства. Поэтому наш долг выступать в Женеве в защиту тех, кто не может сам защитить себя. Мы не пытаемся навязать другим наши убеждения. Но мы имеем право рассчитывать, что великие государства будут выполнять свои международные обязательства.

Несмотря на глубокие непреодолимые различия, мы можем и должны предотвратить перерастание нашей конкуренции на международной арене в насилие. Мы должны найти пока еще неизведанные пути плодотворного сотрудничества американских и советских граждан на благо человечества. И это – еще одна цель моей поездки в Женеву. Прочный мир требует открытости, честного обмена информацией, возможности для наших народов непосредственно узнать друг друга. Соединенные Штаты всегда выступали за открытость. Тридцать лет назад в Женеве президент Эйзенхауэр, готовясь к своей первой встрече с советским лидером, внес предложение об "Открытом небе" и предложил наладить обмен с Советским Союзом в области образования и культуры. Он признавал, что основной задачей наших отношений является уничтожение барьеров между народами. Он говорил: "Ограничения на любые виды обмена информацией, включая радио и туризм, выраженные в некоторых странах своими крайними формами, порождают взаимное недоверие. В Америке важнейшей частью нашего наследия является глубокая вера в свободу мысли, самовыражения и передвижения".

У меня есть надежда, что мы можем ослабить имеющееся между нами недоверие, снизить уровень секретности и создать более открытый мир. Только представьте себе, как много хорошего мы могли бы сделать, как хорошо послужили бы делу мира, если бы больше отдельных граждан и семей из наших стран смогли лично познакомиться друг с другом. Если бы, к

примеру, советские молодые люди могли посещать американские школы и университеты, они могли бы узнать, в чем состоит дух свободы, который управляет нашей страной, и удостовериться, что мы не хотим ничего плохого советским людям. Если бы то же самое могли сделать молодые американцы, они рассказали бы о своих интересах, жизненных ценностях, о надеждах на будущее с советскими друзьями. Своими глазами они увидели бы жизнь Советского Союза. Но, что еще более важно, они узнали бы, что все мы – дети Господни и что у нас много общего. Представьте себе, что американцы снова смогли бы увидеть выступления Большого театра, а советские люди посмотрели бы американские пьесы и послушали бы группы вроде "Бич бойз". А если бы советские дети могли бы смотреть передачу "Сесами стрит"?*

В течение двадцати пяти лет мы осуществляем обмены в области культуры и образования, а сейчас заканчивается разработка нового соглашения. Но я чувствую, что настало время сделать решительные шаги, для того чтобы дать нашим народам новую возможность участвовать в строительстве мира. Почему бы мне не предложить господину Горбачеву расширить обмен членами профессиональных, религиозных, культурных и образовательных групп? Почему бы не предложить обмен студентами старших курсов и даже школьниками, при котором каждый год тысячи юношей и девушек могли бы жить в семьях и посещать школы и летние лагеря? Можно подумать об увеличении числа учебных программ, курсов изучения языка, о проведении занятий по истории, культуре и другим дисциплинам, о расширении побратимских связей между городами, создании библиотек и культурных центров и, конечно, о проведении спортивных состязаний. Народы наших стран любят спорт. И если уж нам нужно состязаться, то давайте делать это на спортивном поле, а не на поле боя. В науке и технике мы могли бы осуществить совместные космические полеты и проводить совместные медицинские исследования. В области информации мы хотели бы, чтобы больше представителей наших стран писали материалы для средств массовой информации друг друга. Если советские представители могут выступать по американскому телевидению и публиковать свои статьи в американской прессе, разве не должны и советские люди иметь право увидеть, услышать и прочесть то, что мы, американцы, хотели бы

*"Сесами стрит" – общенациональная детская образовательная телепередача.

им сказать? Осуществление этих предложений не ликвидирует наших различий, но благодаря контактам между людьми в обеих странах появятся искренние сторонники мира. В конце концов, войны начинают не народы, а правительства.

Позвольте мне суммировать взгляды и надежды, с которыми мы отправляемся в Женеву. Основываясь на опыте, мы прекрасно сознаем глубокие различия между нами – между нашими ценностями, нашими системами, нашими убеждениями. Но мы твердо намерены не допустить перерастания этих различий в противостояние или конфликт. Мы не угрожаем советскому народу и никогда не будем угрожать. Мы отправляемся в Женеву без иллюзий, но с надеждой, что по всем вопросам повестки дня мы добьемся прогресса. Мы верим, что можно достичь успехов в разрешении региональных конфликтов, продолжающихся сейчас на трех континентах, в том числе и в нашем полушарии. В Женеве мы снова будем говорить о плане урегулирования региональных вопросов, который мы представили в Организацию Объединенных Наций. Мы предлагаем самые широкие за всю историю американо-советских отношений обмена между людьми в области спорта, культуры, средств массовой информации, образования, искусства. Благодаря таким обменам в наших странах могут появиться тысячи объединений в защиту мира и сотрудничества. Это все, что могут сделать правительства. Запустив эту машину, они должны отойти в сторону и дать возможность людям, особенно молодым, вместе проводить время, встречаться, делиться, помогать друг другу, слушать друг друга и учиться друг у друга.

Наконец, мы отправляемся в Женеву с ясным пониманием того, что ядерное оружие представляет собой наиболее серьезную угрозу выживанию человечества, что гонку вооружений необходимо прекратить. Мы отправляемся туда с намерением найти общие позиции, на которых мы могли бы прийти к согласию о начале сокращения, имея в виду последующее полное уничтожение ядерного оружия с лица земли. Вполне осуществима мечта о том, что мы можем начать сокращение ядерных арсеналов, снизить опасность возникновения войны и построить прочный фундамент мира. Вполне осуществима мечта о том, что наши дети и внуки смогут свободно путешествовать из Америки в Советский Союз и, наоборот, бывать друг у друга в гостях, вместе работать и учиться, вместе бывать в театрах, смотреть телевизор, слушать музыку и болеть за команды во время соревнований.

Вот они – неотъемлемые элементы истинного мира: постоянное распространение прав человека на все народы мира; поддержка урегулирования конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке, в которых таятся семена более обширных войн; расширение обменов между людьми, которые смогут снизить недоверие и подозрительность, разделяющие наши два народа; постоянное сокращение этих громадных ядерных арсеналов до тех пор, пока они не перестанут угрожать миру, в котором мы должны жить. Такова наша программа этой поездки в Женеву, такова наша политика, таков наш мирный план.

Мы сотрудничали в прошлом. На разных фронтах обеих мировых войн американцы и русские сражались против общего врага. Недалеко от города Мурманска покоятся сыны Америки, герои, погибшие от ран, полученных во время доставки по ковровой Северной Атлантике и Северному морю незаменимых грузов, позволивших выжить и победить. Было бы наивным предполагать, что одна-единственная встреча сразу установит крепкий мир, но эта встреча может стать началом диалога о мире. Так что мы смотрим в будущее с оптимизмом и отправляемся в Женеву с уверенностью.

Мы с Нэнси благодарны за оказанное доверие и за то, что вы дали нам возможность послужить стране. Я знаю, что она надеется на мир так же сильно, как любая другая американская или русская мать. Недавно я получил письмо от одной женщины из Луизианы. Она пишет: "Г-н президент, я самая счастливая. На этой фотографии – трое моих детей, которых подарил мне Господь. Когда вы поедете в Женеву, помните эти лица, помните лица моих детей – Джонатана, моего сына, и близнецов Лары и Джессики. Их будущее зависит от ваших действий. Я буду молиться, чтобы Господь направил вас и советских лидеров." Ее слова "мои дети" звучат, как крик о любви. И я представляю себе, как звучит этот крик сквозь века за всех детей в мире, за мир, за любовь к ближнему. В этом и заключается главная правда как нашего, так и любого времени, правда, которую я пытаюсь засвидетельствовать на этом посту.

Когда я впервые принял мандат от своей партии, я обратился к вам, гражданам Америки, с просьбой помолиться со мной за нашу страну и за мир. Шесть дней назад в Белом доме религиозные лидеры – епископы украинской и греческой православной церкви, представители католической церкви, в том числе литовский епископ, протестантские пасторы, мормонский пресвитер, еврейские раввины – обратились ко мне с

такой же просьбой. Прошу вас, сограждане американцы, молиться о милосердии Господнем и о том, чтобы Он направил всех нас в Женеве, чтобы мы продвинулись по пути к истинному миру между людьми и тем послужили всему человечеству.

Спокойной ночи. Да благословит вас Бог.

Выступление в бывшем концлагере "Берген-Бельзен" и на военно-воздушной базе Битбург

Федеративная Республика Германии
5 мая 1985 года

Мое решение поехать на кладбище в Битбург в Западной Германии, где похоронены 2 тысячи немцев, погибших во время войны, вызвало немало споров. Чего мы не знали, давая согласие поехать туда, так это того, что там же похоронены 48 эсэсовцев. Когда перед поездкой наши сотрудники приехали на кладбище, могилы эсэсовцев были запорошены снегом, и их не заметили.

Проблема была в том, что отказ мог обидеть наших немецких хозяев и был бы воспринят как глубокое оскорбление. И в нашей стране многие были глубоко оскорблены тем, что я поехал к месту захоронения штурмовиков СС, на совести которых чудовищные преступления. Бывший узник концлагеря Эли Визель настойчиво убеждал меня в Белом доме: "Господин президент, Вам не пристало появляться в этом месте". Даже Нэнси считала, что мне не стоит туда ехать.

Однако я принял решение поехать. Я считаю, что мы не должны требовать от новых поколений немцев вечно жить с этой виной без всякой надежды на искупление. Во время войны их еще не было на свете. И нельзя заставлять молодежь нести это бремя. У многих из них погибли деды на той войне. Эти люди не были нацистами, они не работали в концлагерях, они были просто солдатами, выполнявшими свою работу, сражавшимися на войне.

Позже я узнал, что некоторые из нацистских штурмовиков были похоронены там в тюремной одежде. Их убили их же сородники по СС за помощь заключенным в концлагерях. Мне написали об этом бывшие узники-евреи. Один человек напи-

сал, что он был в лагере с 16 лет, и эсэсовец прятал его, чтобы спасти от расправы.

Приведенные ниже выступления я поместил вместе, поскольку они связаны друг с другом. Во второй половине дня 5 мая 1982 года я возложил венок в бывшем концлагере "Берген-Бельзен" в память о тех, кто был замучен там. До чего же это волнующее место. Примечательно, что каждый год сюда приезжают школьники со всей Германии, чтобы узнать о тех событиях и не забыть никогда. Из бывшего концлагеря я отправился на кладбище в Битбурге и возложил венок, чтобы почтить память похороненных там солдат. Речь была произнесена не на кладбище, а на близлежащей авиабазе.

Канцлер Коль и уважаемые гости! Этот тяжелый экскурс в прошлое – гораздо больше, чем просто воспоминание о войне, которая охватила Европейский континент. То, что мы увидели, совершенно ясно показывает, что никто из нас не может полностью понять те чувства, которые переживали жертвы этих лагерей. Оставшиеся в живых помнят такое, что выше нашего понимания. Страшные злодеяния, начатые одним человеком, злодеяния, охватившие и разрушившие весь мир, были особенно губительными для миллионов, насильно загнанных в черную бездну этих лагерей.

Здесь лежат люди, евреи, единственной причиной смерти которых был сам факт их существования. Они страдали только за то, что были евреями и молились своему Богу. Рядом с ними лежит много христиан – католиков и протестантов.

Год за годом, пока этот злодей жил, продолжался ад. Людей бросали туда лишь для того, чтобы они страдали и умирали. Голодным не давали еды, больных оставляли без ухода; людей подвергали изощренным пыткам и обрекали на страдания в обстановке сплошного ужаса.

Я уверен, что одна и та же мысль приходит всем нам в голову, а именно: кто они, эти молодые люди, которые нашли смерть в этом черном лагере? Все кончилось для них навсегда: солнечное тепло и радости жизни, юный смех, возмужание, утешающие объятия родных. Попробуйте представить себе, каково это – быть в расцвете молодости и каждый день испыты-

вать душевную и физическую боль, отчаянные и неослабевающие муки.

Сегодня нам напомнили, почему коменданта этого лагеря прозвали "зверем Бельзена". Больше всего нас поразила ужас всего увиденного – чудовищный, непостижимый ужас. То, что мы увидели, мы никогда не сможем понять в той мере, в которой понимали это жертвы. При всем нашем сострадании мы не в силах почувствовать то, что чувствуют по сей день выжившие и что они будут чувствовать всю свою жизнь. Наши эмоции, выраженные словами, не могут передать страдания, выпавшие на их долю. Вот почему история навеки назвала случившееся катастрофой.

Здесь правила смерть, но и мы кое-что поняли. Из того, что здесь произошло, мы делаем вывод, что смерть не может править вечно. Вот почему мы здесь сегодня. Мы здесь потому, что человечество отказывается признать, что можно уничтожить свободу человеческого духа. Мы здесь для того, чтобы означать торжество жизни над трагедией катастрофы с ее страданиями, лишениями, экспериментами над людьми и газовыми камерами. Сегодня мы здесь для того, чтобы подтвердить, что ужас не может убить надежду и что даже из самого худшего может прорасти самое лучшее. Поэтому даже великая скорбь должна содержать какую-то цель, и она есть. Мы постигаем ее через преобразующую любовь Бога.

Талмуд учит нас: "Только через страдания дети Израилевы обрели три бесценных и вожденных дара: Тору, землю Израиля и грядущий мир". В горниле страданий, какими бы опустошающими и жестокими они ни были, родилась надежда для мира и упование на вечную жизнь. Из пепла рождается надежда, из боли – обетование.

Как символично то, что сегодня здесь представлено большинство руководителей свободной Германии! Канцлер Коль, вы и ваши соотечественники сделали реальным возрождение, которое должно было произойти. Ваша страна и немецкий народ были тверды и решительны в своей готовности осудить ненавистный режим прошлого. Это говорит о мужестве вашего народа и о его преданности свободе и справедливости со времени войны. Подумайте, как далеко мы ушли от тех дней, когда отчаяние заставляло эти трагические жертвы сомневаться в том, что хоть кто-нибудь может выжить.

Когда мы летели сюда из Ганновера, пролетая над зеленеющими фермерскими полями, над прекрасной весенней немец-

кой землей, я подумал, что было время, когда узники "Берген-Бельзена" и других лагерей должны были чувствовать, что весна навсегда ушла из их жизни. И мы можем это понять, когда смотрим вокруг: дети Божии лежат под мрачными и безжизненными могильными холмами, вид которых никак не намекает на неопишуемые зверства, творимые над людьми. Им, покоящимся здесь, не суждено ни надеяться, ни молиться, ни любить, ни исцеляться, ни смеяться, ни плакать.

Многие из них думали, что их настигла судьба, но не смерть. Сквозь муки они пронесли свою веру и дух, который и был символом их веры.

Ничто не может поведать об этом лучше, чем история девочки, которая умерла здесь, в "Берген-Бельзене". Более двух лет Анна Франк и ее семья прятались от нацистов в тесной пристройке амстердамского дома, где она вела необыкновенный по силе дневник. Преданные доносчиком, Анна и ее семья были отправлены в товарном вагоне сперва в Освенцим, а потом сюда, в "Берген-Бельзен".

Всего за три недели до ареста Анна написала такие слова: "Это просто удивительно, что я не отказалась от моих идеалов, которые кажутся такими странными и недостижимыми. Однако я сохраняю их, потому что, несмотря ни на что, я все еще верю, что у людей доброе сердце. Я просто не могу строить надежды, если нет ничего кроме растерянности, страданий и смерти. Но я вижу, что мир постепенно превращается в пустыню. Я слышу приближающийся гром, который уничтожит и нас. Я чувствую страдания миллионов, и все же, когда я смотрю на небо, я думаю, что все будет хорошо, что все эти жестокости кончатся и что снова вернутся мир и покой". Спустя восемь месяцев эта сверкающая молодая жизнь закончилась здесь, в "Берген-Бельзене". Где-то здесь лежит Анна Франк.

Все здесь – воспоминания, которые берегут наши души, волнуют нас, заставляют нас думать, что они никогда не изгладятся из памяти. Такие воспоминания направляют нас на путь, предназначенный Богом. И Его дети идут к осознанию, исцелению и, самое главное, к искуплению. Они взывают к нашим сердцам, призывая осознать, что каждый человек своей жизнью может изменить мир и сделать его лучше.

Мы все свидетели: мы разделяем лучезарную надежду, лежащую в каждой человеческой душе. Надежда приводит нас, если мы готовы верить ей, к тому, что наш президент Линкольн

называл ангельскими гранями нашей души. И тогда, возвысившись над жестокостью, трагизмом и кошмарами того времени, над мучениями, болью и страданиями всех времен, мы можем и должны поклясться: "Никогда больше!"

Я только что побывал на кладбище, где покоятся погибшие во время войны немцы. Каждый посетитель этого кладбища испытает глубокое и противоречивое чувство. Я был безмерно опечален тем, что история наполнена такими потерями, разрушениями и злом, но на сердце становится легче, когда осознаешь, что из пепла вырастает надежда. Преодолев ужасы прошлого, мы уже сорок лет живем в мире, свободные народы, добившиеся примирения.

Этот визит вызвал много эмоций и у американцев, и у немцев. После решения посетить кладбище в Битбурге я получил множество писем. В некоторых из них выражалась поддержка, в других – озабоченность, авторы третьих были со мной не согласны. Открылись некоторые старые раны, и я об этом сожалею, потому что наше время должно быть временем заживления ран.

Ветеранам и семьям американских военнослужащих, которые все еще глубоко переживают утрату родных в той войне, я скажу, что наш жест примирения с немецким народом ни в коей мере не приуменьшает любовь и уважение к тем, кто воевал и погиб за нашу страну. Они отдали свои жизни, чтобы спасти свободу в ее самый трудный час. Союз демократических стран, стоящий на страже свободы миллионов людей в Европе и Америке, является живым свидетельством того, что их благородная жертва была не напрасной.

Нет, их жертва была не напрасной. Должен сказать вам, что открыло меня надеждой. Сегодня на кладбище в Битбурге мне встретились два бывших героя войны. Храбрые из храбрых, они были заклятыми врагами сорок лет назад, свидетелями всех ужасов войны. Но сегодня они вместе – американец и немец – Генерал Мэттью Риджуэй и генерал Иоганнес Штейнгоф. Они помирились ради свободы и как братья скрепили мир рукопожатием над могилами жертв той войны.

Пережившим кошмар войны скажу: ваши ужасные страдания сделали вас еще более бдительными по отношению ко злу.

Многие из вас боятся, что примирение приведет к забвению. Я обещаю вам, что мы никогда не забудем. Ужас страшных преступлений "Берген-Бельзена", откуда я только что вернулся, навсегда врезался в мою память. Нет, мы никогда не забудем и вместе с жертвами этой ужасной войны скажем: "Больше не повторится!"

Война против тоталитарной диктатуры одного человека не была похожа на другие войны. Отвратительная война, развязанная нацистами, перевернула все понятия о ценностях. И тем не менее мы скорбим о немцах, погибших в этой войне, как о людях, раздавленных жестокой идеологией.

Более двух тысяч человек похоронены на кладбище Битбурга. В большинстве своем здесь лежат простые солдаты немецкой армии. Но среди них 48 эсэсовцев – преступления СС следует отнести к самым отвратительным за всю историю человечества. Сколько было фанатичных последователей диктатора, добровольно выполнявших его жестокие приказы? А сколько было новобранцев, которых насильно забрали в армию, когда нацизм был уже в агонии? Мы не знаем. Судя по надписям, которые мы прочитали на надгробиях, многим из них в то время было совсем мало лет. Там похоронен один мальчик, погибший за неделю до шестнадцатилетия. Для тысяч таких солдат нацизм означал лишь жестокий конец их недолгой жизни.

Мы не верим в коллективную вину. Только Господь может заглянуть в сердце человека, и все эти люди уже встретились со своим высшим Судией, и Он их судил, и все мы Им судимы будем.

Наш долг – скорбеть о людях, уничтоженных тоталитаризмом, и сегодня на кладбище в Битбурге мы помянули то потенциально хорошее в человечестве, что было раздавлено тогда, сорок лет назад. Быть может, если бы этот пятнадцатилетний солдат был сейчас жив, он вместе со своими соотечественниками строил бы новую демократическую Федеративную Республику Германии, защищающую уважение к человеку и свободу, которую мы сегодня приветствуем. А может быть, и его дети и внуки были бы здесь сегодня на авиабазе Битбург, где новые поколения немцев и американцев дружески объединились ради общего дела и посвятили свои жизни сохранению спокойствия и безопасности свободного мира.

В прошлом очень часто одна война лишь сеяла семена другой. Сегодня мы празднуем примирение двух народов, которое

дало нам возможность вырваться из этого замкнутого круга всеобщего разрушения. Вы только посмотрите, чего мы добились вместе! Мы, бывшие враги, стали теперь друзьями; мы, бывшие непримиримые противники, стали самыми близкими союзниками.

Там, где был страх, мы посеяли доверие, и на руинах войны расцвел прочный мир. За эти годы десятки тысяч американцев прошли службу в этом городе. Как сказал мэр Битбурга, за это время заключено около 6 тысяч браков между гражданами Америки и Германии. От этих союзов родилось уже несколько тысяч детей. Это – реально существующий символ нашего совместного будущего, будущего, полного надежд, дружбы и свободы.

Надежда, которая появилась сейчас, присутствовала даже в самые безнадежные дни войны. Я вспоминаю сейчас одну историю – о матери, жившей с маленьким сыном в скромном домике на опушке леса. Это случилось однажды ночью во время битвы под Бульге. К домику подошли три американских солдата, которые сбились с пути и оказались на территории противника. Все они были обморожены, а один серьезно ранен. Хотя укрывательство врага было запрещено и каралось смертной казнью, женщина впустила их в дом и накормила последними крохами. Вдруг раздался стук в дверь. На этот раз пришли четыре немецких солдата. Женщина испугалась, но сказала достаточно твердо: "Чтоб никакой стрельбы в доме". Она заставила всех солдат сложить оружие, и они поужинали по очереди. Гансу и Вилли, как оказалось, было всего по шестнадцать, а самому старшему, капралу, двадцать три. В тепле домика их подозрения улетучились, а один из немцев, бывший студент-медик, занялся ранами американца.

А теперь послушайте конец этой истории в изложении одного из присутствовавших там. Теперь он уже вполне взрослый мужчина, сын той женщины. Вот что он рассказал: "Мать произнесла благодарственную молитву, и, когда она сказала старые знакомые слова "Милости просим, господин Иисус. Будьте нам гостем", я заметил слезы в ее глазах. Когда я посмотрел на потрепанных в боях солдат, то увидел слезы и в их глазах. Они снова были мальчишками, одни из Америки, другие из Германии, но все были вдали от дома".

В эту ночь, когда ураган войны сотрясал землю, у них было свое собственное перемирие. А на следующее утро немецкий капрал показал американцам, как пробраться через ли-

нию фронта. Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Так случилось, что это произошло на Рождество, 40 лет назад.

Эти ребята примирились на короткое время в самый разгар войны. Мы же, союзники мирного времени, должны ценить примирение, которое длится уже сорок лет.

Хочу сказать жителям Битбурга, нашим хозяевам и хозяевам наших солдат, которые, как та женщина, оказали нам теплое гостеприимство: "Vielen dank"*.

А служащим военно-воздушной базы Битбурга скажу: мы знаем, что, несмотря на такое радушие хозяев, работа ваша не из легких. Вы круглые сутки трудитесь вдали от дома, вы всегда готовы встать на защиту свободы. Мы благодарны вам и гордимся вами.

Четыре десятилетия назад мы вели великую войну, чтобы снять с мира покров зла, чтобы народ нашей и других стран жил под солнцем свободы. Мы одержали великую победу, и теперь Федеративная Республика, Италия и Япония входят в сообщество свободных наций. Но борьба за свободу не окончена, потому что сегодня большая часть мира все еще пребывает во тьме тоталитаризма.

Двадцать два года назад президент Джон Ф. Кеннеди подошел к Берлинской стене и заявил, что он считает себя жителем Берлина. Сегодня свободолюбивые люди Земли подобно ему должны сказать: "Мы – жители Берлина. Мы – евреи в мире, которому угрожает антисемитизм. Мы – афганцы. Мы – узники ГУЛАГа. Мы – беженцы в переполненной лодке у берегов Вьетнама. Мы – лаосцы, кхмеры, кубинцы, индейцы-мискито в Никарагуа. Мы тоже потенциальные жертвы тоталитаризма".

Один из уроков второй мировой войны, один из уроков победы над нацизмом заключается в том, что свобода всегда должна быть сильнее тоталитаризма, а добро должно быть всегда сильнее зла. Нравственный критерий двух наших народов состоит в том, насколько сильно мы стремимся к сохранению свободы, к защите жизни, к уважению и заботе о всех детях Божьих.

Именно поэтому нам приятно видеть, что свободная, демократическая Федеративная Республика Германии прочно стоит на защите человеческого духа. Мы не можем отменить вчерашние войны и преступления прошлого, не вернем мы к жизни и миллионы погибших, но мы можем извлечь из прошлого уроки, чтобы создать лучшее будущее. Пусть наша боль заставит нас

*Большое спасибо (нем.).

приложить больше усилий для залечивания человеческих страданий.

Сегодня мы проехали 220 миль от "Берген-Бельзена", и я почувствовал груз прошедших 40 лет. Твердо усвоив уроки прошлого, мы открыли новую, более светлую страницу истории.

Среди множества людей, написавших мне о своем отношении к этому визиту, была молодая женщина, которая недавно причастилась по еврейскому обычаю. Она умоляла возложить венки на кладбище в Битбурге во имя будущего Германии. Так мы и сделали.

Отмечая сороковую годовщину окончания второй мировой войны, мы отмечаем день, когда прекратились ненависть, зло и мерзость, мы отмечаем возрождение демократического духа Германии.

В этот исторический день многое вселяет в нас надежду. Совсем недавно мы видели один из символов этой надежды, когда немецкий оркестр исполнил американский гимн, а американский оркестр – гимн Германии. Сейчас, когда значительная часть стран все еще подвергается давлению, над миром встает новый рассвет свободы. В зарождении демократических перемен в Латинской Америке, в развитии новых экономических свобод и процветания Азии, в постепенном продвижении к миру на Ближнем Востоке, в упрочении союза демократических стран Европы и Америки мы видим свидетельство того, что лучи этого рассвета становятся все ярче и ярче.

Давайте вместе объединимся в лучах этого солнца и выйдем из темноты. Давайте жить в мире.

Благодарю вас, и да благословит вас Господь.

Выступление при вручении президентской медали Свободы матери Терезе

Розовый сад Белого дома
20 июня 1985 года

Мать Тереза – удивительная крошечная женщина, переполненная любовью к людям. А кроме того, она еще и автор книг. Однажды мой сотрудник протянул ей руку, чтобы поздороваться, а она сказала: "Возлюби Господа", – и протянула ему брошюрку об Иисусе Христе. Он повесил брошюрку в рамочку. Иногда мать Тереза присылает мне письма с просьбой что-то достать ей для работы, и мы, как правило, находим возможность достать это для нее через какую-либо фирму или по правительственным каналам. Я считаю ее святой.

Президент. В этом великом доме побывало немало великих людей, но не было среди них более дорогого, более уважаемого, чем наша сегодняшняя гостья. Месяц назад мы вручали медаль Свободы тринадцати героям, честно послужившим своей стране. Только одна из награжденных не смогла присутствовать на вручении, потому что была занята на работе, она не выполняла какую-то особую, необычную

для нее работу, а свою повседневную, которая является и по-своему особой и срочной. Мать Тереза была, как всегда, занята спасением мира. Я имею в виду буквально то, что сказал. Мы приняли во внимание ее занятость и очень рады, что она сумела приехать в Америку сейчас.

Только что я сказал, что мы награждаем медалью Свободы тех, кто честно послужил нашей стране. Но мне кажется, мать Тереза может возразить, что она дочь Югославии, а не американка и что она провела всю свою сознательную жизнь в Индии, а не здесь. Но, когда мы решали вопрос о ее награде, мы поняли, что сердечная доброта государственным границам и узконациональным соображениям не подвластна.

Есть небольшое число людей, которые в самом истинном смысле слова являются гражданами мира. Среди них и мать Тереза. Мы так сильно ее любим, что попросили принять знак нашего уважения, и она благосклонно согласилась. А теперь я прочту наградную грамоту.

"Многие из нас говорят о доброте и сострадании, а мать Тереза – святая трущоб – живет этим. Еще в юности она приехала в Индию учить девочек. Со временем мать Тереза стала работать среди нищих и умирающих в Калькутте. Ее орден "Миссия милосердия" распространился по всему миру и служит беднейшим из бедных.

Мать Тереза – героиня нашего времени. Ко многим наградам, которые она имеет, включая Нобелевскую премию мира, мы с искренней любовью и с бесконечным уважением добавляем президентскую медаль Свободы". *(Президент передает награду матери Терезе.)*

Позвольте мне сказать, что я впервые вручаю эту награду с чувством, что награжденная, вернувшись домой, может переплавить ее и продать, чтобы помочь бедным. *(Смех.)*

Я хочу поблагодарить вас, мать Тереза, за то, что ваша огромная работа и ваша жизнь подтолкнули многих американцев принять личное участие в помощи бедным. Очень много людей из всех слоев общества, из государственного и частного секторов пошли за светочем вашей любви и отдают этому делу все, что могут. Мы благодарны вам за ваш замечательный пример.

Мать Тереза. Я совершенно недостойна этого великодушного подарка президента Рейгана, его жены и народа Америки. Но я принимаю его от имени миллионов бедняков во имя

славы Господа в надежде, что этот подарок проникнет в сердца людей духом своим и любовью. В моем лице вы вручаете его им как символ вашей великой любви и заботы.

Я никогда не представляла себе, что вы так нежно любите людей. Я помню, что, когда я последний раз была здесь, ко мне обратилась одна сестра из Эфиопии: "Наши люди умирают, наши дети умирают. Матушка, сделайте что-нибудь". Единственным человеком, о котором я подумала в тот момент, был президент, и я написала ему: "Я не знаю, как поступить, но это то, с чем я столкнулась". Буквально на следующий день была организована доставка продуктов нуждающимся. Я должна сказать вам, что подарок вашей страны, вашего народа принес жизнь, новую жизнь страдающему народу Эфиопии.

Я хочу также поблагодарить тех американок, которые уезжают от своих семей, чтобы стать сестрами милосердия и помогать бедным во всем мире. Это проявление их негаснущей нежной любви. Сейчас наши сестры живут по всему миру и пытаются привнести в него нежность и любовь Христову.

Вы не можете пойти туда, куда идем мы. Вы не можете делать то, что делаем мы. Но вместе мы делаем нечто прекрасное во имя Господа. Примите, президент, мою признательность вам, вашей семье и вашему народу. Я молюсь за то, чтобы святость ваша прирастала вашей нежной любовью к беднейшим из бедных. Но любовь эта начинается дома, в вашей собственной семье с совместных молитв. Молитва очищает сердце, а чистое сердце зрит Господа. И если вы видите Бога друг в друге, вы вместе обретете любовь, мир, радость. Деяния любви – это деяния мира, а любовь начинается дома.

Итак, сестры мои, братья мои и отцы, я передаю вам признательность от всех бедняков, тысяч и тысяч бедных людей, которым мы помогаем. Храните радость любви. Любите их и начните со своей семьи. И эта любовь проникнет в самое далекое место, где никто еще не был, туда, где все окружено добротой и любовью Христа.

И помните, что бы вы ни делали, вы делаете это во имя Господне, как сказал Иисус. Вы делаете это для меня. Какая прекрасная возможность для каждого из нас быть круглые сутки с Иисусом. Мы делаем то, что мы делаем. Как Он сказал, если вы получите младенца от моего имени, вы по-

лучаете меня. Если вы даете стакан воды, вы даете его мне. Как прекрасна доброта и любовь Христа к каждому из нас.

Еще раз позвольте мне поблагодарить вас за этот замечательный подарок, который, я уверена, принесет большую радость нашему народу.

Да благословит вас Господь.

Выступление на ежегодном обеде конференции Консервативного комитета политического действия

Вашингтон, округ Колумбия
1 марта 1985 года

Вы, наверное, удивлены, почему я включил в сборник еще одно мое выступление на конференции Консервативного комитета политического действия (ККПД). Отвечу. Потому что это хороший пример того, чего я хотел добиться в начале моего второго срока на посту президента. Эти люди, мои друзья, стояли у истоков всего, что я пытался сделать. То, что я говорил своим товарищам консерваторам, вполне могло бы послужить моей вступительной речью перед вторым сроком президентства.

Благодарю вас, вице-президент Линен* за добрые слова. Я благодарен Американскому консервативному союзу, организации "Молодые американцы – борцы за свободу", журналам "Нэшнл ревью", "Хьюман ивентс" за организацию этого прекрасного вечера. Когда работаешь в Белом доме, не имеешь возможности встречаться со своими старыми друзьями так часто, как хотелось бы. Поэтому я всегда отношусь к своим выступлениям в ККПД как к возможности "сплясать со своим кавалером".

---

*Джон Линен – вице-президент Американского консервативного союза.

Мне так о многом хочется поговорить сегодня. Все эти недели после вступления в должность президента я не перестаю думать о том, что мы находимся сейчас на крутом повороте американской истории. Пытаясь все сопоставить, я пытаюсь понять, что привело нас к нынешней ситуации.

Еще со времен Франклина Делано Рузвельта и Нового курса оппозиционная партия и убежденные либералы в особенности всегда одерживали верх в политических дебатах. У них были свежие идеи, у них была динамика, они могли завладеть воображением американского народа. В течение довольно продолжительного времени левые доминировали. Были и правые, но к сороковым – пятидесятым годам они распались, раздробились и объединяющей силы не имели.

В 1964 году прозвучал глас вопиющего в пустыне – подал его Барри Голдуотер, великий Барри Голдуотер, первый влиятельный кандидат от нашей партии за несколько последних десятилетий. Он был настоящим рафинированным консерватором. Он имел принципы и будил воображение. Под свободой он подразумевал свободу от все возрастающих посягательств правительства на семейный кошелек, свободу от все усиливающейся узурпации правительством прав и обязанностей личности, свободу от лидеров, которые твердили нам, что мир можно сохранить только ценой молчаливого потворствования тоталитаризму. Он шел впереди своего времени. Когда он баллотировался в президенты, то выиграл в шести, а проиграл в 44 штатах. Но само его выдвижение стало предвестником грядущего.

Зарождалось новое движение. И вот, в 1960-м появились "Молодые американцы – борцы за мир"; "Нэшнл ревью" завоевал читателей и авторитет среди интеллигенции; "Хьюман ивентс" стал трибуной для людей, высказывавших свое неординарное мнение. В семидесятых началось антиналоговое движение. Строго говоря, это было нечто значительно большее, чем просто антиналоговое движение, точно так же, как бостонское чаепитие стало не просто антиналоговым выступлением. (Смех.) Конец семидесятых отмечен Предложением 13 и восстанием Сагебраш; в 1980-м впервые за 28 лет был избран республиканский сенат и, позвольте заметить, президент-консерватор. В 1984-м эта консервативная администрация с огромным успехом переизбирается на новый срок в 49 штатах. В день, когда стали известны результаты, я вспомнил Уолта Уитмена: "Я слышу – Америка поет". (Смех.)

Этот великий поворот слева направо не был просто качани-

ем маятника – сначала левые, потом правые, а теперь опять левые. Истина заключается в том, что консервативные идеи находятся уже не справа. Сейчас они перебрались в центр и стали основным курсом.

Поток истории неудержимо движется в нашем направлении. Почему? Потому что у другой стороны нет идей. Им нечего сказать, нечего добавить к нашему спору. Они израсходовали свой интеллектуальный потенциал, если он вообще был в наличии. Больше им делать нечего. *(Смех.)*

Мы пришли сейчас к власти не потому, что они не сумели завоевать поддержку избирателей за прошедшие пятьдесят лет. Поддержку они имели. Результатом стал хаос, слабость и бесцельный дрейф. Их неудачи привели к прекрасному последствию: мы с вами, ребята. *(Смех.)* Сегодня мы находимся в этом зале и наживаем себе популярность не просто потому, что они обанкротились. Мы занимаем то место, которое должны занимать, потому что выиграла состязание идей. За последние десять лет неожиданно, без шума, можно сказать, просто чудом, Республиканская партия стала партией идей.

Мы стали партией самых ярких, неординарных молодых умов. Я помню, как всего несколько лет назад они суетились, исписывали каракулями салфетки *(Смех.)*, ходили на симпозиумы и спорили о том, почему социальные программы не помогают ликвидировать нищету, а усугубляют ее; писали трактаты о том, почему нелепые и противоестественные мысли работников социальной сферы столь нелепы и противоестественны. *(Смех.)* Вы и сами все это видели. Это были ваши идеи, ваши симпозиумы, ваши книги и, как правило, чужие салфетки. *(Смех.)*

Как-то неожиданно республиканцы превратились из защитников существующего положения в творцов будущего. Они вглядывались в завтрашний день с целеустремленностью изобретателей-первопроходцев. Честно говоря, они напоминали мне американских изобретателей XIX и XX веков, которые дали миру свет и сумели записать звук.

Новые консерваторы обновили связь между экономической справедливостью и экономическим развитием. Экономическое развитие, говорят они, создаст не только новые рабочие места и обеспечит зарплату, но и упрочит стабильность семьи, поможет укреплению оптимистического взгляда на будущее. Сократите налоги и дайте экономике превратиться в двигатель нашей мечты, говорили они. Снимите ограничения и поощрите свободную и открытую конкуренцию. Дайте возможность участникам рыночных отношений самим решать, чего они хотят.

Но наряду с этим была, пожалуй, даже более весомая победа современных консерваторов. Они воспрепятствовали попыткам левых ставить среднего американца в оборонительную позицию в отношении морали. Под средними американцами я имею в виду хороших, порядочных, непокорных и творческих людей, которые воспитывают детей, ходят в церковь, помогают местной библиотеке собирать пожертвования. Это люди, заинтересованные в улучшении как своей жизни, так и жизни окружающих.

Эти люди, искренне придерживающиеся своих убеждений и принципов, о которых в течение двадцати лет наши интеллектуалы говорили, что они безнадежно устарели, совершенно банальны и реакционны. Вы хотите закона Божьего в школе? Какой примитив, говорили они. Вы против абортот? Как жестоко, как несовременно. Норму стали выдавать за эксцентричность, и только ненормальное заслуживало подражания. Непочтительность превозносилась, но только непочтительность по отношению к определенным вещам: к организованной религии – да, а вот к либерализму господствующей верхушки – не очень. Они восхваляли свою смелость, стреляя по надежным мишеням, и похлопывали друг друга по плечу за то, что вместе метали камни в обескураженного Голиафа, слишком деморализованного и слишком положительного, чтобы отвечать тем же.

Но сейчас чувствуется, что американцы перестали быть обороняющейся стороной. Я думаю, что в этом отчасти заслуга и консервативного движения. Вы защищали постоянство от простого преобладания, а теперь, естественно, вы сами имеете большинство.

Мне кажется, что мы, консерваторы, овладели моментом, завладели воображением американцев. А дальше что? Как нам развивать наш успех? Теперь, когда консервативные идеи приняты как основные, когда народ нашей страны ведет борьбу за свободу, мы должны продвигаться дальше вперед.

Вспомните Шекспира:

В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда отлив наступит, лодка жизни
По отмели песчаной волочится.
Сейчас еще с приливом мы плывем.
Воспользоваться мы должны теченьем,
Иль потеряем груз*.

*"Юлий Цезарь", перевод М.Зенкевич.

Я говорил в... (*Аплодисменты.*) Типично, не правда ли? Я цитировал великого писателя, а как актер сорвал овации. (*Смех.*)

В моей речи о положении в стране я говорил о второй американской революции, а теперь настало время начать эту революцию и сделать так, чтобы она получила продолжение. Если мы решительно пойдем вперед, эти годы не превратятся просто в эпоху благих пожеланий, просто в несколько хороших лет, а станут настоящим золотым веком свободы.

Пробил наш час, и мы должны воспользоваться моментом. Предстоит много работы. Нам нужно продлить и защитить процветание нашей страны, чтобы это не был просто очередной этап, обычная передышка между двумя падениями. Мы должны двигаться вперед, взять инициативу и сделать Америку инвестиционной столицей мира.

Мы должны принять справедливую налоговую систему, а нынешнюю выбросить вон. Мне кажется, что упрощенная налоговая система с понижающимися ставками получила бы поддержку в нашей стране, такая система имела бы более широкую основу, при которой каждый честно платит не более того, что с него причитается. Мы должны ликвидировать непроизводительные налоговые прикрытия. Вполне естественно, здесь тоже мы получим поддержку американцев, потому что американцы – народ справедливый.

Мы должны создать зоны предпринимательства и утвердить минимальные ставки для молодежи, с тем чтобы оживить районы массовой безработицы и дать возможность молодежи получить работу. Мы собираемся донести нашу революцию до народа, до всего народа. Мы собираемся обратиться к чернокожим американцам и к представителям национальных меньшинств, чтобы доказать свою правоту.

Быть революционером – это значит сознавать, что ты не должен через силу принимать избитые, устаревшие идеи прошлого. Одна из таких идей в том, что оппозиция захватила черную Америку и национальные меньшинства, что она ими полностью владеет.

Так вот, позвольте мне вам заявить, что у них нет ничего, кроме прошлого. Старые союзы более недействительны, если они вообще существовали.

Мы собираемся справиться с трудностями, и нам нужна ваша помощь. Консерваторы всегда ненавидели дефицит и правильно делали. Мы всегда считали, что в Вашингтоне несбалансированы две вещи – бюджет и либералы. (*Смех.*)

Но, поднимая налоги, мы не можем сократить дефицит. И, чтобы поставить все точки над "i", позвольте мне повторить сегодня специально для тех, кто, похоже, так и не понял: повышая налоги, мы не сократим дефицит. Большие налоги нужны нам, как Джону Маклафлину* – курсы повышения квалификации.

Независимо от того, будет ли правительство занимать деньги или увеличивать налоги, ему все равно надо будет получить на расходы ту же сумму с частных предприятий. В любом случае это слишком много. Нам нужно сократить государственные расходы. Нам необходима поправка к конституции, обязывающая принимать сбалансированный бюджет. Именно этого требуют сорок девять штатов, и нет оснований для того, чтобы центральное правительство смотрело на эту проблему иначе.

Нам нужно узаконить право постатейного вето, которое имеют уже сорок три губернатора, и нет никаких оснований не иметь его президенту. Мы должны сократить бессмысленные расходы. Комиссия Грейса обнаружила, что мы можем сэкономить миллиарды долларов, которые расходуются сейчас бессмысленно.

Но мы нуждаемся в вашей помощи не только по вопросам внутренней политики. Все мы, собравшиеся здесь, выросли и возмужали в то время, когда доктрина Маркса – Ленина разделила мир. Она безжалостно подавила некоторые регионы. Попытка Советов оправдать свою тиранию выражена в печально известной доктрине Брежнева, которая подразумевает, что, если страна попала во мрак коммунизма, ей уже никогда не будет позволено увидеть свет свободы.

Мне кажется, что история уже начала отвергать эту доктрину. Началось это на Гренаде. Когда мы ввели туда свои силы, возвратили народу законное правительство и спасли своих собственных студентов, мы всего лишь исполнили свой долг соседа и миролюбивой страны. Мы вернули свободу этому острову. Конечно, это всего лишь небольшой остров, но ведь мир и состоит из маленьких островков, стремящихся к свободе.

Многое еще предстоит сделать. По всему миру Советский Союз, его агенты и союзники заняли оборону – в духовной, интеллектуальной, политической и экономической областях. Поднимаются и заявляют о себе освободительные движения.

---

* Джон Маклафлин – ответственный редактор журнала "Нэшнл ревью" в Вашингтоне.

Это происходит почти на всех обитаемых континентах – в горах Афганистана, в Анголе, в Кампучии, в Центральной Америке. Упомянув о борцах за свободу, скажу, что все мы сегодня имеем честь принимать у себя в гостях одного из отважных командиров афганских борцов за свободу – Абдула Хака. Абдул Хак, мы с вами!

Борцы за свободу – наши братья, и мы должны оказать им помощь. Недавно я говорил о борцах за свободу в Никарагуа. Вы знаете всю правду о них. Вы знаете, с кем они воюют и за что. Их дух – это дух наших отцов-основателей и отважных бойцов французского Сопротивления. Мы не можем отвернуться от них, потому что идет борьба не правого с левым, а за правое дело против неправого.

Я выступаю против отправки войск в Центральную Америку. Они там просто не нужны. Народ этого региона сам может вести свою борьбу, если у него будут возможности и оружие. Бойцы у них есть. Они способны сражаться. За их спиной – народ их страны. Им нужна только наша поддержка. Им нужно лишь доказательство того, что мы так же заинтересованы в борьбе за свободу в семистах милях от наших берегов, как Советы заинтересованы в борьбе против свободы в пяти тысячах миль от их берегов. Им нужно знать еще, что США поддерживают народ региона не только красивыми словами и добрыми пожеланиями. Нам необходима ваша помощь, я имею в виду каждого из вас – заинтересованных, активных, сильных, готовых выступить и убеждать. Нам нужно даже больше.

Все вы знаете, что мы разрабатываем сейчас неядерные технологии, которые позволят нам защитить американскую землю и землю наших союзников от баллистических ядерных ракет. Логика развития событий заставила меня поверить в эту новую оборонительную систему, стратегическую оборонную инициативу, которая является наиболее перспективной идеей последнего времени. Основной ее принцип ясен. Если на нас кто-то нападет, стратегическая оборона защитит нас. Она даст возможность спасти миллионы жизней.

СОИ критикуют на том основании, что она может помешать достижению соглашения с Советским Союзом об ограничении вооружений. Но в самой СОИ заключено ограничение вооружений. Если СОИ эффективна, скажем, на 80%, любое советское нападение провалится. Даже частичный успех СОИ укрепит наши позиции в сдерживании противника и послужит сохранению мира. А если наши исследования по СОИ окажут-

ся успешными, возможность действительного сокращения американских и советских ядерных сил возрастет многократно.

Говорят, что СОИ нанесет удар по так называемому балансу сил между Востоком и Западом. Давайте порассуждаем. Сейчас советские расходы на стратегическую оборону и на наступательные ядерные вооружения приблизительно равны. Если у нас не будет собственной обороны, сохранение такого соотношения может в скором времени нарушить равновесие между Востоком и Западом. Будет ли нам угрожать равновесие в обороне? Нет, поскольку мы не собираемся применять силу первыми.

По мере продвижения к нашей цели – к неизбежному уничтожению ядерного оружия – каждая из сторон будет сохранять некоторое число ракет, известную оборонительную или, скажем, разрушительную мощь. Но строить все больше и больше ракет не будет иметь смысла ни той, ни другой стороне.

Мы ожидали, что наши оппоненты слева ухватятся или, по крайней мере, отнесутся с пониманием к системе, которая может сократить размеры ядерных ракетных сил с обеих сторон и значительно укрепить шансы на реальное сокращение вооружений. Между тем выдвигают демагогические обвинения в том, что СОИ перенесет войну в космос, ей придумывают все новые уничижительные названия.

Приводится довод, что система не будет работать, а это странно слышать от людей, которые всегда верили в возможность усовершенствовать человека, который, по их мнению, на самом деле был только винтиком. *(Смех.)* А человеком-винтиком настолько проще манипулировать. Они говорят, что система не будет стопроцентно эффективной, что тоже странно, потому что они не требовали стопроцентной эффективности от своих социальных экспериментов. *(Смех.)* Они говорят, что СОИ находится в стадии разработки и не сможет изменить положение в ближайшее время. Как я и сказал месяц назад, на это есть только один ответ: "Тогда давайте уже приступим к осуществлению".

Я не намерен подвергать сомнению чужие аргументы. Но трудно понять, по какой причине наши оппоненты возражают против поисков путей, ведущих к отказу от ядерного оружия, как метода сдерживания. Как мне кажется, истина в том, что им трудно принять любую идею, которая противоречит прошлому, которая подрывает единое мнение и коллективно выработанную мудрость. Другими словами, им трудно и страшно изменить статус-кво.

А что прикажете нам делать, если эти так называемые глашатаи избитой философии выступают по телевидению и в газетах, высказывая свою неприязнь и постоянно возникающие сомнения? Что тут можно сказать. Для того, чтобы победить на выборах, нужно просто положиться на здравый смысл американского народа. И можно быть совершенно уверенным, что американский народ понимает все правильно. Я знаю, это нескромно, но мне хочется верить, что сорок девять из пятидесяти наших штатов проявили здравый смысл несколько месяцев назад. *(Смех.)*

Все мы, находящиеся в этом зале, должны пойти к народу и рассказать ему о СОИ. Объяснить, что это такое, поспорить о ней, сообщить американцам факты. Это, пожалуй, самая важная наша работа на ближайшие несколько лет. И если мы сделаем это, мы добьемся успеха. Так что впереди у нас много работы. Но если мы возьмемся за нее вместе и будем самоотверженно трудиться, мы сумеем навсегда изменить и нашу страну, и историю.

Однажды во время предвыборной кампании я сказал: "Как прекрасно жить в наше время". Я действительно так думаю. Нам повезло, что мы живем не в спокойные, застойные времена. Нам дарована возможность бороться – бороться за наши права, за свободу и справедливость. Это то, за что стоит сражаться, чему стоит посвятить жизнь. И у нас есть все основания надеяться и смотреть в будущее с оптимизмом.

Мы уже многого добились. Так что давайте пойдем дальше, весело и смело отстаивая свои принципы, мы готовы вернуть свободу стране и миру.

Спасибо вам. И да благословит вас Господь.

Выступление на поминальной службе по бойцам 101-й воздушно-десантной дивизии

Форт-Кэмпбелл, штат Кентукки
16 декабря 1985 года

Почему под Рождество случается так много трагедий? Вы, должно быть, помните о случае с самолетом, перевозившим наших солдат домой на праздники. 12 декабря в 18.45 самолет разбился после заправки в Гандере, Канада. Через несколько дней я вместе с семьями и друзьями погибших присутствовал на поминальной службе.

Многие благодарили потом Нэнси и меня за то сострадание, которое мы проявили к семьям погибших. Говоря с этими скорбящими людьми, я старался ободрить их, внушить им мысль о том, что их родные и любимые отдали жизнь не напрасно. Слова помогали, как помогало и простое участие, когда я поочередно подходил к родным погибших солдат и выражал им свои соболезнования. Сколько же людей с плачем утыкалось мне в грудь.

Я не помню, когда это случилось – то ли в этот раз, то ли после гибели членов команды "Старка", то ли после трагедии "Чэлленджера". Помню только, что мы с Нэнси подходили то к одному, то к другому из присутствующих, выражая сочувствие и пытаясь помочь. Вдруг мы оказались около маленького мальчика. Когда я взял его за ручку, он сказал: "Пожалуйста, верните папу домой". Боль, которую я испытал в тот миг, не поддается описанию.

Мы находимся здесь от имени народа Америки. Мы здесь потому, что погибли американские солдаты, возвращавшиеся домой после трудной службы. Сейчас, пожалуй, вся Америка знает о трагедии. Большинство молодых людей, которых мы сегодня оплакиваем, возвращались домой, чтобы провести Рождество со своими семьями. Когда вылетали из Каира, они были полны радости и веселья, и те, кто видел их во время последней посадки самолета, говорят, что они распевали рождественские гимны. Они были счастливы. Они возвращались к родным и любимым.

И вдруг – авария, приспущенные флаги, глухие рыдания, и мы удивляемся: “Как это могло случиться? Почему?” Мы подавлены этой трагедией. Это – невосполнимая утрата, потому что погибли не только 248 человек, погибли их талант, их мудрость, их идеалы. Утрачен их опыт, их огромный романтизм, потому что кто, как не романтик, пойдет служить в армию и будет подвергать свою жизнь опасности ради нас с вами? Кто, как ни идеалист, возьмется за выполнение сложной операции, ставящей своей целью поддержание мира, а не завоевание территории?

Некоторые люди представляют себе военнослужащих просто как жестоких в своей смертоносной профессии бойцов. Люди, которых мы сегодня оплакиваем, были миротворцами. Их направили туда, чтобы защитить право на жизнь и сохранить мир, они были силой стабильности, надежды и доверия. Они были столь же верны своему делу, сколь благородны их цели. Они гордились тем, что делали. Трудности были предначертаны судьбой, но они не отступали. Их работа была прекрасным проявлением иудейско–христианских традиций. Они были теми, о ком Христос сказал: “Благословенны будут миротворцы, потому что их назовут детьми Господними”.

Человечество нередко переживает трагедии, но почему–то они всегда приходят неожиданно и бьют по самому больному. Сегодня потрясены случившимся и те из нас, кто не потерял родных и близких – ни брата, ни сына, ни дочери, ни друга, ни отца. И все мы скорбим вместе с вами. Ваше горе больше нашего, но мы молимся о том, чтобы нынешнее Рождество нашло путь к вашим скорбящим сердцам и напомнило о былом благополучии, напомнило вам о годах, прожитых рядом с этими молодыми людьми, о том, как приятно было слышать их смех, видеть их радость, быть свидетелями их доброты. Вы и сами –

частица их жизни. И, вспоминая сейчас о радости, которую они делили с вами, не забудьте и о тех радостных моментах, которые дарили им вы, и возрадуйтесь. Потому что любовь не пропадает, любовь не уходит в песок. Любовь продолжает жить, продолжает светить нам сквозь печаль. С момента своего рождения любовь всегда с нами, она помогает нам выплыть в половодье и придает силы в час испытаний.

Вы не одиноки в вашей печали. Скорбит вся нация, и вся нация прощается с теми, кто погиб на службе родине. В жизни они были героями, в смерти они стали нам еще дороже, еще любимее. Они были счастливы, они пели, возвращаясь домой. Помолимся: "Прими, о Господи, в свое небесное царство военнослужащих 101-й воздушно-десантной, мужчин и женщин великой и славной дивизии "Клекочущие орлы". Они вознеслись выше всех смертных на крыльях ангелов, направляясь к месту последнего пристанища. Наверное, сейчас они поют.

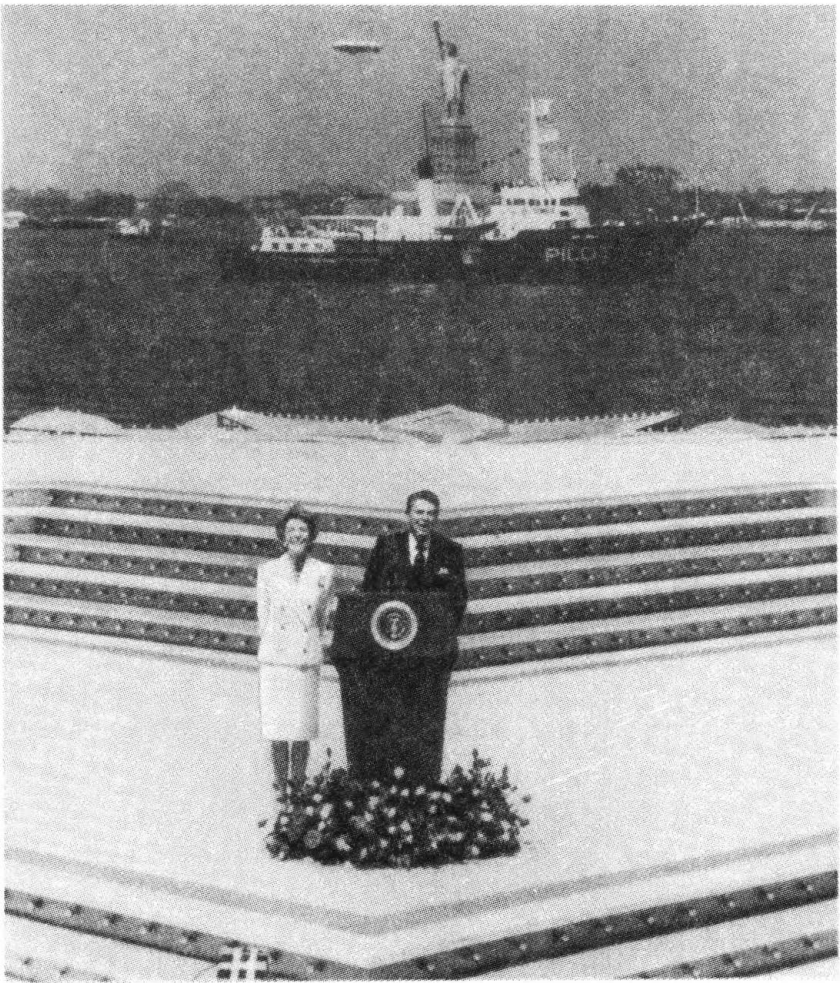
Я понимаю, что нет слов, которые смогли бы притупить вашу боль и утешить вашу печаль. Как мне хотелось бы найти такие слова. Но в одном мы можем быть уверены. Говоря словами поэта о других молодых солдатах в другой войне:

Они не постареют, будут юными всегда.

Мы же помнить будем Души павших в длани Господа.

Благослови вас Бог!

1986

Обращение к нации в связи с операцией американской авиации против Ливии

Овальный кабинет
14 апреля 1986 года

Если бы меня попросили назвать худший год на посту президента, я назвал бы 1986-й. Трагедия "Челленджера" повергла нацию в шок, вызвала скорбь и сомнения. Когда демократы овладели обеими палатами конгресса, республиканцы потеряли контроль над сенатом, что сделало решение сложных вопросов еще более трудным. Моя встреча с Горбачевым в Исландии не заладилась и закончилась разочарованием. Кроме того, стало раскручиваться дело "Иран-контрас". С другой стороны, мы провели историческую налоговую реформу, состоялась самая трогательная и торжественная на моей памяти церемония, когда после ремонта вновь была открыта статуя Свободы.

Одним из важнейших событий года стала наша бомбежка Ливии. У нас были неопровержимые доказательства того, что полковник Каддафи несет ответственность за организацию взрыва в западногерманском танцклубе, в результате которого погибли американские военнослужащие. У нас были также доказательства того, что террористы Каддафи обстреляли аэропорт. У них были тунисские паспорта, те самые, которые Каддафи реквизировал, когда выслал из Ливии тунисских рабчих.

Мы должны были продемонстрировать ему, что такие вещи не делаются безнаказанно. Мы совершенно не собирались бомбить жилые дома, включая и его собственный, хотя, скажу честно, я бы вовсе не опечалился, если бы та случайная бомба,

которая угодила в его палатку, накрыла бы и его. Должен сказать, что после нападения он поутих. Я думаю, он достаточно разумен, чтобы все понять. Теперь всякий раз, когда мы будем иметь доказательства его причастности к террористическим актам, мы будем наносить ответный удар.

Сограждане американцы!

В семь вечера по восточноамериканскому времени авиационные и военно-морские силы Соединенных Штатов нанесли серию бомбовых ударов по штабным зданиям и базам террористов, по военным объектам, обеспечивающим подрывную деятельность Муамара Каддафи. Удары были тщательно рассчитаны таким образом, чтобы до минимума сократить возможные жертвы среди народа Ливии, с которым у нас нет никаких противоречий.

По предварительным данным, наши войска справились с задачей. Несколько недель назад в Новом Орлеане я предупредил полковника Каддафи, что мы будем считать его режим ответственным за любые новые террористические действия в отношении американских граждан. Совсем недавно я дал ясно понять, что мы дадим отпор терроризму, как только точно определим, кто несет ответственность за такие действия.

5 апреля в ночном клубе Западного Берлина, куда часто ходили американские военнослужащие, взорвалась подложенная террористами бомба. Сержант Кеннет Форд и молодая турчанка были убиты, а 230 человек – ранены, в том числе 50 американских военнослужащих. Эта зверская жестокость – последнее из целого ряда преступлений, совершенных режимом полковника Каддафи в рамках его политики террора. Сейчас имеются неопровержимые доказательства того, что террористический акт в ночном клубе "Ла Белль" был спланирован и осуществлен по прямому указанию ливийского режима. Более чем за неделю до взрыва, 25 марта, из Триполи в Народное бюро Ливии в Восточном Берлине был направлен приказ о проведении такого террористического акта против американцев, который привел бы к возможно большему числу жертв. Исполняя приказ, ливийские агенты заложили бомбу. 4 апреля

Народное бюро проинформировало Триполи о том, что нападение будет совершено на следующее утро. На следующий день они доложили в Триполи об успехе операции.

Мы располагаем прямыми, точными и неопровержимыми доказательствами. У нас также есть свидетельства того, что Каддафи планировал и другие нападения, в частности, на американские сооружения, на дипломатов и даже на американских туристов.

Благодаря тесному сотрудничеству с нашими друзьями некоторые из этих нападений удалось предотвратить. С помощью французских властей мы недавно сорвали одно такое нападение: планировалось использовать огнестрельное оружие и гранаты для массового убийства людей в очереди за визами у американского посольства.

Полковник Каддафи является врагом не только Соединенных Штатов. Его подрывные и агрессивные действия против соседних африканских стран также имеют документальное подтверждение. По его приказу совершались убийства его соотечественников-ливийцев во многих странах. Он санкционировал террористические акты как в Африке, Европе и на Ближнем Востоке, так и в Западном полушарии.

Сегодня мы поступили так, как должны были поступить. Если будет необходимость, мы сделаем это вновь. Мне не доставляет никакого удовольствия говорить об этом и хотелось бы, чтобы это не повторилось.

До того как Каддафи захватил власть в 1969 году, народы Ливии и Соединенных Штатов были друзьями. И я уверен, что многие ливийцы испытывают чувство стыда и неприязни за то, что из-за этого человека их страна стала синонимом варварства для народов всего мира. Народ Ливии – это честный народ, попавший в лапы тирана.

Я выражаю глубокую благодарность американского народа нашим европейским друзьям и союзникам, которые помогали нам в сегодняшней операции. Европейцы, которые помнят последний взрыв лучше других, знают, что не может быть ни безопасности, ни спокойствия, когда потакают злу. Западные страны должны не потакать терроризму, а бороться с ним, и это должно стать основополагающим принципом их политики. Для проведения такой политики свободные люди и свободные нации должны объединиться и действовать сообща.

Иногда можно услышать, что, вводя санкции против полковника Каддафи или совершая удары по базам террористов,

мы только повышаем значимость этого человека, что правильнее было бы игнорировать его. Я не согласен с этим. Задолго до моего вступления в должность полковник Каддафи участвовал в актах международного терроризма, в актах, которые закрыли ему путь в цивилизованное общество. В течение многих лет, однако, он не подвергался ни экономическим, ни политическим, ни военным санкциям, и число его преступлений росло, как росло и число невинных жертв. Поэтому оставить без ответа убийство американских граждан и американских солдат, будь то в ночном клубе или в аэропорту, мы просто не могли. Это противоречило бы американским традициям. До тех пор, пока я нахожусь в Овальном кабинете, мы будем отвечать на любые оскорбления и давать достойный отпор нападениям на наших граждан, совершенных по прямым указаниям враждебного нам режима, где бы они ни совершались. Самооборона – не только наше право, это – наша обязанность. Именно поэтому мы провели сегодня эту операцию, которая, кстати, полностью соответствует статье 51 Устава ООН.

Мы верим, что эти превентивные действия, направленные против баз террористов, не только сократят возможности полковника Каддафи экспортировать терроризм, но и заставят его задуматься о пересмотре своего преступного поведения. Я не питаю иллюзий относительно того, что благодаря сегодняшней акции закончится ужасное правление Каддафи. Но эта операция, пусть жестокая, может сделать мир более безопасным и спокойным для правоупослушных граждан. Мы добьемся своего.

Сегодня днем мы консультировались с лидерами конгресса относительно того, что мы предполагаем делать и почему. Сегодня вечером я приветствую служащих наших вооруженных сил, профессионализм и опыт которых позволили успешно провести эту операцию. Для меня большая честь быть вашим верховным главнокомандующим.

Нас, американцев, трудно разозлить. Мы всегда ищем мирные методы разрешения конфликтов, прежде чем применить силу. Мы пробовали дипломатические меры, общественное осуждение, экономические санкции и демонстрировали военную силу. Ничто не помогло. Несмотря на наши неоднократные предупреждения, Каддафи продолжал свою безрассудную политику запугивания, свой безжалостный терроризм. Он рассчитывал, что Америка останется пассивной. Его расчеты не оправдались.

Я обещал, что на Земле не останется места, где террористы смогли бы найти себе пристанище, где бы они смогли отдыхать и совершенствовать свои навыки по организации убийств. Я действительно имел это в виду. Я говорил, что, если это возможно, мы будем действовать вместе с другими, но при необходимости будем работать и в одиночку. В любом случае, мы лишим террористов убежища. Сегодня мы это сделали.

Благодарю вас. Да благословит вас Господь!

Обращение к нации в связи с аварией "Чэлленджера"

Овальный кабинет
28 января 1986 года

Вид взрывающегося "Чэлленджера" навечно врежется в нашу память. Через несколько дней после взрыва я присутствовал на поминальной службе в Хьюстоне. Я стоял рядом с Джейн Смит, женой Майкла Смита – члена команды "Чэлленджера". Она преподнесла мне самый замечательный подарок – маленькую открытку – 8x13, которую ее муж написал перед полетом и оставил на туалетном столике. Он писал о важности полета. Это был подарок настолько личный, настолько дорогой, что мне даже неудобно было оставлять его у себя. Я сделал копию и вернул ей оригинал. Никогда не забуду, как великодушно она отдала мне это свидетельство последних дней своего мужа.

Предлагаемое послание к народу я произнес по национальному радио и телевидению через несколько часов после катастрофы.

Дамы и господа!
Сегодня вечером я намеревался представить вам послание "О положении страны", но утренние события заставили меня переменить планы. Сегодня день траура и скорби.

Нэнси и я до глубины души потрясены гибелью космиче-

ского корабля "Чэлленджер". Мы знаем, что скорбью охвачены все американцы. Это поистине национальная трагедия.

Почти ровно девятнадцать лет назад мы потеряли троих астронавтов в ужасной катастрофе, случившейся на земле. Но ни один астронавт не погиб в полете – у нас до сих пор не случилось подобных трагедий. Может быть, поэтому мы забыли, сколько мужества требуется экипажу космического корабля. Семерка "Чэлленджера" знала о многих опасностях, но сумела преодолеть их и блестяще справилась со своей работой. Вот имена семерых героев: Майкл Смит, Фрэнсис Скоби, Джудит Резник, Рональд Макнэйр, Эллисон Онизука, Грегори Джарвис и Криста Маколифф. Мы все скорбим о них.

Ничто не в силах умерить боль родственников погибших. Но я хочу сказать им: это и наша потеря, поэтому мыслями мы обращаемся к вам. Ваши родные были наделены отвагой и мужеством, они обладали особым духом, который взывал: "Пошли мне испытание, и я встречу его с радостью". Ими двигала жажда познания Вселенной и ее сокровенных тайн. Они стремились к служению и добились своего. Это было служение всем нам.

В нашем веке мы успели привыкнуть к чудесам. Нас трудно чем-нибудь поразить. Но длаясь вот уже 25 лет американская программа освоения космоса всегда нас поражала. Мы жили с мыслью о космосе, забыв, что сделали всего лишь первые шаги. Мы еще пионеры. Члены экипажа "Чэлленджера" были первооткрывателями.

Я хочу обратиться к американским школьникам, смотревшим прямой телерепортаж о запуске космического корабля многоцелевого использования. Понимаю, как все это тяжело постичь, но иногда подобные трагедии происходят. Они тоже часть процесса познания и исследования, часть риска, который берут на себя смельчаки, раздвигающие горизонты для человечества. Будущее принадлежит отважным. Команда "Чэлленджера" устремила нас в будущее, и мы продолжим их путь.

Я всегда верил в нашу космическую программу и испытывал глубокое уважение к людям, осуществляющим ее. То, что произошло сегодня, не поколебало моего отношения. Мы не скрываем свою космическую программу, не таим секретов, не действуем вдали от людских глаз. Мы все делаем на виду. Таково требование свободы, и мы не отступим от него ни на шаг.

Мы продолжим космический поиск. Будут новые полеты

новые экипажи астронавтов, и в их числе – больше добровольцев, больше гражданских лиц, больше учителей. Сегодня рано ставить точку, наши надежды не угасли, и полеты во Вселенную будут продолжаться.

Мне хотелось бы обратиться персонально к каждому работнику НАСА, к каждому из тех, кто готовил сегодняшний полет, с такими словами: ваше усердие и профессиональное мастерство на протяжении десятилетий восхищали нас. Мы понимаем ваши душевные муки и разделяем их.

Бывают исторические совпадения. В этот день 390 лет назад великий первооткрыватель сэр Фрэнсис Дрейк умер на борту корабля у берегов Панама. При его жизни океаны были неодолимой стихией, и позже биограф скажет о Дрейке: "Он жил морем, и умер в море, и похоронен в нем". Сегодня мы можем сказать об экипаже "Чэлленджера": они, как и Дрейк, отдали себя целиком своему делу.

Космический экипаж ушел из жизни столь же достойно, как и жил. Мы никогда не забудем их, они запомнятся нам такими, какими мы их видели последний раз сегодня утром, когда они приготовились в путь, помахали нам на прощание и "вырвались из земных пут, чтобы коснуться Божьего лика".

Выступление на обеде в честь Томаса О'Нила

Вашингтон, округ Колумбия
17 марта 1986 года

Тип О'Нил – бывший лидер большинства в палате представителей (спикер) – демократ старой школы. Таких, как он, теперь не сыщешь. Не хочу сказать, что сожалею об этом. Но он человек интересный, и в этом надо отдать ему должное.

После вступления в должность я разговаривал с Типом у него в кабинете на Капитолийском холме. А потом мы с Нэнси пригласили Типа и его жену Милли на обед в Белый дом. И вот однажды я с удивлением прочел в газете, что Тип по какому-то вопросу разнес меня в клочья. Я тут же позвонил ему: "Тип, я думал, мы с тобой друзья", на что он ответил: "Это политика, старик, а друзья мы после шести вечера".

Когда он приходил ко мне, я переставлял часы на "после шести".

Досточтимые святые отцы, господин премьер-министр*, господин спикер, дамы и господа! Я хочу признаться, что меня очень тронуло желание Типа пригласить меня сегодня сюда. (Смех.) Да, да. Он сам позвонил мне на той неделе и сказал: "Господин президент, постарайтесь быть на обеде во вторник вечером". (Смех.)

---

*Здесь – премьер-министр Ирландии Гаррет Фицджеральд.

Честно говоря, я всегда чувствовал, что Тип где-то за моей спиной. Это бывало даже, когда я зачитывал обращение "О положении страны". Я знаю, что, услышав мое очередное предложение, он шепчет Джорджу Бушу: "Забудь об этом. Ничего не выйдет. Полная чушь". (Смех.)

Я думаю, мы неизбежно подеремся с ним. Представьте себе, как один ирландец загоняет в угол другого в Овальном кабинете. (Смех.) Но, несмотря на все это, Тип хотел видеть меня сегодня. Он сказал, что, так как это будет 17 марта*, обязательно должен прийти кто-то, лично знакомый со святым Патриком. (Смех.) Ты прав, Тип, я действительно знал святого Патрика. Мы оба перешли в другую политическую партию примерно в одно время. (Смех.)

У нас с Типом действительно есть политические разногласия. Естественно, я говорил что-то о Типе, и он тоже говорил кое-что обо мне. Но все это в прошлом. В любом случае, вы знаете, как это бывает. Все забывается. (Смех.) Я просто следую старому принципу "прости и забудь". Наверное, нужно говорить "забудь и прости". (Смех.)

Дамы и господа, вы знаете, что мы с Типом давно уже подшучиваем друг над другом. Я надеюсь, вы знаете также, как я хотел бы, чтобы это продолжалось еще многие годы. В конце концов, легкое подшучивание – признак привязанности. Так поступают все друзья. Господин спикер, я благодарен вам за то, что вы позволяли мне в прошлом и, надеюсь, будете позволять в будущем называть вас другом. Мне кажется, что наша дружба отражает характер политической системы, частью которой мы оба являемся, и характер страны, в которой мы живем, страны, которая позволяет двум не очень-то застенчивым и не таким уж старым ирландцам высказывать свои взгляды по определенным вопросам, а не выяснять отношения друг с другом или с согражданами.

Но я хотел прийти сюда не только для того, чтобы превозносить нашу страну и дружбу, я пришел сюда и для того, чтобы поприветствовать Типа О'Нила, поблагодарить его за многолетнюю, беззаветную службу родной стране. Тип, конечно же, занимался политикой значительно дольше меня. (Смех.) Он знал искушенных в своем деле людей, знал и тех, кто не понимал, за что взялся. Он был знаком с теми, кто любил политику, и теми, кто пришел в нее из чувства долга. Тип стал жизненно важной составной частью американской политической истории, которую он несомненно обогатил.

---

* День святого Патрика.

И все же Тип О'Нил представляет значительно больше, чем просто историю нашей политической жизни. Глубоко в памяти он хранит воспоминания о таких местах, как южный Бостон, доки, пирсы, он помнит тех, кто сходил с пароходов в бостонской бухте в поисках лучшей земли и лучшей жизни для своих детей. Те люди нашли это лучшее будущее. Они поднялись над предубеждениями и трудностями.

Тип был свидетелем того, как один из его ровесников стал президентом – Джону Ф. Кеннеди было бы сейчас шестьдесят восемь лет. Те золотые деньки Тип помнит лучше многих, сидящих сейчас в зале. А потом, некоторое время спустя, появилась еще один выходец из эмигрантов и стал спикером палаты представителей. За короткое время появилось удивительно много руководителей одной национальности из одного города, из одного института. Как хорошо, что Бостонский колледж, чьи башни на холмах помогли достичь поистине заоблачных высот, олицетворяющий для стольких вновь прибывших символ движения вперед и вверх, стал спонсором этого праздника в честь Типа О'Нила. Тип, ты настоящее дитя Бостонского колледжа и наш друг. Мы приветствуем тебя. Мы уважаем тебя и за то, что ты лидер нации. Ты олицетворяешь суть Америки, ее надежду. Мы гордимся тобой, мой друг, мы тобой гордимся.

Спасибо. И да благословит вас Господь!

Выступление на праздновании столетия статуи Свободы

Остров Говернорс
3 июля 1986 года

Это было одним из самых грандиозных событий, на которых мне довелось присутствовать за время моего президентства. Я испытал поистине огромный духовный подъем, когда снимал покров с прекрасной дамы и зажигал ее факел. Тысячи и тысячи людей, пришедших на праздник, поддержали этот настрой. Полицейские рассказывали, что, несмотря на огромное скопление народа, давки не было. Каждый старался, чтобы все прошло гладко.

В эти дни у нас было несколько встреч в этом районе, и каждый раз наш вертолет облетал статую. Я был заворожен. Я никогда не замечал, насколько она женственна, и сказал Нэнси: "Это вторая женщина в моей жизни".

Спасибо. Спасибо Ли Йакокке* от имени всей Америки.
Господин президент и мадам Миттеран, сограждане!

Когда рабочие из Нью-Йорка и Нью-Джерси приехали сюда для реставрационных работ, они были очень удивлены и немного обескуражены, увидев французских специалистов.

---

* Председатель "Фонда статуи Свободы и острова Эллис", который собирал средства на реставрацию статуи.

Жан Виар, руководитель французских рабочих, сказал, что его люди сразу все поняли. "А как бы чувствовали себя французы, если бы американцы приехали помогать реставрировать Эйфелеву башню?" – заметил он.

Но по мере того как американцы и французы лучше узнавали друг друга, их взаимные симпатии росли, и увеличивались шансы на успех. Американцам напомнили, что мисс Свобода, как и миллионы тех, кого она приветствовала первой у этих берегов, родилась за границей и приехала сюда на деньги рабочих, крестьян, лавочников и детей, по грошу собравших сотни тысяч франков на ее поездку. Своим появлением эта статуя обязана простым французам, которые пожертвовали своим карманом и отдали частичку своих сердец.

Французские рабочие тоже открыли для себя кое-что новое. Месье Виар сказал журналистам, что вместе со своими соотечественниками он многое узнал на острове статуи Свободы. Впервые французы работали рядом с людьми еврейского, итальянского, ирландского, русского, польского, индейского происхождения, с чернокожими. "Просто удивительно видеть людей самых разных национальностей, которые так хорошо уживаются вместе и вместе работают", – говорил он.

Это то, что мы любим в Америке. Приятно сознавать, что мисс Америка вселяет в нас мечту о новом мире, где старый антагонизм отвергнут и люди всех национальностей живут единой семьей.

Особенно хорошо, что американцы и французы вновь получили здесь этот урок. Президент Миттеран! За два столетия французы и американцы выковали прочную дружбу. В 1700-х Франция была повивальной бабкой нашей свободы. В двух мировых войнах Америка была рядом с Францией, когда та сражалась за свою жизнь и за будущее цивилизации. В наши дни, господин президент, ваши соотечественники с любовью ухаживают за последним пристанищем более чем 60 тысяч американцев, покоящихся под белыми крестами и звездами на земле Франции. Это напоминание о том, что со времен Лафайета мы вместе сражались и жертвовали собой ради свободы. Сегодня, когда мы празднуем дружбу между нашими двумя странами, мы произносим слова молитвы: Да будет так во веки веков. Да благословит Бог Америку. "Vive la France"*.

И все же, друзья мои, нас свела здесь не только дружба двух народов, но дружба всех народов. Мы празднуем сегодня

* Да здравствует Франция (франц.).

нечто большее, чем просто восстановление внешнего величия этой статуи. Один из рабочих, реставратор мрамора Скотт Аронсен, очень хорошо сказал: "Я вырос в Бруклине и никогда не бывал у статуи Свободы. Но когда в первый день я пришел сюда на работу, я вспомнил о своих предках, проплывавших мимо этого острова". Пожалуй, нет среди нас человека, который не вспомнил бы своих бабушек и дедушек, приехавших сюда со всего света и для которых статуя Свободы была первым, что они увидели в Америке.

"Ее силуэт выделялся на небе, – писал один из эмигрантов, вспоминая тот день, когда он, стоя на палубе, смотрел с парохода на статую Нью-Йорка. – Мы проплыли мимо нее очень медленно, и нам, конечно, пришлось посмотреть вверх. Она была прекрасна". Другой рассказывал, как все пассажиры их парохода бросились к одному борту, чтобы посмотреть на свою новую родину и на нее. "Все плакали. Пароход наклонился к ней. В утреннем свете она была прекрасна".

Для миллионов возвращавшихся домой путешественников, особенно для солдат, участвовавших в войне, она имела особое значение. Молодой капитан артиллерии времен первой мировой войны описывал, как на транспорте, плывущем из Франции, даже самые закаленные бойцы не могли сдержать слез. "Никогда не видел ничего более прекрасного, писал пехотинец Гарри Трумэн своей невесте Бесс в Индепенденс, штат Миссури, – чем статуя Свободы в Нью-Йоркской бухте".

Вот поэтому мы сегодня и отдаем дань матери всех отверженных, которая высоко держит факел у золотой двери. Многие из нас видели фотографию, опоясанного страховочным поясом рабочего, который балансировал на тонкой металлической перекладине лесов, пытаясь поцеловать мисс Свободу в лоб. Тони Сорачи, внук итальянских эмигрантов, сказал, что он очень гордится своим поступком, что теперь "ему есть, что рассказать внукам".

Те же чувства испытывает и Роберт Керни, который работал здесь после серьезной болезни. Надо сказать, что он раздал посетителям на 10 тысяч долларов памятных значков. Роберт Керни рассказал историю, которая во многом подтолкнула его совершить этот поступок. На предыдущей работе вместе со своим другом по имени Блэки он строил объект в Хобокене. С крыши здания, на котором они работали, была видна бухта, и каждое утро Блэки бросал взгляд через бухту, отдавал честь и говорил: "Это моя любимая девочка".

На самом деле она – любимая девочка каждого из нас. Мы иногда забываем, но ведь те, кто первыми приехали сюда, тоже были чужестранцами. Я говорил уже о крошечной "Арабелле", которая бросила якорь у берегов Массачусетса, доставив на своем борту группу пуритан. Джон Уинтроп, который позже стал первым губернатором Массачусетса, напомнил своим друзьям-пуританам, стоя на крошечной палубе, что они должны хранить веру в своего Господа, что на них смотрит весь мир и что они не могут отказаться от миссии, на которую послал их Бог, что они должны стать лучом света для всех народов мира, они должны построить сияющий город на холме.

Можно назвать это мистицизмом, но я всегда верил, что эта огромная земля находится между двумя океанами по воле провидения, чтобы найти ее могли бы только избранные люди из любого уголка мира, те, кто питает особую любовь к свободе, кто достаточно смел, чтобы покинуть родные берега, оставить друзей и соотечественников и поехать на эту чужую землю, чтобы строить новый мир свободы, надежды и мира.

Покидая навсегда свой родной город, чтобы взять на себя обязанности президента и провести Америку через ужасы гражданской войны, Авраам Линкольн говорил о надежде. По мере того, как его поезд приближался к Вашингтону, он узнавал все более тревожные новости. На очередной остановке ему сказали, что страна разделилась и его жизнь под угрозой. Но он неустрашимо рвался вперед. В Филадельфии он выступил в Зале Независимости, где за восемьдесят пять лет до того была подписана Декларация независимости. Он отметил, что тогда народ добился больше, чем просто независимости от Великобритании. Это была, как он выразился, "надежда на будущее мира на все времена".

Вот это и есть та самая нить, что связывает нас с квакерами на крошечной палубе "Арабеллы", с осажденными фермерами и землевладельцами, которые подписывали Декларацию в том душном зале Филадельфии, с Линкольном, который готов был вести свой народ через все испытания, с миллионами тех, кто томился в дешевых каютах и плакал при виде этой девушки, с теми, кто карабкался по лесам, отдавая ей свое сердце и руки – с Жаном Виаром, Скоттом Аронсенем, Тони Сорачи, Робертом Керни и с многими, многими другими.

Мы связаны вместе, потому что, как и они, мы хотим надеяться, что наши дети всегда найдут здесь землю свободы. Мы надеемся и потому, что верим, – наше дело будет продолжено

и оно будет живо, пока все мужчины, женщины и дети не разделят с нами наш дар, нашу надежду и не встанут рядом с нами под свет свободы, под свет, который сегодня осветит эту статую, как освещал нас все эти двести лет, сохраняя давнюю мечту и указывая дорогу миллионам людей к будущему, к миру и свободе.

А сейчас мы снимем покров с этой элегантной дамы. Спасибо вам. И да благословит вас Господь.

Выступление при подписании законопроекта о налоговой реформе

Южная лужайка Белого дома
22 октября 1986 года

Этот законопроект составляет суть моих консервативных экономических принципов. Страна станет процветающей, только если правительство не будет стоять на пути людей, желающих работать и производить. Этот законопроект не был бы утвержден без мощной поддержки конгресса, руководимого демократами. Это была поистине двухпартийная акция.

Благодаря этому законопроекту в Соединенных Штатах были установлены самые низкие налоговые ставки среди всех развитых стран мира и внедрена одна из самых справедливых налоговых систем. Более четырех миллионов семей с низкими доходами были вообще освобождены от уплаты налогов.

Наивысшая ставка личных налогов сократилась с 70% в 1981 году до 28–33% в 1988–м, то есть до рекордно низкого уровня, которого не было с 1931 года. Восемьдесят процентов американцев выплачивают сейчас в казну всего 15% от своих заработков, а многие вообще освобождены от уплаты налогов.

Я понимаю, что читать о налогах – занятие довольно скучное, но, надеюсь, вы просмотрите эти заметки, потому что, как мне кажется, нам действительно удалось кое-чего добиться для американского народа.

Благодарю вас! Добро пожаловать в Белый дом. Через несколько минут я сяду за стол, возьму ручку и подпишу законопроект о налоговой системе, который является самой глубокой реформой в этой области за всю историю нашей страны. Вам, добросовестно поработавшим на приближение этого дня, я хочу обратить мою благодарность и благодарность всего народа.

Путь был долгим и трудным, и многие считали, что нам этого никогда не добиться. Но пессимисты, как всегда, не учли одного – они не приняли во внимание волю американского народа. Если бы он пасовал перед трудностями, наша страна никогда не стала бы самой свободной и самой экономически развитой. Наш народ никогда не сдавался. И вот в результате трехлетнего самоотверженного, упорного труда в "Вашингтон пост" появляется многозначительный заголовок: "Невозможное стало неизбежным". Мечта о справедливой налоговой системе превратилась в реальность.

Когда я подпишу этот законопроект и он обретет силу закона, Америка получит самые низкие налоговые ставки и самую современную налоговую систему среди развитых стран мира, такую систему, которая поощряет риск, новаторство и тот наш старый американский дух предпринимательства. Мы дадим толчок развитию американской экономики. Мы возродим стимулы, которые всего за три года и десять месяцев помогли создать рекордное число новых предприятий и 11,7 миллиона рабочих мест.

Справедливая и более простая для большинства американцев новая налоговая система приведет к активизации научно-технического прогресса, к использованию экономических достижений, благодаря которым Америка вступит в XXI век сильной и конкурентоспособной.

Я верю, что, помимо чисто экономических преимуществ этой налоговой реформы, она войдет в историю и как возвращение к нашим основным принципам. Наша страна была основана на вере в личность, а не в группы и классы, на вере в возможности и щедрость каждой человеческой души. Наши отцы-основатели создали демократическую форму правления, чтобы использовать энергию личностей. Они разработали Билль о правах, который защищает свободу этих личностей. Они дали надежду для творчества, которое полностью изменило историю.

История Соединенных Штатов Америки – это поистине история личных достижений и успехов. На тяжком труде отдельных личностей стоят наши города и фермы в прериях. Гений личностей постоянно расширяет для нас границы знаний, преобразует наш мир, принося в него то паровой двигатель, то вакцину от полиомиелита, то кремниевые кристаллы для электроники. Это их вера в свободу и любовь к стране привела нас через все испытания и трудности, через войны, и это благодаря их храбрости и самоотверженности мы всегда одерживали победу.

Когда отцы-основатели создавали наш исполнительный орган – правительство народа, являющееся правительством для народа, – они и представить себе не могли, что когда-нибудь будет создано то, что сегодня мы называем прогрессивным подоходным налогом. Когда подоходный налог был впервые введен в 1913 году, наивысшая ставка составляла 7% с дохода, превышающего 500 тысяч долларов. По нынешним ценам – это уровень мультимиллионера. Но на наших глазах максимальная ставка подскочила до 90%, и даже беднякам пришлось платить налоги.

По мере увеличения налоговых ставок налоговая система становилась все более запутанной и сложной, раем небесным для всяческих ловкачей, махинаторов, и совершенно непонятной простым смертным. Вопиющая несправедливость нашей налоговой системы вызывала горечь и убивала инициативу у простых налогоплательщиков. Она совершенно не соответствовала духу Америки.

Между тем, прогрессивный налог, став слишком высоким, нанес экономике удар прямо в сердце, поскольку наказывал любое дополнительное усилие, любую дополнительную работу, которая всегда была основной движущей силой нашей экономики. По мере того как росли аппетиты правительства на поступающие средства, американцы стали чувствовать, что налоги все глубже вгрызаются в их кошельки. Более всего налоги били по бедным, из-за чего и без того трудный путь из нищеты стал еще труднее.

На протяжении всей истории тяжелая длань правительства сильнее всего давила на экономическую жизнь граждан. Чаще всего именно инфляция и налоги подрывали их жизненный уровень и ограничивали свободу. Мы не должны забывать, что наша страна была рождена восстанием против грабительского налогообложения. Отцы-основатели сражались не только за

политические права, но и за сохранение экономических свобод, без которых политические права не более чем слова.

За последние двадцать лет мы стали свидетелями развития и упрочения многих наших гражданских свобод, но наши экономические свободы слишком часто предавались забвению и даже нарушались. Мы защищали право писателя на самовыражение, и это правильно, но как быть с правом на самовыражение предпринимателя, у которого в руках вместо пера и бумаги капитал и прибыль, а вместо книги изобретение или предприятие? Как быть с учеными, создающими наше экономическое благополучие, чей труд может не только доставить моральное удовлетворение, но и улучшить условия жизни человека, накормить бедных благодаря новому сорту зерна, дать надежду больным благодаря новому лекарству, ликвидировать невежество с помощью новых достижений в обмене информацией?

Как быть со справедливостью в отношении семьи? Разве не в семье происходит воспитание нового поколения, самая важная для Америки работа? Но на протяжении последних сорока лет, по мере того как инфляция съедала преимущества от налоговых льгот, груз поборов правительства все сильнее давил на плечи семей с детьми. Из-за инфляции и ползучего роста налогов, также наносящего ущерб семейному бюджету, многие женщины, которые хотели быть домохозяйками и заниматься детьми, вынуждены были искать работу.

Как быть с американской мечтой о том, что упорным трудом даже беднейшие из нас могут добиться счастья и благополучия, которое должны иметь все американцы? Нельзя повесить ценник на американскую мечту. Эта мечта – душа и сердце Америки. Благодаря этой мечте наша страна всегда остается доброй и щедрой – образцом и надеждой для всего мира.

Вот поэтому, мне кажется, этот закон о налогах не столько реформа, сколько революция. Миллионы малоимущих будут вообще освобождены от налогов, а семьи получат долгожданное понижение ставок и почти удвоенную скидку. Мы хотим снова сделать воспитание детей экономически выгодным.

Более низкие ставки позволят вознаградить дополнительные усилия. Благодаря уничтожению лазеек в законе и введению минимального налога каждое предприятие и каждый человек будет платить справедливый процент со своих доходов. Поэтому я уверен, что новый закон, который я подписываю сегодня, – это не просто историческая перестройка нашей на-

логовой системы и решительная победа справедливости, это еще и лучший закон против нищеты, это лучшая мера в защиту семьи и лучшая программа создания новых рабочих мест, когда-либо появлявшаяся под крышей конгресса Соединенных Штатов.

Теперь, когда мы продвинулись так далеко, мы не можем и не позволим повернуть вспять налоговую реформу новым увеличением ставок. Мы должны восстановить уверенность в нашей налоговой системе и в нашей экономике. Я буду всеми силами бороться против любых попыток увеличить налоги с граждан и надеюсь, что все здесь находящиеся поддержат меня, чтобы упрочить исторические завоевания налоговой реформы.

Я думаю, вы все знаете, что потребовались поистине геракловы усилия, чтобы появился этот исторический документ. Эта работа начиналась не в Вашингтоне. Ее начинали многие ученые, которые боролись за возвращение экономики к ее классическим основам – к пониманию того, что экономика – это не набор неких абстрактных понятий типа расходов правительства и потребительского спроса. Экономика представлена конкретными людьми, стремящимися обеспечить свою семью и создать для себя более высокий уровень жизни.

Мы должны поприветствовать и тех отважных лидеров конгресса, благодаря которым этот день наступил, – Боба Пэквуда, Дэна Ростенковски, Рассела Лонга, Джона Дункана, лидера большинства Боба Доула, Джека Кемпа, Боба Кэстена, Билла Брэдли и Дика Гепхардта, которые первыми выступили со своими проектами налоговой реформы. Я приветствую вас всех, а также других членов сената и палаты представителей, чьи усилия увенчались успехом и чьи голоса принесли нашу сегодняшнюю победу.

И, наконец, я приветствую членов моей администрации, которым часто могло показаться, что они в одиночестве ведут борьбу с непобедимым противником, в особенности моих двух министров финансов Дона Ригана и Джима Бейкера. Я благодарю их от всего сердца.

У меня такое чувство, что мы только что сыграли в мировом турнире налоговых реформ (*Смех.*) и американский народ выиграл его.

Обращение к нации по возвращении со встречи с Генеральным секретарем Горбачевым

Овальный кабинет
13 октября 1986 года

Я думаю, что телевизионные камеры зафиксировали выражение разочарования на моем лице, когда я уходил со встречи с Генеральным секретарем Горбачевым в столице Исландии Рейкьявике.

Мы с Михаилом обсуждали проблему полного уничтожения ядерного оружия. Это было просто удивительно. К этому моменту американская делегация должна была быть на пути домой, но мы, естественно, задержались до воскресенья, так как нам показалось, что наметился какой-то сдвиг.

Наконец после длительной беседы Михаил сказал, что все зависит от нас, от того, откажемся ли мы от нашей программы стратегической оборонной инициативы, которую также называют "звездными войнами", предназначенной для защиты нашей страны от ядерных ракет. Раньше Горбачев об этом условии не упоминал.

Я высказал несколько аргументов в поддержку своей линии. Меньше всего мне хотелось, чтобы он ушел с мыслью о том, что мы развиваем эту новую технологию для подготовки к войне. Поэтому я предложил поделиться системой. На это последовал ответ: "Я вам не верю". "Но вы, наверное, судите по своим собственным людям", – сказал я.

Горбачев заметил, что никакой прогресс не будет возможен, пока мы не откажемся от СОИ. Я, естественно, возмутился и сказал: "Из этого ничего не выйдет". На этом мы и расстались.

Вернувшись домой, я выступил с предлагаемой речью, в которой объяснил американскому народу, что случилось с нашими надеждами.

Добрый вечер!

Как большинство из вас знает, я только что вернулся из Исландии, где встречался с руководителем Советского Союза Генеральным секретарем Горбачевым. Сейчас я хочу, как и в прошлом году, когда я вернулся с Женевской встречи в верхах, занять несколько минут вашего времени, чтобы рассказать, как проходила эта встреча.

Значение этих переговоров огромно, и сейчас мы только начинаем это понимать. Мы предложили самое обширное, самое глубокое за всю историю сокращение вооружений. Мы предложили к 1996 году полностью уничтожить все советские и американские баллистические ракеты. Хотя мы и не получили ответа на это предложение, мы сейчас ближе, чем когда бы то ни было, к соглашениям, которые могут привести нас к более безопасному миру без ядерного оружия.

Но прежде всего позвольте мне сказать, что с самого начала моих встреч с господином Горбачевым я всегда считал американский народ полноправным участником этих встреч. Поверьте мне, без вашей поддержки ни одна встреча просто не состоялась бы и конечная цель американской внешней политики – мир во всем мире и свобода – не была бы достигнута. Именно ради этих целей я прошел больше, чем свою половину пути, согласившись встретиться в Исландии.

Прежде чем перейти, собственно, к оценке переговоров, мне хотелось бы ввести вас в курс дела и сказать о двух вопросах, которые были в центре наших бесед: это Договор по ПРО и оборонительная система против ядерного оружия, которую мы пытаемся создать. Эти названия вы слышали уже тысячу раз – Договор по ПРО и СОИ. Эти сокращения означают: ПРО – противоракетная оборона, СОИ – стратегическая оборонная инициатива.

Несколько лет назад Советский Союз и Соединенные Штаты договорились ограничить свою противоракетную оборону одним районом в каждой стране, где можно было бы разместить небольшое количество ракет, способных перехватить и сбить ядерные ракеты противника. Таким образом, в виде нашей реальной обороны мы оставляли только политику, которая называлась "взаимным гарантированным уничтожением", означающим, что, если одна сторона проведет ядерную атаку, другая – сможет ответить. Предполагалось, что эта взаимная угроза уничтожения послужит сдерживающим фактором при желании какой-либо из сторон нанести первый удар.

Это и была оборона против тысяч ядерных боеголовок, нацеленных друг на друга и способных полностью уничтожить обе наши страны. Советы разместили несколько антибаллистических ракет вокруг Москвы в соответствии с условиями договора. Мы не стали ничего размещать потому, что угроза всеобщего уничтожения страны делала такую ограниченную оборону бессмысленной.

В течение ряда лет мы получали сведения о том, что Советы создают оборону всей страны. В частности, они установили большой современный радар в Красноярске, который мы считаем ключевой частью радарной системы, способной обеспечить управление антибаллистическими ракетами, защищающими всю страну. Это уже было нарушением Договора по ПРО.

Считая, что политика взаимного уничтожения и убийства их и наших граждан не может считаться цивилизованной, несколько лет назад я попросил наших военных изучить вопрос и выяснить, есть ли какой-нибудь практический путь уничтожения ядерных ракет после их запуска, но до того как они достигнут своих целей, путь, который был бы альтернативой простому уничтожению людей. В этом и есть суть программы, которую мы называем СОИ. Наши ученые, исследующие эту систему, совершенно убеждены в том, что она работоспособна и что через несколько лет эта система будет готова к развертыванию. В настоящее время мы не нарушаем Договор по ПРО, который допускает подобные исследования. За полгода до размещения системы мы предупредим Советский Союз о выходе из Договора, что предусмотрено в тексте. Позвольте мне внести ясность: СОИ – это неядерная оборона.

Но вернемся к теме. Мы встретились в Исландии. Это были наши вторые переговоры. На первой встрече, а затем и в течение всего времени вплоть до второй встречи мы обсуждали пути сокращения и в конечном итоге уничтожения ядерного оружия. В Женеве обе делегации пытались разработать взаимное соглашение о сокращении или уничтожении ядерного оружия. До сих пор у нас нет никаких успехов.

Генеральный секретарь Горбачев, министр иностранных дел СССР Шеварднадзе, госсекретарь Джордж Шулы, и я в течение субботы и воскресенья провели вместе почти 10 часов. Наши переговоры не ограничивались только вопросами сокращения вооружений. Мы обсуждали также нарушения прав человека со стороны Советского Союза, в частности, отказ в разрешении эмиграции из СССР тем, кто хотел бы отправлять культовые обряды без преследования со стороны властей, а также отказ в

разрешении людям воссоединиться с их семьями, мужьями и женами, проживающими за границей.

По большинству этих вопросов Советский Союз нарушает другое соглашение: Хельсинкские договоренности, которые он подписал в 1975 году. Юрий Орлов, освобождения которого мы только что добились, находился в заключении за то, что указал своему правительству на нарушение этого договора, на то, что оно отказывает своим гражданам в праве покидать страну и возвращаться в нее. Мы также обсудили региональные вопросы, связанные с такими странами, как Афганистан, Ангола, Никарагуа и Камбоджа. Но наши партнеры интересовались прежде всего вопросом ограничения вооружений.

Мы обсудили размещение ракет средней дальности в Европе и в Азии и, похоже, пришли к согласию о том, что их можно значительно сократить. Обе стороны проявили желание найти пути сокращения, вплоть до нуля, стратегических баллистических ракет, которые наведены друг на друга. И тогда возник вопрос о СОВСЕ.

Я выдвинул следующее предложение: мы будем продолжать наши нынешние исследования, а когда достигнем этапа испытаний, если это вообще произойдет, Советский Союз будет допущен к наблюдению за ними. Предполагалось подписать договор, который закреплял бы это право за Советским Союзом, а если программа окажется работоспособной, обе стороны уничтожат свои наступательные ракеты и воспользуются преимуществами современных средств обороны. Я пояснил, что даже после того, как мы уничтожим наши наступательные баллистические ракеты, обладание такой обороной защитит нас от недобросовестных политиков или от сумасшедшего, решившего вновь создать ядерные ракеты. Мир, в конце концов, уже знает, как их делать. Я сравнил это с тем, что мы до сих пор имеем противогазы, хотя все страны мира запретили использование отравляющих газов после первой мировой войны.

К вечеру стало казаться, что мы достигли некоторых успехов по сокращению вооружений, хотя Генеральный секретарь продолжал возражать против СОВСЕ и предлагал взять на себя обязательство соблюдения ПРО в течение нескольких лет.

Госсекретарь Шульц предложил, чтобы наши секретари, записывавшие беседу, передали все сказанное своим делегациям, которые поработали бы ночью, объединили бы все и выявили, на каком этапе достижения соглашения мы находимся и какие разногласия все еще разделяют нас. Выражаю искреннюю благодарность этим людям, которые работали всю ночь до 6.30 утра.

Вчера утром, а это было воскресенье, господин Горбачев и я вместе с нашими министрами иностранных дел вновь встретились и обсудили доклады групп наших специалистов. Они были многообещающими. Советы просили десятилетней отсрочки в разработке программ СОИ.

Пытаясь понять, как мы можем удовлетворить их требования, не поступаясь своими принципами и безопасностью, мы предложили, что в течение этих 10 лет мы начнем сокращение всех стратегических ядерных вооружений, бомбардировщиков, крылатых ракет воздушного базирования, межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет, размещаемых на подводных лодках, оружия, которое они несут. Мы предлагали сократить их на 50% в течение пяти лет. В течение следующих пяти лет мы бы продолжили уничтожение всех оставшихся наступательных баллистических ракет любого радиуса действия. И все это время мы продолжали бы исследования, разработку и испытания СОИ, причем все в соответствии с требованиями ПРО. По истечении десяти лет, когда все баллистические ракеты были бы уничтожены, мы могли бы начать размещение современных оборонительных средств и Советы могли бы сделать то же самое.

Вот тут-то начались споры. Генеральный секретарь хотел, чтобы там было указано, что мы воздержимся от разработки СОИ в течение всех десяти лет. Этим он просто убивал СОИ. Подразумевалось, что если я не соглашусь, то вся проделанная работа об уничтожении ядерного оружия пойдет насмарку.

Я сказал ему, что я обещал американскому народу ни на что не обменивать СОИ. Могу ли я сказать моему народу, что правительство не сумело защитить его от ядерного разрушения? Это совершенно невозможно. Я ехал в Рейкьявик, убежденный, что можно торговаться всем, чем угодно, кроме двух вещей: нашей свободы и нашего будущего. Я оптимист и до сих пор считаю, что мы найдем выход. Дверь открыта, и возможность приступить к уничтожению ядерной угрозы имеется.

Как видите, мы достигли успеха в Исландии. И мы будем и в дальнейшем делать успехи, если будем придерживаться продуманной, целенаправленной и, прежде всего, реалистической политики в отношении Советов. С самых первых дней работы нашей администрации именно таким был наш курс. Мы дали ясно понять, что не питаем никаких иллюзий относительно Советов или их намерений. Мы прямо заявили, что отдаем себе отчет в серьезных моральных различиях между тоталитаризмом и демократией. Главной целью американской внешней полити-

ки мы объявили не просто предотвращение войны, а расширение свободы. Мы всегда подчеркивали свою приверженность развитию демократического правительства и демократических институтов по всему миру.

Именно поэтому мы поддерживали борцов за свободу, которые выступали против правления тоталитарных режимов в Афганистане, Никарагуа, Анголе, Камбодже и других странах. И, наконец, мы начали работу, которая, я считаю, заставила Советы серьезно включиться в переговоры, – я имею в виду перестройку наших вооруженных сил, перестройку стратегического сдерживания и, прежде всего, начало работы над стратегической оборонной инициативой.

Мы определили эти внешнеполитические цели и начали двигаться к ним. Другая важная цель, которой мы пытались добиться, – это поиск путей сокращения напряженности между нами и Советами и путей предотвращения войны и поддержания мира.

Теперь эта политика приносит свои плоды. Одним из них явился успех на переговорах в Исландии в вопросе об ограничении вооружений. Впервые за долгое время советско-американские переговоры в области сокращения вооружений продвигаются – и продвигаются в правильном направлении, не просто к ограничению вооружений, а к их сокращению.

Но, несмотря на достигнутый прогресс в области сокращения вооружений, мы должны помнить, что в Исландии были затронуты и другие вопросы, имеющие фундаментальный характер. Одним из таких вопросов, как я уже говорил, является проблема прав человека. Президент Кеннеди однажды сказал: "Разве мир в конечном счете не адекватен правам человека?"

Я заявил, что Соединенные Штаты не будут использовать прогресс в этих вопросах в целях пропаганды. Но я также дал в очередной раз ясно понять, что улучшение положения с правами человека в Советском Союзе является неперенным условием для улучшения двусторонних отношений с Соединенными Штатами. Ведь правительство, которое не верит своему собственному народу, не может пользоваться доверием у других стран. В связи с этим в Рейкьявике, как и в Женеве, я сказал господину Горбачеву, что мы, американцы, меньше внимания уделяем словам, которые произносятся на подобных встречах, чем делам, которые следуют за ними. Когда речь заходит о правах человека и об оценке намерений Советского Союза, мы становимся на позицию жителей штата Миссури и говорим: докажи.

Другая тема, которой мы касались в Исландии, также является причиной разногласий между Советским Союзом и Америкой. Это вопрос региональных конфликтов. Встречи в верхах не могут заставить американцев забыть, что означали советские действия для народов Афганистана, Центральной Америки, Африки, Юго-Восточной Азии. Пока советская политика не изменится, мы будем оказывать нашим друзьям в этих регионах, тем, кто борется за свободу и независимость, любую поддержку, в которой они нуждаются.

И, наконец, была и четвертая тема, тема двусторонних отношений, контактов между людьми. В прошлом году в Женеве мы с удовольствием подписали несколько договоров о культурных обменах, а теперь в Исландии мы увидели желание более активно двигаться в этой области. Но я хочу сказать, что Соединенные Штаты продолжают поддерживать те программы обменов между народами, которые позволили бы наладить связи не просто между несколькими представителями элиты, а между тысячами обычных граждан из обеих стран.

Вы, я надеюсь, видите теперь, что мы действительно добились в Исландии успехов по широкому кругу вопросов. Мы подтвердили нашу повестку дня из четырех пунктов. Мы нашли ряд новых сфер для соглашений. Мы снова обсудили некоторые старые разногласия.

Позвольте мне вновь вернуться к вопросу о СОИ. Я понимаю, что некоторые американцы могут спросить сегодня, почему не принять требования Горбачева? Почему не отказаться от СОИ ради такого соглашения?

Что ж, друзья, ответ прост. СОИ – это гарантия Америки, гарантия того, что Советский Союз будет придерживаться обязательств, взятых в Рейкьявике. СОИ – это гарантия Америки на случай, если Советский Союз, как это уже неоднократно бывало в прошлом, нарушит свое торжественное обязательство. Именно СОИ заставила Советский Союз в Женеве и в Исландии вернуться к переговорам по ограничению вооружений. СОИ – это ключ к миру без ядерного оружия.

Советы понимают это, они уже затратили намного больше ресурсов, намного больше времени, чем мы на разработку своей собственной СОИ. Единственная в мире работоспособная система окружает только Москву – столицу Советского Союза.

В Рейкьявике господин Горбачев требовал, чтобы Соединенные Штаты согласились на новую версию Договора по ПРО. Договор, подписанный четырнадцать лет назад, Советский Союз уже нарушил. Я сказал Горбачеву, что мы в Соединенных Штатах на такие сделки не идем.

Американский народ должен обратить внимание на такие ключевые вопросы: каким образом оборона Соединенных Штатов угрожает Советскому Союзу или кому бы то ни было? Почему Советы так стремятся к тому, чтобы Америка всегда оставалась уязвимой для советской ракетной атаки? На сегодняшний день свободные нации совершенно беззащитны перед советскими ракетами, будь они выпущены случайно или преднамеренно. Почему Советский Союз настаивает на том, чтобы мы навсегда оставались в таком положении?

Итак, дорогие сограждане-американцы, я не могу обещать и никакой президент не может пообещать, что будущие переговоры с Горбачевым неизбежно приведут к значительным прорывам или к подписанию соглашений, которые войдут в историю. Не случилось этого и в Исландии. Мы не откажемся от основополагающих принципов, с которыми мы поехали в Рейкьявик. Мы предпочитаем вообще не заключать соглашения, чем заключать соглашения, вредные для Соединенных Штатов.

В связи с этим я понимаю, что вас также интересует вопрос о том, состоится ли еще одна встреча в верхах. Со стороны господина Горбачева не было никаких заявлений о том, поедет ли он в Соединенные Штаты, как мы с ним договорились в прошлом году в Женеве. Сегодня я повторяю, что наше приглашение остается в силе и что мы считаем, что дополнительные встречи могли бы быть полезными. Но решение – за Советами.

Какими бы ни были ближайшие перспективы, могу сказать вам, что я питаю большие надежды на успех встречи в верхах, на достижение мира во всем мире и укрепление свободы. Видите ли, ход переговоров на нынешних встречах в верхах значительно отличается от того, что наблюдалось в предыдущие десятилетия. Дело в том, что изменился мир, а мир изменился вследствие напряженной работы и самоотверженности американского народа за прошедшие пять с половиной лет. Ваша энергия возродила и увеличила нашу экономическую мощь. Ваша поддержка возродила нашу военную мощь. Ваша храбрость и чувство национального единства в кризисных ситуациях сдерживают наших противников, ободряют наших друзей и вселяют надежду всему миру. Западная демократия и НАТО ожили, и страны всего мира следуют демократическим идеалам и принципам свободного рынка. Так что благодаря тому что американский народ стоит на страже мира в этот критический час, свобода набирает силу, укрепляет свою мощь и движется вперед.

Одним из моих впечатлений от этих октябрьских перегово-

ров, отличающихся от прошлых лет, является то, что теперь мы действуем с позиции силы, а это увеличивает вероятность новых прорывов, в направлении которых мы двигаемся вместе с Советским Союзом. Наши идеи – на столе переговоров, от них не уйти. Мы готовы начать там, где мы остановились. Члены делегации, присутствовавшие на переговорах, опять отправляются в Женеву, и мы готовы идти вперед, как только Советы будут готовы к этому. Вы видите, что есть все основания для надежды.

Доказательством этого я вижу те успехи, которых мы достигли на переговорах с господином Горбачевым. Я видел доказательства этого, когда вчера, перед отлетом из Исландии, я разговаривал с сотрудниками нашей военно-морской базы в Кефлавике, базы, имеющей ключевое значение, которая находится значительно ближе к советским военно-морским базам, чем к нашим собственным берегам.

Как всегда, мне было очень приятно провести несколько минут с ними и поблагодарить их за самоотверженность и верность своей стране.

Они представляют лучшее, что есть в Америке, они защищают не только нашу собственную свободу, но и свободу тех, кто жил бы в более опасном мире, если бы не мощь и настойчивость Соединенных Штатов.

”Сердце Америки, ее благословение, ее молитвы всегда будут там, где развернуто знамя свободы и независимости”, – сказал однажды Джон Куинси Адамс. Он очень хорошо говорил о нашем предназначении как нации. Дорогие мои сограждане американцы, история оказала нам честь, нам вверена судьба самой давней мечты человечества – мечты о длительном мире и свободе человека.

Другой наш президент, Гарри Трумэн, отмечал, что наш век был свидетелем двух ужасных войн и что ”наивысшая потребность нашего времени в том, чтобы человек научился жить с другими людьми в мире и гармонии”. Именно следуя этому идеалу, я поехал в Женеву год назад и ездил в Исландию на прошлой неделе. Я благодарю вас сегодня за поддержку, которую вы оказали мне и этому идеалу. Я еще раз прошу вашей помощи и ваших молитв, которые помогут нам продолжить наш путь к мировому устройству, где правит мир и где свобода священна.

Благодарю вас, да благословит вас Господь.

Встреча с бывшим заложником Дэвидом Джэкобсеном и журналистами

Розовый сад Белого дома
7 ноября 1986 года

Этот эпизод мне представляется интересным, поскольку показывает, что президенты говорить могут и чего они сказать не имеют права. Кроме того, описываемое событие предварило одну из самых значительных дискуссий за время моего президентства.

Дэвид Джэкобсен был вторым заложником, освобожденным нами в результате секретных переговоров с группой иранцев, которых мы считали умеренными. Я по сей день не знаю, что случилось с этими иранцами, после того как вскрылась история "Иран-контрас". Быть может, их уже нет в живых, может, они ушли в подполье или просто пережидают. Как бы то ни было, в то время они сказали нам, что в течение двух суток будут освобождены еще два заложника.

Примерно в то же время какая-то газетенка в Бейруте сообщила, что мы продаем иранцам оружие в обмен на заложников. Пресса, конечно, завалила нас вопросами, причем произошло это в то сложное время, когда решался вопрос об освобождении двух других заложников. Обращение господина Джэкобсена к прессе показалось мне настолько убедительным, что я решил его включить в эту книгу. Он рассказал обо всем намного красноречивее, чем это сделал бы я. Нам так и не удалось вызволить тех двух заложников.

Президент. Дамы и господа! Вы все знаете, с кем мы сегодня встречаемся, и я хочу предоставить ему слово. Мне кажется, что многие молитвы были услышаны, раз он вернулся и присутствует сегодня здесь.

Джэкобсен. У меня есть что сказать вам, но я хотел бы прочесть свое заявление. Обычно я говорю экспромтом, но несколько наших граждан находятся в неволе, и мне хотелось предварить свое выступление одним заявлением.

То, что я скажу сегодня, что вы напишете, все ваши предположения и догадки облетят мир буквально за сутки. Простая ваша догадка может стоить жизни моему другу Тому Сазерленду или Терри Андерсону, или Джо Цисыпио, или любым другим заложникам. Поэтому хочу попросить вас отнестись к этому вопросу со всей ответственностью и не злоупотреблять неразумными и нереалистичными догадками и предположениями. Будьте честными перед собой. Я прошу вас, я умоляю вас! Меня гложет беспокойство, потому что ваши слова могут привести к смерти моих друзей. Я не хочу, чтобы это лежало на моей совести, и вы, думаю, не захотите брать это на себя.

Я прочту небольшое заявление, которое я подготовил. Я очень волнуюсь.

Господин президент, госпожа Рейган! Вы даже представить себе не можете, как я рад быть здесь с вами в этот исключительный день. Ни разу за весь год и пять месяцев я не терял надежды снова стать свободным человеком. Я подолгу и усердно молился. Моя любимая семья, мои шесть прекрасных детей и мои друзья сегодня здесь, со мной. Они верили и не теряли надежды, несмотря на множество неудачных попыток освободить меня. Осознание этого придавало мне силы.

Свобода – очень ценный дар, и я знаю это из личного опыта. Свобода – очень ценный дар, но мы, американцы, часто принимаем ее как должное. Когда свободы лишают, ощущаешь огромную потерю. В моем долгом заточении мне помогали сохранить присутствие духа та же надежда, та же вера, тот же оптимизм, которые поддерживали наших отцов–основателей, когда наша великая страна переживала периоды противостояния и борьбы.

Господин президент, я знаю, что и вы и многие другие, как работающие в администрации, так и не относящиеся к ней, проделали ради меня и других заложников огромную работу и продолжаете упорно трудиться ради тех, кто все еще в неволе.

Особенно я хочу поблагодарить тех людей, которые действовали самостоятельно, – религиозных деятелей и простых граждан.

Терри Уэйт – один из этих гуманистов – отдал много сил моему освобождению. Он выступал как свободный человек, свободный от правительств и от любых сделок. Он сделал это, как гуманист. Семьи Терри Андерсона, Тома Сазерленда и Джо Цисыпио и других ни в чем не повинных людей, все еще остающихся заложниками, не должны терять надежды.

Ваше внимание, господин президент, внимание других людей из администрации и особенно сотрудников госдепартамента, которые поддерживали постоянный контакт с нашими семьями, помогли им сохранить надежду. Я знаю, господин президент, что вы стремились добиться нашего освобождения с того самого момента, как был захвачен первый американский заложник. И я знаю, что вы не успокоитесь, пока все американцы не вернутся домой.

Господин президент, хочу выразить вам свою глубочайшую признательность. Вы – руководитель действительно великой страны, и я горжусь тем, что я – американец. Большое, большое вам спасибо. Вы настоящий человек.

Президент. Спасибо.

Джэкобсен. Спасибо вам. И, пожалуйста, пишите ваши комментарии с чувством ответственности. Спасибо.

Вопрос. Г-н президент, иранцы говорят, что если вы разрешите продажу оружия, они помогут освободить остальных заложников. Вы разрешите?

Президент. Билл*, это как раз то, что я хотел сказать вчера вечером. Мы не можем отвечать на такие вопросы, не подвергая опасности людей, которых пытаемся спасти.

Вопрос. Можете ли вы просто сказать, согласен ли госсекретарь Шульц с вашей политикой или не согласен и выступил ли он с протестом, как сообщали?

Президент. Мы все работаем вместе.

Вопрос. Так госсекретарь Шульц поддерживает эту политику, и Каспар Уайнбергер тоже?

Президент. Да.

Вопрос. Почему бы не предотвратить слухи и не сказать, что же на самом деле произошло?

Президент. Потому что это будет происходить снова и снова, пока все они не вернутся. Все, что мы расскажем о наших

---

*Билл Планта – корреспондент "Си-би-эс ньюс".

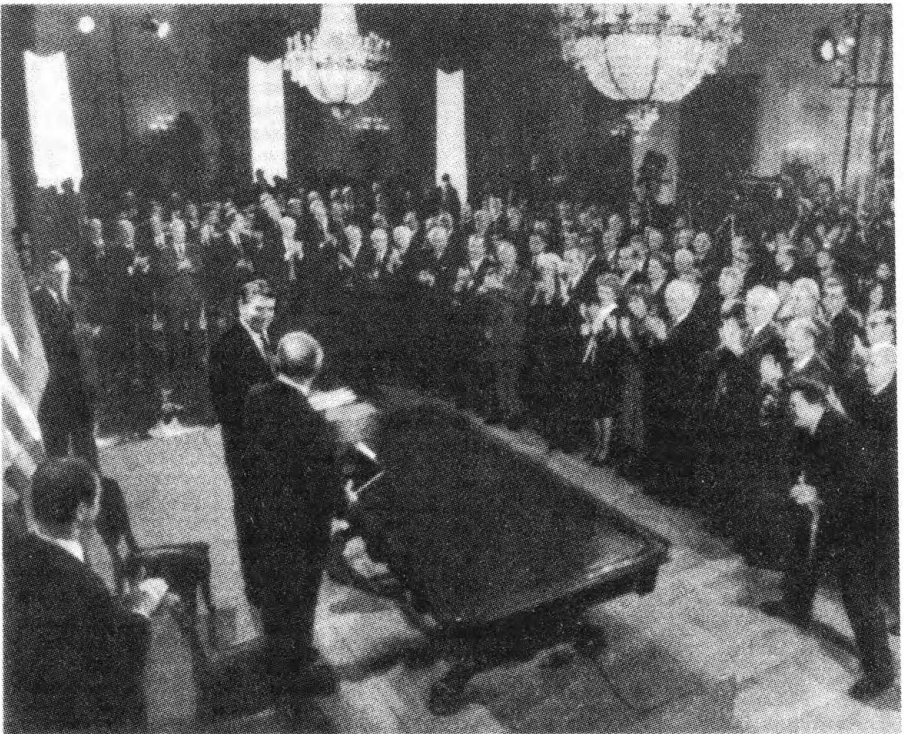
попытках освободить одного, может уменьшить возможность освобождения других.

Вопрос. Лидер большинства в вашей собственной партии говорит, что вы поощряете террористов.

Джэкобсен. Пожалуйста, разве вы не слышали, что я сказал вначале. Ваши необдуманные предположения могут поставить под угрозу их жизнь. Мне бы хотелось поговорить с вами, но для меня сегодня – особый, радостный день. Здесь мои дети, и я хочу быть с ними. И я хочу, чтобы Терри Андерсон тоже мог побыть со своей семьей, и Том Сазерленд. Ради Бога, отнеситесь ко всему ответственно и прекратите это. Спасибо.

Вопрос. Г-н Джэкобсен, откуда мы знаем, что ответственно, а что – нет?

1987

Выступление при подписании Договора по РСМД

Белый дом, Восточная гостиная
8 декабря 1987 года

1987 год был хорошим для нашей страны. Продолжалось возрождение экономики, и мы подписали историческое соглашение с Советским Союзом об уничтожении целого класса ядерного оружия, ракет средней и меньшей дальности (РСМД), которые были размещены в Европе. В личном плане для меня и особенно для Нэнси это был трудный год. В октябре Нэнси удалили опухоль на груди, и, прежде чем она пришла в себя после операции, скончалась ее мать. В первой половине года, как показали опросы общественного мнения, моя популярность у американцев упала до самого низкого уровня из-за продолжающегося скандала "Иран-контрас". Хотя отношение ко мне народа вскоре восстановилось, в тот период я глубоко переживал это.

Самым большим событием года было подписание Договора по РСМД. Мы подписали его в Восточной гостиной Белого дома. Я думаю, что это является доказательством того, что успеха можно добиться, когда мы ведем переговоры с позиции силы и убежденности. Я считаю, что соглашения не удалось бы достичь, если бы не наращивание нашей обороны. Я также думаю, что оно не было бы возможным, если бы не Горбачев. Он интересный человек.

Его отношение к действительности совершенно отличается от отношения других советских лидеров, его предшественников. Это касается не только ограничения вооружений, но и потребности изменить саму советскую систему. Я даже немного беспокоился о его безопасности. Я хочу, чтобы вы прочли

запись, которую я сделал в своем дневнике еще в начале 1987 года и которая пояснит, что я имею в виду:

"...И затем была приятная встреча с Х. Очень интересно: он предложил, что, может быть, мне лучше поехать в Москву, вместо того чтобы Горбачев приезжал сюда. Затем Х. огорошил меня. Один высокопоставленный советский чиновник сказал, что Горбачева вполне могут убить, если он приедет сюда. В России очень велико противодействие тому, что он пытается там сделать, они могут убить его здесь, а затем свалить все на нас. Это предупреждение не кажется мне лишенным оснований. КГБ вполне способно это сделать".

Хотя я знал, что наши органы безопасности сделали все возможное для того, чтобы защитить его, но, когда он прибыл в декабре, я действительно беспокоился о его безопасности. Он человек разумный и поэтому вполне мог лично отобрать советских агентов, которые поехали с ним в США. Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему его и моя служба безопасности так нервно реагировала, когда он вышел из машины на улице Вашингтона, чтобы поздороваться с жителями.

Его приезд в Вашингтон для подписания Договора по РСМД имел огромный успех. В дальнейшем он, конечно, при случае вполне может попытаться сбить нас с толку, как попытался сделать это в Рейкьявике, подняв вопрос о СОВИ в самый последний момент, но я верю, что он вполне разумный человек. Как сказала однажды Маргарет Тэтчер, он человек, с которым мы можем иметь дело.

Именно делом мы и занялись тогда, тем декабрьским днем.

Президент. Спасибо большое. Добро пожаловать в Белый дом!

Эта церемония и договор, который мы сегодня подписываем, являются прекрасными примерами того, что терпение вознаграждается. Более шести лет назад, 18 ноября 1981 года, я предложил то, что позже стали называть нулевым вариантом. Это было очень простым предложением, на первый взгляд оно может даже показаться разоружающе простым. (Смех.) В отличие от прошлых договоров оно не просто закрепляло статус-кво или новое наращивание вооружений, в нем не просто гово-

рилось об ограничении гонки вооружений. Впервые в истории выражение "ограничение вооружений" было заменено на "сокращение вооружений", а в данном случае речь шла о полном уничтожении целого класса американских и советских ядерных ракет.

Конечно, потребовалось значительно изменить мышление, и только спустя некоторое время к этому же выводу пришла житейская мудрость народа. Реакция была по меньшей мере смешанная. Некоторые рассматривали нулевой вариант как совершенно невозможный, нереальный, а другие – как пропагандистскую уловку. Что ж, благодаря терпению, целеустремленности, самоотверженности мы превратили это невозможное в реальность.

Генеральный секретарь Горбачев, вы, я уверен, знаете известную басню Ивана Крылова о лебедь, раке и щуке. Некоторое время назад эта троица пыталась сдвинуть телегу. Они впряглись в телегу. Она не была слишком уж тяжелой, но, несмотря на все их усилия, сдвинуть ее они не могли. Дело в том, что лебедь рвался в облака, рак пятился назад, а щука тянула в воду. В результате они так и не добились ничего, а телега так и стоит на том же месте. Между нашими странами продолжают существовать глубокие и серьезные моральные разногласия. Но сегодня на примере этого договора мы наконец увидели, что мы можем сделать, если будем тянуть вместе и в одну сторону.

Даже голые цифры показывают значение этого соглашения. Советская сторона снимет свыше 1500 установленных боеголовок. Будут уничтожены все ракеты средней дальности наземного базирования, включая СС-20. С нашей стороны будут уничтожены все ракеты "Першинг-2", крылатые ракеты наземного базирования и около 400 установленных боеголовок. Дополнительные резервные ракеты с обеих сторон также подлежат уничтожению.

Однако значение этого договора выходит за рамки чисто количественных показателей. Мы прислушиваемся к старой русской мудрости. И я уверен, вы тоже знакомы с нею, господин Генеральный секретарь, хотя, быть может, мое произношение сделает понимание более трудным. Мудрость звучит так: "доверяй, но проверяй".

Генеральный секретарь. Вы повторяете это на каждой встрече. *(Смех.)*

Президент. Она мне нравится. *(Смех.)*

Это соглашение предусматривает наиболее жесткий режим проверки в истории, включая размещение групп проверяющих на территории сторон и некоторые другие формы инспекции на местах. Это соглашение защищает интересы друзей и союзников Америки. Оно включает в себя один важный принцип: необходимость гласности, большей открытости в военных программах и вооруженных силах.

Мы можем только надеяться, что дело не кончится этим историческим соглашением, оно станет началом рабочих отношений, которые позволят нам взяться и за другие срочные проблемы, стоящие перед нами: стратегические наступательные ядерные вооружения, равновесие обычных вооружений в Европе, трагические разрушительные региональные конфликты, которые сотрясают многие части света, уважение прав человека, которыми Господь одарил всех людей.

Хочу сказать всем, кто упорно трудился, чтобы эта мечта стала реальностью: спасибо вам. И прежде всего поздравляю послов Глитмана и Обухова*. Приведу еще одну русскую поговорку. Видите, я становлюсь большим специалистом по русским поговоркам (*Смех.*): "урожай не от дождичка, а от пота".

Я хотел бы направить Генеральному секретарю Горбачеву еще одно пожелание: отдохните как следует, вы заслужили это. (*Смех.*)

Генеральный секретарь. Мы этого делать не будем. (*Смех.*)

Президент. Ну что же, господин Генеральный секретарь, не хотите ли сказать несколько слов, прежде чем мы подпишем договор?

Генеральный секретарь. Господин президент, дамы и господа, товарищи!

Потомки вынесут свой вердикт о значении события, которое свершается на наших глазах. Но рискну сказать: то, что мы сейчас сделаем – подпишем первое соглашение о ликвидации ядерного оружия, – имеет глобальное значение для человечества как с точки зрения мировой политики, так и с точки зрения гуманизма.

Для всех, но прежде всего для наших двух великих держав, договор, текст которого находится на этом столе, открывает большой шанс, позволяющий выбраться на дорогу в сторону от грозящей катастрофы. Мы обязаны использовать этот шанс

---

*Посол Мэйнард Глитман – участник переговоров по ядерным силам среднего и меньшего радиуса действия с американской стороны и посол Алексей Обухов – заместитель главы советской делегации.

сполна в совместном движении к безъядерному миру, который обещает нашим детям и внукам, и их внукам, и детям этих внуков полноценную счастливую жизнь без страха и бессмысленной траты ресурсов на средства уничтожения.

Можно гордиться тем, что сажаем этот росток, способный превратиться в могучее дерево мира. Но, наверное, еще рано раздавать друг другу лавровые венки. Великий американский поэт и философ Эмерсон сказал: "Лучшая награда за хорошо сделанное дело – это сделать его".

Так что давайте и вознаградим себя, приступив к делу. Пройден в трудах и спорах почти семилетний путь. Осталось сделать еще один шаг – к этому столу, – чтобы соглашение подписать.

Пусть 8 декабря 1987 года станет датой, которую занесут в учебники истории. Датой, которая обозначит водораздел, отделяющий эру нарастания ядерной угрозы от эры демилитаризации жизни человечества.

Выступление на поминках по Малькольму Болдриджу

Национальный собор в Вашингтоне
29 июля 1987 года

Мак Болдридж – министр торговли – был отличным парнем. Однажды, когда мы с ним катались верхом в штате Вирджиния, южнее Вашингтона на военно-морской базе в Куантико, он рассказал мне историю своей жизни.

Работать он начал в 14 лет пастухом. Он любил родео, любил ездить верхом, бросать лассо, но в 28 лет ему сказали, что ему больше нельзя ездить верхом, и вообще запретили физические нагрузки из-за артрита позвоночника. Было время, когда ему приходилось выпивать от 15 до 30 таблеток в день. Однажды он послал все это к черту и сказал: "Я люблю ездить верхом, и мне все равно, что говорят врачи". Итак, он опять начал ездить верхом и заниматься родео. Это было прекрасное лечение. Он рассказал мне, что вылечился благодаря тому, что прыгал с лошади и заваливал бычков.

И умер он во время родео, когда на него упала его лошадь, но мне кажется, что Мак хотел умереть именно так.

Мидж, Меган, Молли*, уважаемые дамы и господа!

Когда я позвонил Маку Болдриджу, чтобы просить его стать членом моего кабинета министров, Мидж попросила

---

* Жена и двое дочерей Малькольма Болдриджа.

перезвонить позже. Он катался верхом и тренировался в бросании лассо и не мог подойти к телефону. Вот тогда – то я понял, что именно такой человек мне и нужен.

Говорят, что быть простым человеком – дар Божий. Если под этим понимать следование простым принципам добропорядочности, то Мак был наделен этим даром. Это можно было заметить даже по тому, как он ходил по Белому дому. Создавалось впечатление, что он знает каждого, как тех, кто известен всей стране, так и секретарей и помощников. И ко всем, от своего водителя до президента, относился одинаково почтительно и уважительно. Он судил о людях не по должности и не по одежде. И, несмотря на свои большие успехи, он никогда не оценивал людей по тому, чего они добились. Не имело для него значения и то, сколько у них денег, какое положение занимают – он их оценивал по личным качествам. Честность, смелость, трудолюбие, скромность – вот с этими мерками он подходил к людям. И если вы обладали этими простыми качествами, то вы могли ему понравиться, богатый вы или бедный, знаменитый или совершенно безвестный.

То, как окружающие говорили, было еще одним критерием оценки. Известно, что он настаивал на том, чтобы переписка в министерстве торговли велась на простом языке. Он запрещал туманные, многословные фразы. Однажды признался, что любил ковбоев за то, что они никогда не говорили, если им нечего было сказать, а уж если говорили, то именно то, что думали. Он считал простой язык не свидетельством простодушия, а показателем силы и бесстрашия. Он считал, что простой язык характерен для тех, кто не скрывает своих мыслей в тумане двусмысленных слов.

Мак никогда не скрывал своего мнения. Даже если он шел против течения, он проявлял силу, ясность мысли и непоколебимость. Я всегда знал его позицию, точно так же, как знала ее вся страна. Я всегда был уверен, что узнаю от него правду, независимо от того, насколько она неприятна, непопулярна. Бывало, что кабинет министров голосовал двенадцать против одного, и он был тем единственным. Но я точно знал, что, если он верит во что-то, во что другие не верят, он никогда не будет против собственной воли следовать за толпой. Он выйдет вперед и скажет все как есть.

Все, что я говорил о Маке Болдридже, – это составляющее того простого и необычного характера, который я бы назвал американским. Своей прямоотой, своей честностью, своей неза-

висимостью, своим отсутствием чиновничества, своей смелостью он олицетворял лучшее в американском духе. Мне кажется, общепринято считать, что этот дух в основном живет в ковбоях. Я думаю, что не только благодаря своему искусству бросать лассо и своему положению здесь, в Вашингтоне, Мак был избран в зал Славы ковбоев. Он действительно ковбой, это у него в крови. Это основа его характера.

Позвольте мне сказать несколько слов о том, что он сделал для страны. Деятельность его не была простой, хотя и основывалась на простых принципах, таких, как его уважение к независимости американского характера, к свободе, которая позволяет этой независимости расцвести, и к волеизъявлению свободного общества.

Мак был архитектором внешнеэкономической политики США в те годы, когда эта политика по значимости вышла на первое место. Он помог сформулировать нашу политику в области торговли между Востоком и Западом в тот период, когда эта торговля вызывала множество вопросов и беспокойства. Пожалуй, недостаточно внимания было уделено деятельности по укреплению торговли с Китаем. За четыре года, прошедших после его поездки в Китай в 1983 году, торговля стала опорой китайско-американских отношений.

Для того чтобы сделать так много, необходимы были умение и настойчивость. Именно этими качествами Мак обладал в избытке. Эта работа требовала проницательности не только в сиюминутных делах, но и умения заглянуть в будущее всего мира, его экономики.

Я всегда восхищался проницательностью Мака. Он умел разглядеть далекие вершины гор сквозь пыль равнины. Он никогда не забывал, что все стычки и сражения вокруг торговой политики, которые происходили здесь, в Вашингтоне, и в мире, преследовали одну цель: построить мир, в котором будут жить наши дети и внуки. Мы, любящие свободу и глубоко уважающие человеческое достоинство, должны выполнить свой священный долг: сделать так, чтобы этот мир стал миром надежды и огромных возможностей, чтобы в этом мире расцвел дух свободы – да, да, это то, что вы можете назвать частью американского духа, который живет во всем человечестве, – чтобы этот дух мог нестись вперед к светящимся вдалеке вершинам.

Мне говорили, что Мак отдал своим сотрудникам распоряжение: прерывать его только в тех случаях, когда звонят два человека: одним был я, а другим – любой ковбой, который

позвонит. Для меня большая честь быть в этой компании. Мак покинул нас, когда занимался тем, что любил больше всего. И теперь, если кто-то из нас захочет ему позвонить, мы должны помнить, что он где-то далеко скачет на лошади и нам придется немного подождать. Каким бы простым он ни был, он вступил в компанию тех мужчин и женщин, которые сформировали нашу нацию и ее судьбу, и он навеки останется в этой компании.

Да, мы скорбим, но эта скорбь с нами и для нас. Мы должны верить, что дверь, которую обещал нам Бог, открыта, и он просто прошел в эту дверь в другую жизнь, где нет боли, нет скорби. И мы должны верить, что мы в один прекрасный день войдем в эту дверь и снова будем с ним вместе.

Спасибо. И да благословит вас Господь.

Выступление на церемонии чествования жителей города Чейз, штат Мэриленд

---

3 февраля 1987 года

Мне очень нравятся герои. И самое прекрасное то, что они живут среди нас, что мы встречаемся с ними в нашей повседневной жизни. Во время своего президентства я постоянно пытался обратить внимание на средних американцев, которых можно назвать тихими героями. Их так много, что я считаю героизм просто чертой американского характера.

На церемонии, где я произнес предлагаемую читателю речь, мы чествовали целую группу жителей небольшого района за их помощь пострадавшим в железнодорожной катастрофе.

Для меня большая честь принимать вас сегодня в Белом доме. Это может показаться странным. Большинство людей считают за честь быть приглашенными сюда, я не исключение. Помню, как я был смущен в тот день, в восьмидесятом году, когда американский народ впервые попросил меня переехать сюда. Сегодня же мы поменялись местами. Своими делами вы и жители вашего района оказали честь всей Америке. Вы продемонстрировали всем нам вашу любовь и смелость, самопожертвование и желание помочь тем, кто нуждается в этом, короче говоря, те качества, которые в течение многих поколений были основой американского характера.

Был обычный новогодний день. Некоторые из вас занимались стиркой, другие собрались смотреть футбол по телевизору. И вдруг что-то произошло – следователи до сих пор пытаются воссоздать полную картину, – и ваш район оказался перед лицом самой страшной катастрофы за всю историю железнодорожной компании АМТРАК. И вот, именно тогда, в тот самый обычный день, жители Чейза, штат Мэриленд, проявили те стороны своего характера, которые привыкли считать в Америке обычными, но которые на самом деле являются прекрасными и удивительными.

Одними из первых на место происшествия прибыли Роберт Букер и его двоюродный брат Майкл Купер. Роберт влез в горящий вагон, но не смог спасти никого. Я знаю, что все мы много думаем о тех, кого забрал Господь, но помним также и о тех, кто остался в живых благодаря вашей силе и храбрости. Многим вы вернули дар жизни.

А пока Майкл и Роберт помогали вытаскивать людей из поезда, Ив Букер и Хуанита Маттес помогали пострадавшим, промывали их раны, перевязывали, укрывали одеялами, принесенными из дома. Один корреспондент так написал об Ив и Хуаните: "Они работали быстро, тихо и героически. Но, когда ночь закончилась, пятнадцатилетние девочки заплакали".

В тот день таких примеров самопожертвования и любви было много. Вы и ваши соседи помогали людям выбраться из-под обломков, оказывали им помощь, кормили их, приютили их в своих домах. Нэнси Терп сказала, что в то воскресенье у нее в доме было 45 пассажиров поезда. Как сказал позже Боб Купер: "Каждый просто подходил и занимался тем, чем считал нужным". В результате большинство пассажиров были извлечены из-под обломков поезда еще до прибытия спасателей. В последующие часы и дни вы приютили в своих домах не только пострадавших во время аварии, но и спасателей и корреспондентов. Я хочу здесь упомянуть также и о тех рабочих и простых жителях, которые буквально за несколько часов выстроились в очередь, чтобы отдать свою кровь пострадавшим. Мы ими тоже гордимся.

Сейчас многие говорят о вашем замечательном и удивительном поступке, но я знаю, что Кати Фишер выступала и от имени всех вас, когда сказала корреспонденту: "Я не думаю, что это было чем-то удивительным. Мне кажется, что, если бы это произошло в другом районе, его жители сделали бы то же самое". И это самое главное, вы сделали то, что американцы

делали на протяжении двух веков: когда кто-то нуждался в вашей помощи, вы не кивали на других, а засучивали рукава и брались за работу.

Не так давно один из обозревателей телепередачи новостей сказал, что мы, американцы, стали эгоистами, что мы думаем только о себе, что мы растеряли уважение к окружающим и к своей стране. Я знаю, ему неплохо платят за то, что он каждую неделю делится со всей страной своей мудростью. Но я скажу, что истинная мудрость в словах Кати Фишер, и ваш пример лучший ответ этому обозревателю.

Да, в обычный январский день жители обычного американского района проявили необычайное мужество, самопожертвование и любовь к ближнему. А когда все кончилось, вы не хвастали и не кричали о том, что сделали. Вы просто вернулись к своей повседневной работе. Своим поступком вы помогли не только жертвам катастрофы, но и всем нам. Ваша сила придала силы всем американцам. Ваш дух еще долго будет вдохновлять и вести нас. И как президент я пригласил вас сюда для того, чтобы поблагодарить.

Спасибо вам всем. И да благословит вас Господь.

А теперь я хочу вручить свидетельство жителям Чейза, штат Мэриленд. Роберт Букер, будьте любезны, выйдите сюда и получите свидетельство. Я вручаю его в знак признания образцового гражданского поведения в лучших американских традициях.

Спасибо вам всем, спасибо. Это просто мое любопытство, но скажите, пожалуйста, где те две девочки, что плакали в ту ночь? Я знаю – они где-то здесь. А, вот вы где. Благослови вас Господь.

Мне очень не хочется покидать вас, но говорят, что меня ждут дела. Я никогда не говорил об этом. Но у меня есть несколько писем от молодых людей, которые были получены, когда я впервые приехал в Вашингтон. Одно из них, которое мне очень дорого, пришло от маленькой девочки. Она писала – она очень хорошо знает о том, чем мне приходится заниматься, и о проблемах, которые мне приходится решать, – так вот, последней фразой ее письма было: "А теперь возвращайся в Овальный кабинет и приступай к работе". (Смех.) И это именно то, что я сейчас сделаю.

Спасибо вам всем.

Обращение к нации в связи с докладом комиссии Тауэра

Овальный кабинет
4 марта 1987 года

В 1987 году история "Иран-контрас" еще более запуталась. Я назначил комиссию во главе с бывшим сенатором Джоном Тауэром для того, чтобы до конца разобраться, что же произошло. Доклад комиссии свидетельствовал, что нарушения у нас были. Наш первоначальный план был явно на каком-то этапе извращен.

Я собираюсь более полно описать это в своих мемуарах, но меня просто переворачивает от мысли о том, что кто-то поверил в мою причастность к торговле оружием в обмен на заложников. Я прекрасно сознаю, что немногие поверят этому аргументу, но ради исторической правды я чувствую себя обязанным это сказать.

Я представляю себе эту ситуацию таким образом. Если вашего ребенка похитили и кто-то, сам не являющийся похитителем, приходит к вам и предлагает свою помощь в поисках ребенка, я думаю, что большинство родителей приняли бы такую помощь, даже если бы это и стоило денег. По этой логике я не считаю, что операцию можно было назвать торговлей оружием в обмен на заложников, потому что мы имели дело с иранскими посредниками, а не с самими похитителями. Я понимаю, что многие могут сказать, что это просто слова, но тогда я верил именно в это, и верю сейчас.

Должен сказать, что, оглядываясь сейчас назад, я задумываюсь, не было ли это все заранее подготовленной ловушкой, какой-то диверсионной операцией, проведенной иранцами. Быть может, нас просто надули и заставили поверить, что это

были умеренные иранцы, которые искали выхода на Запад, а на самом деле они работали непосредственно на аятоллу для того, чтобы заполучить оружие? Кто знает? Как бы то ни было, а все закончилось скандалом, но конец света не наступил, как предвещали некоторые на Капитолийском холме.

С предлагаемым обращением к народу я выступил после опубликования материалов комиссии Тауэра.

Сограждане американцы!

Я обращался к вам из этого исторического кабинета много раз и по многим поводам. Часто думают, что президентская власть находится в Овальном кабинете. Но власть находится не здесь, она в вас, в американском народе, в вашем доверии. Ваше доверие дает президенту власть руководить, дает ему силу, а это именно то, о чем я хотел бы поговорить с вами сегодня вечером.

В течение трех последних месяцев я хранил молчание по поводу разоблачений, связанных с Ираном. Вы могли подумать: "Но почему же он не говорит нам, что случилось? Почему не хочет выступить перед нами, как он делал это раньше, когда мы сталкивались со сложностями или когда происходили трагедии?" Как мне кажется, некоторые из вас думали: "Что он там делает, прячась в Белом доме?" Ну что ж, причина моего молчания заключается в том, что вы заслуживаете всей правды. И хотя ожидание ваше было трудным и неприятным, я не чувствовал для себя возможным обратиться к вам с какими-то неорганизованными мыслями, а тем более с ошибочными заявлениями, которые потом пришлось бы исправлять, создавая еще больше недоверия и неразберихи. Этого у нас было достаточно.

Потеря вашего доверия – эта та дорогая цена, что я заплатил за свое молчание. Но я вынужден был ждать, как и вы, пока история не будет расследована окончательно. Именно поэтому я назначил посла Дэвида Эбшайра моим специальным советником, чтобы он помог распределить тысячи документов между разными следователями. Я назначил специальную комиссию, комиссию Тауэра, которая по крупницам собрала ис-

тинную картину и докопалась до самой сути происшедшего. Сейчас они представили мне свой доклад.

Меня часто обвиняют в том, что я оптимист, но в данном случае мне действительно пришлось много поработать, чтобы найти хоть какие-то положительные выводы в докладе комиссии. Как вы знаете, в докладе достаточно критики, о которой я сейчас скажу, но мне было очень приятно прочесть такую фразу: "...комиссия убеждена, что президент действительно желает, чтобы вся история до конца получила огласку". Это и будет моим обещанием в отношении работы других комиссий, расследующих это дело.

Я хочу поблагодарить членов комиссии – бывшего сенатора Джона Тауэра, бывшего госсекретаря Эдмунда Маски и бывшего советника по вопросам национальной безопасности Брента Скаукрофта. Они оказали стране и мне лично огромную услугу, представив столь полный и глубокий доклад. Я выражаю им свою искреннюю, глубокую признательность.

Я изучил доклад комиссии. Он написан откровенно, убедительно, с большой долей критики. Я принимаю эту критику. Сегодня я хотел бы поделиться с вами своими мыслями о докладе и рассказать вам о решениях, которые я принял в соответствии с рекомендациями комиссии.

Во-первых, позвольте мне сказать, что я несу полную ответственность за свои собственные действия и за действия своей администрации. Как бы ни был я возмущен теми действиями, которые были предприняты без моего ведома, я несу за них ответственность. Как бы ни был я разочарован в некоторых своих сотрудниках, именно я должен нести ответственность перед американским народом за их поведение, и как бы ни было мне неприятно обнаружить секретные банковские счета и скрытые капиталы, я должен сказать, как говорят на флоте: это случилось в мою вахту.

Давайте начнем с той части, которая представляется наиболее противоречивой. Несколько месяцев назад я сказал американскому народу, что мы не торгуем оружием в обмен на заложников. Я действовал из лучших побуждений, и мое сердце до сих пор подсказывает мне, что я сказал правду. Однако факты свидетельствуют об обратном. Как показывает доклад комиссии Тауэра, операция, задуманная как стратегическое мероприятие для установки связи с Ираном, по мере осуществления скатилась к торговле оружием в обмен на заложников. Это находится в противоречии с моими собственными взглядами, с

политикой администрации и с той стратегией, которую мы первоначально имели в виду. Можно объяснить, почему это произошло, но нельзя этого простить. Это была ошибка.

Я принял первоначальный план по Ирану, с тем чтобы развить отношения с людьми, которые могут прийти к власти после Хомейни. Из доклада совета становится ясно, однако, что я позволил своему личному беспокойству о заложниках оказать влияние на геополитическую стратегию плана проникновения в Иран. Я так много интересовался жизнью заложников, что не вник достаточно глубоко в детали этого плана.

Позвольте мне сказать несколько слов семьям заложников: мы не сдаемся. И никогда не сдадимся. И я обещаю вам, что мы будем использовать все законные средства для того, чтобы освободить ваших родных из неволи. Но я должен также предупредить всех американцев, которые по своей воле остаются в опасных районах, что они должны сами отвечать за свою безопасность.

Другим важным аспектом материалов комиссии является передача средств никарагуанским контраст. Комиссия Тауэра не смогла выяснить, что же произошло с этими средствами, и поэтому имеющиеся факты будут переданы для расследования независимому совету, назначенному судом, и двум следственным комитетам конгресса. Я уверен, что и по этому вопросу мы узнаем правду. Как я заявил комиссии Тауэра, я не знал ни о каких перечислениях средств контраст. Но как президент я не могу уйти от ответственности.

Многое говорилось о моем стиле руководства, о стиле, который позволял мне успешно работать в течение восьми лет на должности губернатора Калифорнии и в течение большей части срока на этом президентском посту. Мой метод заключается в том, что я стараюсь определить проблему, найти подходящих людей, которые могли бы сделать работу, а затем даю им возможность работать. Я обнаружил, что это неизбежно выявляет лучшее в людях, они используют свои возможности в полном объеме и в конце концов делают даже больше, чем предполагалось.

Должен признаться, однако, что, когда дело дошло до руководства сотрудниками Совета национальной безопасности (СНБ), мой проверенный стиль работы оказался неправильным. И я уже его меняю. Для начала вчера я встретился со всеми сотрудниками Совета национальной безопасности. Я разъяснил им принципы, которые, по моему мнению, должны составлять

основу политики национальной безопасности нашей страны. Я сказал им, что хотел бы видеть эту политику оправданной и понятной народу, насколько она была засекреченной. Я хотел бы, чтобы это была политика, которая отражала бы желание и конгресса, и Белого дома. Я сказал им, что в вопросах национальной безопасности недопустимы действия неофициальных лиц.

В последние месяцы вы немало слышали о сотрудниках Совета национальной безопасности. Я могу сказать вам, что они хорошие и преданные правительству сотрудники, которые не жалеют сил и времени на благо нации. Они готовы и рады служить своей стране.

Меня, однако, расстроило то, что ни один из них не вел записей о встречах и решениях, как это полагается. Именно поэтому я не сумел выяснить, одобрил ли я поставки оружия до или после того, как они начались. Я действительно одобрил их, но я не могу точно сказать когда. Ну что ж, по крайней мере теперь в доме 1600 по Пенсильвания авеню все записи хранятся так, как надо.

Уже почти неделю я изучаю доклад комиссии Тауэра. Я хочу, чтобы американский народ знал, что эта трудная многомесячная работа была выполнена не напрасно. Я подписываюсь под всеми рекомендациями комиссии Тауэра, более того, я собираюсь даже выйти за рамки этих рекомендаций, с тем чтобы улучшить работу правительства.

В настоящее время я занят решением трех кардинальных вопросов: подбором кадров, политикой национальной безопасности и созданием гарантий того, что эта система будет работать. Первый вопрос – это кадры. Я принял на работу в Белый дом целую группу новых высокоуважаемых сотрудников. Они вольют новую кровь, дадут новый импульс энергии, обеспечат надежность и поделятся опытом.

Бывший сенатор Говард Бейкер – мой новый глава аппарата – обладает огромными знаниями в области законодательства и международных отношений. Я надеюсь, что его опыт бывшего лидера меньшинства и лидера большинства в сенате поможет нам выработать новые взаимоотношения с конгрессом, в особенности по вопросам внешней политики и политики в области национальной безопасности. Я воспринимаю как большую честь для себя то, что он оставил свое намерение стать президентом для того, чтобы работать главой моего аппарата.

Фрэнк Карлуччи – мой новый помощник по национальной

безопасности – имеет большой опыт работы в правительстве. На его мнение и совет всегда можно положиться. В настоящее время под его руководством перестраивается аппарат Совета национальной безопасности, исполнительская дисциплина которого будет поставлена теперь на должный уровень. Уже почти половина штатных сотрудников СНБ заменена новыми.

Вчера я назначил Уильяма Уэбстера, человека безупречной репутации, директором Центрального разведывательного управления. Ранее он работал директором ФБР и окружным судьей. Он понимает, что значит правовое государство.

С тем чтобы воспользоваться знаниями Джона Тауэра в области национальной безопасности, я намерен назначить его членом консультативного совета по внешней разведке. Сейчас я планирую некоторые другие штатные изменения и думаю, что в ближайшие недели и месяцы произведу еще кое-какие перестановки.

Второй вопрос – это политика национальной безопасности. Я распорядился, чтобы СНБ приступил к всестороннему анализу всех тайных операций. Я дал также распоряжение, что любая тайная деятельность должна осуществляться с определенной политической целью и не должна подрывать общественных устоев Америки. По моему мнению, тайная политика должна соответствовать здравому смыслу и действовать так, чтобы, увидев сообщение о ней в газете, американцам не пришлось бы краснеть. Я издал распоряжение, запрещающее всем сотрудникам СНБ без каких-либо исключений по своей инициативе предпринимать тайные операции. Я попросил вице-президента Буша организовать собрание своих сил по борьбе с терроризмом, с тем чтобы пересмотреть политику в отношении терроризма в свете происшедших событий.

Третий вопрос касается принятия решений в области национальной безопасности. Я полностью принимаю предложенную в докладе Тауэра модель деятельности СНБ. Я отдал распоряжение господину Карлуччи предпринять необходимые шаги по осуществлению этих рекомендаций. Он доложит мне о проведении необходимых реформ. Я ввел новую должность юридического советника при СНБ для того, чтобы обеспечить соответствие деятельности Совета требованиям законности.

Я также намерен заставить работать систему контроля со стороны конгресса. Процедура консультаций с конгрессом будет осуществляться не только на бумаге, но и на деле. В конце марта я доложу конгрессу обо всех предпринятых мною шагах по докладу комиссии Тауэра.

Что происходит обычно, когда допускается ошибка? Мы получаем взыскание, усваиваем полученный урок и идем дальше. Я думаю, что это самый правильный путь преодоления трудностей. Хотя он ни в коей мере не преуменьшает важности продолжающихся расследований, но жизнь страны, нашего народа продолжается. Об этом говорят и республиканцы, и демократы в конгрессе, наши союзники за рубежом и, если мы правильно понимаем, даже Советы. Я понял, что и американский народ считает так же.

Видите ли, человек, доживший до моих лет, делает за свою жизнь массу ошибок. И, если он живет правильно, он учится. Он задумывается о будущем, собирает силы, меняется и идет вперед.

Сотраждане американцы, мне многого еще хочется добиться вместе с вами и для вас за оставшиеся два года. И, Бог свидетель, это именно то, что я намерен сделать.

Спокойной ночи. И да благословит вас Господь.

Выступление на поминальной службе по членам команды американского военного корабля "Старк"

Военно-морская база Мэйпорт. Джексонвилль,
штат Флорида
22 мая 1987 года

Еще одно горестное поминовение. Всегда мучительно больно участвовать в них, но я считаю, что, будучи верховным главнокомандующим, я обязан это делать. Мне кажется, очень важно быть там с семьями погибших.

Одна из самых трудных задач президента – посылать наших ребят навстречу опасности. Во время патрулирования в Персидском заливе американский корабль "Старк" был по ошибке атакован иракским истребителем. Тогда было много споров о том, должны ли мы обеспечивать свободное передвижение по морским трассам. Я думаю, что это решение помогло приблизить окончание ирано-иракской войны. Наши моряки заплатили за это своей жизнью.

Вскоре после трагедии мое внимание привлекла одна фотография в газете. Вдова одного из членов команды нашла Библию своего мужа. Рядом с тем местом, где была его койка, среди изуродованного металла и обломков лежала эта книга, и лишь обложка ее слегка обгорела. Библия была единственным, что уцелело после нападения.

Наша задача сегодня проста и печальна: мы должны вспомнить тех, кого любили, и отдать им почести.

Присутствующих здесь людей привела сюда любовь, неугасимая и незабвенная любовь жен и детей к погибшим отцам, отцов и матерей к погибшим сыновьям. Пришли сюда и те, у кого среди погибших и не было самых близких людей. Ими двигала печаль и скорбь, любовь к нашим согражданам, которые погибли, чтобы мы, свободные люди, могли жить, а эта великая страна – существовать.

Мы слышим эти слова и понимаем, что они бессильны. И мы снова восхищаемся мудростью, которую проявил Линкольн в Геттисберге. Когда погибают отважные, запоминаются их дела, а не наши слова. Это их жертва, а не наше краткое воспоминание становится вечным свидетельством их любви к ближнему, к нам.

Все мы люди, и у всех сегодня саднит сердце. Мы пришли сюда сегодня, просто чтобы поддержать друг друга и найти более высокий смысл, более высокую цель. И мы спрашиваем: почему это случилось? Почему с ними? Есть ли что-либо, стоящее такой жертвы? Погибших моряков мы знали и любили, но редко думали о них как о храбрецах. Можем ли мы честно сказать сегодня, что они герои? И даже если можем, разве не предпочтительнее было бы вернуть их к жизни, пусть простых людей, не героев, но наших, живых?

Это тяжелый вопрос. Тяжелый, потому что память заставляет нас мысленно возвращаться в другие страны вдали от наших берегов, о которых никто никогда не слышал до тех пор, пока там не погибли наши сыновья и братья, отцы и друзья. Каждый День поминовения, тем более после событий прошлой недели, я окунаюсь в воспоминания о великой войне, начавшейся сорок шесть лет назад. Немногие из тех, кто пережил все это, смогут забыть первые месяцы войны, когда наша страна и наши солдаты переживали тяжкое испытание.

Позже, во время кампании в южной части Тихого океана, американские моряки часто говорили о храбрости морских пехотинцев, которые высаживались на берег, чтобы сражаться и погибать. Особо запомнилась та ночь, когда неподалеку от места по названию Гуадалканал после одного из самых жестоких сражений морские пехотинцы в скорбном молчании в темноте прощались с погибшими моряками. Небольшая группа американских кораблей вступила в бой со значительно превосходящими их силами противника. И хотя враг отступил и Гуадалканал был спасен, а после сражения пять

героев были удостоены "Медали почета", цена победы была слишком высокой – девять кораблей были потоплены и сотни молодых людей отдали свои жизни. Никто из оставшихся сегодня в живых не забудет того горя, которое обрушилось сегодня на Томаса Салливана и его жену из Ватерлоо, штат Айова. Навсегда врезался в память тот осенний день, когда они узнали, что их сыновья Джордж, Фрэнсис, Джозеф, Мэдисон и Альберт – пять Салливанов, как мы их тогда звали, домой уже не вернуться.

Я не могу удержаться, чтобы не сказать вам сегодня, что в те дни наше огромное горе было легче перенести, потому что нам было легче понять, ради чего наши солдаты брошены туда и за что они воюют. Сегодня наше горе воспринимается совсем по-иному. И когда погибают молодые американцы, как те, что погибли на "Старке" в далеком море, мы снова вспоминаем, как прав был президент Кеннеди, говоря о жертвах "трудного и горького мира" и о "затянувшейся, с порой неясными целями борьбе", которую мы ведем.

Даже в такой печальный момент, как сейчас, мы должны спросить, зачем корабль "Старк" находился в Персидском заливе? Вы должны знать о том, какую важную роль сыграло их мужество в сохранении мира и свободы. Есть серьезные причины, которые заставили американские корабли патрулировать залив с 1949 года. Каждый американский президент со времен второй мировой войны понимал стратегическую важность этого региона. В этом месте сходятся три континента, здесь добывается нефть, несущая жизнь экономике многих стран, в частности нашим союзникам в Европе. Еще более важно то, что этот регион имеет решающее значение для предотвращения крупного конфликта на Ближнем Востоке, являющимся пороховой бочкой. Мы должны создавать условия длительного мира в этой тревожной и опасной части земного шара. Именно эту цель мы преследовали, когда стремились положить конец жестокой войне между Ираном и Ираком, войне, которая длится уже долгих шесть с половиной лет и которая унесла так много человеческих жизней.

Здесь поставлен на карту мир и поставлены на карту безопасность и свобода нашей страны. Если враждебная нам страна завладеет этим стратегическим регионом и его ресурсами, наша свобода и свобода наших союзников подвергнется серьезной опасности. Вот поэтому мы сохраняем там свое военно-морское присутствие. Наша цель – предотвратить, а

не спровоцировать более обширный конфликт, спасти человеческие жизни, к гибели которых мог бы привести более серьезный конфликт.

Погибшие моряки корабля "Старк" сознавали свой долг, исключительную важность своей работы. Я верю, что и большинство американцев знает цену свободы в этом беспокойном мире. Они знают, что отступить или вывести оттуда войска будет означать лишь повторение недальновидных ошибок прошлого, и в этом случае победу одержат те, кто стремится к войне, кто затевает войну, кто знает, что это приведет лишь к дальнейшей агрессии и трагедии. Поэтому сегодня мы подтверждаем простую истину: молодые американцы со "Старка" отдали свои жизни за то, чтобы не повторились ужасы прошлого, чтобы избежать разрастания войны и углубления конфликта, чтобы не пришлось тысячам, а может быть, и миллионам других солдат жертвовать собой, как сделали это моряки "Старка".

И мы снова спрашиваем: "Были ли они героями?" "Герои не сверхлюди, – сказал когда-то Герман Вук, – они хорошие люди, в свой звездный час воплотившие в себе судьбу, доблесть всего народа". В своих работах он описал судьбы тысяч таких героев нашей страны, носивших военную форму в это мирное, но беспокойное время. Он просил нас постоянно "напоминать им, что их трудная, длительная подготовка нужна, что любовь к стране благородна, что самопожертвование вознаграждается, что готовность к борьбе за свободу наполняет человека таким чувством полезности, причастности к общему делу, как ничто другое". Он писал: "Если Америка все еще остается маяком в тумане, обещанием для многих сотен миллионов угнетенных, что свобода существует, что это их светлое будущее, что они могут сбросить тиранов, получить свободу и прекратить войну, тогда нам все еще нужны герои, чтобы ночью нести дежурство".

Моряки "Старка" несли ночную вахту. Один из наших послов так сказал о них: "Они были тверды, они были храбры, они были прекрасны". Да, они были прекрасны, они были лучшими среди нас. Они были простыми людьми, выполнявшими непростую работу. Они были героями. А раз они были героями, давайте не забывать, что, хотя мы не сможем вместе с ними радоваться всем замечательным весенним и летним дням, хотя все рождественские дни и дни благодарения покажутся нам пустыми без них, нам все-таки выпадут

другие, светлые моменты, когда мы увидим блеск любознательности в детских глазах, которые впервые видят мир. Узнав немного об истории, ребенок спросит: "Почему есть на Земле такая страна – Америка? И как получилось, что этот драгоценный подарок достался именно мне?"

И у нас будет что ответить. Мы расскажем об этом дне и о тех моряках, с кем мы сегодня прощаемся. Тогда мы увидим понимание в глазах ребенка, такую же благодарность и гордость, какие испытываем мы, благодарность и гордость, которую испытывает каждый американец, думая о тех, кто пожертвовал собой ради того, чтобы наша Америка, наш драгоценный дар, всегда принадлежала нам.

Моряки "Старка" защитили нас, они выполнили свой долг. Теперь наш черед. Командующий Гэри Клайнфелтер показал нам вчера, как это делается. Он вызвался добровольно работать в координационном центре для семей погибших, когда получил сообщение, что его сын, матрос Брайан Клайнфелтер, считавшийся без вести пропавшим, обнаружен среди погибших. "Я должен продолжать работать", – сказал он. И остался на своем посту, и продолжает работать.

И мы тоже должны поддержать наше общее дело. Мы должны оставаться на своем посту. Их жертва должна помочь нам сохранить веру. В этот великий час мы должны ответить на вызов истории, как это сделали они. Это роль, к которой наш народ не стремился, но на этот вызов мы не можем не ответить – на войну ответить войной, постоять за свободу, пока она сама за себя не сумеет постоять, жить ради свободы, пока она не станет даром и прирожденным правом каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка на Земле.

Давайте не забудем наш последний долг – помнить, что эти люди стали бессмертными, погибнув за бессмертное дело, что они поделились единственным, что можно отдать в этой жизни, – страсть своих сердец. Пожертвовав собой ради других, они стали особенными не только в наших глазах, но и в глазах Господа: "Ни в ком нет больше любви, чем в человеке, отдавшем жизнь за своих друзей". Но Бог – это любовь, и мы знаем, что Он был с ними в час гибели и Он с ними сейчас. Мы знаем, что они живы не только в наших сердцах, но и в Его объятиях. И мы знаем, что они ушли раньше нас, чтобы быть готовыми встретить нас.

Сегодня мы вспоминаем их с печалью и любовью. Мы

прощаемся с ними. И подчиняясь воле того, кто создал нас, произнесем слова молитвы: "Отпусти, Господи, рабов твоих с миром, слово твое выполнено".

Позвольте мне еще раз сказать, что многие из вас долгие месяцы были оторваны от своих любимых, от этих молодых людей. Вас разделяло расстояние, многие земли и океаны. Теперь вы снова врозь, но разделяет вас не расстояние – они вошли в дверь, которую Господь обещает нам всем. Они живут теперь в мире, где нет ни боли, ни печали. Они ждут нас, и мы будем снова вместе.

Благослови вас Бог.

Выступление у Бранденбургских ворот

Западный Берлин
12 июня 1987 года

Бранденбургские ворота и берлинская стена разделяют Берлин на две части – восточную и западную. Несмотря на происходящие в коммунистических странах, и прежде всего в Советском Союзе, перемены, эта стена остается напоминанием о различии между свободой и тоталитаризмом. Народ Восточного Берлина живет в заточении, окруженный стеной, колючей проволокой и минными заграждениями.

Мы направили репродукторы в сторону Восточного Берлина в надежде, что его жители услышат мое выступление. Я видел, как полиция удерживала людей на расстоянии, не позволяя подойти достаточно близко, чтобы услышать мою речь. Они просто не понимают, что этим движение к свободе не сдержать.

В моей речи есть пара фраз, в которых я предлагал сломать стену и открыть ворота. Мне нравятся эти фразы, на них держится вся речь. Мне сказали, что государственный департамент и Совет национальной безопасности сочли эти строки слишком провокационными.

Мы не можем замалчивать правду потому лишь, что наши отношения с Советским Союзом улучшаются. Именно в этом причина того, что поначалу наши позиции в отношениях с Советским Союзом были слабыми. Строки остались в моей речи, и толпа бурно на них реагировала.

Спасибо вам большое!

Канцлер Коль, мэр Дипген, дамы и господа!

Двадцать четыре года назад президент Джон Кеннеди посетил Берлин и обратился с речью к населению города и всему миру. С тех пор в Берлине побывали еще два президента Соединенных Штатов, а сегодня я второй раз посещаю ваш город.

Мы, американские президенты, приезжаем в Берлин по той причине, что наш долг именно здесь говорить о свободе. Но, должен признаться, Берлин привлекает нас и другим: дыханием истории в городе, который более чем на 500 лет старше нашего государства, красотами Груневальда и Тиргартена, а больше всего – вашим мужеством и стойкостью.

Композитор Пауль Линке, пожалуй, верно ухватил общую черту американских президентов. Как и многие мои предшественники, я приехал сюда потому, что, где бы я ни был и что бы ни делал, "Ich hab'e noch einen Koffer in Berlin"*.

Наш митинг транслируется на всю Западную Европу и Северную Америку. Я понимаю, что его смотрят по телевидению и слушают по радио также и на Востоке. Тем, кто слушает нас в Восточной Европе, мне хотелось бы передать самые теплые приветствия и наилучшие пожелания от имени американского народа. Тем, кто слушает нас в Восточном Берлине, я хочу сказать особо: хотя я не могу быть с вами, слова мои обращены к вам в той же степени, как и к присутствующим здесь. Ибо как и вы, как ваши соотечественники на Западе, я твердо и непоколебимо верю, что "Es gibt nur ein Berlin"†.

За моей спиной возвышается стена, опоясывающая свободные секторы этого города, – часть гигантского барьера, который перерезает весь Европейский континент. От берегов Балтийского моря этот барьер, словно глубокий шрам, рассекает Германию ограждениями из колючей проволоки и бетона, загонами для сторожевых собак, сторожевыми вышками. Далее к югу видимой, явной стены нет. Но и там вооруженные пограничники и контрольно-пропускные пункты ограничивают свободу передвижения, и там они служат

*Мой чемодан остается в Берлине (нем.).

†Есть только один Берлин (нем.).

орудием тоталитарного государства, навязывающего свою волю людям. Здесь, в Берлине, этот барьер наиболее нагляден. Именно здесь, где стена перегораживает ваш город, фотографии и телевизионные камеры демонстрируют человечеству образ насильно разделенного континента. Стоя перед Бранденбургскими воротами, каждый ощущает себя немцем, разлученным со своими соотечественниками. Каждый ощущает себя берлинцем, вынужденным постоянно видеть этот безобразный шрам.

Президент Вайцзеккер сказал: "Германский вопрос остается открытым до тех пор, пока остаются закрытыми Бранденбургские ворота". Сегодня я говорю: пока эти ворота закрыты, пока эта чудовищная стена продолжает стоять, остается открытым не только германский вопрос, но и вопрос свободы всего человечества. Однако я приехал сюда не для сетований. Я увидел в Берлине, даже в тени, отбрасываемой этой стеной, то, что вселяет надежду и предвещает нашу победу.

Весной 1945 года, когда берлинцы вышли из бомбоубежищ, они увидели картину полного разрушения. Через тысячи миль народ Соединенных Штатов протянул им руку помощи. В 1947 году государственный секретарь Джордж Маршалл предложил план, впоследствии названный его именем. В речи, произнесенной ровно 40 лет назад, он сказал: "Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса".

Только что я посетил в Рейхстаге выставку, посвященную 40-й годовщине плана Маршалла. Меня поразили щиты на обгоревших обломках восстанавливаемого дома. Вероятно, память о подобных щитах в западных секторах города сохранилась у берлинцев моего поколения. На щите было написано: "План Маршалла помогает здесь крепить свободный мир". Сильный свободный Запад – эта мечта претворилась в действительность. Япония поднялась из руин и стала экономическим гигантом. В Италии, Франции, Бельгии произошло политическое и экономическое возрождение. Было основано Европейское сообщество.

В Западной Германии и в Берлине свершилось экономическое чудо – "Wirtschaftswunder". Аденауэр, Эрхард, Рейтер и другие государственные деятели осознавали практическое значение свободы, понимали, что так же, как правда может существовать лишь там, где журналисту дана свобода слова,

экономическое процветание наступает только тогда, когда фермеры и предприниматель получают свободу хозяйственной деятельности. Германские руководители снизили тарифы, расширили свободную торговлю, уменьшили налоги. Только с 1950 по 1960 год уровень жизни в Западной Германии и Западном Берлине вырос в два раза.

Западный Берлин, четыре десятилетия назад лежавший в руинах, ныне превратился в крупнейший промышленный город Германии с деловыми кварталами, прекрасными жилыми домами, красивыми улицами, лужайками и скверами. Город, где, казалось, кончилась культурная жизнь, сегодня гордится двумя крупными университетами, оркестрами, оперой, бесчисленными театрами и музеями. Где когда-то свирепствовала нужда, сегодня царит изобилие: продукты питания, одежда, автомобили, особенно хорошо представленные в магазинах и торговых центрах на улице Курфюрстендамм. Из руин и пепла жители свободного Берлина заново возродили свой город, который снова стоит в ряду крупнейших городов мира. Советский Союз, возможно, вынашивал иные планы. Но, друзья мои, на свете существуют вещи, которые Советский Союз не принял в расчет. Это "Berliner Herz, Berliner Humor und Berliner Schnauze"*.

В 50-е годы Хрущев предсказывал: "Мы вас похороним". Но сегодня западный, свободный мир крепнет и процветает, как никогда. В то же время в коммунистическом мире мы видим провал за провалом, техническую отсталость, снижающийся уровень здоровья и даже нужду: там не хватает продуктов питания. Даже сегодня Советский Союз не в состоянии себя прокормить. После этих четырех десятилетий весь мир пришел к великому и неизбежному выводу: только свобода ведет к процветанию; свобода ведет к дружбе и миру между народами, веками пребывавшими во взаимной вражде. Свобода – вот истинный победитель.

Сейчас, кажется, даже Советский Союз, хотя и с оговорками, начинает осознавать значение свободы. Мы много слышим из Москвы о новой политике реформ и о гласности. Часть политических заключенных выпущена на волю. Некоторые иностранные радиостанции уже не глушатся. Ослаблен государственный контроль над рядом производственных предприятий.

Что это? Начало глубоких перемен в советском обще-

* Берлинское сердце, берлинский юмор и берлинский задор (нем.).

стве? Или символические жесты, рассчитанные на то, чтобы убаюкать Запад ложными надеждами? Или попытка укрепить советскую систему, ничего в ней не меняя по существу? Мы приветствуем перемены и гласность, ибо считаем, что свобода и безопасность идут рука об руку, что лишь расширение свободы человека способно укрепить дело мира во всем мире. У Советского Союза есть возможность убедительно продемонстрировать свое стремление к свободе и миру.

Генеральный секретарь Горбачев, если Вы стремитесь к миру, к процветанию Советского Союза и Восточной Европы, к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам. Откройте их, господин Горбачев! Снесите эту стену!

Я понимаю страх перед войной и боль, терзающую этот разделенный континент, и я обещаю, что наша страна не пожалеет усилий, чтобы помочь вам преодолеть невзгоды. Запад безусловно должен сопротивляться советской экспансии. Поэтому мы обязаны сохранять мощный оборонный потенциал. Но мы желаем мира и поэтому должны добиваться сокращения вооружений с обеих сторон.

Десять лет назад Советский Союз бросил западному союзу новый серьезный вызов, начав развертывание сотен новых, еще более грозных ядерных ракет СС-20, способных поразить любую европейскую столицу. В ответ Запад принял решение развернуть аналогичные ракеты, если советская сторона не согласится на лучшее решение, а именно: на взаимную ликвидацию этого класса вооружений. Долгие месяцы советская сторона отказывалась вести серьезные переговоры. Когда Запад завершил подготовку к развертыванию своих ракет, наступили трудные дни, дни протестов, наподобие тех, что сопутствовали моему приезду сюда в 1982 году. Затем советская сторона вовсе ушла от переговоров.

Но, несмотря на это, мы твердо стояли на своем. И я предлагаю тем, кто протестовал тогда, и тем, кто протестует сегодня, обратить внимание на такой факт: Советский Союз вернулся к столу переговоров только потому, что мы сохранили свою силу. И именно поэтому сегодня возникла реальная возможность не просто ограничить наращивание вооружений, но впервые в истории полностью ликвидировать целый класс ядерного оружия.

В эту самую минуту в Исландии проходит совещание министров стран НАТО, на котором обсуждается ход переговоров по нашим предложениям о ликвидации этого вида

оружия. На переговорах в Женеве мы также предложили значительно сократить наступательные стратегические вооружения. Западные союзники также выдвинули далеко идущие предложения по сокращению опасности возникновения ядерной войны и полному запрещению химического оружия.

Пока мы добиваемся сокращения вооружений, я обещаю вам полностью сохранять нашу способность отразить любое по масштабу советское нападение. В сотрудничестве со многими нашими союзниками Соединенные Штаты разрабатывают программу стратегической оборонной инициативы, которая предусматривает не ответный удар как средство сдерживания, а оборонительные системы в точном значении этого понятия. Короче говоря, наши системы не угрожают населению, а оберегают его. Эти средства направлены на то, чтобы укрепить безопасность Европы и всего мира. Но мы должны помнить важнейший факт: Восток и Запад не доверяют друг другу не потому, что они вооружены. Мы вооружены потому, что не доверяем друг другу. И разногласия наши касаются не вооружений, а понятия свободы. Когда президент Кеннеди выступал здесь в здании муниципалитета 24 года назад, свобода была в окружении. Берлин находился в осаде. Сегодня же, несмотря на все попытки оказать давление на этот город, свобода Берлина находится под надежной защитой. И свобода преобразует весь мир.

Демократия возрождается на Филиппинах, в Южной и Центральной Америке. В бассейне Тихого океана свободное предпринимательство творит одно экономическое чудо за другим. Научно-техническая революция в промышленно развитых странах привела к бурному росту компьютеризации и развитию телекоммуникаций.

В Европе лишь одно правительство и страны, находящиеся под его контролем, отказываются примкнуть к сообществу свободы. Однако в наш век ускоренного экономического роста, информации и обновления Советский Союз стоит перед выбором: либо решиться на фундаментальные перемены, либо безнадежно отстать.

Сегодня время надежд. Запад готов помочь Востоку в развитии подлинной открытости, устранении барьеров, разделяющих людей, создании более безопасного и свободного мира. Берлин лежит на стыке Востока и Запада, так что нет лучшего места, чтобы начать этот процесс. Свободные жители Берлина! Сегодня, как и в прошлом, Соединенные Шта-

ты стоят за неукоснительное соблюдение всех пунктов Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 года. Давайте же воспользуемся 750-летием вашего города, чтобы открыть новую эру, в которой жизнь в Берлине будет еще полнее и богаче. Давайте развивать связи между Федеративной Республикой Германии и Западным Берлином, что допускает соглашение 1971 года.

Я призываю господина Горбачева способствовать сближению восточной и западной частей Берлина, чтобы их население могло пользоваться преимуществами жизни в одном из крупнейших городов мира.

Чтобы Берлин стал еще более открытым для всей Европы, как для Запада, так и для Востока, давайте расширять, делать более удобным и более дешевым воздушное сообщение с этим городом. Мы ждем того дня, когда Западный Берлин сможет стать одним из крупнейших центров воздушной связи в Европе.

Соединенные Штаты готовы совместно с французскими и британскими партнерами помочь в организации международных форумов в Берлине. Этому городу самой судьбой предназначено служить местом проведения сессий ООН и международных конференций по правам человека, контролю над вооружениями и другим вопросам международного сотрудничества.

Ничто не дает большую надежду на будущее, чем просвещение юных умов. Поэтому мы будем рады помочь в организации летних программ обмена, культурных и иных мероприятий для молодежи из Восточного Берлина. Не сомневаюсь, что наши французские и британские друзья проявят не меньшую готовность. И хочется надеяться, что в Восточном Берлине найдутся инстанции, которые будут способствовать подобным визитам молодежи из западных секторов города.

Наконец последнее предложение, особенно дорогое моему сердцу. Спорт облагораживает и доставляет радость. Многие из вас, вероятно, обратили внимание на то, что Республика Корея – Южная Корея – предложила провести ряд соревнований по программе Олимпиады 1988 года в Северной Корее. Международные соревнования в любых видах спорта могли бы проводиться и в обеих частях Берлина. Разве это не лучший способ показать миру открытый характер этого города – провести когда-нибудь Олимпийские игры в его обоих секторах – Восточном и Западном?

Как я уже сказал, за четыре десятилетия вы, берлинцы, воссоздали свой великий город. Вы сделали это вопреки угрозам, вопреки попыткам советской стороны навязать вам восточногерманскую марку, вопреки блокаде. Сегодня ваш город процветает, несмотря на злонамеренность тех, кто воздвиг эту стену. Что удерживает вас здесь? Несомненно, вам следует воздать должное за негибимое мужество и силу духа. Но я убежден, что есть еще что-то более глубокое, что-то связанное со всем мировоззрением, мироощущением и образом жизни Берлина. Не просто сентиментальные чувства удерживают вас здесь, ибо достаточно недолго пожить в Берлине, чтобы полностью расстаться с иллюзиями. Это что-то помогает вам жить в Берлине, несмотря на все тяготы. Это что-то служит стимулом и дальше строить прекрасный и гордый город в окружении тоталитаризма, подавляющего волю и надежды людей. Это что-то в полный голос говорит "да!" городу, будущему, свободе. Это что-то, привязывающее вас к Берлину, – настоящая и глубокая любовь!

Может быть, в этом и коренится суть проблемы, самое глубокое различие между Востоком и Западом. Тоталитарный мир потому и отстаёт, что совершает насилие над духом, сковывая порывы к творчеству, радости, вере. Тоталитаризм видит вызов даже в символах любви и веры. Много лет назад, еще до того как в Восточной Германии стали восстанавливать церкви, на Александерплац была воздвигнута телевизионная башня. И с первого же дня власти начали биться над тем, чтобы устранить одну странность этой башни. Стекланный шар на ее вершине покрывали всевозможными химическими составами и красками. Но и сегодня, когда на этот шар, возвышающийся над всем Берлином, падают солнечные лучи, их отражение образует крест. Этот символ любви и веры, оказалось, нельзя уничтожить, как и сам город.

Несколько минут назад, выглянув из окна Рейхстага – этого воплощенного символа единой Германии, – я обратил внимание на надпись, сделанную с помощью пульверизатора, вероятно, каким-то юным берлинцем: "Эта стена падет. Вера становится явью". Да, эта стена падет во всей Европе. Ей не устоять перед верой, ей не устоять перед правдой. Этой стене не устоять перед свободой.

И в заключение еще несколько слов. Я читал, что были демонстрации протеста против моего визита, и меня спраши-

вали, что я об этом думаю. Мне хотелось бы сказать участникам этих демонстраций только одно: задумывались ли они когда-нибудь над тем, что, если бы установился тот образ правления, какой они, как видно, желают, то никто из них и никогда не смог бы делать то, что они все время делают.

Благодарю вас, и да благословит вас Бог.

Выступление на поминках Эдит Локет Дэвис

Римская католическая церковь апостола Фомы
Феникс, штат Аризона
31 октября 1987 года

Я никогда не видел, чтобы у матери с дочерью были такие близкие отношения, как у Эдди, моей тещи, с Нэнси. Они говорили каждый вечер. Только через несколько лет после смерти Эдди Нэнси сможет свыкнуться с мыслью, что ее нет.

Я был без ума от своей тещи. Честно говоря, после того, как я познакомился с ней, я уже не мог рассказывать анекдотов о тещах, хотя вы знаете мою страсть к разным историям. Каждый раз, когда она слышала новый анекдот, Эдди звонила мне. После того как я стал президентом, она особенно полюбила немного рискованные шуточки. Она была замечательная женщина, и я очень скучаю по ней.

Отец Джон Доран. Добро пожаловать в приход св. Фомы! В каком-то смысле это был семейный приход Эдди, потому что, хотя она и не была католичкой, она стала посещать его в 1951 году, когда мы размещались в небольшом бараке на окраине этого участка.

Она, кстати, была одной из первых покровительниц этого прихода. Однажды в воскресенье она пришла в наш старый, холодный барак, где мы сидели на складных стульях, и сказала: "Надо что-то делать с этим приходом". Она поехала в

Билтмор, это было много лет назад, и обратилась к тамошним католикам: "Вас тут много, богатых католиков, и вы должны сделать что-нибудь для молодого маленького священника, который пытается создать приход. Так вот, в воскресенье вечером я устраиваю игру в бинго, куда вы все придете, а выигрыш мы отдадим на пожертвование". Так и получилось. Что бы она ни говорила, все в точности так и случилось. На следующий день она пришла ликующая с полной сумкой денег, которые собрала в тот вечер.

Это было началом ее работы в церкви. Все это время она была членом нашего прихода, который значительно вырос. Однажды, лет восемнадцать назад, когда Эдди болела, Лойал* отвел меня в сторону и сказал: "Отец, вы должны дать мне одно обещание". – "Какое?" – спросил я. "Обещайте, что, когда Эдди умрет, вы похороните ее в этой церкви, в которую она ходила все эти годы".

Вот мы и выполняем это обещание. Вчера вечером мы с Нэнси переглянулись и сказали: "Мы выполняем обещание, данное Эдди. И мы выполняем обещание, данное Лойалу".

Очень хорошо, что вы с нами сегодня, когда мы произносим добрые слова об очень хорошем человеке.

Президент. Как можно прощаться с человеком, которого мы любили так долго, с человеком такой нежной души, который так любил нас? В действительности, она любила все человечество. У каждого из нас есть дорогие воспоминания о ней. Я познакомился с Диди[#] по телефону. Когда я ухаживал за Нэнси, она представила меня своей матери по телефону, а потом иногда подзывала, чтобы я поговорил с ней. Это были своеобразные телефонные визиты. Продолжалось это довольно долго, и когда мы наконец встретились, то были уже хорошими друзьями.

Немного перефразируя Уинстона Черчилля, можно сказать, что "встретиться с нею было все равно, что открыть бутылку шампанского". Мы с Нэнси провели наш медовый месяц здесь, в Аризоне, с Диди и Лойалом. После того как мы прожили рядом этот месяц и получше узнали друг друга, честно скажу, мне стало трудно рассказывать анекдоты о тещах.

У Сомерсета Моэма есть фраза, которая очень хорошо ее характеризует: "Если вы любили, как любила она, вы и в старости остаетесь прекрасной".

---

*Тесть Р.Рейгана.

[#]Сокращенное имя от Эдди.

Многие, кто не знал Диди лично, должны помнить ее – она в течение двадцати пяти лет возглавляла в Чикаго большую благотворительную организацию и занималась сбором пожертвований. Очень многие должны помнить ее по Фениксу, где она собирала миллионы долларов на помощь детям-инвалидам. Но еще больше людей помнят ее за личное участие, за то, что она сделала для них, за помощь в трудные минуты.

С постовым на углу она не просто здоровалась, они были хорошими друзьями. Она знала бесчисленное множество людей: курьеров, уборщиц, пациентов доктора Лойала и, конечно же, студентов медицинского факультета Северо-западного университета.

Впервые я осознал, как хорошо она известна и как ее любят, когда несколько лет назад мой спонсор на телевидении привез меня в Чикаго для участия в какой-то конференции. Мероприятие затянулось допоздна, и когда я вышел на улицу, было уже темно. Диди и Лойал сказали мне название кафе, в котором мы должны были встретиться, чтобы поужинать. Я спросил швейцара, как добраться до этого кафе, могу ли я пойти туда пешком или нужно брать машину.

Как-то так вышло, что я сказал ему, с кем должен встретиться. Когда я произнес имя, он прервал меня, подняв руку, и бросился к перекрестку. Я решил, что он ищет такси. Машины стояли у светофора, среди них была одна полицейская. Он помахал полицейским, и те подъехали. Швейцар объяснил им, кто я такой и с кем должен встретиться. В следующее мгновение я уже несся к кафе, сидя в машине с двумя полицейскими, которые прекрасно знали Диди Дэвис и быстро доставили меня на место.

В другой раз мы с Нэнси ехали из Нью-Йорка в Чикаго ночным поездом и прибыли рано утром в самый разгар метели. Ни одного носильщика и близко не было. Проводники выгрузили наши вещи на платформу, а до здания вокзала было довольно далеко.

В разыгравшейся метели пассажиры судорожно пытались разыскать свои вещи. Мы с Нэнси посмотрели в сторону вокзала и вдруг увидели, что Диди идет с двумя носильщиками под руку. *(Смех.)* Все трое были увлечены разговором, и, когда они подошли ближе, я услышал, что она спрашивала одного из них о его дочери и обращалась к нему по имени. Она спрашивала, как у той идут дела в школе. Тут они подошли к нам, и Диди сказала: "Вот моя дочь и сын, не могли бы вы помочь им с их

багажом?” Мы впятером пошли по платформе к вокзалу, и теперь Эдди вела под руки нас, а два носильщика несли наши вещи мимо сотен пассажиров, которым никто не помогал.

Одну вещь я никогда не забуду. Когда она подошла к нам, со своими друзьями, она представила меня как своего сына, а не зятя, что для меня очень важно.

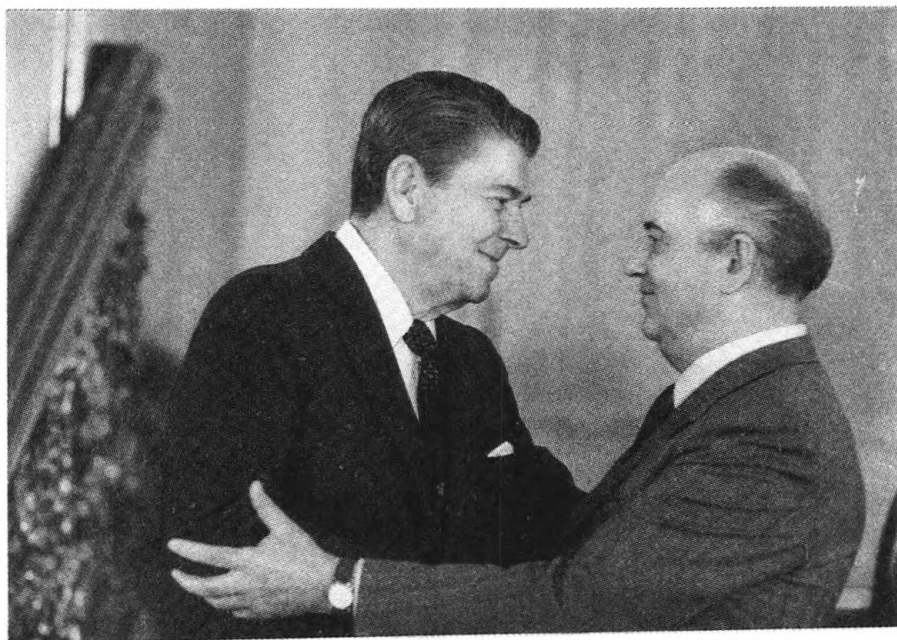
Всю свою жизнь она излучала мудрость, очарование и доброту. Она воспитала сына, который стал известным хирургом, прекрасным мужем и отцом. Она дала миру нежную дочь, женщину, которая сделала мою жизнь полноценной.

Дик и Нэнси, сейчас, в этот горестный час, я надеюсь, вы получите какое-то утешение от сознания того, что вы были нежными детьми, и Диди была счастлива и гордилась вами.

Все мы, собравшиеся здесь, глубоко скорбим. Это скорбь о той утрате, которую мы понесли. Но давайте осознаем, что Диди всего лишь прошла в дверь, отделяющую эту жизнь от другой, обещанной нам Богом, вечной жизни, где нет старых, где нет боли и печали, где она та же веселая и нежная Диди, которую мы помним, снова рука об руку с Лойалом, окруженная теми, кого она любила, и кто ушел туда раньше нее.

Она поглядывает на нас нежно и ласково. Да, да, она с нами. Она видит и слышит нас. Она хочет, чтобы мы были счастливы, зная, что однажды мы все снова будем вместе. И, насколько я знаю Диди, та обещанная нам жизнь будет еще лучше, когда мы придем туда, потому что Диди уже там.

1988

Выступление на дне ветеранов

Мемориал ветеранам войны во Вьетнаме
11 ноября 1988 года

У меня осталось очень хорошее впечатление от последнего года пребывания на посту президента. Действительно, все складывалось как нельзя лучше. Я много поработал, чтобы Джордж Буш стал президентом. Поездка в Москву была очень успешной. Экономика продолжала развиваться, и работой было обеспечено значительно больше людей, чем когда бы то ни было. По словам журналиста Лу Кеннона, я оставался президентом до самого последнего момента. Мне это приятно.

Если бы мне предложили выбрать одну из моих речей 1988 года, которая в наибольшей степени отражает то, чего я достиг за свои два срока пребывания на посту президента, мне кажется, я бы выбрал именно эту. Мне очень приятно, когда люди говорят, что одним из моих достижений было восстановление духа и веры Америки, потому что я очень старался добиться этого. Я думаю, что это проявилось в том числе и в нашем отношении к ветеранам войны во Вьетнаме.

Мой хороший друг, Деннис Лебланк, воевал во Вьетнаме. Из его роты в живых осталось только трое. Когда он вернулся в колледж и ребята узнали, что он был во Вьетнаме, они стали называть его убийцей и сторонились его. Представьте, как чувствовал себя этот молодой человек, рискующий своей жизнью ради своей страны. Мне было очень больно, когда я впервые услышал его рассказ.

Одно из лучших писем, которое я получил за время своего президентства, пришло из Техаса от ветерана войны во Вьетна-

ме, написавшего, что я помог ему вновь поднять голову. Если я действительно имею к этому отношение, то одно это оправдывает два срока пребывания на посту президента.

Спасибо вам, Джек Уильер*, спасибо вам большое! Для меня очень ценен этот подарок, и большое спасибо вам всем и доброе утро.

Прежде чем я начну, позвольте мне поздравить Мемориальный фонд ветеранов войны во Вьетнаме и уважаемых гостей, без которых сооружение и открытие этого мемориала просто бы не состоялось. Позвольте мне также сказать, что Америка благодарна сотням ветеранов Вьетнама, которые, когда я просил их, соглашались работать в моей администрации и честно служили и служат своей стране. Я благодарю вас за вашу преданность Америке.

Мы собрались здесь сегодня, как мы собирались и раньше, чтобы вспомнить тех, кто служил, тех, кто воевал, тех, кто до сих пор считается пропавшим без вести, и тех, кто из любви к стране отдал ей все, что мог. Мы собрались у памятника, на котором выбиты имена наших родственников и друзей. Имена тех, о чьей судьбе мы ничего не знаем, помечены крестиками, а не ромбами. Незадолго до своей смерти один солдат написал такие слова: "Возьми то, что они оставили, и то, чему они научили тебя своей смертью, и храни это в себе. Найди время, чтобы вспомнить всех героев, которые погибли, сражаясь рядом с тобой".

И сегодня в День ветеранов, как это повторяется каждый год, мы выбрали время, чтобы вспомнить героев Вьетнама и героев всех наших войн. Мы помним тех, кого призвали отдать все, что может отдать человек, и мы помним тех, кто был готов принести эту жертву, если бы ее от него потребовали для выполнения долга, хотя никто этого и не просил. И больше всего мы помним их преданность, мужество, благодаря которым они приумножили славу нашей страны, потому что боролись за правое дело.

---

*Джон (Джек) Уильер – председатель Мемориального фонда ветеранов войны во Вьетнаме. Он подарил президенту бронзовую копию статуи "Три бойца", которая является частью мемориала.

Я не собираюсь сегодняшней речью вызвать у кого-нибудь раздражение. В отличие от других войн нынешнего столетия о правомерности и правильности вьетнамской войны было много споров. Обе стороны спорили искренне и страстно. Чего еще хотим мы от нашей демократии? И все же теперь, когда прошло уже десять лет со времени появления первых отчаявшихся беженцев на лодках, после смертоносных полей в Камбодже, после всего, что случилось в этом многострадальном уголке земли, кто станет сомневаться, что дело, за которое сражались наши солдаты, было правым? Это была борьба за свободу, пусть к ней не совсем правильно шли. Они проявили необычную храбрость, отдавая себя этому делу. Быть может, теперь, когда уже слишком поздно, мы должны запомнить один урок: мы не должны отправлять молодых американцев на войну, где они могут погибнуть, пока мы не готовы разрешить им добиться победы.

Больше того, сегодня мы помним, что наши герои Вьетнама преподали нам еще один урок, урок вечной любви. Да, да, потому что все они – и те, кто вернулся, и те, кто погиб, они все любили свои семьи. Жива их любовь к своим боевым соратникам и друзьям, которые остались дома. Жива их любовь к стране.

Этот мемориальный комплекс стал памятником этой вечной любви. Доказательством тому служат тысячи людей, которые приходят прочесть написанные здесь имена. Послания и записки, которые они здесь оставляют, шепча свои заклинания, поднимаются вверх над окружающими деревьями и разлетаются по всей нашей мирной стране. Плюшевый мишка из детства, фотографии сына или дочери, которые родились слишком поздно и не видели своего отца. Орденские ленточки, записки; здесь так много всего этого, и все это доказывает, что любовь к ветеранам живет до сих пор. Вся наша жизнь – свидетельство их любви к своей стране и к нам. Наша свобода, наши ценности, все, что защищает Америка, находится сегодня в безопасности, потому что доблестные люди, мужчины и женщины, были готовы сражаться на фронте свободы. И мы благодарим Господа за них.

Все здесь есть: имена доблестных героев, вечная любовь, наши воспоминания о глубоких разногласиях по поводу войны. Это место напоминает нам обо всем – о добром и о печальном, напоминает нам о великой истине, о нашей стране: из всех наших разногласий мы всегда выходили более сильными. Быть

может, мы обретаем эту новую силу сейчас, и если так, то идет она от прощения и целительной любви, которую демонстрируют нам наши ветераны.

Слишком долго стояли они на холодном ветру, как в дозоре зимней ночью. Их дела были у нас на глазах, но мы их не замечали. Их голоса звали к нам, но мы не слышали их. Все же на нашей благословенной земле рассвет всегда следует за ночью, и вот теперь пришло утро. Ночь кончилась. Мы видим этих людей, снова узнаем их и узнаем, насколько мы им обязаны, как много они дали нам и что за многие их дела мы никогда не сможем с ними расплатиться. Как от каждого человека, так и от имени всей нации мы говорим: мы любим вас.

В эти дни мы проявили свою любовь по-разному, поступила помощь и от правительства. Теперь на этом мемориале в День поминовения, в День ветеранов, в День возвращения пленных и пропавших без вести развеивается флаг пленных и пропавших без вести. Это незначительный жест, но он несет глубокий смысл. Америка всегда беспокоится о тех, кто еще не вернулся. Мы провели переговоры с вьетнамской стороной о возвращении домой сыновей нашей отчизны. В отдаленных районах Вьетнама впервые работали специальные следовательские группы, которые пытались найти следы тех, кто считался пропавшим без вести. Мы также начали очередную серию поисков и раскопок в местах падения самолетов в Лаосе. Мы заявили Ханюю, что он должен доказать американскому народу путем сотрудничества, что на территории Индокитая нет американских граждан, находящихся там вопреки своей воле. В противном случае мы сделаем предположение, что такие граждане есть, и предпримем все возможное, чтобы найти их.

Здесь, у нас в стране, деятельность нового министерства по делам ветеранов и осуществление программы увеличения выплат ветеранам являются лишь внешними видимыми признаками того глубинного и невидимого милосердия, которое пришло на нашу землю. Служба во Вьетнаме снова стала признаваться всеми проявлением доблести и героизма. Четыре года назад я заметил, что этот поворот сознания, это исцеление началось, и я надеялся, что прежде чем истекут мои дни пребывания на посту Верховного главнокомандующего, оно будет завершено. Теперь, когда я приблизился к концу моего срока пребывания на этом посту и вижу, что ветераны войны во Вьетнаме заняли подобающее им место среди героев Америки, я прихожу к выводу, что мы исцелились. Добро пожаловать домой – вот все, что я могу сказать сегодня нашим ветеранам.

А теперь, прежде чем мы с Нэнси уйдем, мы хотим, как и многие другие, оставить записку у стены. Мне бы хотелось прочесть вам то, что мы напишем:

”Наши юные друзья! Да, наши юные друзья, потому что в наших сердцах вы всегда останетесь юными, полными любви, которая олицетворяет молодость, любви к жизни, желания радоваться, любви к стране. Вы храбро сражались за свою страну, за ее безопасность, за свободу других. Мы любим вас за это. Мы почитаем вас и верим, что, как и других своих священных детей, Господь благословит вас и оставит при себе. И Господь обернется к вам своим сияющим лицом и одарит вас миром ныне и во веки веков”.

Спасибо вам всем, и да благословит вас Господь.

Выступление на обеде для журналистов Белого дома

Вашингтон, округ Колумбия
21 апреля 1988 года

Мне очень хотелось включить сюда одно из своих выступлений на веселых обедах, которые я часто посещал, – таких, как в клубе Альфальфа, на обеде корреспондентов радио и телевидения, в Гридиронском клубе. Каждый год я ходил на эти мероприятия, и сама атмосфера там была пропитана юмором. Проблема в том, что политические шутки теряют остроту, когда читаешь их через несколько лет после события.

Я решил поместить здесь одно из моих выступлений, чтобы вы могли почувствовать, что это были за обеды.

Спасибо вам всем огромное! Мне очень приятно быть здесь. Боже, ну и толпа! Как будто читаешь оглавление книги Лэрри Спикса*. (Смех.) Приятно видеть здесь Норма Сандлера и вашего нового президента Джерри О'Лири.

В своей книге Лэрри пишет, что Джерри всегда набивал карманы печеньем. Джерри отрицает это, но в начале обеда я все-таки попросил его держаться подальше от моей булочки. (Смех.) Лэрри пишет также, что процесс моей подготовки к

---

*Бывший пресс-секретарь Рейгана, написавший книгу о своей работе, где упомянул очень многих работников средств массовой информации.

пресс-конференциям напоминал ему изобретение колеса. Это неправда. Я сам видел, как изобретали колесо – это было проще. (Смех.) Даже Говард Бейкер пишет обо мне книгу под названием "Три на пять – формат президента". (Смех.) Майк Дивер утверждает в своей книге, что у меня очень рассеянное внимание. Я хотел ответить и на это, но... а, черт, давайте поговорим о чем-нибудь другом. (Смех.)

Извините, я забыл отдать должное Якову Смирнову*. Я слышал его выступления и раньше, он очень веселый человек. Кстати, а почему бы нам немного не повеселиться? Может быть, поедете со мной на следующую встречу на высшем уровне в качестве моего переводчика? (Смех.)

В последнее время средства массовой информации имели богатое поле деятельности. Мне кажется совершенно необыкновенным, что Ричард Никсон участвовал в телевизионной передаче "Встреча с прессой", целый час провел с Крисом Уоллесом, Томом Брокау и Джоном Чэнселлором. Это должно положить конец разговорам, что его уже достаточно наказали. (Смех.) Вы, конечно же, были заняты репортажем о предварительных выборах в Нью-Йорке. Боюсь, что взгляды Дукакиса на внешнюю политику, пожалуй, слишком левые для меня. Он против американского военного присутствия в Корее, против американского военного присутствия в Центральной Америке и против американского военного присутствия в Пентагоне. (Смех.) С другой стороны, сегодня Дукакис узнал прекрасную новость о поддержке Джимми Картера – он ее не получил. (Смех.)

У Джорджа Буша все в порядке. Джордж был замечательным вице-президентом, но у кого нет недостатков? (Смех.) Я назначил его ответственным за борьбу с терроризмом, а группа Маклафлина все еще в эфире. (Смех.) Сейчас так много внимания уделяется выборам президента, что я почувствовал себя заброшенным. Я так истосковался по вниманию, что хотел даже устроить пресс-конференцию. (Смех.) У меня даже нашлось время посмотреть вручение Оскаров. Меня немного разочаровал "Последний император" – я думал, это о Доне Ригане." (Смех.)

У меня, конечно, все еще есть масса работы. Панамское дело продолжается. Одного не могу понять – если конгрессмены так уж хотят поставить панамскую экономику на колени, почему бы им не поехать туда и не поруководить ею? (Смех.)

*Известный комический актер.

"Министр финансов в администрации Р.Рейгана.

Дамы и господа. Это последний обед для корреспондентов Белого дома, на котором я присутствую. У нас были споры и разногласия, но я многому у вас научился. *(Смех.)*

Я не собираюсь вместо прощания стоять здесь и произносить одну из тех затасканных сентиментальных проповедей о прессе и президентстве. Ни один из нас этому не поверит. *(Смех.)* Президенту может нравиться кто-то из работников прессы лично. Мне нравятся Джерри и Норм, и Джоанна, и Лу, и многие другие, но президент по своему статусу должен стремиться держать в руках власть, чтобы достичь своих целей ради народа. Пресса усложняет этот процесс консолидации силы, используя свою мощь, и это порождает трения. Каждый президент старается использовать прессу в своих интересах и избегать ситуаций, наносящих вред этим интересам. Поступать иначе – значит ослаблять его как руководителя. Пресса не младшая сестра, нуждающаяся в поддержке. У нее сейчас больше свободы, больше влияния, чем когда бы то ни было. Пресса может прекрасно сама о себе позаботиться. И президент тоже должен уметь позаботиться о себе. Я надеюсь, что в моем некрологе корреспонденты Белого дома напишут то же, что должно быть в некрологе о любом президенте: "Он воздавал в той мере, в какой получал". *(Смех.)* В этом, по-моему, суть здоровой прессы и нормального президентства. Мне осталось только поблагодарить вас за то, что вы пригласили меня сегодня, и за ваше гостеприимство.

Выступление и ответы на вопросы на встрече со студентами Московского государственного университета

---

31 мая 1988 года

Поездка в Москву была одним из самых интригующих событий за все время моего пребывания на посту президента. Личные впечатления помогают лучше понять страну. Русский народ пережил громадное потрясение в своей истории, что просто бросается в глаза. Это потрясение нашло отражение даже в архитектуре.

Царская роскошь и великолепие, которые я видел в Кремлевском дворце, а Нэнси в замечательных ленинградских музеях, делают понятными причины революции. Цари присвоили все богатство этой страны, отобрав его у народа. Тут же, рядом, однообразные, серые, холодные постройки эпохи коммунизма. И понимаешь, что народу опять досталось немного, потому что богатство страны используется для поддержания государства, но только теперь коммунистического государства со своей армией, которое забирает себе все богатство, производимое народом.

Построенное Сталиным здание Московского университета имеет весьма зловещий, угрожающий вид. Но, выступая перед студентами, я почувствовал, что могу говорить с ними, как с любыми другими студентами. Холодок исчез.

Только представьте, какой шаг вперед мы сделали – я выступал в аудитории, где в глубине сцены был установлен большой бюст Ленина. Я выступал не перед всеми студентами университета, потому что в зал из-за недостатка мест пускали только членов комсомола. Выступая, я не знал об этом, но похоже, что это и не имело значения, потому что слушатели

хорошо реагировали на мои слова. Я видел, как студенты переговаривались между собой, временами кивали, порой улыбались. Я вышел оттуда в хорошем настроении.

Я имел возможность совершенно свободно рассказать этим молодым коммунистам об Америке. Сейчас вы прочтете, как я построил нашу защиту.

Президент. Благодарю Вас, ректор Логунов, и всех присутствующих здесь за теплый прием! Мне доставляет большое удовольствие находиться в Московском государственном университете, и я благодарю всех вас за то, что вы пришли сюда. На этой неделе вы, конечно, очень заняты подготовкой к выпускным экзаменам. Позвольте пожелать вам успеха. Нэнси сегодня не смогла приехать – она в Ленинграде, который, как она говорит, очень красив, – но просила передать вам привет и пожелания успехов.

Мне вновь предоставлена возможность обратиться непосредственно к народу Советского Союза, и я с большим удовольствием воспользуюсь этой возможностью. Перед отъездом из Вашингтона я получил множество эмоциональных писем и телеграмм, в которых содержалась просьба во время пребывания здесь, в Москве, передать одну простую мысль. Эта простая мысль, быть может, является одним из самых важных пунктов повестки нынешней встречи в верхах – это мысль о мире, доброй воле и надежде на укрепление дружбы и близости наших народов.

Как вы знаете, я прибыл в Москву для того, чтобы встретиться с одним из наиболее выдающихся выпускников вашего учебного заведения. На нынешней, четвертой по счету, встрече в верхах мы с Генеральным секретарем Горбачевым провели вместе много часов, и я считаю, что мы начинаем лучше узнавать друг друга. Разумеется, в центре наших переговоров стояло множество важных проблем современности – проблем, которых я коснусь несколько позже. Но вначале я хотел бы побеседовать с вами так же, как я беседовал бы с любой группой студентов американского университета. Я хочу побеседовать с вами не только о реальностях сегодняшнего дня, но и о возможностях завтрашнего.

Стоя сейчас здесь, у мозаичного панно, рассказывающего о вашей революции, я хочу поведать о совершенно иной революции, которая без кровопролития и конфликтов развивается сейчас, незаметно охватывая весь земной шар. Ее последствия носят мирный характер, но они коренным образом изменят наш мир, ликвидируют старые представления и изменят нашу жизнь. Ее значение легко недооценить, поскольку в ее честь не звучат фанфары и не развеваются знамена. Ее назвали технической или информационной революцией, и ее символом можно считать крошечный кристалл кремния, по размеру не больше ногтя. Один такой кристалл обладает большей способностью обрабатывать информацию, чем старые компьютеры, занимавшие целую комнату.

В рамках программы обменов в вашей стране сейчас находится выставка, демонстрирующая, как информационная техника изменяет нашу жизнь: заменяя ручной труд роботами, предсказывая погоду для работников сельского хозяйства или рассчитывая генетический код ДНК для ученых-медиков. Сегодня эти микрокомпьютеры помогают в разработке конструкций всевозможных объектов – от домов и автомобилей до космических кораблей, они даже разрабатывают более прогрессивные и быстродействующие компьютеры. Они могут переводить текст с английского языка на русский и позволяют читать слепым, а Майклу Джексону на одном синтезаторе воспроизводить звучание целого оркестра. С помощью сети спутников и волоконно-оптических кабелей один человек с настольным компьютером и телефоном получает в свое распоряжение такие возможности, которые всего несколько лет назад были недоступны правительствам крупнейших стран.

Подобно тому как из раствора вырастает кристалл, мы поднимаемся из экономики промышленной революции – экономики, связанной и ограниченной физическими ресурсами Земли, – к тому, что один экономист вынес в название своей книги, – к "экономике разума", в которой нет границ человеческому воображению, а свобода творчества становится самым ценным видом природных ресурсов. Задумайтесь об этом маленьком компьютерном кристалле. Его ценность – не в том песке, из которого он сделан, а в микроскопической структуре, созданной в нем изобретательностью человеческого разума. Или возьмите спутник, с помощью которого репортаж о нашей встрече транслируется на весь мир и который заменяет собой тысячи

тонн меди, добываемой из глубин Земли и превращаемой в проволоку. В этой новой экономике человеческая изобретательность все дальше уводит нас от традиционных путей использования ресурсов Земли. Мы вырываемся за рамки материального существования в тот мир, где человек сам определяет свою судьбу. По мере того как мы изучаем науку на самых передовых рубежах, мы возвращаемся к вековой мудрости нашей культуры, той мудрости, которая содержится в Библии в книге Бытия: сначала был дух, и именно из этого духа возникла материальная сила созидания.

Но прогресс не происходит по заданной схеме. Ключом к нему служит свобода – свобода мысли, свобода информации, свобода общения. Видный ученый, исследователь и основатель этого университета Михаил Ломоносов знал это. "Общеизвестно, – писал он, – что достижения науки будут значительными и скорыми, особенно после того как будет сброшено ярмо рабства, а на смену ему придет свобода философии". Вы знаете, что один из первых контактов между нашими странами произошел, когда встретились русские и американские путешественники. Американцы входили в состав последней экспедиции Кука, которая вела поиски арктического прохода; на острове Уналашка они встретились с русскими, которые приняли их, и вместе с местными жителями они устроили молитву на льду.

Исследователи современной эпохи – это предприимчивые люди, мечтатели, преисполненные мужества, готовые пойти на риск, обладающие достаточной верой для того, чтобы постичь неизведанное. Главным образом благодаря этим людям и их небольшим предприятиям Соединенные Штаты добились нынешнего экономического роста. Они – основная движущая сила технической революции. И действительно, одна из крупнейших американских фирм, выпускающих персональные компьютеры, была основана двумя студентами колледжа, вашими сверстниками, а лабораторией им служил гараж за домом.

Некоторые люди даже в моей стране, глядя на непредсказуемость, которая является сутью свободного рынка, видят в нем лишь ненужные потери. Что происходит с теми предпринимателями, которые терпят неудачу? Да, это случается со многими, особенно с теми, кто добился успеха. Часто по нескольку раз. И если вы спросите у них о секрете их успеха, они ответят, что главным секретом являются те знания, которые они приобрели в своей борьбе, в том, чему научились на своих неудачах. Для ученого, занятого поисками истины, как и для спортсмена на соревнованиях, опыт – главный учитель.

Вот почему тем, кто занят планированием на уровне правительства, независимо от степени их подготовки, так трудно заменить собой миллионы людей, работающих день и ночь ради того, чтобы осуществить свои мечты. Дело в том, что бюрократия – проблема общемировая. Есть старая притча о городе – неважно, в какой стране он находился, – в котором был бюрократ, известный своей никчемностью, но которому каким-то образом всегда удавалось оставаться у власти. И однажды на собрании жителей города встала пожилая женщина и обратилась к нему с такими словами: "В том месте, откуда я родом, рассказывают, что, когда рождается ребенок, с небес спускается ангел и целует какую-то часть его тела. Если ангел целует руку, младенец будет мастером, если целует ребенка в лоб, тот вырастет умным и сообразительным. Я все пытаюсь понять, куда поцеловал ангел тебя, что ты так долго сидишь здесь и ничего не делаешь". *(Смех.)*

Мы видим, как экономическая свобода распространяется по всему миру, и такие страны, как Южная Корея, Сингапур и Тайвань, перенесли в технологическую эпоху, едва задержавшись в промышленной. Политика низких налогов в области сельского хозяйства привела к тому, что через несколько лет Индия станет крупным экспортером продовольственных товаров. Пожалуй, самое большое впечатление производят ветры, которые дуют в Китайской Народной Республике, где четверть населения Земли впервые ощутила вкус экономической свободы. Наряду с этим развитие демократии стало одним из наиболее мощных политических движений нашего века. В Латинской Америке в 70-е годы лишь треть населения проживала в странах с демократическими правительствами – сегодня этот показатель превышает 90%. На Филиппинах и в Южной Корее привычными стали свободные, демократические выборы с участием множества кандидатов. Повсюду в мире свободный рынок стал примером для подражания; демократия является той меркой, которая применяется для оценки правительств.

Мы, американцы, не скрываем своей веры в свободу. По сути дела, это своего рода национальное увлечение. Каждые четыре года американский народ избирает нового президента, и 1988 год – как раз год выборов. В какой-то момент в двух основных партиях имелось тринадцать серьезных кандидатов, не говоря обо всех остальных, в том числе кандидатах-социалистах и либералах, – и все они претендовали на мой пост. Около тысячи местных телестанций, 8500 радиостанций и 1700

ежедневных газет, каждая из которых является независимым частным предприятием, гордящимся своей независимостью от правительства, публикуют материалы о кандидатах, допрашивают их в интервью и устраивают им встречи с оппонентами для дебатов. В конечном счете люди голосуют, и таким образом решается вопрос о том, кто будет следующим президентом.

Но свобода – это не только выборы. Поезжайте в любой американский город, и вы увидите десятки церквей различных религий – во многих городах есть синагоги и мечети, – и вы увидите представителей всевозможных национальностей, молящихся рядом. Зайдите в любой школьный класс, и вы увидите детей, которым рассказывают о Декларации независимости, о том, что Создатель наделил их некоторыми неотъемлемыми правами, в том числе правом на жизнь, свободу и на стремление к счастью, и ни одно правительство не может, не нарушив справедливости, лишить их этих прав; это гарантирует конституция, обеспечивающая свободу слова, собраний и вероисповедания.

Зайдите в зал любого суда, и вы увидите восседающего там независимого судью, который не несет никакой ответственности перед правительством; здесь любой обвиняемый имеет право быть судимым присяжными, которые составляют суд равных – обычно их двенадцать – мужчин и женщин, рядовых граждан, и только они изучают свидетельские показания и выносят обвинительный или оправдательный приговор. В этом суде обвиняемый считается невиновным, пока не доказана его вина, и показания полицейского или любого другого официального лица имеют не больший юридический вес, чем показания самого обвиняемого.

Посетите любой студенческий городок, и там вы станете свидетелем откровенных, иногда горячих дискуссий о проблемах американского общества и путях их решения. Включите телевизор, и вы увидите законодателей, занимающихся правительственной деятельностью непосредственно перед телекамерами, обсуждающих перед телекамерами проекты законов, которые после голосования становятся законами страны. Присоединитесь к любой демонстрации, а их бывает множество, потому что право народа на собрания гарантировано конституцией и защищается полицией. Отправляйтесь на собрание членов профсоюза, которым известно, что их право на забастовку защищено законом. Собственно говоря, среди многих мест, ко-

торые я сменил до того как стал президентом, был и пост председателя профсоюза гильдии киноактеров. Я возглавил свой профсоюз в ходе забастовки и с гордостью могу сказать, что мы победили.

Но свобода – даже больше, чем все, что я рассказал: свобода – это право ставить под сомнение и менять установленный порядок. Это постоянное революционное преобразование рынка. Это способность видеть недостатки и искать пути их исправления. Это право на выдвижение идей, над которыми будут смеяться специалисты, но которые найдут поддержку среди простых людей. Это право на претворение в жизнь мечты, право прислушиваться только к своей совести, даже если вы останетесь в одиночестве среди множества сомневающихся. Свобода – это признание того, что ни один человек, ни одно учреждение или правительство не имеет монополии на правду, что жизнь каждого человека обладает бесконечной ценностью, признание того, что существование каждого из нас в этом мире небесмысленно и каждый может дать что-то миру.

Америка – это страна сотен национальностей. Наши связи с вами – это больше, чем просто выражение добрых чувств; это родственные связи. В Америке вы встретите русских, армян, украинцев, выходцев из Восточной Европы и Средней Азии. Они приехали со всех концов света, чтобы жить в гармонии, чтобы иметь такое пристанище, где культурное наследие любого народа пользуется уважением, где каждая национальность ценится за красоту своих традиций и за свою способность обогащать нашу жизнь. Недавно несколько граждан и семей получили разрешение посетить родственников на Западе. Можно только надеяться, что пройдет немного времени, и все получат аналогичные разрешения, и тогда американцы украинского происхождения, американцы прибалтийского происхождения, американцы армянского происхождения смогут свободно посетить свою родину, так же как американец ирландского происхождения может посещать свою.

Утверждалось, что свобода делает людей эгоистичными материалистами, но американцы – один из самых религиозных народов в мире. Они стремятся поделиться этим даром с остальным миром, потому что знают, что свобода, как и сама жизнь, дается не в награду, это дар Божий. "Разум и опыт, – сказал Джордж Вашингтон в своем прощальном обращении, – подсказывают нам, что не приходится ожидать возобладания национальной морали за счет религиозных принципов. Истина

состоит в том, что характерной чертой морали является неизбежное появление народного правительства”.

Демократия – это не столько государственная система власти, сколько система, ограничивающая прерогативы правительства, не позволяющая ему вмешиваться в жизнь; система ограничения власти, делающая политику и правительство вторичными по отношению к подлинно важным вещам, подлинным источникам благосостояния, каковыми являются только семья и вера.

Надеюсь, вы понимаете, что я постоянно возвращаюсь к этому не просто для того, чтобы восхвалять добродетели моей страны, но и для того, чтобы сказать о подлинном величии сердца и души вашей земли. Разве нужно рассказывать на земле Достоевского о поисках истины, на родине Кандинского и Скрябина – о воображении, на земле благородной и богатой культуры узбекского поэта Алишера Навои – о красоте и сердечности? Великая культура вашей многообразной страны обращена ко всему человечеству. Позвольте привести здесь один из самых красноречивых отрывков из произведения современности, посвященный свободе человека. Это отрывок не из американской литературы, а из литературы вашей страны, из романа “Доктор Живаго” Бориса Пастернака, одного из величайших писателей XX века: “Я думаю, что, если бы дремлющего в человеке зверя можно было остановить угрозой, все равно каталажки или загробного воздаяния, высшею эмблемой человечества был бы цирковой укротитель с хлыстом, а не жертвующий собою проповедник. Но в том-то и дело, что человека столетиями поднимала над животным и уносила ввысь не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины...”

Неотразимая сила безоружной истины – сегодня весь мир с надеждой ожидает перемен, шагов по пути к большей свободе в Советском Союзе. Мы наблюдаем за событиями в вашей стране, и в нас пробуждается надежда, когда мы видим, как происходят позитивные перемены. Я знаю, что в вашем обществе есть люди, которые опасаются, что перемены повлекут за собой только разлад и разрыв преемственности, люди, которые боятся довериться надежде на будущее. Порой вера необходима. Это напоминает мне сцену из ковбойского фильма “Бутч Кассиди и малыш Сандэнс”, который недавно некоторым здесь, в Москве, довелось увидеть... Этим двух преступников, Бутча и Сандэнса, которые оказались на краю обрыва на высоте нескольких сот футов над бурлящей рекой с порогами, настаивает

погоня. Бутч оборачивается к Сандэнсу и говорит, что их единственная надежда – прыгнуть в реку, но Сандэнс отказывается. Он отвечает, что предпочитает вступить в схватку, хотя понятно, что это безнадежно – они в меньшинстве. Бутч отвечает, что это равносильно самоубийству, и убеждает его прыгнуть, но Сандэнс все-таки отказывается, наконец признавшись: ”Я не умею плавать”. Бутч хохочет и говорит: ”Безумец, да ты скорее разобьешься”. Кстати, если вы не видели эту картину, оба они прыгнули и спаслись. По-моему, сейчас я говорил о перестройке и ее целях.

Но перемены не должны означать отказа от прошлого. Подобно дереву, в котором сохраняется жизнь во все времена года, уходящему корнями в землю и черпающему жизнь от солнца, позитивные перемены также должны уходить корнями в традиционные ценности – в землю и культуру, в семью и коллектив, – и они должны черпать силу от вечных вещей, от источника самой жизни, каковым является вера. Такая перемена приведет к новому пониманию, новым возможностям, позволит раздвинуть горизонты будущего, в котором традиции не будут насаждаться, а наступит их полный расцвет. Именно такое будущее манит ваше поколение.

В то же время мы должны помнить, что реформа, не утвержденная официально, всегда будет ненадежной. Это всегда будет свобода с оглядкой. Птичку в неволе, какой бы длинной ни была веревочка, всегда можно затащить в клетку. Вот почему в ходе моей беседы с Генеральным секретарем Горбачевым я говорил о том, как важно утвердить перемены официально – обеспечить гарантии реформы. И мы с ним обсуждали одно печальное напоминание о разделенном мире – берлинскую стену. Пора устранить барьеры, разделяющие людей.

Я предлагаю расширить программу обмена школьниками между нашими странами. Генеральный секретарь Горбачев в воскресенье упомянул прекрасную русскую поговорку, которая очень подходит к этому случаю: ”Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать”. Господин Горбачев и я впервые начали работать над этим в 1985 году. В ходе нашей сегодняшней беседы мы договорились довести в скором будущем число обменов до нескольких тысяч человек от каждой страны. Но не каждый может пересекать континенты и океаны. Слово распространяется быстрее. Вот почему мы бы хотели, чтобы в вашей стране стали доступны многие из наших 11 тысяч журналов и других периодических изданий и наши телевизионные и радио-

программы, которые могут быть переданы через спутник за несколько секунд. Мы были бы безмерно рады, если бы советский народ смог лучше узнать нас и лучше понять наш образ жизни.

Всего несколько лет назад мало кто мог себе представить, какого прогресса мы добьемся общими усилиями наших двух стран. Договор по РСМД, который Генеральный секретарь Горбачев и я подписали в декабре 1987 года в Вашингтоне, ратификационными грамотами к которому мы обменяемся завтра, – первый договор о подлинном сокращении ядерных вооружений в истории, предусматривающий ликвидацию целого класса американских и советских ядерных ракет. И всего 16 дней назад мы были свидетелями начала вывода ваших войск из Афганистана, что вселяет в нас надежду на то, что вскоре военные действия прекратятся и начнется процесс заживления и что эта многострадальная страна сможет наконец обрести самоопределение, единство и мир.

Я горячо надеюсь, что мы сможем продолжить наше конструктивное сотрудничество по этим проблемам и рассмотреть продолжающиеся конфликты, которые сеют разрушения во многих районах мира, что серьезные обсуждения, которые привели к Женевским соглашениям по Афганистану, помогут принятию решений на Юге Африки, в Эфиопии, Камбодже, Персидском заливе и в Центральной Америке.

Я неоднократно говорил, что страны не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, а что они вооружены, потому что не доверяют друг другу. Для того чтобы наш мир процветал под мирным небом, для того чтобы он использовал возможности технической революции, все страны должны раз и навсегда отказаться от права на экспансионистскую внешнюю политику. Мир между народами должен быть долговременной целью, а не тактическим этапом в непрекращающемся конфликте.

Мне рассказывали, что в вашей стране есть популярная песня, быть может, вы ее знаете – ее припев состоит из вопроса: "Хотят ли русские войны?" В ответ на вопрос в этой песне говорится:

"Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей
И у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат..."

Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
Хотят ли русские войны”.

А как же ваши бывшие союзники? А как же те, кто вас на Эльбе обнимал? Что, если бы мы спросили у могил в Тихом океане или на поле боя в Европе, где вдали от родины погребены погибшие американцы? Что, если бы спросили у их матерей, сестер и сыновей: хотят ли американцы войны? Спросите и нас тоже, и вы услышите тот же ответ, одно страстное желание в каждом сердце. Народ не начинает войн, это делают правительства. Ни одна мать никогда добровольно не принесла бы в жертву своих сыновей ради территориальных завоеваний, ради экономической выгоды, ради идеологии. Народ, имеющий свободу выбора, всегда выберет мир.

Американцы всегда стремятся превратить бывших противников в друзей: после революции против колониальной Англии мы навеки скрепили узы дружбы между нашими странами; после ужасающей гражданской войны между Севером и Югом мы залечили раны и обрели подлинное единство как нация. На моей памяти мы воевали в двух мировых войнах против Германии и в одной войне с Японией, но сейчас Федеративная Республика Германии и Япония – это два наших ближайших союзника и друга.

Некоторые указывают на торговые конфликты между нами как на признак напряженности, но это – трения, характерные для всех семей, а семья свободных стран – это большая, жизнеспособная, а порой и непокорная семья. Я могу сказать вам, что для меня было бы самым большим счастьем, если бы американские и советские дипломаты вместе работали над проблемой торговых конфликтов между Америкой и растущим, энергичным Советским Союзом, экспортером, который создал бы возможности для экономической свободы и развития. И эти официальные обмены между народами чрезвычайно важны. Я был бы безгранично счастлив, если бы необходимость в них отпала, если бы поездки между Востоком и Западом стали таким обычным делом, что студенты советских университетов могли бы в летние каникулы путешествовать с рюкзаками за спиной из одной страны Европы в другую практически без паспортного контроля на всем пути, подобно тому как это делают сейчас студенты на Западе. Я был бы безгранично рад,

если бы смог дожить до того дня, когда импресарио, скажем, в Англии мог бы пригласить советскую рок-группу, не прибегая к услугам правительственных ведомств, и если бы они смогли играть в Ливерпуле вечером следующего дня. Мечта? Быть может. Но это мечта, которую мы обязаны воплотить в жизнь.

Ваше поколение живет в один из самых волнующих, обнадеживающих периодов в советской истории. Это пора, когда в воздухе чувствуется первое дыхание свободы и сердце бьется в ускоренном ритме надежды, когда накопленная духовная энергия долгого молчания стремится вырваться наружу. Я вспоминаю знаменитый отрывок из "Мертвых душ" Гоголя. Сравнивая свою страну с быстрой тройкой, Гоголь спрашивает, куда она несется. "Не дает ответа. Чудным звоном заливаается колокольчик..."

Мы не знаем, чем закончится это движение вперед, но мы надеемся, что обещание провести реформы будет выполнено. Находясь нынешней весной в Москве, мы хотим надеяться, что май 1988 года, быть может, станет поворотным пунктом истории, что свобода, подобно молодому зеленому ростку над могилой Толстого, наконец расцветет на богатой, плодородной почве вашей культуры и станет будущим вашего народа. Быть может, мы можем надеяться, что прекрасные звуки новой открытости будут звучать и впредь и приведут к новому примирению, к дружбе и миру.

Большое спасибо всем вам, и да благословит вас Господь!

Логунов. Дорогие друзья, господин президент согласился ответить на ваши вопросы. Но время ограничено – только 15 минут, поэтому просьба задавать вопросы, у кого они есть.

Вопрос. (*Студент исторического факультета приветствует президента от имени всех студентов университета.*) Поскольку улучшение отношений между двумя странами произошло, когда вы занимали пост президента, я хотел бы задать следующий вопрос. Важно решить вопрос об ограничении вооружений, и в частности об ограничении стратегических вооружений. Считаете ли вы возможным заключение с Генеральным секретарем договора об ограничении стратегических вооружений до того, как ваши президентские полномочия истекут?

Президент. В основе разрабатываемого сейчас договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ), который у нас называется СТАРТ, лежит сокращение наполовину межконтинентальных баллистических ракет и достижение равенства между нашими странами по этому виду вооружений. Этот

договор значительно сложнее, чем Договор по РСМД, который мы подписали, а наши правительства ратифицировали. Нужно еще о многом договориться. Члены наших делегаций на переговорах в Женеве уже многие месяцы работают над самыми различными аспектами этого договора. В какой-то момент мы надеялись даже, что сумеем подписать этот договор, как и Договор по РСМД, в ходе этого визита. Работа над документом не закончена, некоторые вопросы сейчас обсуждаются, но мы надеемся, что проработку договора удастся закончить до того, как я покину свой президентский пост в январе 1989 года. Заверяю вас, однако, что, если все к тому времени не будет закончено, я попытаюсь внушить своему преемнику, что договор необходимо подписать. Я всегда считал, что, вступив на этот путь, мы можем надеяться, что наступит день, когда ядерного оружия на Земле вообще не останется.

Вопрос. Университеты оказывают влияние на общественное мнение. Интересно, изменилась ли молодежь с тех пор, как вы были студентом?

Президент. Подождите, подождите. Как вы изменились с тех пор, когда я был молодым?

Вопрос. Студенты изменились, молодежь изменилась. Вы были студентом. *(Смех.)* В ваше время были одни студенты, стали ли они другими сейчас?

Президент. Да, был в нашей стране период, когда все сильно менялось к худшему. Когда я был губернатором Калифорнии, одно мое появление в студенческом городке могло привести к бунту. Но все переменялось, и теперь я могу беседовать с американскими студентами, как я беседую сейчас с вами, и даже не заметить разницы.

Я думаю, что в мое время... Кстати, я действительно ходил в школу, учился в колледже в очень интересное время – в период Великой депрессии, когда в такой стране, как моя, безработица составляла 25% и казалось, что земля ушла из-под ног. Я окончил колледж в 1932-м и хочу сказать вам: когда вы доживете до моих лет, вы с огромным удивлением обнаружите, что к вам приходят воспоминания о проведенном здесь времени, и узнаете, как легко понимать молодежь, потому что вы сами когда-то были молодыми. Вы ведь знаете гораздо больше о том, что значит быть молодыми, чем о том, что значит быть старыми. *(Смех.)*

Я думаю, что молодые люди относятся ко всему вполне серьезно, я думаю, что у них есть чувство ответственности, и я

думаю, что большинство из вас знают, какими они должны стать и какой должна быть их страна. Я очень верю в это. На днях я сказал то же самое семидесяти шести студентам – половина из них были американцами, половина – русскими. Они проводили конференцию сначала в Финляндии, а потом в Соединенных Штатах. Я встречался с ними буквально позавчера и, честно скажу, глядя на них, не видел между ними никакой разницы, не мог сказать, кто есть кто. И я сказал о своей вере в то, что, если вся молодежь мира перезнакомится, войны не будет никогда. Такие же чувства я испытываю и к вам, и к другим студентам, с которыми общался в других странах.

Я понимаю, вы молоды, и, естественно, появляются какие-то вещи, которым отдается предпочтение. Продемонстрирую это на собственном примере. Через двадцать пять лет после того как я окончил колледж, меня пригласили в альма-матер и вручили почетный диплом. При вручении я сказал, что они избавили меня от чувства вины, которое я носил в себе двадцать пять лет, потому что я всегда считал, что тот первый диплом был почетным. *(Смех.)* Вы замечательные. Так держать!

Вопрос. Господин президент, вы только что упомянули, что приветствуете усилия, направленные на урегулирование афганской проблемы и различных других региональных конфликтов. Какие конфликты вы имели в виду? В Центральной Америке, в Юго-Восточной Азии или в Южной Африке?

Президент. Ну, например, в Южной Африке, где Намибии обещана независимость как новой суверенной африканской стране. Но предоставить ее невозможно из-за гражданской войны, происходящей в другой стране того же региона. В этой гражданской войне с одной стороны участвуют от 30 до 40 тысяч кубинских солдат, которые прибыли туда из Америки и сражаются на стороне авторитарного правительства. Когда та страна перестала быть колонией и получила независимость, одна из фракций захватила власть и назначила себя правительством всей страны. А лидеры другой фракции – похоже, что это было большинство народа, – просто хотели, чтобы народ имел право выбрать правительство по своему желанию, и из-за этого разгорелась продолжающаяся и сейчас гражданская война. Мы считаем, что иностранные войска должны выйти из этой страны и дать возможность самим гражданам урегулировать ситуацию и решить свои проблемы.

То же происходит и в Никарагуа. В этой стране был диктатор. Была также организация, которую многие поддерживали.

Эта организация обратилась в Организацию американских государств (ОАГ) с просьбой о помощи в свержении диктатора и в прекращении кровопролития. В результате диктатор отказался от власти. Затем ОАГ попросила новое руководство предоставить документ о целях революции. Такой документ был предоставлен, в нем указывались цели: плюралистическое общество, право на организацию профсоюзов, свобода слова и свободная пресса, свободные выборы – одним словом, плюралистическое общество. Затем наиболее организованная группа революционеров захватила власть, выслала лидеров других групп и создала свое собственное правительство, которое нарушило все данные ранее обещания. И здесь мы тоже хотим, мы пытаемся сделать так, чтобы эти обещания были выполнены и чтобы люди именно этой страны могли сами решить свою судьбу.

Вопрос. Уважаемый господин президент, я очень беспокоюсь о судьбе 310 советских солдат, без вести пропавших в Афганистане. Есть ли у вас желание помочь в их поиске и возвращении на родину?

Президент. Очень большое. Нам этого хочется больше всего.

Вопрос. Защита неотъемлемых прав граждан, гарантированных конституцией, сталкивается с рядом проблем. Право на владение оружием, например, или, к примеру, как соотносится с этими правами такое страшное явление, как распространение порнографии, наркотиков. Считаете ли вы, что эти проблемы – неизбежное следствие демократии, или таких явлений можно избежать?

Президент. Так, если я вас правильно понял, вы спрашиваете, включают ли неотъемлемые права человека право на совершение преступлений, злоупотребления наркотиками, например, и так далее. Нет. (*Аплодисменты.*) Нет, у нас есть ряд законов. Мне кажется, у нашей системы есть одна важная отличительная черта. В любой стране конституция является документом, в котором правительство указывает гражданам, что они могут делать. Наша конституция отличается от всех других, причем отличается двумя словами, их почти никто не замечает. Эти два слова: "Мы, народ". Наша конституция – это документ, в котором мы, народ, указываем правительству границы его власти. Оно не может иметь никакой другой власти, кроме указанной в этом документе. Народ очень осторожно наделяет правительство властью в отношении того, что могло бы нанести

ущерб обществу, семье, личности и так далее – что могло бы угрожать правам граждан. Правительство издает законы, но все это делается по указанию народа.

Вопрос. Господин президент, из истории я знаю, что люди, занимающие высокие посты, с большим трудом расстаются с этими постами. Поскольку срок вашего пребывания на посту президента истекает, можете ли вы сказать, какие чувства вы испытываете, и не хотелось ли бы вам остаться еще на один срок? *(Смех.)*

Президент. Что ж, я расскажу вам одну историю. Мне кажется, это была своеобразная месть Франклину Делано Рузвельту, который – единственный из наших президентов – избирался четыре раза. В нашей стране уже сложилась традиция, что президент избирается не более чем на два срока. Эту традицию начал Вашингтон, наш первый президент, потому что в те времена, во время формирования нашей страны, много говорили о том, что мы можем превратиться в монархию, а мы только что освободились от монархии. Поэтому, когда закончился второй срок, Джордж Вашингтон просто ушел со своего поста, чтобы не возникла мысль о наследственной аристократии. У большинства других президентов даже и не было возможности остаться на второй срок – их не переизбирали. Но традиция сохранилась. Но это была именно традиция. И вот Рузвельт избирался четыре раза – он умер в самом начале своего четвертого срока. И вдруг в создавшейся тогда ситуации была принята поправка к конституции, по которой президент мог избираться только на два срока.

Когда мой срок истечет – я не могу сделать этого сейчас, потому что меня обвинят в использовании служебного положения в личных целях, – я собираюсь путешествовать, выступать перед различными аудиториями на собраниях, обедах и других мероприятиях. Я буду путешествовать и убеждать народ, что пора отказаться от этой поправки, потому что она нарушает демократические права граждан. Народ должен иметь возможность голосовать за того, за кого хочет, и столько раз, сколько хочет, а поправка лишает его этого права. Понимаете, к тому времени я уже не буду президентом и поэтому смогу свободно обо всем этом говорить и агитировать.

Есть еще несколько идей, и я собираюсь убедить народ, чтобы он заставил конгресс эти идеи воплотить. Я всегда рассказываю, что в мое время в Голливуде, если вы не умели петь или танцевать, то путь вам был только в ораторы на обедах. Я

не умел ни петь, ни танцевать. (Смех.) Поэтому мне пришло в голову, что я стану постоянно выступать, рассказывая людям о том, что сам не успел сделать на посту президента, чтобы они добились этого от конгресса.

Вопрос. Г-н президент, я слышала, что сюда приехала группа американских индейцев, которые не могли встретиться с вами в Соединенных Штатах. Если вам не удастся встретиться с ними здесь, сумеете ли вы исправить это и встретиться с ними в Соединенных Штатах?

Президент. А я и не знал, что они хотели со мной встретиться. Раз они приехали... (Смех.) что ж, я очень буду рад увидеться с ними...

Позвольте мне рассказать вам немного об американских индейцах. Мы отвели миллионы акров земли под то, что называется резервациями. С самого начала они заявили властям, что хотят сохранить свой образ жизни и жить так же, как они веками жили в пустынях и на равнинах. Мы создали эти резервации, чтобы они могли удовлетворить свое желание, организовали Бюро по делам индейцев, которое помогало бы заботиться о них. В то же время мы обеспечили им образование, открыли в резервациях школы. Они могут свободно покидать резервации и жить как все граждане, многие так и поступают. Некоторые, однако, предпочитают жить по традиции. Мы сделали все, что могли, чтобы удовлетворить их желания и дать им возможность жить так, как они хотят. Быть может, мы совершили ошибку. Быть может, нам не следовало потакать им в этом стремлении жить столь примитивной жизнью. Быть может, нам следовало сказать: нет, живите вместе с нами, будьте такими же гражданами, как все. Я уже сказал, что многие из них весьма неплохо живут как обычные граждане.

Я всегда с удовольствием встречаюсь с ними, чтобы поговорить, выслушать их жалобы, узнать, какой, по их представлениям, должна быть их жизнь. Вам будет странно это слышать, но многие из них очень богаты, потому что некоторые их резервации буквально плавают на нефти, и можно хорошо заработать, добывая ее. Я не знаю, на что им жаловаться.

Вопрос. Господин президент, со вчерашнего вечера меня очень интересует вопрос, почему вы пригласили и принимали вчера отказников и диссидентов? И второй вопрос. Каково ваше впечатление от советских людей? Среди тех диссидентов, которых вы пригласили, был один человек, сотрудничавший с фашистами, он был фашистским полицаем.

Президент. Об этом я что-то не знал. Может быть, мы не имели полной информации. Но вы должны понять, что в Америку люди попадали отовсюду. Недавно я получил от одного человека письмо, которое привлекло мое внимание. Он писал, что можно жить во Франции, но французом не станешь, можно жить в Германии, но немцем не станешь, или турком или греком, да кем угодно. Но, пишет он, каждый, из любого конца света, может приехать в Америку и стать американцем.

Вы должны понять, что наш народ состоит из представителей всех рас, народностей и национальностей мира. И поэтому, если американцы думают, что к кому-то плохо или несправедливо относятся в другой стране, они вмешиваются, потому что чувствуют близость к той стране, потому что там их корни. В Америке, когда люди знакомятся, они рассказывают друг другу о своем происхождении. Если меня, к примеру, спросят, я отвечаю: ирландец, англичанин и шотландец – англичанин и шотландец по матери, ирландец – по отцу. И у всех так.

К примеру, если вы женитесь, вы же не перестаете любить мать. Так и американцы – не перестают ощущать близости к той стране, откуда родом их родители или родители их родителей, или даже более далекие предки. Они поддерживают эти связи. С чем я приехал в Москву для передачи Генеральному секретарю – кстати, он с большим пониманием отнесся к моей просьбе, – так это списки имен, которые мне дали в Америке родственники и друзья, которые знают или думают, что к их родственникам или друзьям плохо или несправедливо относятся, и они хотели бы, чтобы тем разрешили уехать в Америку. Есть там и разлученные семьи.

Я встретил одного человека позавчера, своего ровесника. Он гражданин Америки. Родители его русские, переехали в Америку в начале века. Он родился в 1911 году. Затем семья возвратилась в Россию. У него есть взрослый сын. Теперь они хотят вернуться в Америку, но им отказывают на том основании, что сын женат на русской, а ее не хотят выпускать. Вся семья отказалась оставлять ее здесь. Она член семьи. Мне об этом рассказали лично, и я пошел с этим к Генеральному секретарю, и, должен заметить, он весьма охотно соглашается помочь в решении таких дел.

Нет, я не обвиняю вас, я обвиняю бюрократию. У нас тоже такие вещи случаются. Когда-нибудь должен найтись человек, который схватит бюрократию за глотку, потрясет и скажет: прекрати! Вот такие случаи и такие имена я привез. В списках

этих – имена, которые мне сообщили лично родственники или близкие друзья и приятели. *(Аплодисменты.)* Спасибо большое. Вы очень добры. Спасибо еще раз. Я надеюсь, что правильно ответил на все вопросы. Никто не спросил меня, что я буду чувствовать, когда перестану быть президентом. У меня есть некоторое представление об этом, потому что восемь лет был губернатором, а потом ушел в отставку. Через несколько дней после этого события нас пригласили на обед. Мы с Нэнси вышли, сели на заднее сиденье машины и стали ждать, чтобы кто-то сел за руль и отвез нас. *(Смех.) (В этот момент ректор Логунов преподносит президенту подарок.)*

Прекрасный подарок, спасибо вам.

Выступление на предвыборном митинге в поддержку вице-президента Буша

Сан-Диего, штат Калифорния
7 ноября 1988 года

Свои предвыборные кампании я, как правило, заканчивал в Сан-Диего. С последней речью в рамках кампании за выборы Джорджа Буша на пост президента я выступил там же. К тому времени я уже осознал, что мои дни на посту президента быстро убегают. Это была последняя остановка в последней кампании, в которой я активно участвовал. Я чувствовал себя как боксер, вешающий на гвоздь перчатки. По-моему, это было заметно.

Президент. Спасибо вам большое! Спасибо и вам, Дюк, спасибо за то, что так доброжелательно меня представили. Хотел бы также поблагодарить оркестры средних школ в Коронадо и Торри Пайнз. Насколько я понял, среди помогавших организовать эту встречу были мои земляки из Сан-Диего, мои товарищи по "ТЕКЕ"*. Спасибо вам. Когда в колледже "Юрика" я вступил в клуб "Тау Эпсилон Каппа", мне сказали, что я становлюсь пожизненным членом братства. Позвольте мне поприветствовать Эрла Кантоса[#], конгрессменов Дункана Хантера и

---

*"ТЕКЕ" – "Тау Эпсилон Каппа" – студенческий союз. Его отделения имеются почти во всех высших учебных заведениях.

[#]Эрл Кантос – председатель Республиканской партии в Сан-Диего.

Билла Лоуэри; человека, которому еще предстоит стать великим конгрессменом, нашей гордостью, – Роба Баттерфилда; одного из величайших губернаторов Америки Джорджа Дюкмеджана и одного из лучших сенаторов Пита Уильсона.

А теперь, прежде чем я перейду непосредственно к своему выступлению, я хочу передать вам послание от моей жены. Она просила сказать вам следующее: пожалуйста, ради ваших родителей, ради друзей, ради вашей страны, а прежде всего ради самих себя скажите НЕТ наркотикам и алкоголю.

Аудитория. Скажем НЕТ! Скажем НЕТ! Скажем НЕТ!

Президент. Знаете, несколько лет назад я сказал премьер-министру Англии Маргарет Тэтчер, что если бы англичане переплыли Тихий океан, а не Атлантический и высадились на этом побережье, то столица Соединенных Штатов была бы в Калифорнии. Но за эти восемь лет я пришел к выводу, что для нашей страны очень хорошо, что первооткрыватели шли с востока на запад, а не наоборот. Ведь если бы они начали свой путь здесь, в этом чудесном штате, они не захотели бы уходить отсюда, и вместо "Уэстуорд Хо!" ("Вперед на запад!") их девизом стал бы мой: "Нет лучше места, чем дом родной!"

Заранее прошу простить меня, если иногда у меня будет перехватывать горло. Для меня сегодняшнее выступление в этом месте имеет особое значение. Обе свои кампании за пост президента я завершал именно здесь – в Сан-Диего. Как вы знаете, у меня есть для этого причины. Понимаете, когда парад окончен, все накричались, речи произнесены, когда прозвенел последний звонок, боксеру хочется вернуться в свой угол и побыть недалеко от родных и друзей в ожидании решения рефери. Когда в конце кампании я приезжаю в Сан-Диего, я чувствую себя среди родных, я знаю, что я с друзьями. Я люблю Сан-Диего.

Многих удивляет то, чего мы сумели добиться за эти годы участия в различных кампаниях. Я вспоминаю ставший широко известным случай, когда я в первый раз выставил свою кандидатуру на пост губернатора. Кто-то сказал моему старому шефу Джеку Уорнеру, что меня выдвигают в губернаторы. Джек подумал немного и сказал: "Нет, в губернаторы – Джимми Стюарта*", а Рональда Рейгана – в лучшие друзья".

Но в этом году моего имени не будет в бюллетенях. Оно больше никогда не появится в бюллетенях, если, конечно, вы...

*Джимми Стюарт – выдающийся американский актер.

Аудитория. *(Возгласы неодобрения.)*

Президент. ... если, конечно, вы не будете считать того раза, когда Всевышний включает имена тех, чье время пришло и чей час настал, в длинный список, когда все уже сказано и сделано и когда наступают единственные выборы, которые действительно что-то значат. В вашем завтрашнем бюллетене нет моего имени, но есть нечто более важное – принципы, преемственность. Эпоха на этом не кончается – пришло время подновить и придать свежие силы движению, которое мы начали восемь лет назад. Сейчас на карту поставлены те самые вещи, за достижение которых вы боролись с тех пор, как впервые объединились почти четверть века назад и взялись за восстановление нашего штата, а потом и всей страны. Наши принципы углубили различия между теми кандидатами, которые говорили, что наступит январь и эпохе Рейгана придет конец, и теми, кто говорил: "Только никаких новых налогов". Эти различия существуют между либералами и теми, кто получил мандат Республиканской партии, такими кандидатами, как будущий конгрессмен от этого округа Роб Баттерфилд, сенатор Пит Уилсон и следующий президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш.

Я приехал просить вас голосовать завтра за кандидатов, баллотирующихся по единому республиканскому списку в федеральные органы, в штат и местные органы власти, чтобы сохранились наши принципы и преемственность и чтобы наша правда продолжала свой победоносный марш. Этой осенью я полностью посвятил себя тому, чтобы то, что мы начали восемь лет назад, продолжалось. В палате представителей, в сенате, в Белом доме, в законодательных органах штатов, которые пересмотрят границы избирательных округов в конгресс после переписи 1990 года, что в значительной степени определит курс всей страны на предстоящее десятилетие, – во всех этих органах, на всех уровнях нынешние выборы действительно станут, по меткому выражению вице-президента, временем решения серьезных вопросов – вопросов свободы, мира, новых возможностей, уважительного отношения правительства к семье и общине, безопасности законопослушных граждан, вопроса о том, будем ли мы продолжать выполнение возложенной на нашу страну миссии и стоять на стороне тех, кто, как наши отцы-основатели, сражается за свободу против тирании. Эти выборы определяют наше отношение к тем ценностям, которые сделали Америку величайшей, самой свободной страной

на Земле, "последней надеждой" человечества, как сказал Линкольн. Мы твердо намерены сохранить их.

В последнее время мне попадались в прессе комментарии, в которых отмечалось, как активно я поддерживаю республиканских кандидатов. В них говорилось также о том, что редко кто из президентов делал то, что я. Вполне понятно, что у очень немногих президентов был такой хороший человек, как Джордж Буш, в качестве преемника и не у многих была возможность поддерживать таких кандидатов, как Пит Уилсон и Роб Баттерфилд. Но я открою вам один маленький секрет – я делаю это не ради лично Джорджа Буша, Пита Уилсона и наших республиканских кандидатов на всех других уровнях. Понятно, что я делаю это для страны, но, кроме того, еще для двух людей.

Один из них был лучшим рассказчиком, которого я когда-либо слышал, и самым принципиальным человеком, которого я когда-либо встречал. Он верил в честность и в добросовестный труд. Он любил справедливость и ненавидел фанатизм. Однажды зимой он ехал по Иллинойсу – он был торговцем обувью. А было это в самый разгар депрессии. И вот, в пурге, он наткнулся на гостиницу в городке, через который проезжал. Когда он сказал свое имя, а имя было очень уж ирландским, администратор гостиницы сказал: "Вам должно у нас понравиться". А потом пояснил почему – потому что в гостиницу не пускали людей известного вероисповедания. Тогда наш герой взял свой чемодан и со словами "тогда и я здесь не останусь" вышел в пургу. Он провел ночь в машине, схватил чуть ли не воспаление легких, а вскоре с ним случился его первый сердечный приступ из нескольких, которые и свели его в могилу.

Мы звали его Джеком. В той степени, в которой он источал силу, жена его – Нелли – лучилась добротой и любовью. В самые черные дни депрессии, когда они и себе-то еле наскребали на еду, Нелли не отпускала с пустыми руками никого, кто стучался к ним в дверь с просьбой о помощи. Я горжусь многим, что сделал в своей жизни, в том числе многим из достигнутого за эти восемь лет, но никогда я не испытывал такого удовольствия, как в тот момент, когда, прожив несколько лет в Калифорнии, смог привезти сюда своих отца и мать и купить им дом – их первый собственный дом за всю жизнь. Как видите, в этом году я веду кампанию и за них тоже. Сын Джека и Нелли Рейган никогда не уходил от схватки в борьбе за свои принципы. Выборы этого года – как раз такая схватка. И, черт возьми, мы ее выиграем.

Подумайте о всех тех, кто полагается на нас, о принципах, которые мы, республиканцы, отстаиваем. О молодых людях, только что окончивших школу, которые могут найти теперь работу благодаря тому, что мы добились оживления экономики и теперь ежемесячно вот уже в течение пяти лет и одиннадцати месяцев создаем по четверти миллиона новых рабочих мест. О молодоженах, которые могут теперь купить свой первый дом, так как, приходя к власти, наша администрация добилась снижения на целую треть выплат по закладным. Благодаря тому что мы на две трети сократили темпы инфляции и на 15 процентов снизили предельную налоговую ставку, намного облегчилась жизнь семей, пытающихся сводить концы с концами.

Но не только эти люди пользуются плодами нашего развития. Завтра на равнинах Афганистана и в тропических джунглях борцы за свободу прильнут к своим приемникам в надежде услышать, что правительство Америки продолжает быть их другом. В тюремных казематах по всему миру политические заключенные будут с нетерпением ждать подтверждения того, что Америка предпочла силу, а не слабость, потому что для многих из них надежда жива лишь благодаря нашей силе.

В самолете по пути сюда я прочел письмо, которое только получил. Приславшие его супруги благодарили меня за то, что они наконец попали в Америку после семи лет, проведенных в тюрьмах и психиатрических лечебницах Советского Союза. Все эти люди полагаются на нас, и с Божьей помощью мы их не подведем.

Есть и еще одна особенная группа людей, которых мы не подведем. За время пребывания у власти нашей администрации я ничем так не гордился, как тем, что наши молодые парни и девушки вновь с гордостью служат в наших вооруженных силах. Благодаря их доблести за восемь лет мы не отдали коммунизму ни пяди земли. Больше того, мы вызволили из объятий коммунизма одну маленькую страну – Гренаду.

В нынешней кампании либералы жульничают как никогда. Вначале они хотели утаить свои взгляды, и нам понадобилось три месяца, чтобы вытянуть из них слово "либеральный". (Смех.) А теперь они пытаются скрыть, на чьей они стороне. Они утверждают, что на вашей, но ответьте мне, так это или нет, ответьте четко и ясно. Если их кандидаты в президенты, в сенат и конгресс отказываются прекратить рост налогов, а на уровне правительств штатов и федеральных органов уже про-

демонстрировали свое мотовство, прямо скажем, мирового класса, разве они на вашей стороне?

Аудитория. Нет!

Президент. Разве они на вашей стороне, когда их кандидаты в президенты, в сенаторы и на другие посты постоянно выдвигают и поддерживают судей, выступающих против смертной казни, которые и вообще немного не в себе – вы знаете, что я имею в виду? *(Смех.)* Разве они на вашей стороне?

Аудитория. Нет!

Президент. Мне нравится эта аудитория.

Аудитория. Рейган! Рейган! Рейган!

Президент. Спасибо. Минутку, есть еще что́ сказать. Как вы уже знаете, мне нравится ваша аудитория, но я хочу задать вам один вопрос.

Голос из зала. Мы любим вас.

Президент. Разве они на вашей стороне, когда их кандидаты выступают за сокращение всех наших вооружений, включая стратегическую оборонную инициативу – СОИ, которая вынудила Советы пойти с нами на переговоры о серьезном сокращении вооружений; если их кандидаты считают, что мощная оборона – это то, о чем твердят в рекламе "Райт Гард"* *(Смех.)*, а сильный флот – это цвет костюма#. *(Смех.)* Так разве они на вашей стороне?

Аудитория. Нет!

Президент. Наши либеральные друзья, похоже, никогда не поймут – нельзя быть сторонником большого правительства, высоких налогов, распухшей бюрократии и в то же время защищать маленького человека. В борьбе за Белый дом только один человек на стороне маленького человека, и этот человек – Джордж Буш. Среди кандидатов в сенат – это Пит Уилсон. В палату представителей от вашего округа – это Роб Баттерфилд, в законодательные органы штата – это Байрон Уир, Стив Болдуин, Кэрол Бентли и наши другие прекрасные республиканские кандидаты.

Так что в этом году выборы стали настоящим референдумом о либерализме. Хотим ли мы пойти на риск возвращения к старой, провалившейся либеральной политике?

Аудитория. Нет!

Президент. Или мы будем на основе успехов нашей нынешней политики...

---

*"Верный защитник" – средство от потливости.

#Здесь игра слов: "Navy" – военный флот и название цвета "темно-синий".

Аудитория. Да!

Президент. ...увеличивать шансы мира и строить наше будущее благополучие?

Подумайте, кого вы завтра отправите в Вашингтон. Конгресс и президент – равные части правительства. Голосуя за сенат или за вашего представителя в конгрессе, вы в той же мере выбираете направление движения страны и мира, в какой вы выбираете это направление, голосуя за президента. А поскольку через все препятствия нас везут две лошади – конгресс и президент, разве не лучше будет, если обе они станут тянуть в одном направлении? (*Аплодисменты.*) В нашем мандате – Пит Уилсон и Роб Баттерфилд во главе с Джорджем Бушем, и все они идут в одном направлении. Это, кстати, и мое направление тоже.

Возьмите, к примеру, нашего выдающегося сенатора Пита Уилсона, который, я надеюсь, продолжит свою работу на этом посту. Пит Уилсон, Джордж Буш и я всегда были одной командой – тремя мушкетерами: один за всех, и все за налогоплательщика и против групповых интересов. Вы знаете, что в Вашингтоне Пита называли "цербер казны". Этот титул он получал пять раз. Он защищает казну от таких же либералов, как его противник на выборах. Он будет работать с новым президентом и не будет пытаться подставить ему подножку при каждом удобном случае. Мы с Нэнси уже сдали наши открепительные талоны на прошлой неделе*. Я не должен вам этого говорить, но скажу: мы проголосовали за прекрасную команду – за Пита Уилсона и за всю группу республиканцев, и, надеюсь, вы сделаете то же самое.

На той неделе одна из ведущих наших газет опубликовала статью о либеральном конгрессмене, баллотирующемся от Калифорнии. Он сказал корреспонденту, что на собраниях избирателей он выступал за мощную оборону, но мы знаем, что в конгрессе он голосовал за ее ослабление. В то время как у себя в штате он говорил избирателям, что выступает за поправку к законопроекту о наркотиках, предусматривающую смертный приговор, в конгрессе он голосовал против нее. Но, пожалуй, главным его заявлением было следующее. Цитирую: "Я хочу, чтобы все уяснили – такой президент, как Буш, не получит от меня ни цента. Каждое предложение по бюджету должно будет включать в себя повышение налогов, хочет этого президент

*Можно проголосовать до дня официальных выборов, в случае невозможности явиться на избирательный пункт в этот день.

или нет. В противном случае мы будем с ним бороться". Если вы хотите знать мое мнение, я скажу, что настало время и нам бороться с ними, и сделать это могут Билл Лоури, Рон Паккард, Дункан Хантер и Роб Баттерфилд.

Мы должны помнить, против чего мы выступаем и за что мы боремся. Как сказал однажды поэт: "Я просто влюблен в американские имена", а для американцев нет имени лучше, чем "свобода". Как сейчас, так и во время этой и многих других кампаний я слышал, как поет Америка, и песня эта называется "свобода". Она звучит здесь рядом, на верфях, когда рабочие идут на работу. Она звучит повсюду: в конторах, на заводах, в школах и магазинах – по всей нашей стране. Когда молодые люди мечтают в одиночку открыть свое дело и стать участниками мощного предпринимательского бума, который в последние годы создал практически все новые рабочие места в Америке – 80,4 миллиона, – мы слышим эту песню свободы. Она звучит в каждой молитве в церквях, синагогах, храмах и мечетях. "Единая нация милостью Божьей, единая и неделимая" все силы отдает священной свободе.

Знаете, несколько лет назад два моих друга беседовали с кубинским беженцем, который сумел спастись от режима Кастро. И вот когда он рассказывал о пережитых ужасах, один из моих друзей сказал другому: "Мы не понимаем своего счастья". Кубинец прервал свой рассказ: "Счастье – это то, что мне было куда бежать". Давайте постараемся, чтобы так все и оставалось.

Наша вера священна. Господь вручил нам имя и песнь "свободы". Общечеловеческие духовные ценности нашли свое олицетворение в Америке. Недавно я получил письмо, которое привлекло мое внимание. Автор писал, что "можно жить в Японии, но нельзя стать японцем, можно жить во Франции, но французом не станешь, можно жить в Германии или Турции, но немцем или турком стать нельзя, но, – продолжает он, – приехать в Америку и стать американцем может любой, из какого бы конца света он ни приехал".

Джон Адамс однажды сказал, что "единственный способ сохранить свободу – это отдать ее в руки народа...". Именно так мы в Америке и поступаем – мы, народ, держим свободу в своих руках. В этом году я сделал то, что, как мне раньше казалось, не сможет сделать ни один американский президент. Мне довелось выступать перед советскими студентами в Московском государственном университете на Ленинских горах. Там, кстати, нет отделения "ТЕКЕ". (Смех.) Я говорил о том,

как прекрасна свобода личности и какое это чудо. Подумайте о судьбе этих студентов. Только наиболее удачливые, добившиеся высоких постов в коммунистической партии, по своему влиянию смогут сравниться с простыми американцами, которые для получения тех же привилегий просто опускают бюллетень в урну для голосования.

Позвольте мне задать вам еще пару вопросов. Я прошу вас о поддержке, поэтому если вы кричите "да", то я надеюсь, что именно это вы и имеете в виду.

Вы пойдете завтра на избирательные участки, будете голосовать?

Аудитория. Да!

Президент. Вы убедите своих друзей и соседей голосовать?

Аудитория. Да!

Президент. Будете ли вы голосовать за избрание Байрона Уира, Стива Болдуина и Кэрл Бентли – всей команды республиканцев – в законодательные органы штата?

Аудитория. Да!

Президент. Будете ли вы голосовать за переизбрание конгрессменов Билла Лоури, Рона Паккарда и Дункана Хантера и за избрание Роба Баттерфилда?

Аудитория. Да!

Президент. Вы будете голосовать за избрание Пита Уилсона в сенат?

Аудитория. Да!

Президент. Вы выберете Джорджа Буша следующим президентом Соединенных Штатов Америки?

Аудитория. Да! Буш! Буш! Буш!

Президент. В этом году эти же вопросы я задавал по всей нашей стране. Восемь лет назад Америка ответила, что настало время перемен. Были разговоры об этом и во время нынешней кампании. Так вот, мы и есть эти самые перемены. Разве вы не за перемены? Мы начали их восемь лет назад. Выступайте за республиканский мандат, и я не возражаю, если вы выступите вместе со мной.

Заканчивается последняя моя кампания, и я надеюсь, что Нэлли и Джек смотрят сейчас с небес, кивают одобрительно и говорят друг другу, что гордятся своим мальчиком. Я надеюсь, что когда-нибудь ваши дети и внуки будут рассказывать, что однажды после долгих странствий в их город приехал президент и попросил их родителей, бабушек и дедушек помочь ему направить Америку по правильной дороге в следующее тысяче-

летие и что за этим последовало сто лет мира, благополучия, новых возможностей и надежд. Позвольте мне задать вам самый последний вопрос. Завтра, когда рассвет окрасит золотом вершины гор, вы пойдете на избирательные участки и можете нам?

Спасибо вам. И да благословит вас Господь.

Чествование госпожи Рейган

Национальная конференция Республиканской
партии

Новый Орлеан, штат Луизиана

15 августа 1988 года

На конференции Республиканской партии в 1988 году моя дочь Морин организовала обед в честь Нэнси, чтобы собрать средства для кампании против наркомании, которую вела Нэнси.

Проблема наркомании в нашей стране в последние годы все больше обостряется. Началось все в шестидесятых и семидесятых, когда отношение к наркотикам было снисходительным. Мне кажется, что Нэнси больше, чем кто-либо другой, способствовала изменению общественного мнения Соединенных Штатов к наркотикам. Она помогла всей нации понять опасность. Еще в начале восьмидесятых, когда сатирики все шутили о том, как хорошо кайфовать, она говорила о разрушительном воздействии наркотиков. Она предсказала последствия, к которым может привести наркомания еще в то время, когда многие американцы считали употребление наркотиков личным делом каждого.

Мне кажется, история покажет, что она была одной из самых дальновидных первых леди нашей страны.

Так приятно гордиться человеком, которого любишь. Я попытался передать эти чувства в предлагаемой речи.

Г –жа Рейган. Ничего себе! Я пожалуйюсь на тебя мужу за это. (Смех.) Морин, ты действительно застала меня врасплох. Мне сказали, что перед этим обедом с сюрпризом я не должна ни о чем спрашивать. Я и не спрашивала, и не знала, что здесь будет происходить. Честно признаюсь: я вам очень благодарна. Спасибо вам всем. Я хочу поблагодарить Рича Литтла, своего друга, и замечательную Барбару Кук, которая исполнила мою любимую песню, и всех, кто так тепло обо мне говорил сегодня. Это очень приятно. Все эти чудесные детишки стали настоящим украшением праздника. Не могу не упомянуть о ваших щедрых взносах. Я даже подумать не могла, что все будет так неожиданно и приятно.

Но позвольте мне хоть на минутку спуститься на землю. Вы, наверное, знаете, что эта конференция – очень радостное событие для нас с мужем, оно вызывает у нас чувство ностальгии. Мысленно возвращаясь к прошлым конференциям, мы вспоминаем всех замечательных людей, с которыми там познакомились. Нас охватывают исключительно теплые воспоминания, связанные с Канзас–Сити, Детройтом, Далласом. Республиканская партия подарила нам с Ронни восемь самых счастливых лет жизни. Конечно, порой мы испытывали разочарование, порой страх, но все это было прекрасно. И я хочу выразить вам благодарность за то, что вы помогали нам в течение этих лет.

Знаете, у жизни есть свои циклы и ритмы. Сначала человек выходит на сцену, потом он выступает там, а затем уходит. И сегодня за эпохой Рейгана в жизни Республиканской партии начал закрываться занавес. Мы прекрасно сыграли свои роли. Теперь пришло время Бушам выйти на политическую сцену, а Рейганам покинуть ее. Так и должно быть.

Все восемь лет, что мы провели в Белом доме, Джордж и Барбара щедро помогали нам. Мы испытываем к ним привязанность и благодарим их. Мой муж не мог бы найти лучшего вице–президента, чем Джордж Буш. Это человек очень цельный, трезвомыслящий и преданный. Не скажу, чтобы в Вашингтоне эти качества были в избытке. Со своей стороны я не могла бы найти себе подруги более приятной, понимающей, заботливой, чем Барбара Буш. Я думаю, она будет замечательной первой леди.

Я хочу поблагодарить Джорджа и Барбару за их письмо. И я хочу поблагодарить всех вас, сидящих в этом зале, и тех, кого здесь нет, но кто поддерживал нас на протяжении всех этих восьми лет. Даже передать не могу, как это важно – знать, что у

тебя есть друзья. И я говорю своим друзьям: спасибо, спасибо от всего сердца. Спасибо большое.

Морин Рейган. У нас есть для тебя еще один сюрприз. Было бы неправильно чувствовать первую леди Соединенных Штатов в отсутствие лидера Республиканской партии президента Рональда Рейгана.

Президент. Меня застали врасплох, и я даже не успел прочесть свою речь. *(Смех.)* Но мои помощники пишут обычно хорошо, поэтому я начну.

Я знаю нашего почетного гостя много лет. *(Смех.)* Правда, правда! *(Смех.)* Она была одним из первых членов ближайшего окружения Рейгана *(Смех.)* – с этим я спорить не буду – *(Смех.)*, который участвовал в решении наиболее ответственных кадровых вопросов Белого дома, связанных с высшим руководством, – пожалуй, мне лучше оторваться от текста. *(Смех.)*

Уже несколько дней я раздумывал о том, что сказать сегодня, как представить вам роль Нэнси в моей жизни. Но что можно сказать о человеке, который составляет для тебя смысл жизни? Что можно сказать о человеке, который всегда рядом, всегда поймет и поддержит, о человеке, который готов на жертву ради твоих успехов и облегчения твоей жизни? Просто, что ты любишь этого человека и дорожишь им. Я даже представить себе не могу эти последние восемь лет без Нэнси. Без счастья видеть ее рядом мои годы президентства не доставили бы мне никакого удовольствия. Жилая часть на втором этаже Белого дома была бы просто одиноким огромным домом, если бы по вечерам там не ждала меня Нэнси. Знаете, она однажды сказала, что у президента есть множество разных советников и консультантов, занимающихся нуждами экономики и внешней политики и прочим, но нет ни одного, кто заботился бы о его душе. В этом Нэнси была мне помощником, она заботилась обо мне, когда я выздоравливал, когда случались кризисные моменты. Хотел бы пожелать такого счастья каждому президенту.

Мне кажется, что в любой семье, как бы ни сильна была любовь супругов, они забывают благодарить друг друга. И я не исключение, я тоже не благодарил Нэнси за все, что она для меня сделала. Так что позволь, Нэнси, перед всеми твоими друзьями сказать тебе большое спасибо за всю твою заботу. Спасибо тебе за твою любовь, за то, что ты есть.

Г-жа Рейган. Боже мой!

Президент. Ты никак плачешь?

Г-жа Рейган. Да.

1989

Прощальное обращение к нации

Овальный кабинет
11 января 1989 года

Быть может, прежде чем попрощаться с Вами, читатель, я должен рассказать о том, что думаю и чувствую сейчас, когда я больше не президент. Я все еще выступаю с речами, все еще говорю о том, о чем я не сказал или что не успел сделать, пока я был президентом.

Для меня большую роль играют три вопроса. Первое, я готов помочь кандидатам в президенты, будь они республиканцы или демократы, в проведении кампании за установление контроля над бюджетом. Методами этого контроля являются: постатейное вето и конституционная поправка, требующая сбалансированности бюджета. Второе, есть необходимость предпринять какие-то меры в отношении политических махинаций. У нас широко практикуется изменение границ избирательных округов. Это крупнейший недостаток нашей избирательной системы, и настало время что-то предпринять в этом отношении. И третье, я буду выступать за идею отмены 22-й поправки к конституции, которая запрещает президенту занимать должность более чем два срока. Я считаю, что народ страны имеет полное право голосовать за кого угодно и сколько угодно раз.

Итак, я вернулся к тому, с чего начинал. Я снова обычный оратор среди многих других. У меня такое ощущение, что я буду выступать с речами, даже когда покину этот мир, а быть может, и после того. Все, что для этого понадобится, это, чтобы святой Петр сказал: "Рональд Вильсон Рейган! Что ты можешь сказать в свою защиту? Говори!"

"Сэр, будучи в такой непривычной ситуации..."

Сограждане американцы!

В 34-й и последний раз я обращаюсь к вам из Овального кабинета. Мы провели с вами 8 лет, и скоро настанет время уходить. Но прежде я хотел бы с вами поделиться своими мыслями, часть из которых я долгое время хранил при себе.

В моей жизни я был удостоен большой чести быть вашим президентом. За последние недели я получил много благодарностей от вас, но и вам хочу передать свою благодарность. Мы с Нэнси очень признательны вам за возможность, которую вы нам предоставили, за возможность служить вам.

Одна из характерных черт работы президента состоит в том, что ты чувствуешь себя немного оторванным от окружающих. Очень много времени уходит на переезды в машине, которой управляет кто-то другой. Через затемненное стекло видны люди: вот родители подняли ребенка, вот кто-то махнул рукой – а ты замечаешь это слишком поздно, чтобы помахать в ответ. И очень часто мне хотелось остановить машину и пожать протянутые руки. Ну что ж, может, мне отчасти удастся сделать это сегодня.

Люди спрашивают меня, что я думаю о том времени, когда мне придется оставить свой пост. Что я могу сказать, расставание – это печаль со сладким привкусом. Сладкий привкус остался от Калифорнии, где ранчо и свобода, а печаль – от того, что надо прощаться со всем, к чему привык, и покидать этот красивый дом.

Вы, конечно, знаете, что если пройти сквозь этот зал и подняться по ступенькам, то можно попасть в ту часть дома, в которой живет президент и его семья. Там есть несколько окон, у которых я любил стоять ранним утром и смотреть на окружающую Белый дом территорию, на памятник Вашингтону, стоящий в отдалении, и еще дальше – на мол и мемориал Джефферсона. По утрам, когда влажность не так высока, за мемориалом Джефферсона можно увидеть Потомак и берег штата Вирджиния. Кто-то сказал, что именно в этом направлении смотрел Линкольн, когда увидел дым начинающегося сражения при Балран. У меня же была прозаическая картина: травка на берегах, поток машин, люди, спешащие на работу, и время от времени маленький пароходик на реке.

Я много размышляю у окна. Я думал о том, что значат и значили для меня эти прошедшие восемь лет. И у меня всегда возникал один и тот же образ, связанный с морем. Хочу расска-

зять вам небольшую историю о большом корабле, о беженце и моряке. Это было давно, еще в начале 80-х, на которые приходится пик выезда вьетнамцев из своей страны. Моряк выполнял какую-то работу на палубе авианосца "Мидуэй", находящегося в Южно-Китайском море. Моряк этот, как и большинство американских военнослужащих, был молодой, толковый и очень наблюдательный. Команда заметила на горизонте маленькую полузатопленную лодчонку. Лодчонка была битком набита беженцами из Индокитая, которые надеялись доплыть до Америки. С "Мидуэя" отправили катер, чтобы доставить беженцев на корабль и, значит, – в безопасность. Когда катер с беженцами проходил под бортом авианосца, один из беженцев заметил моряка, встал и крикнул ему: "Привет, американский матрос, привет, солдат свободы".

Эта маленькая история имеет очень большой смысл. Матрос написал потом в письме, что он никак не может о ней забыть. Прочитав это письмо, я понял, что, как и он, не смогу ее забыть. Это именно то, что означало быть американцем восьмидесятых. Мы снова стали отстаивать свободу. Мы, конечно, отстаивали свободу и прежде, но в последние несколько лет весь мир и в какой-то степени мы сами поняли важность этой миссии.

За это десятилетие мы прошли большой путь, и всегда народ держался вместе в бурных морях. И вот наконец вместе мы приближаемся к нашей цели.

Дело в том, что за период, прошедший от Гренады до Вашингтонской и московской встреч в верхах, кое-что изменилось. Мы пережили упадок 1981 и 1982 годов, чтобы перейти к развитию, которое началось в конце 1982 года и продолжается по сей день. Как мне кажется, было два триумфальных момента, две вещи, которыми я горжусь больше всего. Одна из них – это экономическое возрождение, за время которого американский народ создал 19 миллионов новых рабочих мест и заполнил их. Другая – это возрождение нашего духа. Америку вновь стали уважать в мире и смотреть на нее как на лидера.

Несколько лет назад я стал участником событий, которые подтверждают то, что я сказал сейчас. Это было в 1981 году. Я участвовал в первом большом экономическом совещании, которое в тот год проходило в Канаде. Такие совещания проходят поочередно во всех странах-членах "большой семерки". Первая встреча представляла собой официальный обед для глав правительств семи развитых стран. Сидел я там, как новичок на задней парте, а они все: Франсуа то да Хельмут это. Они давно

уже не пользовались никакими титулами и обращались друг к другу по имени. В какой-то момент я наклонился вперед и сказал: "Меня зовут Рон". В тот год мы начали предпринимать шаги, чтобы активизировать экономическое восстановление, мы срезали налоги и убрали некоторые ограничения, начали сокращать расходы, и вскоре началось возрождение.

Через два года состоялась следующая экономическая встреча, проходившая примерно в том же составе. Мы все собрались на церемонии открытия, и вдруг в какой-то момент я понял, что все просто сидят и смотрят на меня. А потом один из них нарушил молчание и сказал: "Расскажи нам об американском чуде".

Да, в 1980-м, когда я избирался в президенты, все было по-другому. Некоторые предсказывали, что наши программы приведут к катастрофе, наша политика в области международных отношений вызовет войну, наши планы экономического развития вызовут инфляцию и приведут к полному развалу. Я даже помню, как один очень уважаемый экономист сказал в 1982 году, что "двигатели экономического роста остановились и скорее всего они останутся в этом положении на многие годы". Что ж, и он, и другие выразители общественного мнения ошиблись. То, что они называли "радикальным", на самом деле было "правомерным". То, что они называли "опасным", было абсолютно "необходимым".

В то время я получил кличку "великий проповедник". Но думаю, что дело здесь было не в стиле и не в словах, которыми я пользовался, дело было в содержании. Я не был великим проповедником, но я проводил великие идеи. Я не вытряхивал их из рукава, они шли из глубины души великой нации, из нашего опыта, из нашей мудрости и нашей веры в принципы, которые руководили нами в течение двух веков. Они назвали это революцией Рейгана. Что ж, я приму это, но для меня это выглядит как великое открытие, совершенное второй раз, как повторное открытие наших ценностей и нашего здравого смысла.

Здравый смысл подсказывает, что если ты облагаешь какой-то продукт большим налогом, то люди начинают меньше этого продукта производить. Поэтому мы сократили налоги, и люди стали производить больше, чем раньше. Экономика расцвела, как растение, которое немного подрезали, после чего оно стало быстрее расти и крепнуть. Наша экономическая программа способствовала самому плодотворному развитию

нашей страны в мирное время, поднялись реальные доходы семьи, упал уровень бедности, расцвело предпринимательство, произошел взрыв в исследованиях и создании новых технологий. Так как американская промышленность стала более конкурентоспособной, мы экспортируем гораздо больше, чем когда бы то ни было. В то же время мы сконцентрировали усилия на том, чтобы снять протекционистские барьеры с пути нашего экспорта и не воздвигать таких барьеров дома. Здравый смысл также подсказал нам, что для того, чтобы защитить мир, мы должны снова стать сильными после многих лет слабости и растерянности. Поэтому мы перестроили нашу оборону и Новый год встретили тостом "за мир во всем мире". Не только запасы ядерного оружия сверхдержав стали сокращаться – и надежды на дальнейший прогресс в этом направлении очень большие, – но и региональные конфликты, которые потрясали мир, стали затихать. Персидский залив не является более зоной войны. Советский Союз покидает Афганистан. Вьетнамцы готовятся к выводу войск из Камбоджи. В соответствии с достигнутым с помощью Америки соглашением 50 тысяч кубинских войск вскоре покинут Анголу.

Урок, который мы извлекли из всего этого, в том, что, как великая нация, мы неизбежно имеем перед собой очень сложные задачи. И всегда будет так. Но до тех пор, пока мы помним наши основные принципы и верим в себя, наше будущее будет за нами. Мы получили и другой урок: приступая к большому делу, нельзя сказать, когда оно закончится. Мы предполагали изменить нацию, а вместо этого изменили мир.

Страны всего мира обращаются к свободному рынку, к свободе слова, отворачиваются от идеологии прошлого. Для них самым большим открытием 80-х было то, что нравственное правительство – это практичное правительство. Демократия исключительно хороша, и она к тому же исключительно производительна.

Дожив до того возраста, когда дни рождения уже не отменяют, вы можете сесть, спокойненько вспомнить всю свою жизнь, увидеть, как она течет перед вами. На моем пути была развилка, и она пришлась на середину моей жизни. Я никогда не думал уйти в политику, это не входило в мои намерения, когда я был молодым. Но меня вырастили с верой в то, что каждый должен оплатить свой путь за те благословения, которыми его одарили. Я был доволен своей карьерой в мире развлечений, но в конечном счете я пришел в политику потому, что я хотел защитить наши ценности.

Впервые в истории человечества наша революция изменила деятельность правительства, изменила его, сказав два коротких слова: "Мы, народ". Народ говорит правительству, что делать, а не наоборот. "Мы, народ" являемся водителем, а правительство – нашей машиной. Мы решаем, куда оно должно ехать, каким маршрутом и с какой скоростью. Почти во всех странах конституция – это документ, в котором правительство говорит народу, какие привилегии оно имеет. Наша конституция – это документ, в котором "мы, народ" говорим правительству, что позволено делать ему. "Мы, народ" – свободны. Эта вера была в основе всего, что я пытался сделать за эти прошедшие восемь лет.

Но тогда, в шестидесятых, когда я начинал свой путь в политике, мне казалось, что мы приступили к изменению ситуации не в лучшую сторону, что через большее количество правил, положений и инструкций, через грабительские налоги правительство забирало все больше наших денег, все больше лишало нас выбора, все больше лишало нас свободы. Я пришел в политику отчасти для того, чтобы поднять руку и сказать: "Стоп". Я был политиком–гражданином, и мне казалось, что это самое правильное, что должен делать гражданин.

Я думаю, что мы остановили многое из того, что должно было быть остановлено. И я надеюсь, что мы еще раз напомнили людям, что человек не может быть свободен, пока правительство не ограничено в своих действиях. Здесь есть явная причинно–следственная связь, точная и предсказуемая, как любой закон физики: по мере разрастания правительства свобода сокращается.

Чистый коммунизм есть не что иное, как наименее свободное общество, и все же мы сумели за последние несколько лет создать вполне удовлетворительную близость с Советским Союзом. Меня спрашивали, не игра ли это, и мой ответ был – нет, потому что мы опирались в своих действиях не на слова, а на дела. Разрядка семидесятых была основана не на действиях, а на обещаниях. Они обещали относиться к своему народу и к народу всего мира лучше, но ГУЛАГ оставался ГУЛАГом, и государство оставалось экспансионистским, через подставных лиц они продолжали вести неприкрытые войны в Африке, в Азии и Латинской Америке.

Теперь, по–видимому, все меняется. Президент Горбачев провел некоторые демократические реформы внутри страны и начал вывод войск из Афганистана. Он также освободил за-

ключенных, чьи имена я передаю ему всякий раз, когда мы встречаемся.

Но жизнь обычно напоминает нам о больших вещах какими-то маленькими происшествиями. Однажды во время встречи в верхах в Москве мы с Нэнси решили сбежать после обеда, чтобы пройтись по магазинам на Арбате. Это – небольшая улочка рядом с главным торговым центром Москвы. И хотя этот поход по магазинам был незапланированным, все русские нас узнали, называли по имени и тянули к нам руки. Нас просто захлестнуло теплотой. Их радость была поистине многообещающей. Но в считанные секунды работники КГБ пробились к нам и начали отталкивать и распахивать толпу. Это был интересный момент, это напомнило мне, что, пока обычный человек на улице в Советском Союзе борется за мир, правительство остается коммунистическим. И управляют государством коммунисты, а это значит, что у нас совершенно разные взгляды на такие понятия, как свобода и права человека.

Мы должны стоять на страже, но в то же время мы должны продолжать работать вместе, чтобы снизить и ликвидировать напряженность и недоверие. Мне кажется, что президент Горбачев отличается от предыдущих советских лидеров. Я думаю, что он знает о недостатках в обществе и пытается изменить это. Мы желаем ему успехов и будем продолжать работать для того, чтобы Советский Союз, завершив свои преобразования, представлял меньшую угрозу. Вкратце я могу охарактеризовать это следующим образом: я хочу, чтобы это новое сближение продолжалось. И оно будет продолжаться до тех пор, пока мы ясно будем показывать, что наши действия зависят от их действий. А если они нарушат свои обещания, мы осудим их, не стесняясь в выражениях, а если они будут продолжать нарушать свои обещания, то выдернем вилку из розетки. Мы все еще придерживаемся принципа: доверяй, но проверяй. Мы все еще играем, но поднять колоду надо. Все еще нужно внимательно следить. И не нужно бояться увидеть то, что есть на самом деле.

Меня спрашивают, сожалею ли я о чем-либо. Да, сожалею. Прежде всего о дефиците. Я много говорил об этом в последнее время, но сегодня не время для споров. Пожалуй, я не буду ввязываться в дискуссию. Но хочу поделиться одним своим наблюдением. Мне удалось одержать несколько побед в конгрессе, но немногие заметили, что я никогда не выиграл бы без вашей поддержки. Американский народ никогда не видел моих

войск, он никогда не видел полков Рейгана. Вы выигрывали каждую битву своими звонками, своими письмами, тем, что вы требовали действия. Что ж, действия и сейчас необходимы. Если мы намерены закончить нашу работу, то полки Рейгана должны стать бригадами Буша. Скоро у руля станет он, и вы будете ему нужны не меньше, чем мне.

Наконец, существует традиция в президентских прощальных речах высказывать какие-то предостережения. У меня тоже есть предостережение, о котором я довольно долго думал в последнее время. И, как ни странно, оно начинается с того, чем я горжусь больше всего из сделанного за последние восемь лет, – с возрождения национальной гордости, которое я называю новым патриотизмом. Это национальное чувство очень хорошее, но оно не будет иметь смысла и не сможет укрепиться надолго, если в основе его не будут лежать глубокие раздумья и знания.

Нам нужен информированный патриотизм. Хорошо ли мы учим наших детей тому, что такое Америка, что она собой представляет в истории мира. Те из нас, кому сейчас немногим более 35 лет, выросли в другой Америке. Нас хорошо учили тому, что означает быть американцем. И мы впитали в себя почти с молоком матери любовь к стране и восхищение ее общественными институтами. Это чувство воспитывалось в семье, в доме по соседству, от чьего-либо отца, который воевал в Корее, или в семье, которая потеряла кого-нибудь в Анцио. Вы могли научиться чувству патриотизма в школе. А если все же вы не смогли воспринять это чувство таким путем, то все равно оно впитывалось из общественной культуры. Фильмы воспевали демократические ценности и твердили о том, что Америка – это нечто особое. То же самое делало и в середине шестидесятых годов телевидение.

Но сейчас мы вступаем в 90-е годы, и положение вещей несколько изменилось. Молодые родители не уверены, что безоглядное восхищение Америкой – это именно то, чему нужно учить современных детей. А для тех, кто создает общественную культуру, глубокий патриотизм тоже уже не в моде. Наш дух вернулся, но утвердить мы его еще не успели. Нам нужно проделать работу для того, чтобы все поняли, что Америка – это свобода, свобода слова, свобода совести, свобода предпринимательства. Свобода – это нечто особое и редкое. Она хрупка и нуждается в защите.

Поэтому мы должны учить историю, основанную не на

том, что сейчас в моде, а на том, что важно: почему переселенцы пришли сюда, кто такой был Джимми Дулитл* и что значили те 30 секунд над Токио. Четыре года назад, когда отмечали сороковую годовщину высадки десанта в Нормандии, я прочитал письмо молодой женщины, которая писала о своем покойном отце, сражавшемся на Омаха-Бич. Звали ее Лиза Зонатта Хен. Она писала: "Мы будем всегда помнить, мы никогда не забудем, что сделали ребята в Нормандии". Ну что ж, давайте поможем ей сдержать слово: если забудем, что мы сделали, мы не будем знать, кто мы. Я предупреждаю вас о недопустимости искоренения американской памяти, которая неизбежно приведет к подрыву американского духа. Давайте начнем с основных вещей: больше внимания американской истории, больше внимания гражданским традициям. И позвольте мне преподать первый урок об Америке: все великие перемены в Америке начинаются за обеденным столом. Так что я надеюсь, что завтра вечером начнутся разговоры. Дети, если ваши родители не рассказывают вам о том, что значит быть американцем, попросите их об этом, заставьте их рассказать. Это будет очень по-американски.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать сегодня. Кроме одного. В те несколько дней, что я стоял у того окна, размышляя, я думал о "сияющем городе на холме". Это фраза принадлежит Джону Уинтропу, который этими словами выразил свое понимание Америки. Его взгляд важен потому, что он был одним из первых переселенцев, человеком свободы. Он приплыл сюда, по нынешним понятиям, на маленькой деревянной лодочке, и, как и другие переселенцы, он искал место, где был бы свободен.

Всю мою политическую жизнь я говорил об этом "сияющем городе", но я не знаю, сумел ли я точно донести то, что я видел. В моем представлении это был красивый город с многоэтажными домами, прочно стоящий на скалах в океане, продуваемый ветром и благословенный Господом. Его наполняли люди всех рас и национальностей, которые жили в гармонии и мире, это был город со свободными портами, где стояли корабли и бурлила трудовая жизнь. И раз уж у этого города были стены, то в этих стенах были ворота, открытые для всех, у кого было достаточно воли и доброго сердца, чтобы прийти сюда. Вот так я представлял его себе и представляю сейчас.

---

* Джеймс (Джимми) Дулитл (род. 1896 г.) – известный американский летчик и военачальник, который 18 апреля 1942 года возглавил операцию, в ходе которой 16 бомбардировщиков В-25 нанесли удар по Токио.

А каков этот "сияющий город" в эту зимнюю ночь? Сейчас он стал более процветающим, более безопасным, более счастливым, чем восемь лет назад. И более того: спустя два века он все так же прочно стоит, и сияние его все так же ровно, несмотря ни на какие шторма. Он все еще является маяком, магнитом и притягивает тех, кто хочет обрести свободу. Он существует для всех переселенцев из всех забытых мест, которые в темноте пробиваются к будущему дому.

Мы сделали свою часть работы. И прежде чем я покину этот зал, я хочу сказать свое последнее напутствие тем, кто осуществлял рейгановскую революцию, тем людям по всей Америке, которые в течение восьми лет трудились, чтобы вернуть Америку на правильный путь. Друзья, мы этого добились. Мы не просто отбывали время. Мы все изменили. Мы сделали город сильнее. Мы сделали город свободнее, и мы оставляем Америку в хороших руках. В конце концов, все идет неплохо, совсем неплохо.

Итак, до свидания, и да благословит вас Господь, да благословит Господь Соединенные Штаты Америки.

ОСТРОТЫ
И МУДРЫЕ МЫСЛИ
РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

Отобраны
американскими редакторами

”Знаете, недавно сенатор Кеннеди сказал на обеде в честь девяностолетия бывшего губернатора и посла Аверелла Гарримана, что Аверелл вдвое моложе идей Рональда Рейгана. Самое интересное, что он абсолютно прав. Нашей конституции почти двести лет, а ведь свои идеи я черпаю именно из нее”.

13 ноября 1981 года

”С тех пор как я пришел в Белый дом, у меня появилось два слуховых аппарата, я перенес операцию на прямой кишке, на простате, у меня был рак кожи, в меня стреляли, но, черт возьми, я никогда не чувствовал себя лучше”.

28 марта 1987 года

”Правительство не решает проблем, оно финансирует их”.

11 декабря 1972 года

”Многие правительства подавляют свой народ и нарушают права человека... Мне хотелось бы спросить этих правителей: если коммунизм – это наше будущее, зачем вам нужны стены для удержания людей и полчища тайной полиции для усмирения?”

19 июля 1983 года

”Да, да, я знаю об этом. Я даже ввел правило – если что-то случится, разбудите меня, неважно, как поздно, будите... даже если я на заседании кабинета министров”.

13 апреля 1984 года

”Основа всех противоречий, как мне кажется, в следующем: либо есть возможность воспользоваться плодами своего труда, либо правительство имеет преимущественное право тратить, тратить и тратить”.

27 июля 1981 года

”Это правда, что от работы никто не умирал, но, скажите мне, зачем испытывать судьбу?”

28 марта 1987 года

”Всем, кто страдает под гнетом тирании ... мы должны сказать: ваша борьба – это наша борьба, ваша мечта – это наша мечта, и настанет день, когда вы тоже будете свободны”.

19 июля 1983 года

”История – дело не простое. Даже в мои молодые годы она не была простой, а тогда учебник истории был гораздо короче”.

10 сентября 1987 года

”Все эти люди были очень разными, общее было одно – они все очень любили Америку. Они готовы были на все ради нее. Они любили, как любят в юности”.

Арлингтонское кладбище, 25 мая 1986 года

”Последние недели были действительно трудными – Ливия, Никарагуа, бюджет, налоги. Не знаю, как вы, а я работал очень много, засиживался допоздна, но в основном, конечно, днем”.

17 апреля 1986 года

”В это двухсотлетие нашей конституции мы с вами стоим на плечах гигантов – людей, чьи слова и дела вдохнули ветер в паруса свободы... Сегодня нас ведут их дела, и вечно нас будут вести их слова”.

27 января 1987 года

”Я не играл в бейсбол, потому что у меня были проблемы со зрением. Поэтому я стал играть в футбол. Там и мячик и ребята покрупнее”.

22 июня 1981 года

”Будущее принадлежит свободным”.

6 мая 1985 года

”Я слышал, как один из претендентов на пост президента сказал, что этой стране нужен президент девяностых. Я решил снова выставить свою кандидатуру. Мне показалось, он сказал ”президент за девяносто”.

28 апреля 1987 года

”Лучше ли вам сегодня, чем четыре года назад?”

Кампания 1980 года

”Иногда при встрече с неверующим, с атеистом меня подмывает пригласить его на самый шикарный обед гурманов и, когда мы съедем всю эту замечательную еду, спросить его, верит ли он, что все это приготовил повар”.

30 мая 1988 года

”Если мне когда-нибудь понадобится трансплантант, это будет проблема: у меня есть части, которых больше не делают”.

10 февраля 1986 года

”Людам со слабыми нервами, неуверенным в себе, скажу: если вы боитесь будущего, посторонитесь. Народ этой страны снова готов двинуться дальше”.

29 сентября 1982 года

”Спад – это когда сосед теряет работу. Депрессия – это когда работу теряете вы. А подъем – это когда работу теряет Джимми Картер”.

Кампания 1980 года

”Мы отлакировали американскую мечту”.

8 июля 1987 года

”Иногда мне кажется, что первую поправку поставили с ног на голову. Судите сами: разве может так быть, чтобы первая поправка позволяла нацистам и куклуксклановцам маршировать в общественных местах, оправдывать уничтожение евреев и подавление чернокожих, и в то же время эта же поправка запрещает нашим детям молиться в школе?”

25 февраля 1984 года

”Позавчера ”Вашингтон пост” опубликовала статью, приветствующую наступление весны, а я подумал, что это был репортаж о политической кампании. Статья называлась ”The Sap is running again”*.

13 апреля 1984 года

”Нация рухнет изнутри, если граждане начинают просить у правительства то, чем сами могут себя обеспечить”.

7 апреля 1975 года

”Нам пора прекратить эти переговоры о передаче Панамского канала и заявить генералу Торрихосу: мы купили канал, мы уплатили за него, мы его построили и мы намерены оставить его себе”.

Предвыборная кампания Республиканской партии, 1976 год
”История спросит с нас, и наш ответ определит будущее свободы на тысячу лет. Разве нация, родившаяся с надеждой, утратила надежду? Разве народ, закаленный смелостью, нуждается в смелости? Разве поколение, возмужавшее в ходе тяжелой войны и не менее тяжелой мирной жизни, могло потерять чувство чести в момент решающей битвы за дух человеческий?”

17 мая 1981 года

---

*Игра слов, их можно перевести так: ”Снова течет весенний сок” или ”Дурачок опять выставил свою кандидатуру”.

”Сейчас, когда иранские дела привлекают к себе всеобщее внимание, я подумал: а помните ли вы мою промашку, когда я сказал: ”Через пять минут начинаем бомбежку”? Помните, как я уснул на приеме у папы? Помните Битбург? ...Да, всякое случилось”.

28 марта 1987 года

”Играть в политику в моем возрасте в Вашингтон обычно не ездят”.

29 октября 1982 года

”Мы с тобой, Германия, ты не одинока”.

9 июня 1982 года

”Если Советский Союз допустит существование еще какой-либо партии, у него все равно останется однопартийная система, потому что все уйдут в эту вторую партию”.

23 июня 1983 года

”Мои юные друзья, история – это река, которая может унести нас куда угодно. Но у нас есть сила для того, чтобы управлять, чтобы определять маршрут и плыть вместе”.

30 апреля 1984 года

”Кто-то однажды спросил меня, почему мы не остановили Сэма (корреспондента Сэма Дональдсона), который выкрикивал свои вопросы на Южной лужайке. Мы не могли. Если бы мы его остановили, вернулись бы скворцы”.

18 мая 1983 года

”Я не воспользуюсь молодостью и неопытностью моего оппонента”. *(Ответ на вопрос о возрасте, заданный во время президентских дебатов с Уолтером Мондейлом.)*

1984 год

”Федеральное правительство забрало себе слишком много денег от налогоплательщиков, слишком много власти от штатов и позволяет себе слишком свободно расправляться с конституцией”.

9 февраля 1982 года

”Недавно моего друга пригласили на маскарад. Он измазал лицо битыми яйцами и выступил в роли либерального экономиста”.

11 февраля 1988 года

”Мы должны всегда помнить, что наша страна создана милостию Божьей, а если мы забудем об этом, то станем страной, просящей милостыню”.

23 мая 1983 года

”Как может руководство оппозиционной партии открывать

каждое заседание своего съезда с призывом к Господу, заканчивать заседание молитвой Богу, как оно делало это на прошлой неделе, и при этом упорно запрещать молиться школьникам?"

26 апреля 1984 года

"Семьдесят пять лет назад я родился в Тампико, штат Иллинойс, в крошечной квартирке в доме, где на первом этаже был банк. Других контактов с банками у нас не было".

6 февраля 1986 года

"Когда я был молод, мы жили в бедности, но правительство не появлялось у нас и не говорило, что мы бедны".

6 июля 1986 года

"В семье все мы были демократами. У меня, кстати, был дядя, который даже получил медаль за то, что не пропустил за пятнадцать лет ни одних выборов... правда, к тому времени его уже четырнадцать лет не было в живых".

9 августа 1973 года

"Скажите мне, что вы республиканцы!" *(Сказано врачам, которые готовились оперировать Рейгана после покушения.)*

30 марта 1981 года

"Я позволил футболу и другим играм на свежем воздухе настолько сильно вмешаться в мои занятия в школе, что мои оценки всегда были ближе к "С" (тройка), за которую еще не выгоняли, чем к "А" (пятерка). И даже сейчас я задумываюсь о том, чего мог бы достичь, если бы лучше учился".

9 мая 1982 года

"Запад не будет сдерживать коммунизм, он его превзойдет".

17 мая 1981 года

"Свобода – это право быть глупым, если этого хочешь".

13 февраля 1973 года

Американцев поселили на этой земле не для того, чтобы они стали менеджерами упадка".

16 ноября 1982 года

"Герои не храбрее всех прочих. Они просто храбрее на пять минут дольше".

22 декабря 1982 года

"Я помню, как Томас Джефферсон сказал однажды: "Никогда не надо судить о президенте по его возрасту, нужно судить по его делам". С тех пор, как он мне это сказал..."

6 февраля 1984 года

"Мы не можем прикидываться наивными в наших международных делах. Весь мир далеко не наивен".

6 февраля 1985 года

”Во что верят наши критики, так это в то, что сидящие в Вашингтоне лучше знают, как расходовать ваши деньги, чем знаете вы сами, чем знает народ. Но мы не позволим им сделать этого, и точка”.

30 июня 1982 года

”Если бы федеральное правительство было здесь, когда Создатель прикладывал руку к этому штату, Индианы здесь не было бы, она все еще ожидала бы результатов экспертизы о возможных экологических последствиях”.

9 февраля 1982 года

”Лучше всего большое правительство смотрится в зеркальце заднего вида машины, уносящей тебя прочь”.

24 марта 1982 года

”Знаете, я всегда вспоминаю картины, на которых изображен президент, стоящий у окна Овального кабинета. Обычно его изображают сзади. В качестве названия картины обычно выступает его высказывание о том, что это самое одинокое место или что-то в этом роде. Я не знаю о других президентах, но мне ни секунды не было одиноко”.

Прощальная речь перед сотрудниками Белого дома.

18 января 1989 года

Рейган Рональд

Р35 Откровенно говоря: Избранные речи. Пер. с англ. – М.: Издательство "Новости" (ИАН), 1990. – 398 с., ил.

В книгу сорокового президента США входят речи, произнесенные им в 50 – 80-е годы. Читатель сможет составить собственное мнение о Р.Рейгане как президенте, политике и человеке.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

ISBN 5-7020-0152-4

Р 4502010000 Без объявл.
067(02)-90

ББК 66.3(7США)

Рональд Рейган
ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ
Избранные речи

Заведующий редакцией *К.Г. Ликутев*
Выпускающий *Н.Б. Мордвинцева*
Редактор *А.Е. Триумфов*
Младшие редакторы *Г.В. Арданьянц, М.В. Писарева*
Художественный редактор *А.И. Хисиминдинов*
Фоторедактор *В.Х. Черепина*
Корректоры *Т.П. Буча, С.А. Кардашева*
Технический редактор *Н.М. Блохина*
Технолог *С.Г. Володина*

ИБ 10332

Подписано в печать 1.08.90 Формат издания 70×100/16. Бумага офсетная 100 г/м². Гарнитура Банниковская. Усл. печ. л. 33,80. Уч.-изд. л. 22,08. Тираж 31000 экз. Заказ № 3583 Изд. № 8627 Цена 2р. 90к.

Набор, верстка, изготовление макета и готовых полос выполнены на редакционно-издательской системе HTS.

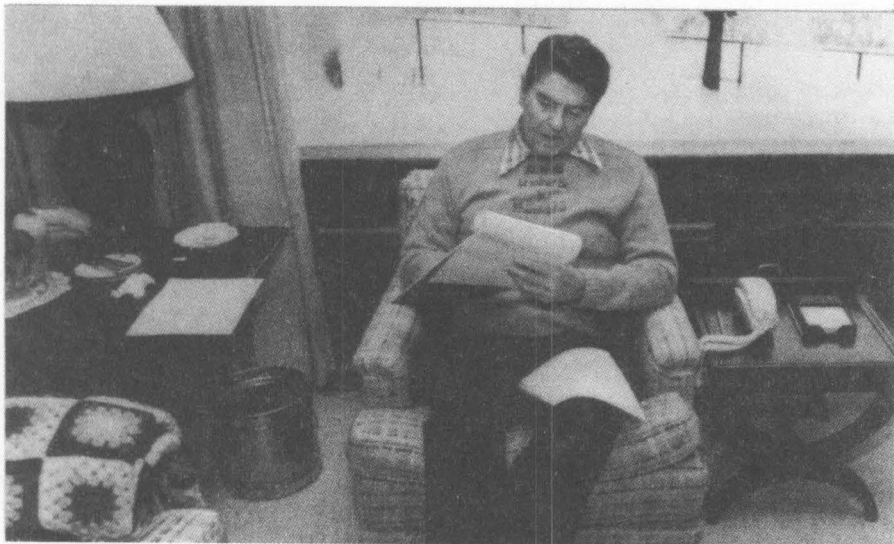
Зав. редакцией С.В. Струков, ст. научный редактор Н.И. Романов.

Издательство „Новости“ (ИАН)
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства „Новости“ (ИАН)
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

"Первой моей работой после колледжа была работа спортивного комментатора на радио. Это было лучшее время моей жизни"

BRIEF REMARKS: EUREKA ALUMNI DINNER
MAY 9, 1982

-- Thank you. Boy, I cleaned up -- a Golden E pin, a bust in my honor, and induction into the Eureka Athletic Hall of Fame. I've been lucky enough to receive a couple other ~~I thought I'd reached the pinnacle when commendations from our alma mater. I tried to get the 1931 Prism had to say "Dutch Reagan, president of the Booster Club," received commendation for his part in managing the committees in charge of the homecoming festivities.~~ . . .

Wish I could ~~remember just what I said. There are a fair number of committees in the Congress with as Congressional committee I'd like to manage. much success.~~

-- I've stopped telling anyone about receiving Eureka's Centennial Citation in 1956. People thought it referred to my centennial. They thought that was wonderful because I didn't look that old. And you know there's a Reagan Memorabilia Collection on campus. Ed Meese is scared to death that after we leave office, he's going to be in it.

- I've spent the day ~~in a warm flood of~~ ~~honestly~~ today genuinely has caused a flood of ~~memories for me.~~ ~~And I know you're feeling the very same~~ ~~emotions.~~ Eureka is ~~something that~~ in all our hearts.

Президент готовится к выступлению

Тезисы приветствия Р.Рейгана в колледже "Юрика." 9 мая 1982 года. Исправления внесены рукой президента

Выступление в парламенте Великобритании. 8 июня 1982 года

Р.Рейган и королева Велико-
британии Елизавета II на про-
гулке

Выступление по телевиде-
нию в поддержку сенатора
Барри Голдуотера 27 октября
1964 года

Р.Рейган приносит присягу
президента США. Справа жена
президента – Нэнси. Вашинг-
тон. 20 января 1981 года

На встрече в колледже
"Юрика", выпускником кото-
рого был Р.Рейган. Пиория,
штат Иллинойс. 9 мая 1982
года

Посещение линкора "Нью-Джерси". 28 декабря 1982 года

Встреча с военнослужащими, пострадавшими во время боевых действий на Гренаде.
Октябрь 1983 года

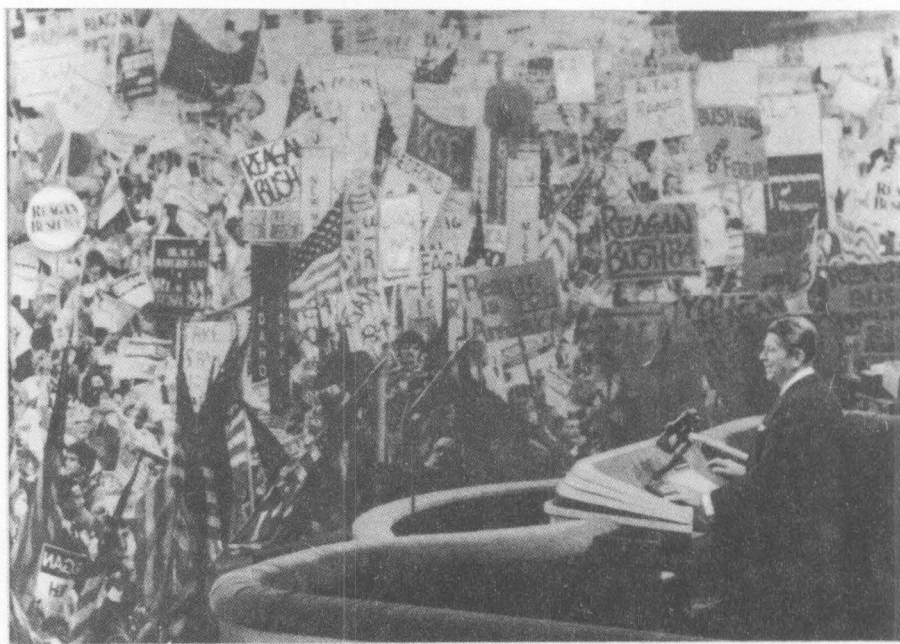
Выступление на совместном заседании конгресса
о положении в Центральной Америке. 27 апреля 1983 года

Празднование столетия статуи Свободы. 3 июля 1986 года. "...У нас было несколько встреч в этом районе, и каждый раз наш вертолет облетал статую. Я был заморожен. Я никогда не замечал, насколько она женственна". – Р.Рейган

Вручение президентской медали Свободы матери Терезе. Вашингтон. 20 июля 1985 года

Встреча в Беллипорине, Ирландия, откуда происходит род Р.Рейгана. 3 июня 1984 года

Р.Рейган: "Хотя участие в политической кампании – занятие весьма утомительное, связанное с таким количеством переездов, что трудно уследить, где находишься, но все-таки иногда эта работа воодушевляет"

Советско-американская встреча на высшем уровне в Женеве. Ноябрь 1985 года

"Горбачев отличается стилем, сущностью и, мне кажется, интеллектом от предыдущих советских лидеров. Это – человек, использующий любую возможность, а это как раз и нужно для прогресса". – Р.Рейган

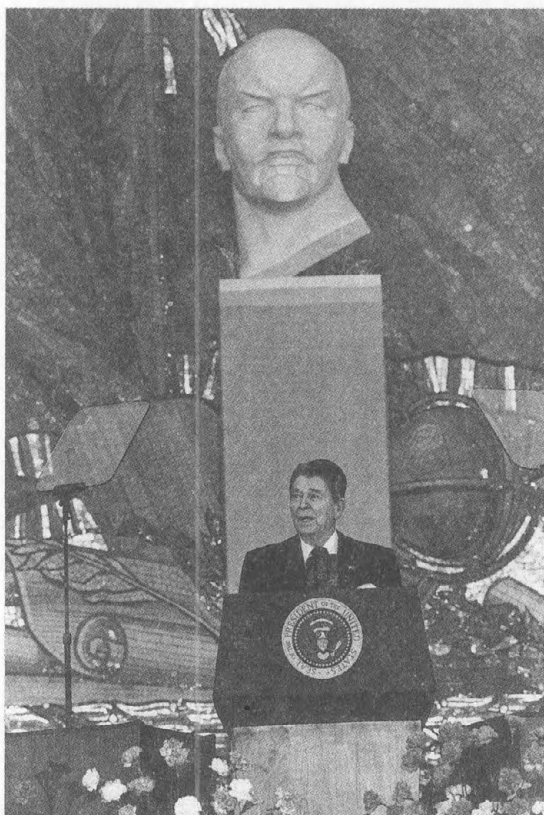

Советско-американская встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Октябрь 1986 года

Р.Рейган: "Впервые за долгое время советско-американские переговоры в области сокращения вооружений продвигаются – и продвигаются в правильном направлении, не просто к ограничению вооружений, а к их сокращению"

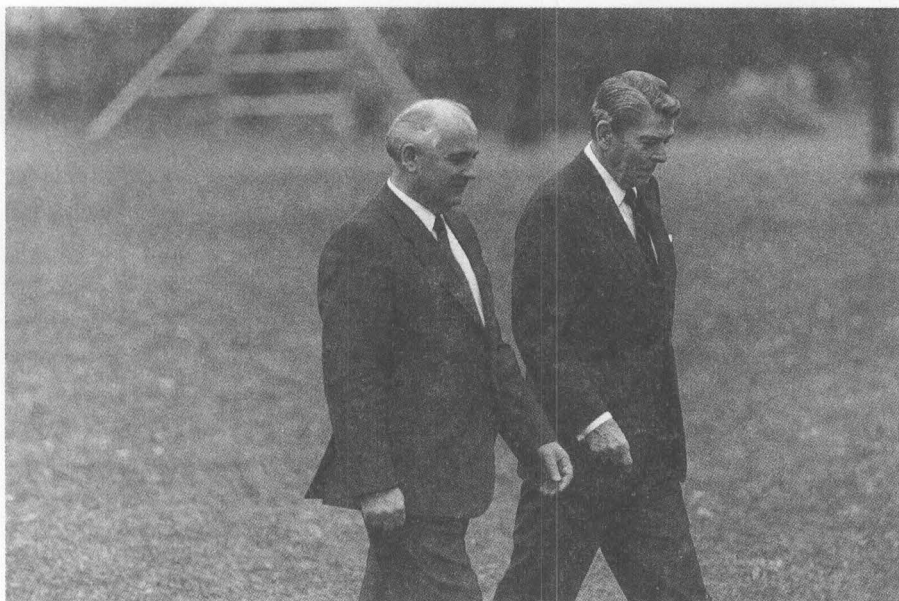

“Ваше поколение живет в один из самых волнующих, обнадеживающих периодов в советской истории”. Выступление Р. Рейгана перед студентами МГУ. 31 мая 1988 года

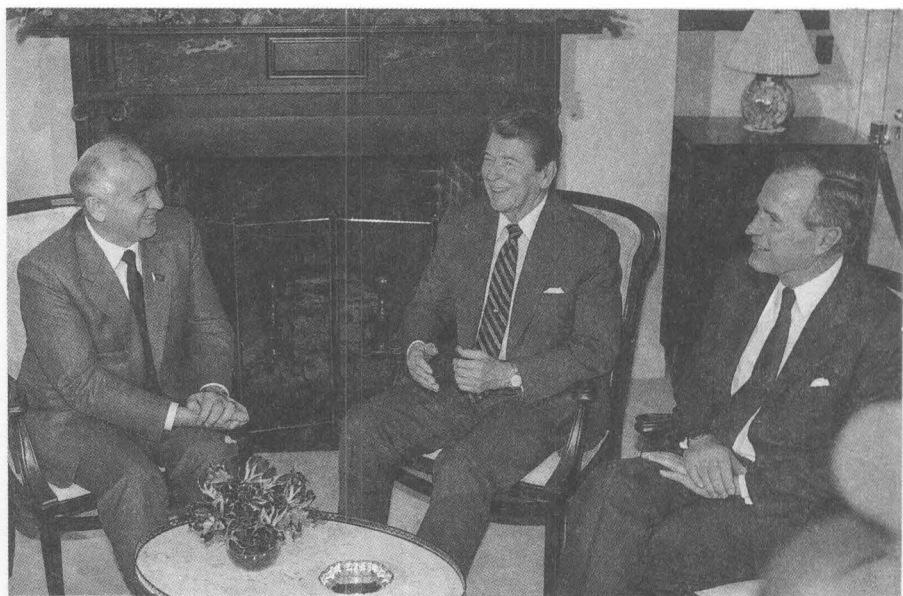

Прогулка по Красной площади. Москва. 31 мая 1988 года
Н.Рейган и Р.М.Горбачева во время экскурсии по Московскому Кремлю. 29 мая 1988 года

Официальный визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. Вашингтон. Декабрь 1987 года

Подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Вашингтон. 8 декабря 1987 года

Встреча М.С.Горбачева, президента США Р.Рейгана и вице-президента Дж.Буша.
Нью-Йорк.Декабрь 1988 года

”В моей жизни я был удостоен большой чести быть вашим президентом... Мы с Нэнси очень признательны вам за возможность, которую вы нам предоставили, за возможность служить вам”.— Р.Рейган, из Прощального обращения к нации. 8 января 1989 года

”Говорят, что дни демократии сочтены, когда желудок берет верх над рассудком. Когда менее обеспеченные ощущают стремление нарушить заповедь и возжелают добра ближнего своего, более обеспеченного, они оказываются перед искушением использовать свое право голоса для немедленного удовлетворения своих желаний. И тогда равные возможности на старте становятся гарантией того, что к финишу они придут одновременно. Руководствуясь эвфемизмом ”наибольшее благоденствие наибольшему числу людей”, мы разрушаем систему, которая только что добилась этого, и идем к управляемой экономике, связывающей свободу и делающей долги, с которыми придется расплачиваться будущим поколениям”.

”Я неоднократно говорил, что страны не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, а что они вооружены, потому что не доверяют друг другу. Для того чтобы наш мир процветал под мирным небом, для того чтобы он использовал возможности технической революции, все страны должны раз и навсегда отказаться от права на экспансионистскую внешнюю политику. Мир между народами должен быть долговременной целью, а не тактическим этапом в непрекращающемся конфликте”.

Ronald Reagan